

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ НИЖЕГОРОДСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО»

На правах рукописи

Власов Николай Анатольевич

ОБРАЗ РОССИИ В МИРОВОЗЗРЕНИИ ОТТО ФОН БИСМАРКА

Научная специальность

5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)

Диссертация на соискание ученой степени доктора
исторических наук

Научный консультант:

доктор исторических наук, доцент

Белов М.В.

Нижний Новгород – 2026

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1. Методология и методика исследования представлений Отто фон Бисмарка о России.....	31
1.1. Роль мировоззрения государственного деятеля в процессе принятия внешнеполитических решений.....	31
1.2. Методологические подходы к реконструкции убеждений: качественный контент-анализ и «обоснованная теория».....	46
1.3. Методика реконструкции представлений Бисмарка о России.....	86
Глава 2. Контекст формирования представлений Отто фон Бисмарка о России.....	107
2.1. Источники представлений Бисмарка о России.....	107
2.2. Мировоззренческий контекст восприятия Бисмарком России.....	137
Глава 3. Система представлений Отто фон Бисмарка о России.....	164
3.1. Общая характеристика массива данных.....	164
3.2. Страна и народ.....	177
3.3. Российская государственность.....	227
3.4. Россия как актор международных отношений.....	255
3.5. Эволюция образа России.....	289
Глава 4. Бисмарк и современники: образ России в Германской империи 1880-х гг.....	296
4.1. Россия в дневниках генерала Вальдерзее.....	298
4.2. Россия в речах германских партийных политиков.....	310
4.3. Россия на страницах книг Юлиуса фон Эккардта.....	321
4.4. Россия в материалах германской качественной прессы.....	331
Глава 5. Влияние представлений Отто фон Бисмарка о России на принятие внешнеполитических решений.....	355
5.1. «Внешнеполитический поворот» 1879 года.....	358

5.2. «Залоговый запрет» 1887 года.....	368
Заключение.....	376
Список сокращений.....	389
Список источников и литературы.....	390
Приложения.....	417

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования

Жизнь и деятельность германского государственного деятеля Отто фон Бисмарка (1815-1898), который справедливо считается крупнейшей фигурой в европейской политике второй половины XIX в., уже на протяжении полутора веков является объектом тщательного изучения. Тем не менее, и сегодня в данной сфере остается немало дискуссионных вопросов. Одним из них является внешняя политика Бисмарка, ее движущие силы и итоги в целом, а также отдельные направления и ключевые решения. Среди упомянутых направлений особо выделяются российско-германские отношения.

Несмотря на обилие исследований, дискуссионными остаются вопросы, связанные с причинами и динамикой ухудшения российско-германских отношений в 1870-80-е гг., местом и ролью России в германской внешней политике эпохи Бисмарка, германской дипломатией в период Восточного кризиса 1875-78 гг. и австро-германского союза 1879 г. Принятые в данный период решения в сфере российско-германских отношений имели далеко идущие последствия, внеся значительный вклад в формирование блоковой системы в Европе и нарастание кризисных явлений в системе международных отношений накануне Первой мировой войны. Изучение предпосылок и причин этого глобального конфликта остается актуальной темой по сегодняшний день.

Таким образом, первым аспектом актуальности данного исследования является то, что оно позволяет внести вклад в активную историографическую дискуссию, касающуюся движущих факторов развития российско-германских отношений в последней трети XIX в.

В рамках данной работы, в частности, изучается такой важный фактор, как убеждения ведущих государственных деятелей и их влияние на применяемые ими решения. Эта проблема является предметом исследований не только в рамках исторической науки, но и в смежных дисциплинах – таких, как политология и исследования международных отношений. В сфере исследований прошлого

представлениями о других странах и народах занимается такая субдисциплина, как историческая имагология. Однако основное внимание в ее рамках уделяется в первую очередь коллективным представлениям, существовавшим в различных национальных и государственных общностях в определенные эпохи. Индивидуальные представления обычно являются сферой исследований биографов, использующих традиционные методы исторической науки. При этом в недостаточной степени применяется междисциплинарный подход, используется и изучается опыт коллег из смежных областей, разработавших значительный арсенал методов, направленных на реконструкцию убеждений и представлений лиц, принимающих решения в сфере внешней политики.

Вопрос о реальном влиянии индивидов на политические процессы, а также влиянии убеждений на принимаемые решения остается дискуссионным в исследованиях современных международных отношений. Тем не менее, значительная часть научного сообщества исходит из актуальности и значимости реконструкции мировоззрения политических лидеров. Методология такой реконструкции продолжает развиваться и имеет не только теоретическую, но и прикладную значимость. Данная работа представляет собой вклад в развитие этой методологии, что является вторым аспектом ее актуальности.

Наконец, третий аспект актуальности представленного исследования обусловлен процессами, происходящими в современной российской коллективной исторической памяти. Фигура Отто фон Бисмарка занимает особое место в российском информационном пространстве, о чем свидетельствуют многочисленные приписываемые ему высказывания, касающиеся России и российско-германских отношений. Суть данных высказываний сводится к тезису об уникальности и принципиальной непобедимости России. Примечательно, что эти апокрифы сегодня фигурируют в качестве истинных цитат не только в социальных сетях и на развлекательных сайтах, но и в академических публикациях, а также учебных пособиях. Фигура Бисмарка, таким образом, используется в рамках российского националистического дискурса для легитимации представлений о собственной национальной исключительности.

Представленное исследование воссоздает истинное представление Бисмарка о России и убедительно показывает, что приписываемые ему цитаты не только являются вымышленными, но и совершенно не соответствуют его реальным взглядам на Российскую империю и российско-германские отношения.

Степень разработанности темы

Проблема представлений Бисмарка о России затрагивалась, как правило, исследователями, изучавшими его «восточную политику». Первые такие исследования появились еще в период жизни и деятельности «железного канцлера». Так, в 1884 г. увидел свет двухтомник М. Буша «Наш рейхсканцлер», в котором большое внимание уделялось описанию характера и взглядов Бисмарка. Вторая глава второго тома озаглавлена «Рейхсканцлер и Россия» и посвящена политике Бисмарка в отношении Российской империи¹. Однако она включала в себя в первую очередь описание внешнеполитических шагов главы правительства. Кроме того, Буш мог опираться только на весьма ограниченный круг источников. Три года спустя появилась книга немецкого публициста Г. Робольского «Бисмарк и Россия»². По сути, она представляла собой политический памфлет, защищавший политику «железного канцлера» и возлагавший на Россию ответственность за ухудшение отношений.

После смерти Бисмарка интерес к изучению его личности и внешней политики только вырос. Быстро расширялась и источниковая база – публиковались мемуары и письма самого «железного канцлера», воспоминания и дневники его современников, другие документы. Большую роль сыграли публикации Г. фон Пошингера, который постарался систематизировать источники, отражавшие деятельность и взгляды Бисмарка. Это позволило исследователям предпринять первые попытки реконструкции убеждений «железного канцлера», в том числе относительно различных стран и народов. В 1915 г. в альманахе, посвященном столетнему юбилею со дня рождения Бисмарка,

¹ Busch M. Unser Reichskanzler. Studien zu einem Charakterbilde. Bd. 2. Leipzig, 1884. S. 137-197.

² Robolsky H. Bismarck und Rußland. Enthüllungen über die Beziehungen Deutschlands und Rußlands von 1859 bis heute. Berlin, 1887.

увидела свет статья Ф. Рахфаля «Бисмарк и славянство»¹. На основе доступных ему высказываний «железного канцлера» автор впервые постарался систематически описать взгляды «железного канцлера» на славян, в том числе на русских. Рахфаль верно подметил невысокое мнение Бисмарка о славянском национальном характере и подчеркнул его стремление поддерживать хорошие отношения с Россией, основанные на убеждении в отсутствии у двух держав объективных противоречий. Бисмарк, заявил исследователь, предвидел возможный конфликт в том случае, если русские будут руководствоваться не рациональными соображениями, а эмоциями – что якобы и случилось затем в действительности².

Окончание Первой мировой войны вызвало повышенный интерес к «восточной политике» Бисмарка. В последнем теперь видели политического титана, советами которого легкомысленно пренебрегли эпигоны. Бисмарка с его мудрой, умеренной, нацеленной на сохранение европейского мира политикой стали противопоставлять авантюризму Вильгельма II, который поставил на кон безопасность своей страны и проиграл. Внешнеполитические «рецепты» Бисмарка считались в высшей степени актуальными для Веймарской республики³. При этом в фокусе внимания находилась именно политика «железного канцлера» в отношении России, поскольку здесь существовал наиболее очевидный разрыв между линией Бисмарка и действиями его преемников, отказавшихся в 1890 г. от продления «договора перестраховки» и тем самым толкнувших Петербург в объятия Франции. Такое видение динамики российско-германских отношений не вполне соответствует реальности, однако воспроизводится по сегодняшний день, тем более что сам Бисмарк после отставки приложил немало усилий для формирования именно такой версии событий.

Вторым импульсом к изучению внешней политики Бисмарка стала публикация в 1920-30-е гг. большого корпуса источников. В состав этого корпуса

¹ Rachfahl F. Bismarck und das Slawentum / Das Bismarck-Jahr. Eine Würdigung Bismarcks und seiner Politik in Einzelschilderungen. Hamburg, 1915. S. 99-118.

² Ibid. S. 118.

³ См. Власов Н.А. Бисмарк. «Железный канцлер». М., 2018. С. 418-419.

входили, в первую очередь, две многотомные публикации: «Большая политика европейских кабинетов 1871-1914», представлявшая собой подборку актов из архива германского внешнеполитического ведомства¹, и «Собрание сочинений» самого Бисмарка в 15 томах². Несмотря на ряд недостатков, обе публикации имели огромную научную значимость, которую сохраняют и по сегодняшний день.

Поэтому в период между двумя мировыми войнами появился целый ряд исследований, посвященных политике Бисмарка в отношении России. Все они были сравнительно небольшого объема и представляли собой диссертационные исследования, то есть труды сравнительно молодых историков. В 1926 г. Э. Шеллер опубликовал небольшую монографию «Бисмарк и Россия»³, в фокусе которой находятся события 1870-х гг. Автор высоко оценивал политику «железного канцлера» как направленную на сохранение баланса сил в Европе и мира с Российской империей. В 1927 г. была опубликована работа А. Хельмса под аналогичным названием⁴. В 1936 г. из печати вышла диссертация В. Эбеля «Бисмарк и Россия от Пражского мира до начала войны 1870 года»⁵. Наконец, в 1939 г. увидела свет монография Г. Хейнце «Бисмарк и Россия до основания империи»⁶. Все эти работы, однако, лежали в русле «классической» дипломатической истории. В них содержались лишь отрывочные сведения относительно представлений «железного канцлера» о России как таковой. К примеру, Г. Хейнце упоминает об интересе Бисмарка в период пребывания на дипломатическом посту в Петербурге к внутренним проблемам Российской империи, описывает его отношение к коррупции и административному

¹ Die Große Politik der Europäischen Kabinette 1871-1914. Sammlung der diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes. Bd. 1-40. Berlin, 1922-1927 (далее GP).

² Bismarck O.v. Die gesammelten Werke. Bd. 1-15. Berlin, 1924-1935 (далее GW).

³ Scheller E. Bismarck und Rußland. Marburg, 1926.

⁴ Helms A. Bismarck und Rußland. Bonn, 1927.

⁵ Ebel W. Bismarck und Rußland vom Prager Frieden bis zum Ausbruch des Krieges von 1870. Gelnhausen, 1936.

⁶ Heinze G. Bismarck und Rußland bis zur Reichsgründung. Würzburg-Aumühle, 1939.

произволу, однако не прослеживает никакого влияния этих взглядов на политику главы правительства¹.

Нельзя не упомянуть и вышедший в 1925 г. в Праге труд российского историка-эмигранта Б.Э. Нольде, посвященный периоду пребывания Бисмарка на посту прусского посланника в России². Работа Нольде стала первым специальным исследованием «петербургской миссии» будущего канцлера. В фокусе внимания исследователя, однако, находились в первую очередь вопросы большой европейской политики; деятельность Бисмарка представлена в его работе на фоне масштабных процессов международных отношений, занимавших на рубеже 1950-60-х гг. европейские столицы. Тем не менее, Нольде собрал немало ценных сведений о пребывании Бисмарка в Петербурге, включая бытовые подробности, важные для понимания формирования его отношения к России и русским.

Вторая половина XX в. стала временем появления множества исследований, посвященных как личности и деятельности Бисмарка, так и российско-германским отношениям 1860-80-х гг.³ Именно в этот период были опубликованы фундаментальные биографии «железного канцлера», которые имеют сегодня статус классических работ: американского исследователя О. Пфланце⁴, западногерманского историка Л. Галла⁵ и его восточногерманского коллеги Э. Энгельберга⁶. В отечественной историографии появились исследования А.С. Ерусалимского⁷ и В.В. Чубинского⁸. Российско-германским отношениям соответствующего периода посвящены работы З. Кумпф-Корфес⁹,

¹ Ibid. S. 20-21.

² Нольде Б.Э. Петербургская миссия Бисмарка 1859-1862. Россия и Европа в начале царствования Александра II. Прага, 1925.

³ Бодров А.В., Власов Н.А. Накануне юбилея: современная немецкая и французская историография Франко-германской войны 1870-71 гг. // Французский ежегодник. 2020. Т. 53. С. 314-333.

⁴ Pflanze O. Bismarck and the Development of Germany. Vol. 1-3. Princeton, 1990

⁵ Gall L. Bismarck. Der weisse Revolutionär. Frankfurt-am-Main, 1980.

⁶ Engelberg E. Bismarck. Urpreuße und Reichsgründer. Berlin, 1985; Engelberg E. Bismarck. Das Reich in der Mitte Europas. Berlin, 1990.

⁷ Ерусалимский А.С. Бисмарк: дипломатия и милитаризм. М., 1968.

⁸ Чубинский В.В. Бисмарк. Политическая биография. М., 1988.

⁹ Kumpf-Korfes S. Bismarcks „Draht nach Russland“. Zum Problem der sozial-ökonomischen Hintergründe der russisch-deutschen Entfremdung in Zeitraum von 1878 bis 1891. Berlin, 1968.

Л.И. Нарочницкой¹, Х. Мюллер-Линка². Невозможно обойти вниманием и фундаментальные исследования, посвященные конкретным событиям и процессам в российско-прусских и российско-германских отношениях эпохи Бисмарка – монографии Д. Бейрау³, Х. Дайнингер⁴, У. Лаппенкюпера⁵, С.Д. Сказкина⁶, Л.М. Шнеерсона⁷.

Тем не менее, вопрос о взглядах Бисмарка на Россию в этих исследованиях был не только не раскрыт, но даже не поставлен. В биографических работах авторы, как правило, уделяли большое внимание взглядам и представлениям Бисмарка. Однако это касалось в первую очередь наиболее базовых, фундаментальных проблем – отношения к политике, религии, национальной идее, монархической власти, «германскому вопросу» и так далее. Возможности рассмотреть весь спектр убеждений «железного канцлера» по конкретным проблемам в рамках биографических исследований не существовало.

Что же касается исследований российско-прусских и российско-германских отношений, то, хотя фигура Бисмарка играла на их страницах ключевую роль, однако его убеждения систематически не изучались. Во второй половине XX в. отношение к роли личности в истории стало в рамках исторической науки более скептическим. Внимание к процессам «длительного времени», к объективным

¹ Нарочницкая Л.И. Россия и войны Пруссии в 60-х годах XIX в. за объединение Германии «сверху». М., 1960.

² Müller-Link H. Industrialisierung und Außenpolitik. Preußen-Deutschland und das Zarenreich von 1860 bis 1890. Göttingen, 1977.

³ Beyrau D. Russische Orientpolitik und die Entstehung des deutschen Kaiserreiches 1866-1870 /71. Wiesbaden, 1974.

⁴ Deininger H. Frankreich – Rußland – Deutschland 1871-1891. Die Interdependenz von Außenpolitik, Wirtschaftsinteressen und Kulturbeziehungen im Vorfeld des russisch-französischen Bündnisses. München, 1983.

⁵ Lappenküper U. Die Mission Radowitz. Untersuchungen zur Russlandpolitik Otto von Bismarcks (1871-1875). Göttingen, 1990.

⁶ Сказкин С.Д. Конец австро-русско-германского союза. Исследование по истории русско-германских и русско-австрийских отношений в связи с восточным вопросом в 80-е годы XIX столетия. М., 1974.

⁷ Шнеерсон Л.М. Австро-прусская война и дипломатия великих держав (из истории «германского вопроса»). Минск, 1962; Шнеерсон Л.М. Франко-прусская война и Россия. Из истории русско-прусских и русско-французских отношений в 1867—1871 гг. Минск, 1976; Шнеерсон, Л. М. На перепутье европейской политики: Австро-русско-германские отношения (1871—1875 гг.). Минск, 1984.

факторам и движущим силам оказывало свое влияние и на анализ принятия внешнеполитических решений. В марксистской советской историографии Бисмарка изображали в первую очередь защитником и проводником интересов «классового союза юнкеров и крупной буржуазии»¹. В работах немарксистских историков Бисмарк в большинстве случаев также выступал в роли рационального игрока, который выбирает наилучшую альтернативу для достижения заданной цели. Вопрос о его мировоззрении и влиянии последнего на восприятие ситуации и выбор альтернатив практически не поднимался. В лучшем случае исследователи упоминали о взглядах Бисмарка на конкретные международные проблемы, находившиеся в фокусе его внимания, восприятие им внешней политики иностранных государств и конкретных государственных деятелей (таких, как Александр II или Горчаков).

Следует также добавить, что две указанных области исследований (биография «железного канцлера» и российско-германские отношения) в этот период достаточно слабо пересекались друг с другом. Весьма примечательно практически полное отсутствие исследовательских работ с названиями в стиле «Бисмарк и Россия», столь характерными для межвоенной эпохи. Процесс принятия решений непосредственно «железным канцлером» оказался не в фокусе исследователей.

Ситуация существенно изменилась в начале XXI в. В этот период появился целый список работ, в центре которых находится политика «железного канцлера» на восточном направлении, принимаемые им решения и их мотивы. Это было связано как с возросшим интересом к роли личности в истории (в особенности в российской историографии, от которой уже не требовалось придерживаться марксистской методологии), так и с формированием большого корпуса исследовательской литературы, посвященной жизни и деятельности Бисмарка в целом и убедительно раскрывавшей данный сюжет. Логичным следствием этого стало обращение исследователей к конкретным проблемам биографии «железного

¹ Чубинский В.В. Указ. соч. С. 403.

канцлера», ранее остававшимся в тени, поиск новых исследовательских вопросов и ревизия старых концепций.

Из числа германских историков «восточной политикой» Бисмарка занимались в этот период К. Канис¹, У. Лаппенкюпер², К. Хильдебранд³. Автором наиболее масштабного исследования оказалась, однако, французская исследовательница С. Бюрго⁴. В своей монографии, посвященной политике Бисмарка в отношении России в период объединения Германии, она опровергает довольно распространенный миф о том, что именно Российская империя в наибольшей степени поддерживала действия главы прусского правительства. Французская исследовательница также убедительно доказывает, что «Россия никогда не была приоритетом для бисмарковской дипломатии»⁵. Она являлась для главы прусского правительства не стратегическим партнером, а лишь одной из величин, с которыми следовало считаться при проведении в жизнь своих комбинаций.

Нельзя не упомянуть и монографию Д. Хаффера «Европа глазами Бисмарка. Представления Бисмарка о политике европейских держав и о европейской системе», опубликованную в 2010 г.⁶ В ней автор тщательно анализирует представления «железного канцлера» о европейской системе международных отношений в целом, ее особенностях, структуре и нормах. Автор также рассматривает влияние этих представлений на внешнюю политику Бисмарка и их эволюцию с течением времени. При этом, однако, автор практически не уделяет

¹ Canis K. Bismarcks Außenpolitik 1870-1890. Paderborn, 2008; Canis K. Bismarck und der Wandel der deutsch-russischen Beziehungen / Otto von Bismarck und das „lange 19. Jahrhundert“. Lebendige Vergangenheit im Spiegel der „Friedrichsruher Beiträge“ 1996-2016. Paderborn, 2017. S. 261-259.

² Lappenküper U. Die deutsch-russischen Beziehungen nach der Reichsgründung / Otto von Bismarck und das „lange 19. Jahrhundert“. S. 251-260.

³ Hildebrand K. Bismarck und Russland. Aspekte der deutsch-russischen Beziehungen 1871-1890 / Otto von Bismarck und das „lange 19. Jahrhundert“. S. 454-466.

⁴ Burgaud S. La politique russe de Bismarck et l'unification allemande. Mythe fondateur et réalités politiques. Strasbourg, 2010.

⁵ Ibid. P. 433.

⁶ Haffer D. Europa in den Augen Bismarcks. Bismarcks Vorstellungen von der Politik der europäischen Mächte und vom europäischen Staatensystem. Paderborn, 2010.

внимания представлениям «железного канцлера» о конкретных державах, в том числе о Российской империи.

В отечественной историографии темой «Бисмарк и Россия» в начале XXI в. занялись сразу два молодых исследователя: В.С. Дударев и Р.И. Иваняков. Они избрали одну и ту же тему – период пребывания Бисмарка в России в качестве прусского посланника. Их кандидатские диссертации были затем опубликованы в виде монографий: Иванякова – в 2008¹, Дударева – в 2013 г.² Оба автора подчеркивают значимость «петербургской миссии» как важного этапа в дипломатической карьере Бисмарка. В своих работах они, разумеется, затрагивают и представления Бисмарка, оценки им происходящего в России. Однако на первом плане для обоих исследователей находилась именно деятельность прусского посланника, его политические шаги и выполнение профессиональных обязанностей дипломата. Авторы не пытались реконструировать взгляды Бисмарка на Россию во всей их полноте, ограничиваясь анализом реакции прусского посланника на конкретные события и процессы, о которых он писал в своих донесениях в Берлин.

В последующие годы В.С. Дударев опубликовал ряд работ, посвященных взглядам Бисмарка на конкретные проблемы в период его пребывания в Петербурге³. В 2021 г. вышла его фундаментальная монография, посвященная России в жизни и деятельности «железного канцлера» в период до объединения Германии⁴. В ней автор отстаивает точку зрения, прямо противоположную выводам Бюрго. В.С. Дударев считает, что Россия являлась для Бисмарка

¹ Иваняков Р.И. Бисмарк в Петербурге: политическая деятельность О. Бисмарка в период пребывания на посту посланника в Санкт-Петербурге (1859-1862 гг.). Псков, 2008.

² Дударев В.С. Петербургская миссия Отто фон Бисмарка, 1859-1862. Дипломатическая ссылка или политический успех? СПб., 2013.

³ Дударев В. С. В интересах государства. Отто фон Бисмарк о российском императоре Александре II // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2014. Т. 5. Вып. 3 (26). URL: <https://history.jes.su/s207987840000717-7-1/>; Дударев В.С. На пути построения нового общества. Крестьянская реформа в России в восприятии Отто фон Бисмарка // Преподаватель XXI век. 2015. №4-2. С. 281-288; Дударев В.С. Образ России в корреспонденции прусского посланника в Санкт-Петербурге Отто фон Бисмарка / Россия в мире. Образы и грани взаимодействия. М., 2019. С. 53-72.

⁴ Дударев В.С. Бисмарк и Россия. 1851-1871 гг. СПб., 2021.

ключевым, стратегическим партнером, и формулирует понятие «поворот на Восток», подразумевая «резкое изменение внешнеполитического вектора Берлина от дружбы с Западом к союзу с Россией»¹. Данная монография находится целиком в русле «классической» дипломатической истории, большое внимание в ней уделяется широкому европейскому контексту, а представления Бисмарка о России не рассматриваются в качестве самостоятельного сюжета. В дальнейшем на основе этой монографии В.С. Дударевым была защищена докторская диссертация².

Большим вкладом в изучение российско-германских отношений эпохи Бисмарка стала также опубликованная в 2017 г. монография Н.В. Павлова³.

Попытка системной реконструкции взглядов Бисмарка на Россию и русских на данный момент предпринята лишь в двух небольших по объему публикациях. Первой из них является статья немецкого историка У. Лисковски в четвертом томе «Вуппертальского проекта»⁴. Автор уделяет внимание в первую очередь впечатлениям будущего канцлера в период пребывания на должности посланника в Петербурге (1859-62 гг.), а также взглядам Бисмарка на политические процессы в Российской империи 1870-80-х гг. и влиянию этих взглядов на германскую внешнюю политику. К сожалению, небольшой объем этой работы и используемая методология не позволили автору нарисовать комплексную, систематизированную картину представлений Бисмарка о России. Второй работой является статья отечественного исследователя А.С. Медякова «Наш Бисмарк»? Россия в политике и взглядах «железного канцлера» Германии»⁵. Ее автор приходит к достаточно интересным выводам, в частности, о двойственном

¹ Указ. соч. С. 499.

² Дударев В.С. Отто фон Бисмарк и российское направление внешней политики Прусского королевства. 1851-1871 гг. Дисс. на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 2023.

³ Павлов Н.В. Россия и Германия: несостоявшийся альянс. М., 2017.

⁴ Liszkowski U. Von dynastischen Brücken zu Schutzdeichen gegen die russische Gefahr – Bismarcks Rußlandbild / Rußland und Russen aus deutscher Sicht. 19./20. Jahrhundert: Von der Bismarckzeit bis zum Ersten Weltkrieg. München, 2000. S. 111-145.

⁵ Медяков А.С. «Наш Бисмарк»? Россия в политике и взглядах «железного канцлера» Германии // Российская история. 2015. №6. С. 63-84.

отношении Бисмарка к России (как к европейской и одновременно «варварской» стране), об эволюции взглядов «железного канцлера» с течением времени, о влиянии идеологических факторов на его образ России. Однако ограниченный формат самой работы вновь не позволяет ему рассмотреть систему представлений Бисмарка достаточно подробно и систематично.

Таким образом, степень разработанности темы представленного исследования следует охарактеризовать как низкую. Хотя вопрос представлений Бисмарка о России косвенно затрагивался многими исследователями, однако не являлся самостоятельным объектом исследований. Соответственно, и систематическое исследование данного вопроса на сегодняшний день отсутствует, если не считать ряда публикаций автора представленной работы¹.

Объектом исследования является мировоззрение Отто фон Бисмарка как система ценностей, взглядов и убеждений, обуславливающая практическую деятельность человека.

Предметом исследования являются представления Отто фон Бисмарка о России и русских, их формирование, структура и эволюция.

Целью исследования является реконструкция системы представлений Бисмарка о России и русских, определение ее структуры, источников и особенностей формирования, эволюции с течением времени.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **исследовательские задачи**:

¹ Власов Н.А. «Взаимные услуги»: баланс российско-германских отношений XIX века глазами Отто фон Бисмарка // Клио. 2021. №3. С. 71-76; Власов Н.А. «Война против России, даже победоносная, будет... нежелательным событием». Оценка Российской империи высшим военно-политическим руководством Германии в 1871-1890 гг. как потенциального противника // Военно-исторический журнал. 2022. №4. С. 56-67; Власов Н.А. Михаил Никифорович Катков глазами Отто фон Бисмарка // Клио. 2023. №6. С. 83-87; Власов Н.А. «Никогда не воюйте с Россией»? Отто фон Бисмарк и перспектива российско-германской войны: апокрифы и реальность. // Клио. 2017. №2. С. 127-133; Власов Н.А. Образ России в мировоззрении Отто фон Бисмарка // Былые годы. 2020. Том 58. № 4. С. 2720-2728; Власов Н.А. Поляки и «польский вопрос» в представлениях Отто фон Бисмарка // Манускрипт. 2021. Т. 14. № 6. С. 1093-1096; Власов Н.А. «Расовая теория» Отто фон Бисмарка // Вопросы истории. 2020. №12. С. 246-254; Власов Н.А. «Россия – единственная держава, от которой можно ждать нарушения мира»: «русская угроза» в представлениях Отто фон Бисмарка в 1880-е гг. // Петербургский исторический журнал. 2022. №2 (34). С. 101-109; Власов Н.А. Россия глазами Бисмарка. СПб., 2021.

- Предложить и апробировать на конкретно-историческом материале методику реконструкции представлений исторического деятеля на основании его текстов, находящуюся в русле современных теоретических и методологических подходов;

- Выявить источники формирования представлений Бисмарка о России, определить характер влияния этих источников на образ России и русских на различных этапах биографии германского государственного деятеля.

- Определить общий мировоззренческий контекст формирования представлений Бисмарка о России и русских, проанализировать влияние этого контекста на формирование его взглядов по указанному вопросу.

- Реконструировать и систематизировать представления Бисмарка об отдельных аспектах и сущностных чертах российского народа и государства, российской внутренней и внешней политике.

- Выявить эволюцию взглядов Бисмарка на Россию и русских, определить причины и движущие силы этой эволюции.

- Сравнить представления Бисмарка о России и русских с представлениями его современников и определить степень оригинальности взглядов «железного канцлера» в данной сфере.

- Оценить влияние представлений Бисмарка о России и русских на конкретные внешнеполитические решения.

Хронологические рамки исследования охватывают период жизни О. фон Бисмарка: с 1815 по 1898 гг.

Научная новизна исследования заключена в нескольких его аспектах:

- разработана и апробирована оригинальная методика реконструкции системы убеждений и представлений политического деятеля на основании принадлежащих ему текстов, которая может успешно применяться в аналогичных по своему характеру исследованиях;

- впервые в мировой историографии предпринята системная реконструкция представлений Отто фон Бисмарка о России и русских в качестве самостоятельного объекта исследования, подробно проанализированы все

составляющие образа России (национальный характер, социальные группы, общественные течения, государственное устройство, национальный состав, внутренняя и внешняя политика), а также реконструированы основные источники и механизмы формирования и эволюция этих представлений на протяжении всего периода жизни и деятельности Бисмарка;

- впервые в мировой историографии подробно разработан вопрос о влиянии общих представлений Бисмарка о России и русских на его конкретные внешнеполитические решения;

- впервые в мировой историографии систематически изучены представления о России и русских, существовавшие в германском обществе 1880-х гг., на основе широкого круга материалов, отражающих позиции различных социальных групп и идейных течений; при этом в научный оборот впервые введен целый ряд важных источников, таких, как материалы германской качественной прессы и публицистики.

Теоретическая и практическая значимость работы

Результаты проведенного исследования позволяют внести значительный вклад в изучение личности и деятельности Отто фон Бисмарка, в том числе разрешение дискуссионных проблем, связанных с российско-германскими отношениями 1860-80-х гг., а также в понимание общей динамики развития российско-германских отношений на протяжении длительных периодов их истории. Данные результаты могут быть применены как в дальнейших научных исследованиях, так и в учебных курсах по проблемам отечественной и глобальной истории, истории международных отношений.

Разработанная методика реконструкции системы представлений политического деятеля может использоваться как в исторических, так и политологических исследованиях, а также для решения прикладных аналитических задач. Кроме того, она может применяться в учебных курсах по методологии исторической науки и анализу внешней политики.

Практическая значимость исследования заключается еще и в том, что его результаты могут быть использованы в просветительской деятельности, позволяя

опровергнуть ряд исторических мифов, касающихся отношения Отто фон Бисмарка к России.

Методология и методы исследования

Теоретические подходы к исследуемой проблеме основаны на базовых принципах историзма и научной объективности. Важную роль играет системный подход, являющийся необходимым в силу того, что мировоззрение человека представляет собой систему взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов, подчиняющуюся всем принципам системной логики. Системный подход предусматривает изучение явления в его целостности, придает большое значение взаимосвязям между элементами, изучению структуры и функций системы¹.

Двумя важнейшими теоретическими предпосылками настоящего исследования являются признание значимой роли личности в истории и влияния мировоззрения на деятельность человека. Вопрос о роли личности в истории принадлежит к числу наиболее масштабных дискуссионных проблем исторической науки в целом. Позиция автора представленного исследования по данному вопросу заключается в признании значительной роли как объективных, так и субъективных факторов исторического процесса. В различных областях, в разные эпохи и на разных уровнях сочетание данных факторов может быть весьма различным. Говоря о политике и международных отношениях (в особенности применительно ко второй половине XIX в.), необходимо отметить весьма значительную роль ключевых фигур, от действий которых зависел если не общий ход истории, то многие важные события и процессы. Что касается второй предпосылки, то автор исследования, опираясь на достижения современной когнитивной психологии, исходит из представления об «ограниченной рациональности» индивида. Люди, в том числе политические деятели, не являются идеальными «рациональными игроками», которые на основании поступившей информации принимают оптимальное решение для достижения поставленной цели. Согласно представлениям, существующим в работах целого

¹ Ятманова М.Г. Системный анализ в исследованиях международных отношений. СПб., 2010. С. 58.

ряда исследователей¹, человеку свойственно воспринимать информацию через призму своих взглядов и представлений, делать из нее выводы, согласующиеся с его мировоззрением, выбирать те варианты, которые подсказывает ему опыт и которые в наибольшей степени соответствуют его убеждениям. Поэтому изучение взглядов и представлений имеет большое значение для понимания решений, принятых историческим деятелем.

Помимо общенаучных (анализ и синтез, индукция и дедукция, сравнение и аналогия) и общеисторических (историко-системный, историко-генетический²) методов центральную роль в процессе исследования играл метод реконструкции убеждений человека на основе его текстов, разработанный специально для данного исследования. Необходимость разработки такого метода была обусловлена отсутствием в арсенале современной исторической науки современных методологических подходов к решению подобных задач. В связи с этим появилась необходимость обратиться к методам, используемым в современной социологии, политологии и исследованиях международных отношений для дистанционной реконструкции взглядов и представлений человека по определенным вопросам (контент-анализ, анализ операционного кода, когнитивное картирование, объективная герменевтика, методология «обоснованной теории»). Основанные на различных теоретических предпосылках, эти методы, однако, имеют ряд общих черт и допускают использование их в сочетании друг с другом. Для достижения целей исследования был осуществлен синтез двух методологий – качественного контент-анализа и «обоснованной теории». Итогом этого синтеза стал оригинальный метод анализа текстов, сочетающий в себе сильные стороны обеих использованных при его разработке методологий.

Разработанный метод предназначен для обработки больших массивов текста и включает в себя формирование выборки, разработку системы категорий,

¹ См. напр. Jervis R. *How Statesmen Think. The Psychology of International Politics*. Princeton, 2017; Jervis R. *Perception and Misperception in International Politics*. Princeton, 2017; McDermott R. *Political Psychology in International Relations*. Ann Arbor, 2004.

² Ковальченко И.Д. *Методы исторического исследования*. М., 2003. С. 184-205.

кодирование информации с одновременной ее интерпретацией. Вся информация включается в компьютерную базу данных, позволяющую производить ее сравнительный и системный анализ с целью поиска закономерностей, паттернов и взаимосвязей внутри упорядоченного массива высказываний.

Дополнительно для верификации исследования был использован простой количественный метод оценки характера высказываний, разработанный на основе базового контент-анализа.

Источниковая база исследования

Источниковая база исследования состоит из двух больших массивов документов. Первый из них содержит высказывания Отто фон Бисмарка, которые используются для реконструкции его представлений о России и включает в себя более 10 тыс. опубликованных текстов различного объема – от коротких телеграмм до мемуарной литературы (развернутая характеристика и анализ источниковой базы будет представлен в параграфе 3.1).

В первую очередь были использованы многотомные публикации документов, автором которых являлся Отто фон Бисмарк. На данный момент существуют три такие публикации.

Уже упомянутое выше «Собрание сочинений» в 15 томах (называемое также «Изданием Фридрихсру») было опубликовано в период с 1924 по 1935 гг. В реальности оно насчитывает 19 книг, поскольку 6-й том состоит из четырех, а 14-й – из двух частей. Первые шесть томов (девять книг) включают в себя служебную корреспонденцию. При этом восемь книг посвящены периоду до 1871 г., и лишь последний том (6с), увидевший свет последним из всего собрания, крайне скудно отражает эпоху после объединения Германии. Следующие три тома (с 7-го по 9-й) содержат разговоры Бисмарка, включая его интервью журналистам. Значительная часть материала в этой части собрания была почерпнута из прессы и мемуаров. Четыре тома (с 10-го по 13-й) содержат речи Бисмарка, преимущественно в прусском и германском парламентах (до 1890 г.), а также его публичные выступления после отставки. 14-й том в двух частях содержит личную переписку, наконец, последний том образуют мемуары.

«Собрание сочинений» подготовлено на достаточно высоком для первой половины XX в. научном уровне, наиболее значимым пробелом является скудный набор деловой корреспонденции 1870-80-х гг.

Почти полвека спустя, в 1970 г., увидело свет более компактное собрание – «Избранные сочинения» в 8 томах (9 книг). В 2001 г. оно было переиздано¹. В него была включена часть документов из «Издания Фридрихсру» с незначительными дополнениями. Основной особенностью новой публикации стала организация документов по хронологическому принципу.

Поскольку новая публикация не стала существенным шагом вперед по сравнению с первой, в начале XXI в. был начат амбициозный проект по подготовке нового «Собрания сочинений», получившего название «Новое издание Фридрихсру». Проект издания предусматривает 28 томов, сведенных в четыре серии, организованных в хронологической последовательности; внутри первых трех серий существуют три тематические группы («Документы», «Разговоры» и «Речи»), в четвертую входит единственный том мемуаров. В связи с вышеуказанным недостатком «Издания Фридрихсру» издатели новой публикации решили начать с группы «Документы» третьей серии, охватывающей период с 1871 по 1898 гг. В период с 2004-2021 гг. опубликованы все девять запланированных томов². Таким образом, оказался полностью ликвидирован серьезный пробел, который мог негативно повлиять на репрезентативность источниковой базы.

В «Новое издание Фридрихсру» вошли, среди прочего, практически все тексты Бисмарка, содержащиеся в первых шести томах «Большой политики европейских кабинетов», посвященных 1870-80-м гг. Тем не менее, это издание дипломатических документов также было использовано в процессе исследования. Определенный объем материала, не вошедшего в перечисленные издания, был обнаружен в четырнадцатитомной публикации речей и выступлений Бисмарка,

¹ Bismarck O.v. Werke in Auswahl. Bd. 1-8. Darmstadt, 2001 (далее WIA).

² Bismarck O.v. Gesammelte Werke. Abteilung III: 1871-1898. Schriften. Bd. 1-9. Paderborn, 2004-2021 (далее NFA).

осуществленной Х. Колем после отставки «железного канцлера»¹. Ценность этому изданию придает подробный комментарий, позволяющий уточнить контекст многих высказываний.

Несмотря на то, что значительная часть воспоминаний о беседах с Бисмарком вошла в соответствующие тома «Издания Фридрихсру», в источниковую базу были включены опубликованные источники личного происхождения (мемуары, дневники и письма) современников «железного канцлера». В целом ряде случаев они содержали не вошедшие в другие публикации отдельные высказывания Бисмарка о России и русских либо характеристики, которые давали его отношению к России собеседники. В числе последних были личные друзья Бисмарка (Р. фон Койделл², Х. фон Шпитцемберг³ и др.), его сотрудники (М. Буш⁴, Р. Лукиус фон Балльхаузен⁵, К. фон Шлёцер⁶, Х. фон Тидеманн⁷ и др.), государственные и политические деятели (Ф.Ф. фон Бойст⁸, Х. цу Гогенлоэ-Шиллингсфюрст⁹ и др.), военные (Л. фон Блументаль¹⁰, А. фон Вальдерзее¹¹ и др.), иностранные и немецкие дипломаты (О. Лофтус¹², Г.Л. фон Швейниц¹³ и др.).

Необходимо упомянуть также еще один источник, ранее целиком не вводившийся в научный оборот. Это – два больших интервью с Бисмарком, опубликованных в газете «Новое время» вскоре после его отставки. В беседе с

¹ Kohl H. Die politischen Reden des Fürsten Bismarck. Bd. 1-14. Stuttgart, 1892-1894.

² Keudell R.v. Fürst und Fürstin Bismarck. Erinnerungen aus den Jahren 1846 bis 1872. Berlin-Stuttgart, 1901.

³ Spitzemberg H.v. Das Tagebuch der Baronin Spitzemberg. Aufzeichnungen aus der Hofgesellschaft des Hohenzollernreiches. Göttingen, 1989.

⁴ Busch M. Tagebuchblätter. Bd. 1-3. Leipzig, 1899.

⁵ Lucius von Ballhausen R. Bismarck-Erinnerungen. Stuttgart-Berlin, 1920.

⁶ Schlözer K.v. Petersburger Briefe 1857-1862. Stuttgart-Berlin, 1921.

⁷ Tiedemann C.v. Aus sieben Jahrhunderten. Bd. 2. Sechs Jahre Chef der Reichskanzlei unter dem Fürsten Bismarck. Leipzig, 1909.

⁸ Beust F.F.v. Aus drei Viertel-Jahrhunderten. Bd. 1-2. Stuttgart, 1887.

⁹ Hohenlohe-Schillingsfürst C.z. Denkwürdigkeiten. Bd. 1-2. Stuttgart-Leipzig, 1907.

¹⁰ Blumenthal L.v. Tagebücher des Generalfeldmarschalls Graf von Blumenthal aus den Jahren 1866 und 1870/71. Stuttgart-Berlin, 1902.

¹¹ Waldersee A.v. Denkwürdigkeiten. Bd. 1-2. Stuttgart-Berlin, 1922.

¹² Loftus A. The diplomatic reminiscences of Lord Augustus Loftus. Vol. 1. L., Paris & Melbourne, 1894.

¹³ Schweinitz H.L.v. Denkwürdigkeiten. Bd. 1-2. Berlin, 1927.

российскими журналистами (одним из которых был Е.Л. Кочетов) экс-канцлер подробно рассказывал о своих политических взглядах, уделяя большое внимание России и российско-германским отношениям¹.

Второй массив данных используется для реконструкции представлений о России и русских, существовавших в Германской империи 1880-х гг. Он, в свою очередь, состоит из четырех главных компонентов:

- Дневники, личные и деловые письма генерала А. фон Вальдерзее, в 1882-1888 г. являвшегося генерал-квартирмейстером, а в 1888-1891 гг. шефом Большого генерального штаба. В рамках данной работы Вальдерзее рассматривается как типичный представитель прусской военной элиты; эти материалы были опубликованы в 1920-е гг.².

- Выступления депутатов германского парламента (рейхстага) 5-го, 6-го и 7-го созывов (1881-1890 гг.) от различных политических партий на пленарных заседаниях. Данные выступления воспроизведены в опубликованных стенографических протоколах заседаний³.

- Книги публицистического жанра, написанные одним из наиболее активных и влиятельных германских публицистов, формировавших образ России в Германской империи 1870-80-х гг. – Ю. фон Эккардта⁴. Эти книги пользовались большой популярностью у читающей публики, их материалы рецензировались и воспроизводились в германской прессе.

¹ Львов Е. Из Берлина. В замке у князя Бисмарка // Новое время. 1890. №5091 (03.05), №5093 (05.05), №5094 (06.05); В.С.Р. Два часа у князя Бисмарка // Новое время. 1890. №5163 (15.07), №5166 (18.07).

² Waldersee A.v. Aus dem Briefwechsel des Generalfeldmarschalls Alfred Grafen von Waldersee. Bd. 1. Die Berliner Jahre 1886-1891. Stuttgart-Berlin-Leipzig, 1928; Waldersee A.v. Denkwürdigkeiten des General-Feldmarschalls Alfred Grafen von Waldersee. Bd. 1-2. Stuttgart-Berlin, 1922.

³ Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Reichstages. V.-VII. Legislaturperioden. – Berlin, 1882-1890.

⁴ [Eckardt J.] Aus der Petersburger Gesellschaft. Leipzig, 1873; [Eckardt J.] Berlin – Wien – Rom. Betrachtungen über den neuen Kurs und die neue europäische Lage. Leipzig, 1892; [Eckardt J.] Neue Bilder aus der Petersburger Gesellschaft. Leipzig, 1874; [Eckardt J.] Russische Wandlungen. Neue Beiträge zur Russischen Geschichte von Nicolaus I. zu Alexander III. Leipzig, 1882; [Eckardt J.] Russland vor und nach dem Kriege. Leipzig, 1879; [Eckardt J.] Von Nicolaus I. zu Alexander III. St. Petersburger Beiträge zur neuesten Russischen Geschichte. Leipzig, 1881.

- Материалы трех наиболее влиятельных и авторитетных качественных ежедневных газет (Kölnische Zeitung, National-Zeitung, Vossische Zeitung), выходивших в Германской империи в период с 1880 по 1889 гг. и публиковавших большой объем текстов по российской проблематике, а также обладавших значительной сетью собственных корреспондентов в России¹.

Использование данных источников позволяет осуществить сравнение взглядов Бисмарка с представлениями о России, существовавшими в различных кругах германского общества его эпохи. Выбор источников определяется необходимостью охватить как можно более широкий диапазон общественных групп и идейных течений.

Положения, выносимые на защиту

Выносимые на защиту положения отражают концептуальные результаты проведенного исследования:

1. Разработанная автором исследования методика, основанная на сочетании качественного контент-анализа и методологии «обоснованной теории», может успешно использоваться для реконструкции представлений исторических фигур на основе их текстов; получившийся результат может быть верифицирован, отличается системностью и высокой достоверностью.

2. Образ России в мировоззрении Бисмарка складывался начиная с ранней юности будущего имперского канцлера и во многом являлся отражением стереотипов, господствовавших в немецком обществе первой половины XIX в., а также умонастроений остзейского дворянства. К моменту назначения прусским посланником в Петербурге Бисмарк уже имел общее представление о России и русских, которое затем уточнялось и эволюционировало, однако принципиально не изменялось.

3. На представления Бисмарка о России оказывали большое влияние его убеждения более общего уровня – политические, социальные, исторические воззрения. В числе последних важную роль играла «расовая теория», в

¹ Kölnische Zeitung, 1880-1889; Königlich privilegierte Berliner Zeitung von Staats- und gelehrten Sachen (Vossische Zeitung), 1880-1889; National-Zeitung, 1880-1889.

соответствии с которой русские принадлежали к «женской» славянской расе, во многих отношениях уступавшей «мужской» германской. Ключевую роль в системе представлений Бисмарка о России играла концепция русского национального характера. Именно особенности национального характера объясняли в глазах Бисмарка историю России, ее внутреннее развитие, распространенные практики и поведение страны на международной арене.

4. Как и для многих современников, для Бисмарка Россия являлась «полуварварской» страной, занимая промежуточное положение между европейской цивилизацией и азиатским варварством. Несмотря на консервативные политические убеждения Бисмарка, он ни в каком отношении не считал российское государственное устройство (самодержавие) образцом для подражания. Бисмарк особо выделял роль этнических немцев в развитии и функционировании российской государственности. Он считал, что именно немецкая элита позволила России стать великой державой. Постепенное вытеснение немцев с ключевых постов и «русификацию» балтийских губерний Бисмарк считал процессами, которые будут иметь катастрофические последствия для страны, поскольку этнические русские неспособны к эффективному управлению государством. Весьма негативными были взгляды Бисмарка на российский административный аппарат; русских чиновников он считал некомпетентными и коррумпированными, господствующей практикой считал бюрократический произвол и беззаконие. С особой тревогой он наблюдал за либеральными, революционными и националистическими настроениями, охватившими образованное общество и значительную часть элиты и усиливавшимися с течением времени. Эти настроения он во многом объяснял особенностями русского национального характера. К 1880-м гг. Бисмарк был уверен в том, что система дестабилизирована, и Россия стоит на пороге серьезных внутренних потрясений.

5. По мнению Бисмарка, российская внешняя политика испытывала сильное влияние внутренних процессов в стране. Если изначально он просто критически относился к российской дипломатии, считая ее неэффективной, то в 1870-80-е гг.

начал рассматривать Россию как непредсказуемую, агрессивную державу, которая может начать войну вопреки всем рациональным соображениям. Бисмарк не боялся войны с Россией и не считал ее непобедимой. Он выступал за поддержание хороших отношений, поскольку не видел практического смысла конфликтовать с Петербургом. Однако с течением времени сам Бисмарк все более пессимистично относился к перспективе долгосрочного стабильного сотрудничества с Россией. Он был готов воевать в случае, если это будет продиктовано германскими интересами – в первую очередь защитой независимости и целостности Австро-Венгрии.

6. В течение жизни Бисмарка отдельные аспекты его представлений о России претерпели существенную эволюцию, однако ключевые составляющие образа Российской империи и русских оставались стабильными. В частности, в 1870-80-е гг. он все более негативно оценивал внутри- и внешнеполитическое развитие России, а также процессы, происходившие в рядах российской элиты и образованного общества.

7. Сравнение взглядов Бисмарка с образом России, представленным в текстах других представителей военно-политической и партийно-политической элиты, прессе и публицистике Германской империи неопровержимо доказывает, что представления Бисмарка о России и русских в своих ключевых аспектах не отличались от представлений его современников. Не приходится говорить об оригинальности взглядов «железного канцлера» или особом знании и понимании России с его стороны.

8. Представления Бисмарка о России находили свое отражение во внешнеполитических решениях, которые он принимал. В числе наиболее значимых можно назвать ориентацию на сотрудничество с Австро-Венгрией в конце 1870-х гг. и политику жесткого давления на Россию для принуждения ее к уступчивости в 1880-е гг. (в первую очередь так называемый «залоговый запрет» 1887 г., который современная историография справедливо рассматривает как ошибку). Мотивы этих решений невозможно понять без рассмотрения и анализа представлений Бисмарка о Российской империи.

Апробация результатов исследования

Методология и промежуточные результаты исследования обсуждались в течение 2017–2026 гг. на ряде международных конгрессов, форумов, конференций и круглых столов:

1. Международная конференция «Стены и мосты» - VI: практика междисциплинарных гуманитарных исследований», РГГУ, Москва, 25-26.05.2017.

2. XII международная научная конференция «Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность» (Таврические чтения), Центр истории парламентаризма при Межпарламентской ассамблее государств-участников СНГ, Санкт-Петербург, 10-11.12.2020.

3. Международная научная конференция «Science SPbU – 2020», СПбГУ, Санкт-Петербург, 25.12.2020.

4. Международный круглый стол «Германская империя в потоке исторической памяти России и Германии (1871-2021)», РГГУ, Москва, 26.10.2021.

5. LIII международная научная конференция «Культурное взаимодействие народов и государств: историко-психологические аспекты», Международная ассоциация исторической психологии, Санкт-Петербург, 15.05.2023.

6. XV международная научная конференция «Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность» («Таврические чтения»), Центр истории парламентаризма при Межпарламентской ассамблее государств-участников СНГ, Санкт-Петербург, 07-08.12.2023.

7. Второй Санкт-Петербургский конгресс исследователей международных отношений, СПбГУ, Санкт-Петербург, 25-27.05.2024.

8. Третий Петербургский исторический форум, СПбГУ, Санкт-Петербург, 07-12.10.2024.

9. II научная конференция «Ратная традиция: Россия в войне и мире в начале XX века», Музей-заповедник «Царское село», Санкт-Петербург, 30-31.10.2024.

10. XIV Международная научно-практическая конференция «Исторический опыт мировых цивилизаций и Россия», Владимирский государственный университет, Владимир, 04-05.12.2025.

11. Международная конференция «Новая дипломатическая история: акторы, языки и форматы международной коммуникации», НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург, 23-24.04.2026.

12. Третий Санкт-Петербургский конгресс исследователей международных отношений, СПбГУ, Санкт-Петербург, 28-30.04.2026.

По теме исследования в 2004–2025 гг. было опубликовано в общей сложности 33 статьи, в том числе 24 – в журналах из списка ВАК, из них 13 индексируются в базах данных Web of Science и Scopus (см. Список источников и литературы). Основные итоги исследования отражены в монографии «Россия глазами Бисмарка», опубликованной в 2021 г. издательством «Евразия». Кроме того, результаты исследования частично отражены в биографии Отто фон Бисмарка, опубликованной в 2023 г. издательством «Молодая гвардия».

Общий объем публикаций непосредственно по теме исследования составляет около 40 п.л.

Структура работы

Структура представленного диссертационного исследования соответствует его цели и задачам.

Первая глава посвящена теоретическим и методологическим основам исследования. В первом параграфе главы раскрывается проблема формирования убеждений политиков и их влияния на процесс принятия решений с точки зрения современной политической психологии. Второй параграф посвящен двум методологическим подходам к реконструкции убеждений, элементы которых легли в основу методики представленного исследования – качественному контент-анализу и «обоснованной теории». Наконец, третий параграф содержит обоснование и подробное описание методики реконструкции системы взглядов Бисмарка на Россию и русских.

Вторая глава посвящена исследованию контекста формирования и эволюции представлений Отто фон Бисмарка о России. Первый параграф раскрывает основные источники, из которых Бисмарк получал информацию о России и русских. Во втором параграфе анализируется общий мировоззренческий контекст – исторические, политические и социальные воззрения Бисмарка, через призму которых он воспринимал информацию о России и которые оказывали значительное влияние на формирование представлений о ней.

В третьей главе на основе проведенного исследования непосредственно реконструируется система взглядов Бисмарка на Россию и русских. В первом параграфе содержится общее описание полученного массива данных. Второй параграф посвящен взглядам Бисмарка на Россию как географическое пространство, национальный характер русского народа и современное ему российское общество. Третий параграф раскрывает оценку Бисмарком современного ему российского государства, вооруженных сил и экономики. Четвертый параграф посвящен роли России в международных отношениях и российско-германским отношениям, включая мнение «железного канцлера» о возможной войне между Россией и Германией. В последнем параграфе раскрывается эволюция взглядов Бисмарка на Россию.

В четвертой главе взгляды Бисмарка сопоставляются со взглядами его современников. В первом параграфе раскрываются представления о России генерала А. фон Вальдерзее – типичного представителя прусской военной элиты. Во втором реконструируется образ России и русских у германской партийно-политической элиты – депутатов партий, представленных в рейхстаге. В третьем рассматривается образ России в произведениях Ю. фон Эккардта – одного из крупнейших германских публицистов рассматриваемого периода. Четвертый параграф посвящен образу России и русских на страницах ежедневной качественной прессы.

Наконец, пятая глава посвящена изучению влияния взглядов Бисмарка на его политические решения. В качестве кейсов для изучения взяты два эпизода, сыгравшие исключительно важную роль в развитии российско-германских

отношений рассматриваемого периода. Первый параграф посвящен заключению австро-германского союзного договора в 1879 г. Второй – так называемому «залоговому запрету» 1887 г., фактически изгнавшему российские ценные бумаги с германского финансового рынка. В обоих случаях речь идет о ключевых внешнеполитических решениях Бисмарка, мотивы которых остаются дискуссионными по сегодняшний день.

В заключении содержатся ключевые выводы исследования, раскрываются перспективы дальнейших научных изысканий в рассматриваемой области.

ГЛАВА 1.

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОТТО ФОН БИСМАРКА О РОССИИ

1.1. Роль мировоззрения государственного деятеля в процессе принятия внешнеполитических решений

Как уже было сказано во введении, теоретический фундамент данного исследования основан на двух ключевых тезисах: «личность имеет значения» и «убеждения имеют значение». Иначе говоря, личностный фактор играет заметную роль в принятии внешнеполитических решений, а мировоззрение, убеждения, представления человека оказывают большое влияние на восприятие им сложившейся ситуации, выбор вариантов действий и принятие решений.

В первую очередь необходимо рассмотреть вопрос о том, насколько велика данная роль. Эта проблема является предметом длительной дискуссии в рамках науки о международных отношениях, развивающейся параллельно и частично переплетающейся с дискуссией о роли личности в истории в рамках исследований прошлого¹. Данный вопрос подробно рассматривает в своей обзорной работе по проблемам анализа внешней политики американская исследовательница М. Брейнинг. Она пишет о том, что «лидеры имеют по крайней мере некоторую возможность оставить свой отпечаток в истории. Их влияние может быть невелико, если обстоятельства резко ограничивают выбор доступных им возможностей, или существенно больше, если у них есть более широкий спектр вариантов»².

¹ Дискуссию о роли личности в истории можно отнести к числу «больших споров» исторической науки, продолжающихся на протяжении веков. Подробное рассмотрение данной дискуссии в рамках представленного исследования не имеет смысла, поскольку на первом плане находится более узкий и конкретный вопрос – о влиянии личности политических лидеров на принятие внешнеполитических решений. О роли личности в истории см. напр. Гринин Л.Е. Роль личности в истории / Теория и методология истории. М., 2014. С. 250-262.

² Breuning M. Foreign Policy Analysis: A Comparative Introduction. N.Y., 2007. P. 28.

Безусловно, воздействие, которое оказывает личность государственного деятеля на внешнеполитический курс государства, значительно меняется в зависимости от контекста – страны, эпохи и даже конкретной ситуации. К примеру, степень влияния главы государства на внешнюю политику в гитлеровской Германии и современной ФРГ кардинально различается. Тем не менее, даже в развитой системе «сдержек и противовесов», где свобода конкретного политика жестко ограничено институциональными и нормативными рамками, у лиц, принимающих решения, существует определенное пространство выбора. Как справедливо отмечает один из классиков современной политической психологии Р. Джервис, «объективная ситуация не предопределяет все аспекты принимаемого решения; даже из горящего дома есть несколько выходов»¹.

Д. Баймен и К. Поллак формулируют три условия, при которых влияние отдельных личностей на внешнюю политику государства становится особенно значимым: если в их руках сосредоточен большой объем власти; если системные, внутренние или бюрократические игроки конфликтуют друг с другом; если обстановка постоянно меняется². Применительно к внешней политике Бисмарка особенно актуальны первое и третье условия. Его власть в данной сфере не была абсолютной, однако он играл ключевую роль: все значимые решения принимались в соответствии с его стратегией, ни одно решение не могло быть принято в обход «железного канцлера». Международная обстановка в период пребывания Бисмарка у власти характеризовалась высокой нестабильностью, в особенности в 1860-е гг. – во время кризиса Венской системы международных отношений и «Европейского концерта»³.

М. Брейнинг добавляет еще два важных соображения: во-первых, степень личного влияния лидера во многом зависит от наличия у него интереса ко внешней политике, во-вторых, объем пространства для маневра не является

¹ Jervis R. Perception and misperception... P. 20.

² Byman D.L., Pollack K.M. Let Us Now Praise Great Men: Bringing the Statesman Back In // International Security. 2001, Vol. 25, No. 4. P. 140-142.

³ См. напр. Baumgart W. Europäisches Konzert und nationale Bewegung. Internationale Beziehungen 1830–1878. Paderborn, 1999.

неизменной величиной – к примеру, оно имеет тенденцию резко увеличиваться в кризисных ситуациях¹. Интерес Бисмарка к дипломатии и внешней политике был ярко выраженным еще в ранней молодости, именно в этой сфере он добился наибольших успехов, и именно руководство внешней политикой Германской империи до последнего хотел сохранить за собой, когда зашла речь о его отставке в 1890 г. Что же касается кризисов, то ими была насыщена история международных отношений 1860-80-х гг. в Европе в целом и российско-германских отношений в частности.

Американская исследовательница М. Херманн, принадлежащая к числу ведущих специалистов в области политической психологии, формулирует следующие критерии ситуации, в которой влияние лидера становится доминирующим: 1) у лидера есть активный интерес к внешней политике, 2) проблема воспринимается как критическая для режима, 3) ситуация включает в себя дипломатические процедуры на высшем уровне, 4) рассматриваемая проблема представляет для лидера особый интерес². Все это, опять же, в высшей степени характерно для российско-германских отношений эпохи Бисмарка.

Разумеется, не все исследователи разделяют тезис о значимой роли политического лидера в процессе принятия решений. В особенности в рамках постпозитивистского поворота в общественных науках значимость индивида была поставлена под вопрос. Р. Джервис в своей фундаментальной работе приводит три главных аргумента противников тезиса о том, что личность политика имеет значение при принятии внешнеполитических решений. Во-первых, все государственные деятели определенной страны в определенную эпоху имеют примерно одинаковый набор убеждений и ценностей (менталитет); они находятся в рамках господствующего дискурса, который регламентирует их слова и действия. Во-вторых, став частью государственной машины, индивидуум склонен быстро адаптироваться к ней, принимать распространенные нормы и

¹ Breuning M. Op. cit. P. 31-32.

² Hermann M.G., Preston T., Korany B., Shaw T.M. Who Leads Matters: The Effects of Powerful Individuals // International Studies Review. 2001, Vol. 3, No. 2. P. 85.

правила игры. В-третьих, лидеры действуют в условиях множества ограничений самого различного характера, сковывающих их свободу действий¹.

Все эти замечания, безусловно, заслуживают внимания, однако в данном случае необходимо задаться вопросом о том, насколько они применимы в конкретной ситуации, о которой идет речь в настоящем исследовании. В случае с Бисмарком данные аргументы представляются довольно слабыми; далеко не случайно о прусской и германской внешней политике 1860-80-х гг. принято говорить как о «политике Бисмарка». Последний отличался неортодоксальными для консерватора взглядами, сделал карьеру вне бюрократического аппарата и не адаптировался к нему (а, скорее, адаптировал его под свои потребности). Что же касается институциональных ограничений, то они, безусловно, существовали. Глава правительства вынужден был считаться с монархом, армейской верхушкой, общественным мнением. Однако ни в одной другой сфере Бисмарк не пользовался такой свободой принятия решений, как в области внешней политики.

Еще одна распространенная точка зрения основана на концепции государственного деятеля как рационального игрока. Ее суть заключается в том, что принимаемое политиком решение диктуется исключительно контекстом, объективной ситуацией, и разные люди, оказавшись в одних и тех же условиях, для получения определенного результата будут вынуждены предпринимать одни и те же действия. Однако в рамках такого представления оказывается невозможным объяснить многие внешнеполитические решения². Кроме того, в таком случае становится непонятно происхождение многочисленных споров относительно лучшего пути достижения определенной политической цели. К их числу можно, например, отнести конфликт между Бисмарком и его покровителями братьями Герлахами во второй половине 1850-х гг., когда стороны придерживались различных взглядов на оптимальную внешнеполитическую стратегию для Пруссии. Если Бисмарк выступал за «свободу рук» и борьбу

¹ Jervis R. Do Leaders Matter and How Would We Know? // Security Studies. 2013. Vol. 22. Pp. 155-156.

² Herrmann R.K. Perceptions and Image Theory in International Relations / The Oxford Handbook... P. 336.

против Австрии за влияние в Германском союзе, то Герлахи стремились сохранить консервативный альянс с Веной. При этом стратегическая цель обеих сторон была одинаковой – сохранение прусской монархии и обеспечение ее дееспособности на международной арене¹. Вряд ли имеет смысл всерьез рассматривать представление о том, что во всех подобных ситуациях один из предлагаемых вариантов изначально является очевидно верным, а остальные – ошибочными, продиктованными глупостью или невежеством их авторов.

Один из ключевых вопросов здесь заключается в том, почему разные политические деятели, оказавшись в одной и той же ситуации, выбирают разные решения. В соответствии с концепцией, предложенной американским исследователем Д.Д. Барбером, различие между руководителями можно свести к трем основным факторам: характеру, мировоззрению и стилю. Характер – это черты личности, которые формируются еще в детстве. Мировоззрение составляют базовые убеждения, касающиеся свойств окружающего мира, человеческой природы, ключевых проблем морального характера. Наконец, стиль формируется в начале политической карьеры и включает в себя привычные методы решения текущих задач².

Впоследствии предлагались и другие варианты этого набора – в частности, М. Херманн говорит о четырех важных составляющих: базовые убеждения, мотивы, стиль принятия решений и стиль взаимодействия с другими людьми³. Один из крупнейших специалистов по психологии аналитической деятельности Р. Хойер писал в своей работе: «Люди конструируют свою собственную версию «реальности» на основе информации, которую получают от органов чувств. Но эта информация является объектом комплексных ментальных процессов, которые определяют, какая информация выбирается, как она организуется, и каким смыслом наделяется. Что именно человек воспринимает, насколько охотно он это

¹ Подробнее см. Власов Н.А. Бисмарк. С. 100-103.

² Barber J.D. The Presidential Character. Predicting Performance in the White House. N.Y., 2017. Pp. 5-6.

³ Hermann M. Explaining Foreign Policy Behavior Using the Personal Characteristics of Political Leaders // International Studies Quarterly. 1980. Vol. 24. No. 1. P. 8.

делает и как обрабатывает данные – все это сильно зависит от его прошлого опыта, образования, культурных установок, ролевых моделей, организационных норм, равно как и от специфики самой информации»¹. В рамках данного исследования в фокусе внимания находится именно система убеждений и представлений, касающихся окружающей реальности начиная от базовых философских вопросов и заканчивая конкретными объектами и процессами.

Влияние существующих у человека убеждений и представлений на восприятие им новой информации является давно и хорошо изученным феноменом². Современная психология давно отказалась от концепции рациональной личности, которая критически оценивает поступающую информацию, проверяет свои взгляды и при необходимости модифицирует их. Такое представление о человеческой психике было опровергнуто в ходе «когнитивной революции», начавшейся в 1960-е гг. и ориентированной на отход от представления о человеческом мышлении как чисто рациональном процессе. Наиболее значимым представителем данного направления в современной когнитивной психологии считается Д. Канеман³.

Однако и существовавшее у ряда исследователей противоположное представление, что люди попросту верят в то, во что они хотят верить, к настоящему моменту отвергнуто как слишком упрощенное. Тем не менее, совершенно бесосновательным его назвать тоже нельзя. В современной психологии широкое распространение приобрел термин «мотивированные суждения» – суждения, которые неосознанно делаются таким образом, чтобы подтвердить существующие убеждения и сократить когнитивный диссонанс. В результате человек ищет подтверждения наиболее приятному для него выводу⁴. По словам исследователей Н. Эплея и Т. Джиловича, «люди обычно рационализируют путь к выводам, которые они предпочитают, и их предпочтения

¹ Heuer R.J. Psychology of intelligence analysis. Washington, 1999. P. 4.

² См. напр. Емельянова Т.П. Социальные представления. История, теория и эмпирические исследования. М., 2016.

³ Kahneman D. Thinking, Fast and Slow. N.Y., 2011.

⁴ Kunda Z. The Case for Motivated Reasoning // Psychological Bulletin. 1990. Vol. 108. No. 3. P. 495.

влияют на сбор данных, выработку аргументов и воспоминания о прошлом опыте. На каждый из этих процессов незаметно влияет мотивация, и в итоге возникает искаженное убеждение, которое человек считает объективным»¹. «Люди хотят жить в согласии с самими собой, и это сильно влияет на их убеждения» - считает Р. Джервис².

Рассматривая в дальнейшем проблему формирования взглядов и их влияния на принимаемые решения, мы будем опираться в первую очередь на классические работы Р. Джервиса в сфере политической психологии³. Эти работы находятся в русле упомянутой выше «когнитивной революции» и опираются на ее достижения. Здесь, однако, перед исследователем встает вопрос о том, характерна ли «ограниченная рациональность» для политических деятелей в той же степени, что и для обычных людей. Эта проблема является дискуссионной; по понятным причинам проведение психологических экспериментов с политиками высокого уровня более затруднительно, чем с университетскими студентами или добровольцами из числа рядовых граждан. Э. Хафнер-Бертон, А. Хьюджес и Д. Виктор на основании проведенных исследований считают, что политики высокого уровня – в особенности имеющие опыт в определенном вопросе – принимают решение более рациональным образом, чем среднестатистический гражданин⁴. Однако следует подчеркнуть, что и в данном случае речь не идет о каких-либо принципиальных отличиях, которые делали бы лиц, принимающих решения, идеальными рациональными игроками.

В первую очередь важно отметить, что именно убеждения и представления во многом определяют, как человек видит ситуацию, воспринимает поступившую информацию, какие варианты решений рассматривает и как их оценивает. По словам Р. Джервиса, «часто невозможно объяснить ключевые решения, не

¹ Epley N., Gilovich T. The Mechanics of Motivated Reasoning // The Journal of Economic Perspectives. 2016, Vol. 30, No. 3. P. 133.

² Jervis R. Perception and misperception... P. lxxv.

³ Ibid.; Jervis R. How Statesmen Think...

⁴ Hafner-Burton E.M., Hughes A., Victor D.G. The Cognitive Revolution and the Political Psychology of Elite Decision Making // Perspectives on Politics. 2013, Vol. 11, No. 2. Pp. 368-386.

рассматривая убеждения политиков и существующие у них образы других»¹. Именно поэтому, как уже говорилось выше, американский историк О. Пфланце в первых главах своей биографии Бисмарка уделил пристальное внимание формированию его мировоззрения, в том числе убеждениям, представлениям и стереотипам, которые «возникают в плавильном тигле его ума и неизбежно содержат примеси личных и социальных предрассудков»². При принятии решений политики, как и обычные люди, часто рассматривают только те альтернативы, которые соответствуют сложившейся у них системе взглядов³.

Согласно результатам вышеупомянутых исследований, сформировав определенное суждение относительно происходящих событий и процессов, человек затем рассматривает возможные варианты действий. Столкнувшись с необходимостью принять решение в конкретной ситуации, он стремится как можно быстрее и проще решить данную задачу. Действует психологический механизм, получивший название «эвристики» - поиск легкого пути к решению на основании наиболее доступной информации⁴. Человек зачастую опирается на имеющиеся у него «заготовки» - варианты, подсказанные уже сложившимися убеждениями и опытом. Если у него был успешный опыт решения проблемы определенным методом, он с высокой степенью вероятности будет стремиться использовать этот метод и в дальнейшем. Только весьма серьезный провал может заставить его пересмотреть те посылки, на которых основаны решения⁵.

С точки зрения целей представленного исследования нам необходимо более подробно обратиться к вопросу о том, что представляют собой взгляды и убеждения и как они формируются. Согласно исследованиям когнитивных психологов, мировоззрение человека образует единую систему, отдельные элементы которой взаимосвязаны и, как правило, не противоречат друг другу. При этом существует иерархия этих элементов: убеждения более общего порядка

¹ Jervis R. Perception and misperception... P. 28.

² Pflanze O. Bismarck. Der Reichsgründer. München, 2008. S. 70.

³ Mintz A., DeRouen K. Understanding Foreign Policy Decision Making. Cambridge, 2010. P. 32.

⁴ См. Kahneman D. Op. cit.

⁵ Jervis R. Perception and misperception... P. 191.

во многом определяют взгляд человека на конкретные вопросы¹. Так, если политик воспринимает международные отношения в первую очередь как борьбу за доминирование, все участники которой стремятся любой ценой усилить свое могущество и влияние, то и в конкретном иностранном государстве он будет видеть в первую очередь конкурента, а все миролюбивые заявления трактовать как лицемерие или признак слабости. По словам Р. Джервиса, «образы других государств складываются под сильным влиянием теорий, существующих в головах государственных деятелей, причем зачастую на подсознательном уровне» и касающихся природы людей и политики в целом².

Разумеется, при рассмотрении мировоззрения нельзя ограничиваться убеждениями, касающимися наиболее масштабных, базовых сюжетов. Мировоззрение представляет собой весь комплекс взглядов человека на окружающий мир. При поиске решения в конкретной ситуации значительную роль играют и представления по конкретным вопросам. Как пишет Р. Джервис, «теории и сформированные ими ожидания весьма могущественны и управляют восприятием на самых разных уровнях – от самых общих и зачастую подсознательных представлений о том, что движет людьми и какие силы правят миром, до намного более узких взглядов на специфические ситуации, обстоятельства и людей»³.

Если рассматривать взгляды политического лидера на отношения с зарубежным государством, то речь среди прочего идет как о представлениях, касающихся системы международных отношений в целом, так и об образе конкретной страны, который во многом определяет границы возможного и предполагаемый оптимальный путь к достижению цели, и даже об образе конкретного «оппонента» - руководителя иностранного государства. К примеру, если политик считает страну непредсказуемой и агрессивной, он вряд ли станет придавать большое значение достижению долгосрочных договоренностей с ней.

¹ См. напр. Brewer P.R., Steenbergen M.R. All Against All: How Beliefs about Human Nature Shape Foreign Policy Opinions // *Political Psychology*. 2002, Vol. 23, No. 1. Pp. 39-58.

² Jervis R. *How Statesmen Think*. P. 120.

³ Jervis R. *Perception and misperception...* P. xxxiii.

Если он считает именно личность ключевым фактором при принятии решений, он будет выстраивать политическую линию исходя из своих представлений о руководителе иностранной державы и своих отношений с ним.

В своем исследовании убеждений и представлений Г. Трумэна Ф. Розенберг предлагает аналитическую структуру, включающую в себя три уровня взглядов. Первый образуют центральные убеждения, которые можно назвать жизненной философией – о самом себе, о природе мира и человека и т.п. Именно этот уровень играет главную и определяющую роль. На втором уровне находятся общие представления о политике и политической деятельности. Третий уровень составляет образ конкретного объекта (например, государства или международной проблемы)¹. Эти образы, как правило, взаимосвязаны и не противоречат друг другу.

Конечно, вполне возможно сочетание в сознании одного человека двух взаимоисключающих убеждений или представлений. Такое может произойти, к примеру, в том случае, если одно вытекает из некоего общего принципа, которого придерживается человек, в то время как другое является выгодным для него в конкретной ситуации². Однако здесь существует один важный нюанс: эта противоречивость может быть прекрасно заметна со стороны, но сам человек обычно не замечает конфликта между своими взглядами или находит ему правдоподобное объяснение. Стратегия избегания когнитивного диссонанса работает и в данном случае.

Говоря о формировании представлений, важно учитывать скорость этого процесса. Мозг стремится как можно быстрее сформировать цельную, законченную картину объекта, даже если у него недостаточно информации. «Мы – животные, создающие смыслы, - пишет Р. Джервис. – Мы быстро интерпретируем, рассказываем другим (и самим себе) истории о том, что происходит, и разгадываем загадки так стремительно, как только можем»³. В

¹ Rosenberg P. The Belief System of Harry S. Truman and Its Effect on Foreign Policy Decision-Making during His Administration // *Presidential Studies Quarterly*. 1982, Vol. 12, No. 2. P. 227.

² Jervis R. Understanding Beliefs // *Political Psychology*. 2006, Vol. 27, No. 5. P. 648.

³ Jervis R. Perception and Misperception... P. xxxii.

данном случае работает эволюционный механизм: создать завершённый образ объекта и определить его ключевые характеристики являлось навыком, критически важным для выживания, при этом скорость имела приоритет перед точностью. Итогом нередко становятся поспешные выводы и обобщения¹.

Формирование представлений об объекте осуществляется, как правило, подсознательно, на основе доступной информации, которая часто является неполной и фрагментарной. Источниками информации, которая используется при формировании образов и убеждений могут являться:

- распространённые в обществе или определенной социальной группе представления, которые имеют статус «общеизвестных истин»;
- информация, полученная из авторитетных для человека источников – начиная от членов семьи и заканчивая людьми, которых человек по какой-либо причине считает экспертами в рассматриваемом вопросе;
- личный опыт.

Если речь идет о формировании представлений о другой стране, народе или любом коллективе, который воспринимается как «Другие», важную роль начинает играть собственная идентичность. «То, как индивиды и группы видят других, взаимосвязано с их представлениями о самих себе» - отмечает по этому поводу Р. Джервис². Образ «Другого» тесно связан с собственной идентичностью (образом «Я») и, в свою очередь, влияет на ее формирование. По словам одного из классиков исследования проблем идентичности в международных отношениях И. Нойманна, «Я и Другой – не только взаимно обуславливающие друг друга сущности, между ними не может быть границы. Я и Другой перетекают друг в друга»³. Представления о «Другом» часто приобретают характер весьма устойчивых предрассудков. При этом, как уже говорилось выше, более общие убеждения определяют взгляд на конкретные объекты. Как пишет Р. МакДермотт,

¹ Подробнее см. Kahneman D. Op. cit.

² Jervis R. How Statesmen Think. P. 4.

³ Neumann I.B. Uses of the Other. "The East" in European Identity Formation. Minneapolis, 1998. P. 36. Существующий перевод этой книги (Нойманн И. Использование «Другого». М., 2004) не используется нами в связи с весьма низким качеством текста.

«предрассудок подразумевает, что любой индивид, принадлежащий к негативно оцениваемой группе, обладает всеми отрицательными характеристиками, приписываемыми данной группе»¹.

Нельзя недооценивать и роль эмоционального фактора в формировании и функционировании убеждений и представлений. Эмоции и чувства не являются чем-то чуждым, противоположным рассудку; они неустранимо присутствуют в наших мыслительных процессах, оказывая влияние на формирование образов и принятие решений². Вопросы, связанные с собственной идентичностью, неизбежно вызывают у человека эмоциональный отклик; в результате и сформировавшиеся образы оказываются эмоционально окрашенными и приобретают еще большую устойчивость.

Столь же важен эмоциональный фактор и в вопросах, связанных с оценкой иностранного государства как возможной угрозы. Во многом именно поэтому представления о существующей угрозе оказываются весьма стабильными и устойчивыми даже перед лицом противоречащей им информации³.

Единожды сформировавшись, взгляды и представления нередко оказываются весьма устойчивыми к изменениям. Как показывают исследования, из большого массива информации люди склонны выбирать и запоминать в первую очередь те факты, которые подтверждают существующие у них убеждения. Индивид зачастую подсознательно стремится к тому, чтобы новые убеждения и представления не противоречили уже имеющимся и не создавали когнитивного диссонанса⁴. К примеру, впечатления от посещения иностранного государства сильно зависят от того образа этой страны, который уже существует в сознании человека. В классическом исследовании психологов А. Хесторфа и Х. Кентрила болельщики двух футбольных команд, посмотревшие запись одного и того же скандального матча, возложили ответственность за «грязную игру» на

¹ McDermott R. Op. cit. P. 98.

² Подробнее см. Damasio A.R. Descartes' Error. Emotion, Reason and the Human Brain. N.Y., 1994.

³ Stein J.G. Threat Perception in International Relations / Oxford Handbook... P. 375.

⁴ Mercier H. Confirmation bias – myside bias / Cognitive Illusions. Intriguing phenomena in thinking, judgment and memory. L.&N.Y., 2017. Pp. 99-114.

команду противника, причем смогли привести аргументы в поддержку своей точки зрения¹.

Даже при наличии информации, которая противоречит существующему у человека образу объекта, она будет с высокой степенью вероятности проигнорирована или отвергнута. Избегая когнитивного диссонанса, индивид часто стремится подтвердить существующие у него взгляды, а не опровергнуть их. Как пишет по этому поводу Р. Джервис, «поразительно, что люди часто сохраняют существующие у них в голове образы даже перед лицом того, что впоследствии кажется однозначно опровергающей их информацией. Мы игнорируем информацию, которая не подходит к нашим убеждениям, изменяем ее так, чтобы она не конфликтовала с ними, или просто отрицаем ее валидность. Подтверждающая информация, напротив, быстро и точно усваивается»². Более того, нередко ситуации, когда под влиянием диссонирующей информации убеждения и представления не только не меняются, но, наоборот, парадоксальным образом укрепляются³. Человек склонен проявлять большую изобретательность, изобретая множество способов не менять сложившуюся систему взглядов.

Необходимо принять во внимание, что значительная часть поступающей к нам информации допускает различные варианты толкования. К примеру, заявление зарубежного лидера о желании жить в мире с нашей страной может трактоваться как признак искреннего миролюбия, как признак слабости или как коварная ложь. Люди при этом склонны выбирать тот вариант, который соответствует их убеждениям и представлениям, и рассматривать эту информацию как подтверждающую их взгляды⁴. Р. МакДермотт пишет по данному поводу: «Лидеры часто выборочно подходят к имеющейся информации,

¹ Hastorf A., Cantril H. They Saw a Game: A Case Study // Journal of Abnormal Psychology. 1954. Vol. 49 (1). Pp. 129-134.

² Jervis R. Perception and misperception... P. 143.

³ Munro G.D., Ditto P.H. Biased Assimilation, Attitude Polarization, and Affect in Reactions to Stereotype-Relevant Scientific Information // Personality and Social Psychology Bulletin. 1997, Vol. 23, No. 6. Pp. 636-653.

⁴ Stein J.G. Op. cit. P. 374.

придавая больше веса тем сведениям, которые соответствуют уже существующим у них убеждениям и подходам. Они проверяют эти сведения менее тщательно и критично, чем ту информацию, которая противоречит их убеждениям и подходам. Сталкиваясь с информацией, противоречащей их взглядам, индивиды часто либо игнорируют ее, либо находят причины усомниться в ее истинности. Это может происходить даже в том случае, если противоречащие сведения поступают по нескольким независимым друг от друга каналам. Когда люди получают информацию, содержащую свидетельства как в пользу, так и против укоренившихся у них убеждений, они склонны придавать значение подтверждающим сведениям и отметить противоречащие»¹. Порой человек отказывается изменить свои взгляды, даже имея перед глазами очевидные доказательства их ложности. Это относится и к прогнозам, которые делают политические лидеры и эксперты; даже если прогноз не оправдался, люди часто склонны считать его фундаментально верным и не подвергать сомнению те основания, на которых он был построен².

Аналогичные процессы происходят и в человеческой памяти. Люди склонны лучше всего запоминать то, что соответствует их стереотипным образам и представлениям. Более того, в дальнейшем мозг активно работает над воспоминаниями, часто модифицируя их таким образом, чтобы они соответствовали системе взглядов. Современные исследования механизмов памяти продемонстрировали, что фактически при каждом обращении к воспоминанию оно «реконструируется» заново и может быть актуализировано в соответствии с целями и задачами человека в конкретной ситуации³. Это особенно важно учитывать, когда речь идет об осмыслении прошлого опыта, актуального с точки зрения задач настоящего момента.

¹ McDermott R. Op. cit. P. 123.

² См. классическую работу Tetlock P. Expert Political Judgment. How Good It Is? How Can We Know? Princeton, 2017.

³ См. McBride D.M., Cutting J.C. Cognitive Psychology. Theory, Process and Methodology. L., 2019. Pp. 165-194.

Изменение укоренившихся взглядов является возможным, однако для этого зачастую необходимо достаточно сильное потрясение. К примеру, такое может произойти, если решение, принятое на основании определенных представлений, ведет к катастрофическим последствиям. Наиболее упорно сопротивляются изменениям центральные, базовые взгляды человека¹. По словам Дж. Леви, «когда люди сталкиваются с постоянными нестыковками между своей системой убеждений и окружающим миром, они сперва меняют взгляды по тактическим вопросам – относительно лучших способов достичь частных целей. Свои стратегические убеждения и ориентацию они меняют лишь после провала тактических решений, а базовые цели и намерения пересматривают лишь после неоднократных стратегических провалов. Изменения фундаментальных убеждений зачастую настолько трудны с психологической точки зрения, что происходят только вместе с большими личностными трансформациями»². Можно сделать вывод о том, что чем более важную роль играет конкретное представление в системе мировоззрения человека, чем теснее оно связано с его центральными, ключевыми убеждениями человека, тем сильнее окажется сопротивление его пересмотру.

Разумеется, нельзя утверждать, что все люди одинаково твердо придерживаются существующих у них представлений. Так, в одной из своих работ М. и Ч. Херманн делят политических лидеров на «чувствительных» к новой информации и «нечувствительных», принимающих решения исходя из своих убеждений³. Очевидно, речь идет о достаточно широком диапазоне, в рамках которого индивидуальные особенности играют значительную роль. Тем не менее, и в данном случае речь идет не о наличии или отсутствии определенных психологических механизмов, а лишь о степени их выраженности.

¹ Jervis R. Perception and misperception... P. 297.

² Levy J.S. Psychology and Foreign-Policy Decision Making / The Oxford Handbook of Political Psychology. Ed. by L. Huddy, D. Sears, J. Levy. Oxford, 2013. P. 311.

³ Hermann M.G., Hermann C.F. Who Makes Foreign Policy Decisions and How: An Empirical Inquiry // International Studies Quarterly . 1989, Vol. 33, No. 4. P. 365-366.

Таким образом, мы можем с уверенностью утверждать, что актуальность изучения взглядов Бисмарка на Россию в контексте анализа его внешнеполитических решений является очевидной в рамках современной политической психологии. На данном этапе важно отметить некоторые распространенные особенности формирования и функционирования представлений, которые отмечают когнитивные психологи: их быстрое формирование (иногда на основе неполной информации), устойчивость к изменениям и склонность человека искать подтверждение, а не опровержение сложившихся взглядов.

Признание значительной роли убеждений и представлений политических лидеров в процессе принятия решений неизбежно влечет за собой постановку вопроса о реконструкции этих убеждений и разработке соответствующих методов.

1.2. Методологические подходы к реконструкции убеждений: качественный контент-анализ и «обоснованная теория»

В рамках исторической науки реконструкция представлений политических деятелей прошлого не является совершенно новой задачей. В качестве одного из наиболее известных примеров такой реконструкции можно привести исследование Р. Цительманна, посвященное взглядам А. Гитлера¹. Однако методологическая составляющая таких исследований во многих случаях представляется недостаточно проработанной, что позволяет поставить под сомнение полученные результаты.

Между тем, на сегодняшний день в рамках общественных наук разработан целый набор методов, позволяющих реконструировать представления человека на основании принадлежащих ему текстов². В первую очередь речь идет о

¹ Цительманн Р. Гитлер: мировоззрение революционера. М., Челябинск, 2024.

² Обзор подходов и методов, применяемых сегодня при реконструкции представлений человека об иностранных государствах и народах, см. Herrmann R.K. *Op. cit.*

существующих в исследованиях международных отношений «дистанционных» методах, позволяющих «получить надежные и валидные данные относительно лидеров и смягчить проблему отсутствия прямого доступа к политическим лидерам и частному материалу, который мог бы раскрыть их индивидуальные характеристики»¹. Эти методы широко используются на практике на протяжении достаточно длительного времени и в целом хорошо зарекомендовали себя, хотя ни один из них не свободен от определенных недостатков.

В качестве примера подобных методов можно привести когнитивное картирование. Оно появилось в 1970-е гг., и в его основе лежит идея о том, что, изучая высказывания определенного человека, мы можем реконструировать его мировоззрение, выявить устойчивые реакции на вызовы из внешней среды и благодаря этому прогнозировать его поведение в будущем.

«Отцом» метода когнитивного картирования можно считать американского политолога Р. Аксельрода, опубликовавшего в 1976 г. работу «Структура решения: когнитивные карты политических элит»². В дальнейшем весомый вклад в развитие методологии внесли, в первую очередь, Дж. Бонэм и М. Шапиро. В частности, в одной из своих первых работ они построили когнитивные карты, отражавшие взгляды американских дипломатов на арабо-израильский конфликт³.

Ключевым элементом метода когнитивного картирования является составление графической когнитивной карты, на которой отображаются взаимосвязи между различными понятиями и объектами в представлении политического деятеля. Как пишет отечественная исследовательница К.П. Боришполец, «когнитивная карта представляет собой графическое отображение имеющегося в сознании человека плана (стратегии) сбора, переработки и хранения информации, а следовательно, является основой его

¹ Dyson S.B. Personality and Foreign Policy: Tony Blair's Iraq Decisions // Foreign Policy Analysis. 2006, Vol. 2, No. 3. P. 290.

² Axelrod R. Structure of decision. Cognitive maps of political elites. Princeton, 1976.

³ Bonham G.M., Shapiro M.J., Trumble T.L. The October War: Changes in Cognitive Orientation Toward the Middle East Conflict // International studies quarterly. Vol. 23. No. 1. March 1979. P. 3-44.

представлений о прошлом, настоящем и вероятном будущем»¹. В результате анализа массива однотипных текстов исследователь выделяет основные понятия, которые использует их автор, и логические связи между ними. Эта информация наносится на когнитивную карту, где отображается не только наличие, но и характер и значимость причинно-следственных связей, существующих в текстах (а следовательно, и в сознании) политика. Карта позволяет также ранжировать различные понятия, объекты и темы по степени их значимости для автора текстов. В дальнейшем карта обрабатывается, в том числе с помощью математических методов, и интерпретируется исследователем.

Методика составления и вид когнитивной карты в большой степени зависят от целей и задач конкретного исследования. При помощи когнитивного картирования можно изучать как особенности мировоззрения политического лидера в целом, так и его взгляды на конкретную проблему. Мы можем выявить ключевые ценности человека, его центральные убеждения, значение для него различных понятий, сюжетов и тем, способы реагировать на различные ситуации, а также представления о конкретных проблемах, их внутренней структуре и связи с другими сюжетами.

В отечественной практике одна из первых попыток составления когнитивной карты была произведена именно в отношении Бисмарка². Эта работа весьма ограничена по своим масштабам и содержит один серьезный недостаток: анализируя мемуары «железного канцлера», авторы проверяли правильность своих выводов, «прогнозируя» с их помощью действия Бисмарка, совершенные за четверть века до написания этих мемуаров. Сегодня метод пользуется ограниченной популярностью, хотя ряд исследователей продолжает его использовать³. В качестве примера можно назвать нидерландского политолога

¹ Боришполец К.П. Методы политических исследований. М., 2010. С. 82.

² Луков В.Б., Сергеев В.М. Опыт моделирования мышления исторических деятелей: Отто фон Бисмарк, 1866—1876 гг. // Вопросы кибернетики. Вып. 95. Логика рассуждений и её моделирование. М., 1983. С. 148-161.

³ Харчук Е.Н. Методология когнитивного картирования в исследованиях международных отношений: возможности и ограничения // Актуальные проблемы международных отношений и

Ф. ван Эша, опубликовавшего ряд работ по различным проблемам, основанных на анализе когнитивных карт политических деятелей¹.

Одной из главных проблем данного метода является его сложность. Действительно, если попытаться охватить всю систему убеждений человека при помощи одной схемы, размеры последней быстро сделают ее крайне неудобной для анализа. Именно поэтому с 1980-х гг. активно разрабатывается программное обеспечение, которое помогает справиться с этой проблемой.

Другим интересным методом является анализ операционного кода, который можно назвать разновидностью контент-анализа. Он появился после Второй мировой войны во многом благодаря попыткам с помощью информации из открытых источников понять психологию советского руководства и научиться прогнозировать его действия. Не случайно одна из первых и наиболее известных работ в рамках данной методологии была посвящена операционному коду Политбюро². На рубеже 1960-70-х гг. новый импульс развитию этого метода придали работы А. Джорджа, который создал стройную систему правил реконструкции операционного кода³. В основе методологии лежит та же идея, что и у когнитивного картирования: на основании анализа большого массива текстов мы можем выявить устойчивые паттерны и тем самым реконструировать взгляды действующего лица. Не случайно некоторые исследователи – к примеру, О. Холсти – участвовали в теоретической разработке и активно использовали на практике оба метода⁴.

В дальнейшем метод анализа операционного кода не приобрел большой популярности, но и не сошел со сцены, продолжив развиваться. Исследователи используют его по сегодняшний день – среди них можно назвать Д. Шефера,

международного права. Материалы международной научно-практической конференции. М., 2018. С. 573-580.

¹ См. напр. Van Esch, F.A.W.J. Why Germany wanted EMU. The Role of Helmut Kohl's Belief-System and the Fall of the Berlin Wall // German Politics, 2012, Vol. 21(1). Pp. 34-52.

² Leites N. The Operational Code of the Politburo. N.Y., 1951.

³ George A. The Operational Code: A Neglected Approach to the Study of Political Leaders and Decision Making // International Studies Quarterly, 1969, Vol. 23. Pp. 190–222.

⁴ См. напр. Holsti O. Making American foreign policy. N.Y., 2006.

С. Уокера, А. Маличи, М. Стивенсона, М. Янга и других¹. Примерами крупных исследований с использованием данного метода, опубликованных в последние годы, являются монография немецкой исследовательницы Д. Анкель, посвященная убеждениям канцлера ФРГ Ангелы Меркель в ходе кризиса еврозоны², и работа отечественного исследователя Д.А. Ланко, посвященная влиянию регионального подхода на внешнюю политику России и США в начале XXI в.³

Операционный код представляет собой набор ценностей и убеждений, которые влияют на принимаемые политическим лидером решения. Как пишет Д.А. Ланко, «наименование операционального кодирования получил метод дистанционного исследования ценностей политических лидеров путем анализа текстов их выступлений. Операциональным кодом, таким образом, является уникальный набор ценностей, присущий только данному политическому лидеру»⁴. По мнению сторонников метода, знание операционного кода позволяет не только лучше понимать уже принятые решения, но и прогнозировать будущее, поскольку этот код обычно не подвержен быстрым и радикальным изменениям.

Ключевым элементом данного метода является анализ текстов с целью определить ключевые убеждения политического лидера, связанные как с его общими представлениями об окружающем мире (например, является ли будущее предсказуемым), так и с предпочтительными вариантами действий в различных ситуациях (например, жестко ответить на вызов, пойти на компромисс или уступить). Распространенной методикой при этом является анализ использования политиком различных глаголов в определенном контексте. Он достаточно строго формализован, обработка текстов происходит по определенным правилам в

¹ Подробнее см. *Beliefs and Leadership in World Politics. Methods and Applications of Operational Code Analysis*. Ed. by Mark Schafer and Stephan G. Walker. N.Y., 2006; *Rethinking foreign policy analysis: states, leaders, and the microfoundations of behavioral international relations*. Ed. by Stephen G. Walker, Akan Malici, and Mark Schafer. N.Y., 2011.

² Ankel D. *Angela Merkels Überzeugungen in der Eurokrise. Eine Operational Code Analyse*. Wiesbaden, 2020.

³ Ланко Д.А. *Влияние регионального подхода на внешнюю политику (на примере России и США в 2000-2008 годах)*. СПб., 2014.

⁴ Там же. С. 152.

рамках так называемой системы VICS¹. В 1990-е гг. было разработано и соответствующее программное оборудование, позволяющее осуществлять анализ текстов в автоматическом режиме. Используя методы, разработанные в рамках теории игр, можно моделировать ситуации взаимодействия между политиками с различным операционным кодом. На практике прогнозирование с помощью операционного кода не получило большого распространения.

Методика представленного исследования была, однако, разработана на основании двух других широко распространенных методологических подходов: качественного контент-анализа и «обоснованной теории».

Качественный контент-анализ

Контент-анализ является одним из наиболее старых и распространенных, в том числе в исторической науке, методов анализа текстов. Сегодня в рамках контент-анализа можно выделить несколько направлений, поэтому Дж. Дриско и Т. Маски определяют его как «семейство исследовательских техник, используемых для того, чтобы делать системные, убедительные, или валидные и воспроизводимые выводы из текстов и других форм коммуникации»². Под «другими формами» подразумеваются в первую очередь визуальные материалы. Общей чертой различных видов контент-анализа является использование значительных по объему массивов данных с целью получения информации об определенных характеристиках (взглядах, мировоззрении, интересах, целях и т.д.) тех, кто стоит за этими данными – от конкретных авторов до больших социальных групп (здесь контент-анализ в определенном смысле смыкается с дискурс-анализом).

Исследователи выделяют три фазы развития контент-анализа. В XVIII-XIX вв. предпринимались первые попытки анализа больших массивов текста с целью выявления повторяющихся элементов. В первой половине XX в. началось

¹ Schafer M., Walker S.G. Operational Code Analysis at a Distance: the Verbs in Context System of Content Analysis / Beliefs and Leadership in World Politics. P. 25-52.

² Drisko J.W., Maschi T. Content Analysis. Oxford, 2016. P. 7.

становление количественного контент-анализа как исследовательского метода. Важную роль здесь сыграл политолог Г. Лассуэлл, использовавший контент-анализ для изучения военной пропаганды Германии. На втором этапе были разработаны теоретические основы контент-анализа, сформулированы четкие правила проведения исследований и верификации их результатов. Само название «контент-анализ» окончательно установилось по итогам прошедшей в 1941 г. в США конференции по междисциплинарным исследованиям массовой коммуникации. На рубеже 1940-50-х гг. появились и первые учебники контент-анализа. В это же время началось превращение контент-анализа из чисто количественного метода в более широкий методологический подход, который приобрел междисциплинарный характер¹.

Дж. Дриско и Т. Маски выделяют в своем обзоре три направления современного контент-анализа: базовый, интерпретирующий и качественный. При этом они отмечают, что провести четкие границы между данными тремя категориями практически невозможно². Существует и точка зрения, согласно которой деление на «количественный» и «качественный» контент-анализ в принципе лишено смысла³.

Классический, или **базовый контент-анализ** является в первую очередь количественным методом исследования. Собрав определенный массив источников, исследователь определяет единицу анализа (ею может стать отдельное слово, набор синонимов, тема и т.д.) и предмет подсчета (частота употребления, объем и т.д.). Полученные результаты позволяют сделать, например, выводы о том, как определенный человек (или группа людей) относится к некой проблеме (насколько серьезное внимание ей уделяет, какие слова и выражения использует при обращении к ней), как меняется это отношение с течением времени (и в зависимости от происходящих событий), сравнить его с отношением к проблеме другого человека (группы людей). Количественный

¹ Schreier M. Qualitative Content Analysis in Practice. L., 2012. Pp. 9-13.

² Drisko J.W., Maschi T. Op. cit. P. 13.

³ Früh M. Inhaltsanalyse. Theorie und Praxis. Konstanz, 2004. S. 67-74.

контент-анализ легко поддается автоматизации, поэтому в распоряжении исследователей имеется большой выбор различного программного обеспечения. Этот метод достаточно активно применяется и в сфере исторических исследований: в качестве примера можно привести работу О.И. Григорьевой, изучившей эволюцию образа нацистской Германии на страницах газеты «Правда» в 1933-41 гг.¹

Однако при простом подсчете единиц анализа порой теряются важные нюансы – такие, как контекст употребления термина, характер этого употребления (всерьез или с насмешкой и т.п.). Чтобы получить валидные результаты, исследователю приходится принимать во внимание множество факторов, которые трудно учесть при компьютерной обработке данных. Соответствующая критика в адрес количественного контент-анализа прозвучала еще в начале 1950-х гг.² Для получения исследовательских результатов часто требуется не просто подсчет, а интерпретация источников, что характерно для качественных методов исследования.

В отличие от базового, **интерпретирующий контент-анализ** «не ограничивается подсчетом частоты употребления слов или картинок; он требует тщательной работы с учетом контекста и релевантной информации, касающейся скрытых помыслов, намерений и взглядов, не нашедших прямого отражения в тексте»³. Примеры интерпретирующего контент-анализа – изучение вражеской пропаганды с целью определить истинные намерения противника или анализ студенческих отзывов о преподавателях, в которых намеки и умолчания играют не менее значимую роль, чем прямые утверждения.

Качественный контент-анализ считается самым молодым из всех направлений (его становление приходится на рубеж XX-XXI вв.) и не подразумевает статистической обработки данных как таковой. В основе этого

¹ Григорьева О.И. Эволюция образа Германии в советской пропаганде: контент-анализ материалов газеты «Правда» (январь 1933 – июнь 1941 г.) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 61. С. 92-97.

² Titscher S., Wodak R., Meyer M., Vetter E. Methoden der Textanalyse: Leitfadens und Überblick. Wiesbaden, 1998. S. 83.

³ Drisko J.W., Maschi T. Op. cit. P. 66.

метода лежат три ключевых тезиса. Во-первых, смысл текста не всегда выражен напрямую, может быть достаточно сложным. Во-вторых, часто для понимания смысла нам нужно анализировать текст (или даже серию текстов) целиком, он неразложим на отдельные компоненты без существенных потерь. В-третьих, частота упоминания не всегда является главным признаком значимости той или иной темы или высказывания¹. Ф. Майринг обращает также особое внимание на необходимость рассматривать каждое высказывание как составляющую процесса коммуникации, помещать его в широкий контекст². Качественный контент-анализ используется в первую очередь там, где авторы текстов избегают прямых высказываний или сами не до конца осознают свои собственные взгляды по определенному вопросу. Характерным примером является анализ интервью, взятых в рамках социологических исследований.

Необходимо отметить, что границы качественного контент-анализа, его методология и задачи на сегодняшний день интерпретируются достаточно широко. В ряде случаев становится трудно провести границу между качественным контент-анализом, дискурс-анализом и «обоснованной теорией». Пожалуй, ключевое различие лежит в сфере гносеологии и эпистемологии исследования. Контент-анализ является в основе своей позитивистским методом, подразумевающим дедуктивный подход: на основе теоретических предпосылок выдвигаются гипотезы, которые затем проверяются в ходе исследования. Правда, необходимо вновь оговориться, что «постпозитивистская революция» оказала свое влияние и на развитие контент-анализа, причем в наибольшей степени именно качественного, который иногда не вполне справедливо называют «конструктивистским методом»³. Тем не менее, позитивистские «корни» методологии остаются актуальными, и это становится очевидным при подробном рассмотрении процесса исследования.

¹ Ibid. P. 83.

² Mayring P. Op. cit. P. 50.

³ Drisko J.W., Maschi T. Op. cit. P. 92.

Столь же непросто отделить друг от друга качественный и интерпретирующий контент-анализ; более того, само разделение на эти две категории представляется нам несколько искусственным. В связи с этим под качественным контент-анализом мы далее будем подразумевать такой контент-анализ, в котором интерпретация источников исследователем имеет более важное значение, чем их статистическая обработка. Это не в коем случае не означает полного отказа исследователя от использования цифровых показателей как таковых. Как справедливо отмечает К. Криппендорф, исследование с применением контент-анализа должно опираться как на количественные, так и на качественные показатели, в противном случае оно неизбежно получается однобоким¹.

В своей методологической работе М. Шрайер определяет качественный контент-анализ как «метод систематического описания содержания качественного материала»². Исследовательница допускает, что с помощью данного метода можно выйти за рамки простого описания, однако считает именно последнее основной целью. Качественный контент-анализ, в отличие от других качественных методов, не предназначен для всестороннего раскрытия материала; он дает ответ лишь на конкретный исследовательский вопрос. При применении этого метода происходит своего рода «редукция сложности»³ содержания текста, из которого выделяются элементы, необходимые для достижения цели исследования. Однако отличие от базового контент-анализа заключается в том, что данная редукция одновременно сопровождается противоположным процессом – выходом за рамки текста, рассмотрением контекста высказывания с целью более точной его интерпретации⁴. По словам К.П. Боришполеца, «качественный контент-анализ нацелен на углубленное содержательное изучение текстового материала, в

¹ Krippendorff K. Content Analysis. An Introduction to ist Methodology. L., 2004. P. 87.

² Schreier M. Op. cit. P. 1.

³ Früh M. Op. cit. S. 39.

⁴ Drisko J.W., Maschi T. Op. cit. P. 87.

том числе, с точки зрения контекста, в котором представлены выделенные категории»¹.

В контент-анализе придается большое значение заранее установленным правилам и процедурам². Поэтому исследовательский процесс с применением качественного контент-анализа состоит из четкой последовательности шагов, которые мы в данном случае приводим по работе М. Шрайер³.

1) Постановка исследовательского вопроса. Именно исследовательский вопрос определяет все дальнейшие действия. Специалисты в области качественного контент-анализа, настаивая на необходимости придерживаться определенных этапов исследования, в то же время предостерегают от излишней ригидности в этой сфере: «Процесс исследования не следует понимать как набор техник, которые слепо переносят с одного объекта изучения на другой»⁴.

2) Выбор материала (источниковой базы), на основании которой будет дан ответ на поставленный исследовательский вопрос. Объем материала должен быть достаточным для достижения целей исследования, однако четкого и однозначного критерия этой достаточности не существует. Как пишет в своей работе К. Криппендорф, исследователь при выборе материала должен «обеспечить высокие шансы на то, что на исследовательский вопрос будет найден корректный ответ»⁵. В зависимости от конкретной ситуации этот объем может сильно колебаться. Чаще всего корпус текстов формируется до начала исследования и затем не претерпевает изменений, реже имеет место пополнение этого корпуса текстов в процессе исследования, хотя авторы некоторых методологических работ выступают именно за такой подход⁶.

Поскольку исследователь далеко не всегда имеет дело с потенциально неограниченным объемом материала, а нередко вынужден довольствоваться имеющимся (к примеру, набором публичных выступлений политического

¹ Боришполец К.П. Указ. соч. С. 59.

² Mayring P. Op. cit. S. 50.

³ Schreier M. Op. cit.

⁴ Mayring P. Op. cit. S. 52.

⁵ Krippendorff K. Op. cit. P. 113.

⁶ Drisko J.W., Maschi T. Op. cit. P. 97.

деятеля, тексты которых находятся в открытом доступе), источниковая база может оказывать большое влияние на выбор наиболее подходящей методики исследования. В частности, М. Херманн рекомендует определять характер контент-анализа (содержание в нем количественных и качественных элементов) в качестве следующего шага после формирования корпуса материалов¹.

3) Создание кодировочной таблицы, включающей в себя категории и подкатегории, в соответствии с которыми в процессе анализа будет производиться сортировка данных. Систему категорий называют «центральным инструментом любого контент-анализа»². Кодировочная таблица создается для конкретного исследования и не может носить универсального характера. Важно отметить, что создание системы категорий предшествует работе с материалом; таблица формируется на основе исследовательской гипотезы и теоретических представлений об объекте исследования. Категории должны носить взаимоисключающий характер; единица анализа может быть отнесена только к одной категории или подкатегории³.

4) Подготовка данных к анализу путем разбивки их на отдельные единицы кодирования. В зависимости от целей исследования в роли единицы кодирования может выступать слово, фраза, абзац текста, текст целиком и т.д. Единицы кодирования отличаются от единиц выборки, которые составляют корпус текстов; единица выборки представляет собой отдельный текст (к примеру, при изучении прессы – статью или выпуск газеты). Иногда исследователи выделяют еще и «единицы контекста» – информация в тексте, которая должна рассматриваться при интерпретации единиц кодирования. В отличие от последних, «единицы контекста» могут пересекаться друг с другом⁴. Данное понятие представляется нам несколько искусственным ввиду необходимости учитывать в процессе

¹ Hermann M. Content Analysis / Qualitative Methods in International Relations. A Pluralist Guide. Ed. by A. Klotz & D. Prakash. Basingstoke, 2009. P. 155.

² Titscher S., Wodak R., Meyer M., Vetter E. Op. cit. S. 78.

³ Schreier M. Op. cit. P. 42.

⁴ Krippendorf K. Op. cit. P. 101.

интерпретации широкий контекст коммуникации, выходящий за рамки отдельного текста.

5) Предварительное кодирование, или «пилотная фаза», то есть анализ сравнительно небольшой, однако репрезентативной выборки из общего массива. Составляющие выборку единицы кодирования распределяются по категориям и подкатегориям. Проверочное кодирование производится при помощи подготовленной кодировочной таблицы. Проверка адекватности этой таблицы – первая задача предварительного кодирования; в процессе система категорий и подкатегорий может быть дополнена или изменена. При этом в дополнение к «дедуктивным» могут появиться и «индуктивные» категории, сформулированные на основе знакомства с материалом¹. Вторая задача – проверка надежности результатов исследования. Для этой цели рекомендуется поручать работу с одной и той же выборкой двум кодировщикам одновременно, после чего производить сравнение результатов. Причины расхождений между результатами необходимо анализировать и устранять, в том числе путем адаптации кодировочной таблицы. Если исследование проводится индивидуально, рекомендуется провести два последовательных цикла кодирования одного и того же материала с интервалом в две недели, после чего сравнить их результаты². По результатам предварительного кодирования кодировочная таблица приобретает свой окончательный вид.

6) Кодирование основного массива данных, то есть включение единиц кодирования в кодировочную таблицу. Кодирование по сути представляет собой «определение и описание ключевых смыслов внутри текста», а также «редукцию и обобщение тех смыслов, которые являются наиболее релевантными для ответа на исследовательский вопрос»³. В ходе данной процедуры изменение кодировочной таблицы недопустимо. Если выясняется, что система категорий нуждается в пересмотре, это означает необходимость начинать кодирование

¹ Mayring P. Op. cit. S. 86.

² Schreier M. Op. cit. P. 146.

³ Drisko J.W., Maschi T. Op. cit. P. 102.

основного массива с самого начала. Отнесение единицы кодирования к одной из категорий или подкатегорий осуществляется с учетом контекста. Ф. Майринг различает микро- и макроконтэкст: первый составляет специфическая ситуация, в рамках которой происходит коммуникация, второй – более широкие рамки (институциональные и культурные особенности, господствующий дискурс и т.д.)¹.

М. Херманн называет «контекстуализацию информации» в качестве отдельного этапа². На наш взгляд, контекст учитывается уже в процессе кодирования при интерпретации материала, поэтому выделять это действие в качестве специальной фазы нецелесообразно.

7) Анализ и интерпретация полученных результатов. Данная фаза «включает в себя организацию и упорядочение содержимого категорий с целью обобщения ключевого содержания данных»³. Исследователь анализирует содержание каждой из категория и подкатегорий, обращает внимание на связи и отношения между ними и на основе этой информации создает аналитическое описание объекта исследования, на основании которого в зависимости от цели исследования могут быть сделаны различные выводы.

8) Верификация результатов исследования. Качественный контент-анализ подразумевает позитивистские критерии оценки качества результатов. Исследователь должен исходить из того, что итоги его работы носят объективный характер и являются воспроизводимыми. Именно поэтому в процессе исследования желательно задействовать нескольких независимых кодировщиков, сравнивая их результаты; чем меньше расхождение, тем больше надежность полученного результата. Достоверность является в данном случае ключевым критерием: «инструмент является надежным в той степени, в которой он позволяет получить данные, свободные от ошибок»⁴. При этом признается, что анализ материала в процессе качественного контент-анализа подразумевает его

¹ Mayring P. Op. cit. S. 43.

² Hermann M. Content Analysis. P. 160.

³ Drisko J.W., Maschi T. Op. cit. P. 109.

⁴ Schreier M. Op. cit. P. 6.

интерпретацию, однако при этом исследователь должен исходить из представления о существовании правильной, единственно верной интерпретации и стремиться найти ее.

Именно в силу такого подхода качественный контент-анализ допускает разделение работы в процессе исследования. Наиболее трудоемкая часть – обработка материала – может быть поручена кодировщикам, для которых составляются инструкции. Кодировщики должны быть на определенном уровне знакомы с изучаемым феноменом, а также пройти специальную подготовку¹. Качество инструкций проверяется в ходе «пилотной фазы». После завершения кодирования исследователь анализирует и интерпретирует уже заполненные кодировочные таблицы.

Вторым важным критерием качества результатов исследования является их валидность – то есть соответствие проверенным на практике теориям, результатам аналогичных исследований, а также прогностическая сила. В зависимости от области применения могут появляться дополнительные критерии – к примеру, если речь идет о социологических исследованиях, то важную роль может играть согласие респондентов, интервью с которыми составило корпус материалов, с выводами исследователя². По мнению Дж. Дриско и Т. Маски, такие критерии, как достоверность и валидность, больше подходят для количественных методов, результаты же качественного контент-анализа могут оцениваться в соответствии с их достоверностью и логичностью³. К.В. Боришполец называет в числе «общих методических требований» к контент-анализу обоснованность, надежность, объективность и системность⁴.

Как видно из вышесказанного, процесс исследования с применением качественного контент-анализа носит ярко выраженный линейный характер. В. Фрю признает, что «на практике часто необходимо на продвинутой стадии исследования возвращаться к предшествующим ступеням, модифицировать и

¹ Krippendorf K. Op. cit. P. 127-131.

² Mayring P. Op. cit. S. 127.

³ Drisko J.W., Maschi T. Op. cit. P. 108.

⁴ Боришполец К.П. Указ. соч. С. 59.

дополнить их»¹. Тем не менее, этапы являются последовательными, необходимость вернуться в процессе работы к более раннему этапу часто воспринимается как нарушение этой последовательности, «сбой» в процессе исследования. Как пишет Ф. Майринг, «качественный контент-анализ не может отказаться от преимуществ количественных техник [...], а именно систематичности работы. В противном случае он становится уязвим для упреков в импрессионизме и субъективности»².

В процессе качественного контент-анализа также может применяться специально разработанное программное обеспечение, однако его роль значительно меньше, чем при использовании базового метода; фактически речь идет лишь о том, чтобы сделать работу кодировщика или исследователя более комфортной³.

Контент-анализ (вне зависимости от направления) нередко применяется для реконструкции убеждений политических лидеров. Примером исследования с применением базового контент-анализа может являться работа С.Б. Дайсона и А. Рейли, посвященная мировоззрению Саддама Хусейна⁴. Качественный контент-анализ использовался Дж. Росати при изучении взглядов администрации Дж. Картера на внешнеполитическую проблематику⁵. Таким образом, методология успешно применяется при анализе как коллективных, так и индивидуальных систем представлений. По мнению германского исследователя В. Фрю, контент-анализ особенно хорошо применим в тех случаях, когда исследователь лишен прямого доступа к процессу коммуникации, не имеет возможности или необходимости взаимодействовать с авторами текстов, а процесс исследования не оказывает никакого влияния на его объект⁶; все три критерия идеально подходят к историческим исследованиям. Тем не менее, при

¹ Fröh W. Op. cit. S. 97.

² Mayring P. Op. cit. S. 29.

³ См. Mayring P. Op. cit. S. 115-122; Schreier M. Op. cit. Pp. 241-259.

⁴ Dyson S.B., Raleigh A. Public and private beliefs of political leaders: Saddam Hussein in front of a crowd and behind closed doors // *Research and Politics*. 2014. April-June. Pp. 1-7.

⁵ Rosati J.A. Op. cit.

⁶ Fröh W. Op. cit. S. 39.

разработке методологии представленного исследования было решено не использовать качественный контент-анализ в чистом виде, а дополнить его элементами другой методологии – «обоснованной теории».

«Обоснованная теория»

В 1960-е гг. в социальных науках начался так называемый «конструктивистский поворот», означавший отход от господствовавшей на тот момент позитивистской парадигмы. Именно в это время двое американских социологов – А. Стросс и Б. Глейзер – разработали методологию анализа текстов, которую называли «Grounded Theory». На русский язык это словосочетание обычно переводится как «обоснованная теория» (существует вариант перевода «восходящая теория», однако он представляется нам менее точным, хотя и стилистически более красивым).

Название сразу же вводит нас в заблуждение: речь в данном случае идет не о теории как таковой, а именно о методологии, или, как о ней иногда говорят, «исследовательской стратегии [...] с набором инструментов, из которых можно выбирать»¹. Именно поэтому некоторые современные исследователи предпочитают говорить не об «обоснованной теории» (GT), а о «методологии обоснованной теории» (GTM).

Источником вдохновения для Стросса и Глейзера послужила философия американского прагматизма (Ч. Пирс, У. Дьюи, У. Джеймс, позднее Р. Рорти, которого иногда относят к «неопрагматизму»²). Основные идеи этой школы заключались в том, что знание не абсолютно и не существует в отрыве от конкретной ситуации. Критерием истинности является его практическая полезность – помогает ли наша концепция справиться со стоящими перед нами задачами? Соответственно, в рамках прагматизма отвергалось деление на теорию и практику. Точно так же представители этого направления отрицали дихотомию

¹ Reichertz J., Wilz S. Welche Erkennungstheorie liegt der GT zugrunde? / Handbuch Grounded Theory. Von der Methodologie zur Forschungspraxis. Weinheim, 2016. S. 56.

² De Waal C. Introducing Pragmatism. A Tool for Rethinking Philosophy. N.Y., 2022. P. 204.

мышления и деятельности. Любое мышление, утверждали они, тесно связано с действиями человека, по сути это – разные проявления одного и того же процесса. В процессе разумной деятельности у человека формируются убеждения об окружающем мире, на основе которых он действует в дальнейшем; пересмотр убеждений осуществляется только тогда, когда они перестают приносить желаемый практический результат¹.

В рамках концепции научного познания, выдвинутой Ч. Пирсом, наряду с дедукцией и индукцией большую роль играет абдукция. Корни этого понятия восходят еще к Аристотелю, однако именно Пирс ввел его в современную философию науки². Абдукция – это процесс выдвижения гипотез, объясняющих отдельные факты; из возможных объяснений выбирается лучшее (самое простое и правдоподобное)³. Затем гипотеза проверяется на других фактах, в результате чего может быть подтверждена или опровергнута. Абдуктивная гипотеза не претендует на теоретическую универсальность, она предназначена для объяснения конкретных эмпирически наблюдаемых явлений.

Эта философия исследования резко контрастировала с распространенным в социологии 1950-60-х гг. дедуктивным подходом, когда на основании «больших теорий» выдвигались предварительные гипотезы, которые затем проверялись при помощи количественных методов. С точки зрения основоположников методологии «обоснованной теории», это приводило к разрыву между теорией и практикой – масштабные теоретические построения оказывались плохо применимы для объяснения конкретных явлений и процессов. С другой стороны, они стремились отойти от чисто эмпирических описаний, лишенных концептуального измерения. Стросс и Глейзер в 1960-е гг. работали в сфере подготовки медицинского персонала, и их первое совместное масштабное

¹ Spencer A.R. American Pragmatism. An Introduction. Cambridge, 2020.

² Walton D. Abductive Reasoning. Tuscaloosa, 2005. P. 3.

³ Светлов В.А. Методологическая концепция научного знания Ч. Пирса: единство абдукции, дедукции и индукции // Логико-философские штудии. 2008. №5. С. 175.

исследование было посвящено вопросу о том, как умирающие пациенты и медицинский персонал справляются с перспективой смерти¹.

В 1967 г. Стросс и Глейзер опубликовали книгу, в которой изложили основы своей методологии². Они предложили отказаться от изначально заданных теоретических подходов и заранее сформулированных гипотез. Теория должна была создаваться применительно к конкретному исследовательскому вопросу на основе работы с данными. При этом речь шла не о глобальных теориях, претендующих на универсальную значимость, а о теориях «среднего уровня» (middle-range), объясняющих конкретные феномены и группы феноменов. Именно такого рода теории и были названы «обоснованными».

Исследователю надлежало подходить к имевшемуся материалу (как правило, интервью или иные тексты) с максимальной открытостью и непредубежденностью. Анализируя тексты, он последовательно интерпретировал фразу за фразой, реконструируя те явления и процессы, которые стояли за высказываниями респондента. В процессе осуществлялось кодирование – содержание каждого высказывания формулировалось в виде ключевых тезисов, которые затем объединялись в категории. На основе этих кодов и категорий затем формулировались гипотезы и совершалось «восхождение» к более общему и абстрактному объяснению теоретического уровня. Движение «от данных к объяснениям» при помощи абдукции стало характерной чертой «обоснованной теории».

Популярность «обоснованной теории» быстро росла. Изначально соответствующие исследования практиковались в кругу учеников Глейзера и Стросса, однако вскоре методология вышла за пределы этой группы. Это привело к двум последствиям: во-первых, увеличению количества трактовок и вариантов методологии, во-вторых, появлению со стороны молодых исследователей запроса на четкое «практическое руководство» по использованию «обоснованной

¹ Charmaz K. Constructing Grounded Theory. A Practical Guide Through Qualitative Analysis. L., 2006. P. 4.

² Glaser B., Strauss A. The discovery of Grounded Theory. Strategies for qualitative research. New Brunswick, 1967.

теории». В результате в 1990 г. А. Стросс вместе со своей ученицей Дж. Корбин выпустили своего рода учебник под названием «Основы качественного исследования: техники и процедуры разработки обоснованной теории»¹. После смерти Стросса в 1996 г. Корбин продолжала работу над этой книгой, выдержавшей с тех пор еще три издания. «Основы качественного исследования» считаются классическим и наиболее влиятельным методологическим трудом в рамках данного направления.

По мнению современных исследователей, сегодня «обоснованная теория» является «самым успешным в смысле своего широкого распространения качественным методом социальных исследований»². Этому во многом способствует ее гибкость – в рамках методологии нет единого жесткого «канона», и каждый исследователь может адаптировать ее к своим задачам.

Однако эта же гибкость привела к достаточно быстрому разделению «обоснованной теории» на несколько направлений. Уже «отцы-основатели» методологии – Стросс и Глейзер – вскоре разошлись во взглядах и не написали более ни одной совместной работы. После появления «Основ качественного исследования» Глейзер обрушился на Стросса с достаточно резкой критикой, упрекая его в отходе от изначальных методологических принципов «обоснованной теории»³.

К настоящему времени насчитывается, по данным разных авторов, от пяти до семи школ «обоснованной теории», некоторые из которых претендуют на «ортодоксию»⁴. Так, в новейшем издании коллективной монографии, посвященной развитию «обоснованной теории», выделяются такие направления, как «строссианская» методология, «глейзерианская» методология, «дифференциальный анализ» Л. Шацмана, конструктивистская «обоснованная

¹ Corbin J., Strauss A. Basics of qualitative research. Techniques and procedures for developing Grounded Theory. L., 2008.

² Reichertz J., Witz S. Op. cit. S. 48.

³ Подробнее см. Strübing J. Zwei Varianten von Grounded Theory!? Zu den methodologischen und methodischen Differenzen zwischen Barney Glaser und Anselm Strauss. / Grounded Theory Reader. Hrsg. von G. Mey, K. Mueck. Wiesbaden, 2011. S. 261-278.

⁴ Equit C., Hohage C. Ausgewählte Entwicklungen und Konfliktlinien der Grounded Theory Methodologie / Handbuch Grounded Theory. S. 18.

теория» К. Шармаз и «ситуационный анализ» Э. Клерк, основанный на постмодернистских принципах¹.

Более того, отдельные направления проходили различные этапы в своем развитии. Например, говоря о методологии Стросса, германские исследователи Й. Рейхерц и С. Вильц выделяют три хронологически последовательных периода:

1) «индуктивно ориентированная» методология Стросса и Глейзера, которая подразумевает, что теории естественным образом формируются на основе данных; в связи с этим авторов методологии часто упрекали в позитивизме;

2) «классическая» методология более позднего Стросса, основанная на философии прагматизма и подразумевающая постоянное циклическое взаимодействие между данными и теоретическими посылами, позволяющее шаг за шагом прийти к обобщениям и выводам;

3) «кодирующая» методология Стросса в период его сотрудничества с Ж. Корбин, где ключевая роль отводится процессу кодирования; исследователи отмечают методологическую близость данной версии «обоснованной теории» к качественному контент-анализу².

Ж. Корбин, в свою очередь, продолжала развитие этого направления «обоснованной теории», и поздние издания «Основ качественного исследования» значительно отличались от первого; основные изменения были связаны с внедрением элементов постпозитивистского подхода³. Именно поэтому Э. Клерк считает, что применительно к началу XXI в. правильнее говорить не об «обоснованной теории», а об «обоснованных теориях»⁴.

Более того, границы методологии начали размываться, и к этому направлению порой стали относить практически любое исследование, проведенное качественным методом с использованием кодирования. «Одновременно невероятной популярной и сплошь и рядом непонятой» назвал

¹ Developing Grounded Theory. The Second Generation Revisited. L., 2022.

² Reichertz J., Wilz S. Op. cit. S. 50.

³ Bryant A. The Varieties of Grounded Theory. L., 2019. P. 27.

⁴ Clarke A. Situating Grounded Theory and Situational Analysis in interpretive qualitative inquiry / The SAGE Handbook of current developments in Grounded Theory. P. 13.

«обоснованную теорию» Э. Брайант¹. Сегодня ведущие исследователи, занимающиеся методологическими проблемами «обоснованной теории», много пишут о проблеме неадекватного использования данного термина коллегами, не понимающими сути данной методологии². Они подчеркивают, что исследование с помощью методологии «обоснованной теории» – это сложный, весьма трудоемкий процесс. Хотя он и не подразумевает жесткой последовательности шагов, оставляя исследователю значительное пространство для свободного творчества, однако должен осуществляться в соответствии с определенными принципами: «метод обоснованной теории – это в первую очередь способ осмысления и поиска ответа на исследовательский вопрос или проблему»³. Исследование, в котором применяются отдельные технические приемы «обоснованной теории», не может считаться соответствующим данной методологии в целом. Отсутствует консенсус также по вопросу о том, можно ли называть «обоснованную теорию» «ящиком с инструментами»⁴, из которого каждый может заимствовать необходимое в конкретной ситуации – иначе говоря, насколько широко простираются границы методологии.

При проведении представленного исследования в качестве «ящика с инструментами» был использован «строссианский» подход, который сегодня является наиболее распространенным и считается многими классическим вариантом «обоснованной теории». Его ведущими представителями являлись один из «отцов-основателей» методологии, А. Стросс, а затем его ученица Ж. Корбин. Их «Основы качественного исследования» стали наиболее влиятельной работой, посвященной данной исследовательской стратегии. Именно поэтому близкое знакомство с особенностями ее применения имеет смысл начинать с данной работы. В данном случае мы опирались на третье издание

¹ Bryant A. Senior editor's introduction / The SAGE Handbook of current developments in Grounded Theory. L., 2019. P. xxv.

² The challenges to and future(s) of Grounded Theory / Developing Grounded Theory. The Second Generation Revisited. P. 290.

³ The maturation of Grounded Theory / Developing Grounded Theory. The Second Generation Revisited. P. 5.

⁴ The challenges to and future(s) of Grounded Theory. P. 293.

«Основ качественного исследования», значительно переработанное Корбин по сравнению с двумя первыми изданиями, в которых в качестве ведущего автора выступал Стросс¹.

В отличие от качественного контент-анализа, в рамках методологии «обоснованной теории» отсутствует жесткая последовательность шагов. Процесс анализа материала не линейен, а цикличен. Постоянное возвращение к уже пройденным этапам для уточнения или пересмотра принятых исследовательских решений является необходимой частью процедуры, а не «аварийной ситуацией».

В начале любого исследования, естественно, стоит формулировка ключевого исследовательского вопроса. Он во многом определяет выбор данных для дальнейшей работы. Идеальный исследовательский вопрос для анализа с использованием качественных методов должен быть достаточно широким и одновременно находиться вне русла уже сложившихся теорий. В идеале исследователь должен приступать к анализу, не имея в голове никаких гипотез, которые предопределяли бы его работу с материалом. Из этого постулата иногда выводили требование к исследователю отложить знакомство с литературой до завершающей стадии работы, чтобы подойти к анализу с «чистым листом». Целесообразность подобного образа действий, однако, с самого начала вызывала сомнение, равно как и принципиальная способность познающего субъекта встать на позицию совершенной объективности. В связи с этим К. Шармаз делает выбор в пользу «теоретического агностицизма» – исследователь должен, в первую очередь, путем рефлексии осознать свои представления об объекте исследования и постараться нейтрализовать их влияние². Корбин перечисляет знакомство с исследовательской литературой и личный опыт в числе возможных источников самого исследовательского вопроса³. В «Основах качественного исследования» также говорится о том, что исследователь должен уделять большое внимание

¹ Corbin J., Strauss A. Op.cit.

² Charmaz K. Constructing Grounded Theory. P. 166.

³ Corbin J., Strauss A. Op. cit. P. 21.

рефлексии, отчетливо сознавая, с какими теоретическими предпосылками, предубеждениями и взглядами он приступает к работе¹.

Корпус материалов не обязательно должен быть собран до начала анализа; он может дополняться в процессе, особенно если речь идет о серии интервью. Использование качественного метода дает возможность использовать разнородные материалы – от исторических документов до опросов, проводимых самим исследователем.

Практически сразу же после получения первых материалов можно приступать к их анализу. Как пишут Стросс и Корбин, «анализ начинается с первого дня сбора данных»². Далее стадии сбора и анализа могут идти параллельно, находясь во взаимной связи: результаты анализа влияют на направление дальнейшего сбора данных.

Говоря об анализе данных, Стросс и Корбин выделяют две ключевые исследовательские стратегии: активная постановка вопросов к изучаемому тексту и постоянное сравнение (различных фрагментов материала, категорий и кодов с новыми фрагментами материала и между собой)³. Кроме того, они подчеркивают необходимость учитывать контекст, в рамках которого существует исследуемый объект: от непосредственной ситуации до международного макроконтекста⁴. «Постановка вопросов, – пишет Корбин, – не только помогает сохранять интеллектуальную открытость в отношении альтернативных интерпретаций, но и позволяет исследователям задумываться о том, куда дальше двигаться в поисках данных»⁵.

При работе с данными одним из ключевых навыков исследователя Стросс и Корбин называют «чувствительность» (sensitivity). Чувствительность означает для исследователя «обладать проницательностью, быть способным обнаруживать в

¹ Ibid. P. 31.

² Ibid. P. 144.

³ Corbin J., Strauss A. Op. cit. P. 69-79.

⁴ Ibid. P. 94.

⁵ Corbin J. Strauss's Grounded Theory / Developing Grounded Theory. The Second Generation Revisited. P. 28.

данных релевантные темы, события и сюжеты»¹; «чувствительность есть захватывающее взаимодействие исследователя и данных, в ходе которого медленно развивается понимание того, о чем именно говорят данные, пока наконец исследователь не скажет: ага, вот что они хотят мне сказать!»² Существует также понятие «теоретической чувствительности» – способности исследователя видеть в массиве данных основания для теоретических построений³.

Ключевую роль в работе с материалом играет процесс кодирования. Анализ данных для представителей «классического» направления – это «превращение текста в концепты»⁴. В различных изданиях «Основ качественного исследования» существуют значительные расхождения в трактовке данного этапа. Так, в первых двух изданиях своей работы Стросс и Корбин выделяют три типа кодирования: открытое, осевое и селективное.

В процессе **открытого кодирования** автор анализирует текст последовательно, предложение за предложением, с максимальной открытостью и готовностью к неожиданным находкам. Его задача заключается в том, чтобы сформировать систему «концептов» – кодов и категорий⁵, отражающих основные идеи, стоящие за словами автора текста; «открыть данные со всем содержащимся в них потенциалом и возможностями»⁶. Размер единицы кодирования может быть различным в зависимости от целей исследования, однако диапазон не столь широк, как в случае с качественным контент-анализом; как правило, он колеблется от слова до нескольких предложений.

¹ Corbin J., Strauss A. Op. cit. P. 32.

² Ibid. P. 33.

³ Bryant A. The Varieties of Grounded Theory. P. 79.

⁴ Charmaz K. Constructing Grounded Theory. P. 61.

⁵ Соотношение терминов «концепт», «код» и «категория» в рамках методологии «обоснованной теории» на данный момент не является устоявшимся. Для Ж. Корбин понятие «концепт» включает в себя как коды, так и категории. Э. Брайант предлагает использовать его только для обозначения центральной категории исследования (Bryant A. The Varieties of Grounded Theory. P. 36).

⁶ Corbin J., Strauss A. Op. cit. P. 160.

В отличие от качественного контент-анализа, где единицы кодирования встраиваются в уже существующую систему категорий, при проведении открытого кодирования отдельные элементы текста описываются при помощи изобретения на их основе кодов и категорий. Корбин подчеркивает, что анализ данных всегда подразумевает их интерпретацию исследователем¹. Создание концептов подразумевает также переход на уровень абстракции, однако все концепты опираются на конкретные данные. Названия концептов более низкого уровня – кодов – могут быть взяты напрямую из анализируемого материала (их называют концептами *in-vivo*²).

Хотя категории и коды должны возникать в процессе кодирования, Стросс и Корбин допускают в определенных случаях использование отдельных заранее сформулированных категорий³. Однако в рамках данной методологии это является исключением, а не правилом (в этом плане «обоснованная теория» зеркально симметрична качественному контент-анализу).

Все свои мысли и идеи следует обязательно фиксировать в виде примечаний к тексту («мемосов»), которые используются в дальнейшей работе. Мемос – это размышления исследователя по поводу материала или концепта, сформулированные в свободной форме и имеющие аналитический характер. Стросс и Корбин выделяли различные типы мемосов (в зависимости от того, на какой стадии исследования они появляются и к чему относятся), однако затем отказались от этой классификации, чтобы избежать в рамках метода излишнего формализма⁴. По словам авторов, «написание мемосов следует начать в ходе первой аналитической сессии и продолжать в течение всего процесса анализа»⁵. Мемосы могут касаться как отдельных фрагментов данных, так и концептов – кодов и категорий.

¹ Ibid. P. 49.

² Ibid. P. 160.

³ Ibid. P. 40-41.

⁴ Ibid. P. 118.

⁵ Ibid.

Еще одним полезным инструментом Стросс и Корбин считают диаграммы – графические схемы, отражающие взаимоотношения и связи между концептами. Как и в случае с мемосами, строгих правил составления диаграмм не существует и не может существовать; все зависит от конкретной исследовательской ситуации и личных предпочтений аналитика.

Мемосы и диаграммы являются не просто вспомогательными средствами («заметками на полях»), а играют ключевую роль в аналитическом процессе. Они «представляют собой склад аналитических идей, которые могут быть рассортированы, упорядочены и перегруппированы, к ним можно возвращаться в соответствии с формирующейся аналитической схемой»¹. Они служат для генерации идей, выявления лакун в исследовании, поиска закономерностей и паттернов. Мемосы позволяют также отслеживать процесс исследования (и при необходимости возвращаться к более ранним стадиям), определять степень разработанности категорий и достижение «предела насыщения».

В процессе **осевого кодирования** исследователь опирается на уже сложившуюся систему кодов и категорий. Ключевой задачей становится развитие этой системы – выясняются связи между концептами, выделяются ключевые обобщающие категории. В процессе вполне возможно возвращение к уже проработанным материалам, если необходимо уточнение кодов или извлечение дополнительной информации. При этом список концептов постоянно меняется – появляются новые, уточняются (или даже удаляются) старые. По словам Корбин, «одно из выдающихся качеств обоснованной теории заключается в том, что она позволяет отказаться от изначальных интерпретаций и перейти к тем, которые лучше подходят к данным»².

Стросс и Корбин определяли осевое кодирование как «процесс соотнесения категорий с их подкатегориями, называемый «осевым», поскольку кодирование осуществляется вокруг оси категории, связывая категории друг с другом на

¹ Ibid. P. 120.

² Corbin J. Op. cit. P. 32.

уровне их особенностей и параметров»¹. Если открытое кодирование разделяет материал на отдельные элементы, соответствующие кодам, то в процессе осевого кодирования по сути осуществляется обратный процесс – синтез системы кодов и категорий, создающий целостную картину социального процесса.

Параллельно продолжается поиск и привлечение новых материалов. Однако теперь этот процесс может носить направленный характер. В рамках методологии «обоснованной теории» существует понятие «теоретической выборки» (theoretical sampling). Она подразумевает отбор тех материалов, которые с наибольшей степенью вероятности позволят уточнить и раскрыть уже существующие концепты. Это отнюдь не означает, что исследователь оказывается в плену созданной им же самим структуры кодов и категорий. По словам Стросса и Корбин, «исследователь напоминает детектива; он или она следует за концептами, никогда не зная, куда они заведут, но всегда готовый к неожиданным находкам»². Теоретическая выборка может быть начата «после первой аналитической сессии»³. В процессе знакомства с новыми данными исследователь обращает внимание в первую очередь на индикаторы, свидетельствующие о присутствии в текстах искомых кодов и категорий. В результате он выбирает данные, которые могут принести наиболее интересные результаты – это особенно актуально в ситуации, когда объем данных потенциально не ограничен. Теоретическая выборка – циклический процесс, включающий в себя сбор материала и его анализ; он завершается, когда соответствующая категория достигает предела насыщения. По словам К. Шармаз, она «обеспечивает вашей работе аналитическую глубину и точность»⁴.

Если в ранних изданиях «Основ качественного исследования» осевое кодирование было отделено от открытого, то в дальнейшем Корбин пересмотрела данную схему. По ее словам, «открытое и осевое кодирование идут рука об руку.

¹ Strauss A., Corbin J. Op. cit. P. 123.

² Corbin J., Strauss A. Op. cit. P. 144.

³ Ibid. P. 149.

⁴ Charmaz K. Constructing Grounded Theory. P. 106.

Разделение двух типов кодирования является искусственным»¹. Тем не менее, по своей сути эти процессы различаются, хотя и могут осуществляться параллельно.

Наконец, в рамках **селективного кодирования** внимание исследователя сосредотачивается на одной или нескольких наиболее значимых категориях. Наиболее важной, или центральной, считается та категория, с которой теснее всего связаны все остальные. Выяснение сути этой категории и характера ее связей с другими категориями и кодами через «процесс интеграции и уточнения»² и является целью селективного кодирования. Результатом данного процесса и является построение «обоснованной теории».

В третьем издании «Основ качественного исследования» Корбин полностью отказалась от использования термина «селективное кодирование». Вместо него она говорит о двух аспектах финальной стадии исследовательского проекта: определение базового социального процесса, стоящего за данными, и выделение центральной категории, с которой тем или иным образом связаны все остальные концепты. На данном этапе исследователь опирается на обобщающие мемосы, касающиеся целых кодов или категорий. Его задача заключается в том, чтобы «сплести вместе все нити исследования и создать структуру, обладающую убедительной объясняющей силой»³. Для социологических исследований базовый процесс и центральная категория, как правило, идентичны или тесно связаны друг с другом (категория объясняет процесс). В других областях знания ситуация может быть иной. Именно построение системы концептов вокруг центральной категории «позволяет поднять выводы с уровня описания на уровень теории»⁴.

Здесь необходимо еще раз подчеркнуть: несмотря на то, что начинать необходимо всегда с открытого кодирования, три вышеназванных типа не являются последовательными стадиями. Они могут (и должны) осуществляться параллельно, а сам процесс носить циклический характер. От наполнения категорий исследователь может возвращаться к выбору материала, а выделив на

¹ Corbin J., Strauss A. Op. cit. P. 198.

² Strauss A., Corbin J. Op. cit. P. 143

³ Corbin J., Strauss A. Op. cit. P. 264.

⁴ Corbin J. Op. cit. P. 30.

позднем этапе работы определенный код – к более ранним текстам с целью поиска в них следов этого кода. Нелинейный характер процесса, постоянное возвращение к уже пройденным этапам делает «обоснованную теорию», несмотря на кажущуюся простоту, весьма трудоемким методом исследования.

Если стадия открытого кодирования существует практически во всех вариантах «обоснованной теории» (и даже за пределами данной методологии), то в отношении дальнейших стадий существуют существенные расхождения. К. Шармаз, к примеру, говорит о «фокусированном кодировании», которое является «более направленным, выборочным и концептуальным», чем открытое, и позволяет осуществить синтез данных¹.

Завершать привлечение нового материала следует, когда достигнут «предел насыщения» (saturation) – никакую дополнительную информацию получить не удастся, а «все концепты хорошо определены и объяснены»². Тем не менее, по мнению ряда исследователей, это довольно расплывчатое определение, а «окончание исследовательского процесса остается рискованным решением»³. Термин «предел насыщения» часто понимается неверно: речь идет не о простом повторении уже известных данных, а о полном раскрытии всех категорий анализа, которое позволяет исследователю «прогнозировать поведение, убеждения, подходы и действия участников» исследования⁴. По словам К. Шармаз, «категории считаются насыщенными, когда сбор новых данных больше не ведет к теоретическим озарениям и не раскрывает новых свойств ваших основных теоретических категорий»⁵.

Итогом исследования становится формирование теории – «системы хорошо проработанных категорий (тем, концептов), которые систематически связаны друг с другом определенными отношениями и образуют теоретический фрейм,

¹ Charmaz K. Constructing Grounded Theory. P. 57.

² Corbin J., Strauss A. Op. cit. P. 145.

³ Equit C., Hohage C. Op. cit. S. 13.

⁴ The challenges to and future(s) of Grounded Theory. P. 296.

⁵ Charmaz K. Constructing Grounded Theory. P. 113.

объясняющий некий феномен»¹. Корбин выделяет два типа «обоснованных теорий»: касающиеся отдельных феноменов (substantive) и формальные (formal), наиболее абстрактные и охватывающие широкий круг проблем². При этом формальные теории нельзя приравнивать к «большим теориям», претендующим на универсальную объясняющую силу; оба названных типа принадлежат к числу теорий среднего уровня³.

Стросс и Корбин в своей основополагающей работе указывают на то, что в конце исследования не обязательно должно произойти формирование некой теории; вполне достаточно, если удастся получить качественное описание изучаемого социального феномена⁴. Однако данная точка зрения является весьма спорной – одной из отличительных особенностей «обоснованной теории» многие исследователи называют именно выход на теоретический уровень, за пределы простого описания⁵.

Для понимания спектра направлений в рамках «обоснованной теории» имеет смысл рассмотреть основные альтернативные подходы.

1) «Обоснованная теория» Б. Глейзера. Как уже говорилось выше, один из «отцов-основателей» методологии уже на раннем этапе разошелся во взглядах со Строссом и в дальнейшем претендовал на то, что представляет «оригинальную» версию «обоснованной теории».

Характерной чертой «обоснованной теории» Глейзера является ее ярко выраженный индуктивный и позитивистский характер. Она исходит из нейтральности и объективности познающего субъекта; чтобы не подвергать опасности эту позицию, следует отказаться от чтения перед началом исследования любой теоретической литературы по проблеме. Более того, даже точная формулировка исследовательского вопроса не является необходимостью, поскольку сужает рамки поиска. Теория должна возникать из данных; Глейзер

¹ Corbin J., Strauss A. Op. cit. P. 55.

² Ibid. P. 56.

³ Urquhart C. Grounded Theory's Best Kept Secret: The Ability to Build Theory / The SAGE Handbook of current developments in Grounded Theory. P. 93.

⁴ Corbin J., Strauss A. Op. cit. P. 162.

⁵ The challenges to and future(s) of Grounded Theory. P. 298.

критиковал подход Стросса и Корбин (в первую очередь концепции осевого и селективного кодирования) как попытку втиснуть материал в прокрустово ложе теоретических построений¹. В процессе анализа он делал ставку на постоянное сравнение кодов, возникших на основе изучения данных.

Любопытно, что одновременно с этим Глейзером было введено понятие «теоретическое кодирование» и разработана система «теоретических» кодов, имеющих более или менее универсальный характер (такие, как «причины», «контекст», «социальные нормы» и т.д.)². Смысл этих кодов заключается в том, чтобы помочь установить связи между различными категориями, сформировавшимися в процессе анализа. По мнению К. Шармаз, «при искусном применении теоретические коды могут отточить теоретическое острие вашей работы, добавив точности и ясности»³.

Глейзер также считает излишней верификацию результатов исследования – по его мнению, поскольку получившаяся теория и так напрямую проистекает из данных, понятие верификации теряет свой смысл⁴.

2) «Димензиональный анализ» Л. Шацмана. Данный исследователь является представителем «второго поколения» ученых, занимающихся методологическим развитием «обоснованной теории». К этому же поколению принадлежат и основоположники направлений, о которых пойдет речь далее.

Изучая методологию «обоснованной теории», Шацман особенно заинтересовался содержанием аналитического процесса как такового. Он счел слишком узкой ориентацию Стросса на сравнительный анализ данных, считая, что в исследовании должны применяться и другие процессы аналитического характера. В частности, его заинтересовал «бытовой анализ» – то, как человек анализирует информацию и решает проблемы повседневного характера. По мнению Шацмана, существенная разница между научным и «бытовым» анализом

¹ Strübing J. Op. cit. S. 266.

² Kelle U. The Status of Theories and Models in Grounded Theory / The SAGE Handbook of current developments in Grounded Theory. P. 75.

³ Charmaz K. Constructing Grounded Theory. P. 63.

⁴ Strübing J. Op. cit. S. 271-272.

отсутствует; в основе обоих лежат одни и те же механизмы¹. При этом процесс анализа и сделанные на его основе выводы существенным образом зависят от перспективы, с которой человек смотрит на проблему. В процессе исследования это касается как исследователя, так и автора анализируемых материалов: «Респонденты в рамках исследовательского проекта могут рассказывать свою историю только с определенной перспективы [...], возможно, с различных перспектив, но никогда без перспективы. [...] Анализ не может проводиться без перспективы»².

Соответственно, уже в начале процесса исследования необходимо проанализировать эти перспективы, определив тем самым ключевые характеристики (dimensions) имеющихся данных. Для обеспечения высокого качества исследования нужно провести анализ изучаемого процесса с различных перспектив. По мнению современных исследователей, димензиональный анализ отличается от других направлений «скорее расстановкой акцентов, чем по существу»³.

3) Конструктивистская «обоснованная теория» К. Шармаз. Ее отличие от «классической» версии начинается уже на уровне онтологических и эпистемологических основ методологии. Шармаз полностью отказывается от позитивистского представления об объективном и нейтральном исследователе, который находится вне исследовательского процесса: «Мы не являемся пассивными приемниками, поглощающими данные»⁴. В рамках конструктивистского подхода ученый, во-первых, субъективен (то есть привносит в процесс свое мировоззрение, убеждения, ценности, перспективу), во-вторых, активно участвует в формировании данных исследования, а не просто берет их в готовом виде из окружающего мира⁵.

¹ Bowers B., Schatzman L. Dimensional Analysis / Developing Grounded Theory. The Second Generation Revisited. P. 123.

² Ibid. P. 121.

³ The challenges to and future(s) of Grounded Theory. P. 307.

⁴ Charmaz K. Constructing Grounded Theory. P. 15.

⁵ Charmaz K. The Genesis, Grounds and Growth of Constructivist Grounded Theory / Developing Grounded Theory. The Second Generation Revisited. P. 158.

Именно поэтому исследовательский процесс должен помещаться в исторический, социальный, ситуационный, идеологический и культурный контекст. Для исследователя важное значение приобретает рефлексия, анализ собственного мировоззрения и других личностных факторов, влияющих на процесс конкретного исследования: «мы осознаем, как наши принимаемые по умолчанию перспективы и позиции не только формируют наше мышление, но и, более того, могут делать нас союзниками властных интересов, которые мы отрицаем»¹. Эта рефлексия должна находить отражение в мемосах.

Говоря о кодировании, Шармаз рекомендует использовать в качестве кодов глагольные формы (преимущественно деепричастия), а не существительные, поскольку задача исследователя заключается в том, чтобы увидеть в данных процессы, а не статичное положение дел². Мемосы тоже должны касаться в первую очередь процессов, а не явлений.

В силу того, что любое исследование неизбежно проводится в определенном контексте, его теоретические результаты также неизбежно носят ограниченный характер. Следовательно, бессмысленно выдвигать требование к объективности и воспроизводимости результатов исследования; вполне нормально, если другой исследователь, изучая тот же социальный процесс, придет к другим выводам. Это рассматривается не как опровержение, а как обогащение «обоснованной теории». «Я считаю, – пишет Шармаз, – что исследователи, использующие обоснованную теорию, должны производить не верифицированное знание, а убедительные объяснения»³.

4) «Ситуационный анализ» А. Клерк⁴. Как и конструктивистская методология Шармаз, он основан на «постпозитивистской революции» в социальных исследованиях. Клерк также позиционирует свою методологию как часть «критических исследований», направленных на борьбу с социальной несправедливостью и поэтому уделяющих большое внимание проблемам

¹ Ibid. P. 178.

² Charmaz K. Constructing Grounded Theory. P. 69.

³ Ibid. P. 132.

⁴ Clarke A. Situational Analysis. Grounded Theory After the Postmodern Turn. Thousand Oaks, 2005.

властных отношений¹. В отличие от классической «обоснованной теории», в фокусе исследователя находится не социальный процесс, а конкретная ситуация. Для Клерк не существует такого понятия, как «контекст ситуации»; любая ситуация уже по определению включает в себя контекст². Ситуация системна – «в рамках ситуации любой элемент формирует и оказывает влияние тем или иным способом на все остальные элементы»³.

Ключевым инструментом анализа являются четыре карты, последовательно составляемые исследователем:

- «ситуационная карта», на которой отражены все элементы конкретной ситуации (от индивидов до определенных идей);
- «карта отношений», на которой показаны связи между этими элементами;
- «карта социальных миров/арен», где отражены все присутствующие в данной ситуации коллективные акторы («социальные миры» со своей идентичностью и дискурсом), а также «социальные арены» как пространства взаимодействия данных акторов и их дискурсов;
- «карта позиций», на которую нанесены все обнаруженные позиции в рамках взаимодействующих в данной ситуации дискурсов⁴.

Как явствует из вышесказанного, в рамках ситуационного анализа большую роль играет понятие дискурса. Действительно, по словам Клерк, разработанная ею методология соединяет «обоснованную теорию» с дискурс-анализом⁵.

Несмотря на существенные расхождения между направлениями, предметом консенсуса остается ряд существенных признаков «обоснованной теории», которые отличают ее от других методологических подходов, в том числе от качественного контент-анализа:

- абдуктивный характер исследования, то есть движение от данных к гипотезам и обобщениям;

¹ Clarke A. From Grounded Theory to Sitauational Analysis: What's New? Why? How? / Developing Grounded Theory. The Second Generation Revisited. P. 225.

² Ibid. P. 231.

³ Ibid. P. 232.

⁴ Ibid. P. 225.

⁵ Ibid. P. 244.

- цикличность процесса исследования, предусматривающая синхронность сбора и анализа данных, регулярное возвращение к более ранним стадиям;
- ориентированность на анализ процессов и действий, а не субъектов и структур;
- широкое использование сравнительного анализа в процессе исследования;
- формирование теории «среднего уровня» как результат исследования.

Как уже говорилось выше, изначально методология «обоснованной теории» развилась и начала применяться в социологических исследованиях. Именно в данной области знания она сегодня занимает доминирующие позиции. Однако на рубеже XX-XXI вв. «обоснованная теория» вышла за границы одной научной дисциплины и стала широко применяться в самых различных областях. В их числе можно назвать исследования в сфере психологии, медицины, менеджмента и маркетинга¹, лингвистики, социальной антропологии, информационных систем, образования, туризма, архитектуры².

В исторической науке «обоснованная теория» как инструмент реконструкции убеждений пока не получила распространения. Однако с точки зрения целей данной работы большой интерес представляет применение данной методологии в смежной области – исследованиях современных международных отношений, в первую очередь представлений политических элит и отдельных лиц, принимающих решения³.

На рубеже XX-XXI вв. в рамках поиска новых теоретических и методологических подходов в исследовании международных отношений возрос интерес к философии американского прагматизма. Теоретики международных отношений, в первую очередь из лагеря конструктивистов, начали рассматривать основные положения данной школы в качестве возможного фундамента для

¹ The maturation of Grounded Theory. P. 13.

² Charmaz K. The Genesis, Grounds and Growth... P. 153-154.

³ Власов Н.А. Методология «обоснованной теории» как инструмент исследования интеллектуальной истории // Диалог со временем. 2024. Вып. 86. С. 5-17.

дальнейших исследований¹. При этом теоретическое осмысление, по крайней мере на начальном этапе, явно опережало опыт практического применения данных философских и методологических подходов в сфере исследования международных отношений. Одной из первых попыток такого применения стала опубликованная в 2006 г. коллективная монография под редакцией германского политолога Г. Хелльмана, посвященная политике ФРГ по развитию институтов Европейского Союза².

Вместе с интересом к философии прагматизма появился и интерес к методологии «обоснованной теории». В 2010-е гг. в ФРГ сложилась целая школа исследователей во главе с исследователем из Университета Аугсбурга У. Роосом, применяющая «обоснованную теорию» для изучения убеждений различных акторов в мировой политике. При этом сами политологи заявляли, что речь в данном случае идет не просто о применении процедур одного из существующих направлений «обоснованной теории», а о дальнейшем развитии методологии применительно к задачам указанной области знания³.

Важной вехой в развитии данной школы следует считать монографию, опубликованную Роосом в 2010 г. и посвященную реконструкции представлений и убеждений немецких государственных деятелей, на основании которых они принимают ключевые решения в сфере внешней политики⁴. В качестве источников автором были выбраны официальные выступления федерального канцлера и министров за 1990-2007 гг. Роос использовал «классический» вариант «обоснованной теории», опираясь на работы Стросса и Корбин. «Внешнюю политику государства, – писал автор во введении к своей монографии, – следует понимать как процесс решения проблем, характер которого определяется

¹ Ralston S. Pragmatism in International Relations: Theory and Research // Eidos. 2011. No. 14. Pp. 72-105.

² Germany's EU Policy on Asylum and Defence: De-Europeanization by Default? Ed. by G. Hellmann. N.Y., 2006.

³ Roos U. Grounded Theory als Instrument der Weltpolitikforschung. Die Rekonstruktion außenpolitischer Kultur als Beispiel / Rekonstruktive Methoden der Weltpolitikforschung. Anwendungsbeispiele und Entwicklungstendenzen. Baden-Baden, 2013. S. 312.

⁴ Roos U. Deutsche Außenpolitik. Eine Rekonstruktion der grundlegenden Handlungsregeln. Wiesbaden, 2010.

убеждениями, выступающими в роли правил принятия решений (Handlungsregeln). Двигателями этого процесса являются акторы-люди, выступающие в роли представителей и правительства государственной общности. Правила принятия решений не являются установленными раз и навсегда, а в критические моменты меняются с помощью экспериментов, основанных на полученном опыте; благодаря креативности и процессам обучения они могут изменяться и действительно постоянно изменяются. Поэтому восприятие внешнеполитических проблем, способы решения этих проблем и основополагающие цели подвержены непрерывному изменению, которое является следствием данной процессуальной практики, находящейся под влиянием как рутинных явлений, так и кризисов»¹. Роос при этом подчеркивал, что главной его целью является не проверка теоретической модели, а получение конкретного знания об изучаемом объекте. Впрочем, автор в принципе отвергал строгое деление на «теоретические» и «эмпирические» работы, справедливо отмечая, что любое систематическое исследование неизбежно обретает теоретическое измерение².

Роос особо отмечал, что исследует в данном случае не личные взгляды, убеждения и мировоззрения отдельных государственных деятелей ФРГ, а правила принятия решений, разделяемые политической элитой в целом. «Анализируются правила принятия решений, характерные для структуры коллективного действия под названием федеральное правительство и озвученные представителями этой структуры, – пишет автор в методологической части своей монографии. – При этом совершенно неважно, разделяют ли отдельные акторы сами по себе убеждения федерального правительства, лежащие в основе действий последнего»³. Фактически Роос во многом разделяет принципы, лежащие в основе дискурс-анализа, хотя и избегает употребления термина «дискурс» в своей работе.

¹ Ibid. S. 19.

² Ibid. S. 20.

³ Ibid. S. 80.

Высказывания представителей федерального правительства автор монографии называл «текстуальными следами» интерсубъективных убеждений¹. В процессе анализа он относил каждый элемент высказывания к определенной тематической категории, а также интерпретировал его, выявляя находящиеся в его основе более общие убеждения и правила. В качестве примера можно привести слова, сказанные федеральным министром обороны Ф. Рюэ в 1993 г.: «На фоне европейской интеграции партнерство с Северной Америкой приобретает новое качество. Во время драматичных перемен наше трансатлантическое партнерство, оправдывавшее себя на протяжении десятилетий, должно обеспечивать политическую преемственность». Роос относит это высказывание к категориям «Взгляды на трансатлантические отношения» и «Убеждения, касающиеся времени, изменений и процессов». В рамках второй категории фраза «приписана» к смысловому коду «Происходят основополагающие изменения, нужно приспособливаться к новому времени». В подробном примечании («мемосе») автор писал, что для федерального правительства, судя по данному высказыванию, преемственность и постоянство особенно ценны, поскольку обеспечивают стабильность; в то же время новые условия требуют изменений, и изменение становится залогом стабильности. В дальнейшем мемосы сравнивались друг с другом, и в процессе на основе повторяющихся тезисов вырабатывались гипотезы, касающиеся убеждений федерального правительства в целом².

В результате своего исследования Роос формулирует нескольких десятков утверждений, которые, по его мнению, описывают взгляды федерального правительства на международные отношения и внешнюю политику ФРГ, например: «Немецкие интересы важнее общеевропейских» или «ЕС должен стать ведущей мировой державой в рамках новой многополярной системы»³.

Как и следовало ожидать, книга была принята неоднозначно; критики особо указывали на то, что Роос представляет убеждения как нечто единое, общее для

¹ Ibid. S. 81.

² Ibid. S. 103-105.

³ Ibid. S. 336-341.

всей политической элиты. Сам исследователь обосновывал такой подход тем, что любое высказывание существует только в рамках диалога, то есть интерсубъективно, и потому отражает позицию не только его непосредственного автора, но и сообщества, к которому последний принадлежит¹. Однако в более поздней работе он вынужден был модифицировать свою точку зрения, заявив: «Достаточно часто речь идет о реконструкции убеждений, которые одержали верх в рамках многоголосого дискурса в данный конкретный момент в уникальной ситуации»².

В том же 2010 г. увидела свет монография другого немецкого исследователя, У. Франке, посвященная изменению смысла и содержания деятельности НАТО после 1989 г.³ В процессе исследования ставилась аналогичная цель (изучить эволюцию взглядов и правил принятия решений) и использовалась близкая методология («объективная герменевтика»). В дальнейшем Роос и Франке тесно сотрудничали друг с другом, написав совместную статью о реконструктивных методах в исследованиях международных отношений и мировой политики⁴, а также выпустив под своей редакцией сборник статей на ту же тему⁵.

В 2017 г. под редакцией Рооса вышел сборник статей, развивающих ключевую тему его основного труда – убеждения и правила принятия решений германской политической элиты в вопросах международных отношений. Авторы сборника изучили отдельные направления внешней политики ФРГ – от политики безопасности до помощи развивающимся странам⁶. В отличие от монографии 2010 г., в данном сборнике и сам Роос, и его соавторы активно используют

¹ Franke U., Roos U. Rekonstruktive Ansätze in den Internationalen Beziehungen und der Weltpolitikforschung: Objektive Hermeneutik und Grounded Theory / Handbuch Internationale Beziehungen. S. 620-621.

² Roos U. Einleitung: Arenen, Diskurse und grundlegende Handlungsregeln deutscher Außenpolitik. / Deutsche Außenpolitik. Arenen, Diskurse und grundlegende Handlungsregeln. Hrsg. von U. Roos. Wiesbaden, 2017. S. 6.

³ Franke U. Die NATO nach 1989. Das Rätsel ihres Fortbestandes. Wiesbaden, 2010.

⁴ Franke U., Roos U. Op. cit. S. 619-640.

⁵ Rekonstruktive Methoden der Weltpolitikforschung. Anwendungsbeispiele und Entwicklungstendenzen. Hrsg. von U. Franke, U. Roos. Baden-Baden, 2013.

⁶ Deutsche Außenpolitik. Arenen, Diskurse und grundlegende Handlungsregeln;

термин «дискурс». Таким образом, можно говорить о складывании в Университет Аугсбурга научной школы, использующей «обоснованную теорию» в сфере исследования международных отношений. О росте популярности данной исследовательской методологии говорит и публикация в 2013 г. монографии германской исследовательницы Г. Панетты, предметом которой является реконструкция идентичности в рамках политики безопасности ЕС¹. Данная работа основана на материалах диссертации, защищенной под руководством Г. Хелльмана.

В середине 2010-х гг. появились публикации и англоязычных исследователей, использовавших «обоснованную теорию» для изучения процессов международной политики. К примеру, К. Ричардс и Ф. Фаррохния опубликовали статью, в которой предложили свой вариант адаптации «обоснованной теории» для прикладных политических исследований².

Хотя «обоснованная теория» в принципе не исключает возможности изучения индивидуальных примеров, она ориентирована в первую очередь на анализ групповых феноменов. Именно поэтому в рамках данного исследования она, как и качественный контент-анализ, не применяется напрямую, а служит лишь «строительным материалом» для создания методики, о которой будет подробно рассказано в следующем параграфе.

1.3. Методика реконструкции представлений Бисмарка о России

Как уже говорилось выше, методика изучения представлений О. фон Бисмарка о России была разработана на основе качественного контент-анализа и методологии «обоснованной теории». При этом ни один из двух названных методологических подходов не был использован в его оригинальной форме.

¹ Panetta G. EU-Sicherheitspolitik als Stabilisierungsarbeit. Eine Grounded-Theory-Studie. Wiesbaden, 2013.

² Richards C., Farrokhnia F. Optimizing Grounded Theory for Policy Research: A Knowledge-Building Approach to Analyzing WTO E-Commerce Policies // International Journal of Qualitative Methods. 2016. Vol. 1. Pp. 1–14.

Естественно, встает вопрос о допустимости столь вольного обращения с устоявшимися методологиями. Однако исследователи, занимающиеся методологическими вопросами, вполне допускают такой образ действий, если для этого имеются веские основания. Так, М. Шрайер прямо указывает на возможность дополнения качественного контент-анализа инструментами из арсенала «обоснованной теории»¹. С другой стороны, во многих работах, посвященных «обоснованной теории», подчеркивается ее характер как «ящика с инструментами», из которого можно заимствовать в меру необходимости отдельные элементы. И даже те исследователи, которые не согласны с подобной постановкой вопроса, допускают сочетание «обоснованной теории» с альтернативными методами исследования². По мнению К. Шармаз, «мы можем использовать инструменты методологии «обоснованной теории», не привязываясь к определенной теории познания или взгляду на реальность»³. Таким образом, оба подхода отличаются методологической открытостью и гибкостью, что делает их синтез вполне легитимным.

При разработке методики настоящего исследования были использованы следующие элементы обоих подходов.

От методологии «обоснованной теории»:

- Абдуктивный характер исследования, то есть движение от данных к категориям и обобщениям. Именно этим объясняется отсутствие изначальной исследовательской гипотезы – формулировка гипотез осуществлялась уже в процессе исследования.

- Цикличность и гибкость исследовательского процесса, допускавшая возвращение на более ранние стадии и модификацию системы категорий в процессе анализа. Это было необходимо в первую очередь для проверки гипотез, возникавших в процессе исследования.

¹ Schreier M. Op. cit. P. 111.

² Bryant A. The Varieties of Grounded Theory. P. 41.

³ Charmaz K. Constructing Grounded Theory. P. 178.

- Взаимодополняющий, а не взаимоисключающий характер категорий в рамках системы. Это было необходимо для того, чтобы обеспечить более полную и точную реконструкцию системы представлений, в которой различные темы и образы переплетаются друг с другом.

- Проведение постоянного сравнительного анализа данных и категорий для реконструкции системы убеждений и выделения ключевой категории, имеющей центральное значение в системе взглядов. В рамках исследования большое значение имело выявление взаимосвязей между категориями, их отношений друг с другом.

- Практика использования мемосов в качестве важного аналитического инструмента в процессе исследования. Мемосы позволяли сформулировать гипотезы и увидеть в массиве данных устойчивые паттерны.

- Пополнение корпуса текстов в процессе исследования и использование понятия «предел насыщения» для принятия решения о завершении данного процесса. Критерий «предела насыщения» соответствовал принятому в рамках классической «обоснованной теории».

От качественного контент-анализа:

- Выбор в качестве объекта исследования не социального процесса, а индивидуального кейса – системы взглядов конкретного политического деятеля.

- Наличие пилотной стадии исследования, предназначенной для апробации процедуры кодирования и разработки первичной системы категорий.

- Система категорий, отражающая темы, а не процессы. Поскольку в фокусе исследования находился не социальный процесс, а мировоззрение, тематические категории были сочтены более подходящими.

- Результат исследования носит характер аналитического описания и не является теорией. Безусловно, проведенная реконструкция системы взглядов позволяет сформировать гипотезы, касающиеся формирования и функционирования аналогичных систем в целом, однако проверка таких гипотез уже выходит за рамки представленного исследования.

- Исследование претендует на научную объективность и воспроизводимость результатов.

Разработанный метод предусматривал наличие нескольких этапов исследования, причем некоторые из них являлись последовательными, а некоторые – полностью или частично параллельными.

На первом этапе был сформирован корпус источников для проведения исследования. Общая характеристика данного корпуса уже была дана во введении к представленной работе, поэтому здесь имеет смысл остановиться на нескольких вопросах, имеющих особое значение в рамках исследования.

В первую очередь необходимо сказать, что автор сознательно ограничился только опубликованными материалами, не пытаясь расширить круг источников за счет архивных документов. На то есть несколько причин.

Во-первых, массив опубликованных документов очень велик и насчитывает в общей сложности более 10 тысяч текстов. В этот корпус входят все основные тексты, отражающие деятельность и взгляды Бисмарка. Неопубликованные материалы, конечно, могут стать ценным источником по конкретным событиям и процессам в жизни «железного канцлера». Однако в нашем случае объектом исследования являются представления, отраженные во множестве высказываний, рассеянных по всему массиву текстов. Добавление к этой совокупности еще нескольких фрагментов не способно существенно изменить картину. Как уже говорилось выше, в рамках «восходящей теории» существует такое понятие, как «предел насыщения», когда добавление новых источников уже не привносит в сложившуюся картину ничего существенного. Необходимо подчеркнуть, что в данном случае «предел насыщения» был достигнут еще в процессе работы с опубликованными материалами.

Во-вторых, серьезным доводом в пользу привлечения архивных материалов мог бы стать факт редактирования текстов при их публикации. Действительно, в некоторых случаях, когда речь идет о публикациях первой половины XX в., такое

редактирование имело место¹. Оно способно несколько исказить трактовку отдельных эпизодов. Однако сложно себе представить, чтобы издатели сочинений Бисмарка поставили себе целью отредактировать все высказывания «железного канцлера» о России. Это не просто технически крайне сложная задача (учитывая количество таких высказываний). Никакие известные нам политические соображения не требовали осуществлять такую редактуру.

Иначе говоря, поскольку объектом исследования в нашем случае является вся совокупность высказываний Бисмарка, состоящая из множества отдельных цитат, отсутствие или искажение единичных элементов в этой совокупности не оказывает ощутимого влияния на наши выводы.

Вторым и наиболее трудоемким этапом исследования стало выделение из данного корпуса единиц кодирования – высказываний Бисмарка, характеризующих его отношение к России, русскому народу и российско-германских отношениям. Это также являлось непростой задачей, поскольку круг данных высказываний можно было очертить по-разному в зависимости от критериев отбора.

Наиболее простым и очевидным критерием могло бы стать присутствие в высказывании ключевых слов, характерных для рассматриваемой тематики («Россия», «русские», «Петербург» и т.п.). Однако применение данного критерия не имело практического смысла, поскольку подавляющее большинство подобных суждений лишь констатировали факты и не содержали в себе никаких оценочных суждений, на основании которых можно было бы сделать выводы относительно

¹ В качестве наиболее характерного примера можно привести дневники фельдмаршала А. фон Вальдерзее, которые были с разрешения его наследника опубликованы в 1920-е гг. А. Мейснером (*Denkwürdigkeiten des General-Feldmarschalls Alfred Grafen von Waldersee*. In 3 Bd. Stuttgart-Berlin, 1922). В процессе подготовки оригинальные дневники были не только значительно сокращены, но и отредактированы, что в некоторых случаях привело к существенному изменению смысла дневниковых записей. В результате британский историк Дж. Рёль охарактеризовал данную публикацию как «непригодную для научного использования» (Röhl J.C.G. *Wilhelm II. Die Jugend des Kaisers 1859-1888*. München, 1993. S. 920). Хотя на наш взгляд этот приговор слишком суров, по ряду сюжетов обращение к оригинальной версии является необходимостью. Подробнее см.: Власов Н.А. Канцлерские амбиции Альфреда фон Вальдерзее (личный дневник как исторический источник) // Диалог со временем. 2021. Вып. 77. С. 351-361.

лежащих в их основе представлений. Например, фраза «Австрия может испытать сербскую неблагодарность в той же мере, что и Россия», содержит в себе характеристику Сербии¹; Россия в ней лишь упоминается. В состав корпуса высказываний имело смысл включать только те из них, которые содержат в себе явные или скрытые оценочные суждения, касающиеся сущностных, типичных, долговременных характеристик рассматриваемых объектов.

Особенно сложную задачу представляло собой выявление скрытых оценочных суждений. Речь в данном случае идет о представлениях, которые не отражены напрямую в высказывании, но логически следуют из него. Выявить скрытые суждения позволяет выбор автором слов (например, с ярко выраженной позитивной или негативной окраской), контекст сообщения (некое событие может быть описано как уникальное или, наоборот, типичное), а также неявные послылки (суждение неизбежно подразумевает наличие у объекта определенных характеристик). В качестве примера можно взять высказывания Бисмарка о коррупции в России. В одних случаях, говоря о возможности решить конкретные проблемы с помощью взятки, он исходил из универсального характера этого средства в российских условиях². В других, рассказывая о конкретных известных ему случаях коррупции в России, Бисмарк подавал их своим адресатам как типичную для данной страны практику³.

Разумеется, в данном случае исследователь рискует оказаться на зыбкой почве, поскольку скрытые оценочные суждения оставляют большой простор для его собственной интерпретации. Поэтому в процессе исследования практиковалось максимально осторожное отношение к таким высказываниям. В случае обоснованных сомнений в наличии единственной возможной трактовки мы воздерживались от их однозначного толкования и не включали их в общий массив единиц кодирования.

¹ Erlaß an Reuß, 03.10.1885 // GP, Bd. 5. S. 12.

² Brief an die Gattin, 29.08.1857 // WIA. Bd. 2. S. 186.

³ Bericht an Schleinitz, 18.04.1859 // GW, Bd. 3. S. 11.

В качестве примера можно привести фразу Бисмарка, известную нам из мемуаров Тидеманна и относящуюся к событиям второй половины 1870-х гг.: «Когда поступило известие, что Шувалов назначен послом в Лондоне, он [Бисмарк – Н.В.] бессонной ночью пришел к следующему умозаключению: если русские в этот момент отсылают самого умелого деятеля, каким располагают, они собираются сделать глупость»¹. Свидетельствует ли это высказывание, что Бисмарк пренебрежительно относился к российской практике принятия внешнеполитических решений? Считал ли он эту практику специфически российской? Однозначно ответить на данные вопросы невозможно, поэтому приведенное высказывание (как и подобные ему) не было включено в массив данных.

Еще одна проблема в данном случае заключается в том, что возможные альтернативные интерпретации могут не осознаваться исследователем, считающим свою версию единственно истинной². Такая ситуация имела место и в ходе представленного исследования. Речь идет о знаменитой фразе Бисмарка из письма супруге от 9 июля 1866 г.: «Передо мной стоит неблагоприятная задача лить воду в кипящее вино и подчеркивать, что мы живем в Европе не одни, а с еще тремя державами, которые ненавидят нас и завидуют нам»³. Глава правительства в данном случае пишет о спорах, развернувшихся в прусском военно-политическом руководстве после серии побед над австрийскими войсками и касавшихся продолжения войны и условий заключения мира. Бисмарк в данном случае выступал за скорейшее завершение кампании и компромиссный мир, опасаясь вмешательства нейтральных держав⁴. Именно нейтральные великие державы (Россия, Великобритания и Франция), на наш взгляд, и подразумеваются под теми тремя, которые «ненавидят и завидуют» Пруссии; об этом свидетельствует как контекст самого письма, так и контекст исторической ситуации.

¹ Tiedemann C.v. Op. cit. S. 192.

² Charmaz K. Constructing Grounded Theory. P. 67-68.

³ Brief an die Gattin, 09.07.1866 // WIA, Bd. 3. S. 757.

⁴ См. Власов Н.А. Бисмарк. С. 208-211.

Уже после завершения исследования была обнаружена альтернативная трактовка данной фразы. В своей новейшей монографии отечественный исследователь В.С. Дударев пишет: «Примечательно, что Бисмарк называет именно это число: три – ведь помимо Пруссии в европейскую пентархию [...] входили еще четыре державы. Обвинить Бисмарка в трудностях арифметического счета, конечно, очень сложно. Более очевидным здесь кажется то, что Бисмарк попросту исключил одну из великих держав европейской пентархии из списка враждебных Пруссии государств. Учитывая тот факт, что еще со времен своей франкфуртской миссии Бисмарк постоянно твердил об отсутствии каких бы то ни было противоречий между Пруссией и Россией, ответ на эту арифметическую задачу становится очевидным»¹.

Данная интерпретация представляется некорректной сразу по нескольким причинам. Во-первых, как уже говорилось выше, контекст письма указывает на то, что речь идет о нейтральных державах; во враждебности Австрии в ситуации войны с ней сомневаться не приходилось, и под словом «одни», очевидно, подразумеваются именно воюющие стороны («одни с Австрией»). Во-вторых, даже если предположить, что Бисмарк действительно исключил одну из великих держав, сложно поверить, что речь идет о России, которая активно препятствовала достижению Пруссией ее внешнеполитических целей в ходе конфликта 1866 г. с Австрией и нейтрализовать которую стоило Бисмарку немалых усилий². Официальные заявления Бисмарка об отсутствии противоречий с Россией, на которые в данном случае ссылается В.С. Дударев, преследовали вполне понятную тактическую цель и не могут считаться отражением его истинных убеждений.

Тем не менее, в процессе проведения данного исследования невозможно было полностью исключить наличие альтернативных интерпретаций, не учтенных в процессе кодирования и анализа. В данной ситуации ключевую роль

¹ Дударев В.С. Бисмарк и Россия. С. 299.

² См. Шнеерсон Л.М. Австро-прусская война и дипломатия великих держав; Burgaud S. Op. cit. Pp. 269-302.

приобретала системность анализа, в рамках которого выводы делались на основании не отдельных высказываний, а четко прослеживаемых в общей совокупности тенденций и паттернов.

Для лучшего понимания принципов отбора текстовых сообщений имеет смысл перечислить те их категории, которые не были включены в общую совокупность единиц кодирования:

1. Высказывания, не содержащие в себе оценочного суждения. К примеру, простая констатация определенных шагов России на международной арене. Так, 6 сентября 1870 г. Бисмарк писал послу Северогерманского союза в Петербурге принцу Рейссу: «Среди европейских держав, не участвующих в войне, Россия единственная придала своему нейтралитету характер благожелательного по отношению к нам»¹.

2. Оценочные суждения, касающиеся конкретных, не являющихся специфическими или типичными для России, явлений или процессов. К примеру, в том случае, если Бисмарк рассматривал определенные действия России на международной арене как ошибочные, но не делал широких обобщений и не трактовал причины этих действий как специфически российские²; аналогичные высказывания могли бы касаться абсолютно любой страны.

3. Суждения, которые подразумевают статус России как великой державы и связанные с этим статусом права и возможности на международной арене. Во второй половине XIX в. в европейской дипломатии существовало единое представление о том, какие державы входят в состав «Европейского концерта» и что подразумевает под собой участие в нем. Соответствующие высказывания Бисмарка являются по сути лишь признанием общеизвестных фактов. О том, как «железный канцлер» видел европейскую систему и международные отношения в Европе, рассказывает упомянутая выше работа Д. Хаффера³; мы также кратко остановимся на этом в следующей главе.

¹ Erlaß an Reuß, 06.09.1870 // WIA, Bd. 4. S. 524.

² См. напр. о неумелых действиях российской дипломатии в славянском вопросе в инструкции Брау от 30.03.1880 (NFA, Bd. 4. S. 383).

³ Haffer D. Op. cit.

4. Суждения, являвшиеся общепринятыми формулами, используемыми по умолчанию. К примеру, характеристика России как «дружественного нам государства» в парламентском выступлении или официальном документе, предназначенном для посторонних глаз, может не приниматься во внимание, поскольку этот же оборот использовался при упоминании всех стран, с которыми Пруссия/Германия не находилась в состоянии открытого конфликта¹. Такие высказывания являлись, по сути, простой дипломатической формальностью, ни в коей мере не связанной с реальными взглядами Бисмарка на проблему отношений с соответствующей страной.

Разумеется, применяя данный критерий, исследователь оказывается перед непростой задачей – провести четкую границу между формальными оборотами и высказыванием по существу бывает непросто. Ключевую роль в данном случае играет контекст высказывания – характер документа, в котором оно содержится, и характер самого оценочного суждения (является ли оно смысловой частью высказывания в целом или играет чисто декоративную роль). В случае сомнения соответствующее высказывание включалось в общий массив данных.

5. Суждения, касающиеся отдельных личностей, если они не содержат в себе более широких обобщений. К примеру, многочисленные высказывания Бисмарка о тщеславии А.М. Горчакова нельзя считать релевантными с точки зрения нашего исследования². В то же время неоднократно повторенная фраза о том, что высокая работоспособность Горчакова объясняется тем обстоятельством, что его мать была немкой, включена в общую совокупность³. Это высказывание содержит в себе суждение о неспособности русских к упорному умственному труду (мысль, которую Бисмарк озвучивал, в том числе, и напрямую). Опять же, высказывания относительно российских монархов учитывались только в том случае, если содержали в себе некие более широкие обобщения, к примеру, суждения о роли и значении императора в государственной системе.

¹ См. напр. о «тесной дружбе» с Италией и Францией: Erlaß an Goltz, 02.11.1867 // GW, Bd. 6a. S. 99.

² Erinnerung und Gedanke // WIA, Bd. 8a. S. 173.

³ Gespräch mit Friedrich Meyer von Waldeck, 11.08.1867 // GW, Bd. 7. S. 221.

6. Высказывания о поляках как нации. Хотя большая часть исторической Польши в ту эпоху входила в состав Российской империи, «польский вопрос» в представлениях Бисмарка является большим самостоятельным объектом исследования, поскольку определяющую роль здесь играло отношение «железного канцлера» к польскому населению Пруссии. В связи с этим в процессе отбора учитывались только те высказывания, в которых речь шла непосредственно о роли и положении поляков в России.

Поиск высказываний осуществлялся вручную, путем последовательной проработки всех текстов. При всей трудоемкости этого процесса он был необходим не только потому, что на данный момент не существует машиночитаемых версий подавляющего большинства перечисленных выше изданий, которые позволяли бы осуществлять поиск по ключевым словам. Имелись и другие, куда более серьезные причины. Во-первых, некоторые фразы Бисмарка, касавшиеся России, были иносказательными (к примеру, когда он говорил о том, что «посмотрит в глаза полярному медведю»¹). Во-вторых – и это, пожалуй, даже более важно – для решения поставленной задачи необходимо представлять себе более широкий контекст многих цитат. В частности, чтобы оценить высказывания Бисмарка о России, требуется сопоставить их с высказываниями о других странах и выделить определенные характерные особенности. В этом плане отсутствие высказываний может порой быть столь же красноречивым, как и их наличие. В качестве примера можно привести часто осуществлявшиеся Бисмарком в парламентских выступлениях сравнения Пруссии по различным параметрам с другими странами (налоговая система, законодательство и т.д.). В качестве объектов для сравнения обычно фигурировали Великобритания и Франция и практически никогда – Россия². Другой пример: слова Бисмарка о том, что из всех европейских стран он испытывает особые симпатии лишь к Англии³, фактически равнозначны

¹ Brief an Gustav von Alvensleben, 08.02.1859 // WIA, Bd. 2. S. 248.

² В качестве примера можно привести речь Бисмарка от 18 мая 1876 г. (WIA, Bd. 5, S. 690-698).

³ Brief an Gerlach, 11.05.1857 // WIA, Bd. 2. S. 152.

заявлению о том, что к России он не испытывает особых симпатий. Такие умолчания трудно формализовать в рамках методологии данного исследования, однако они создавали необходимый для анализа контекст.

Уже на этапе отбора осуществлялась первичная сортировка высказываний по двум параметрам. Первым из них являлась достоверность высказывания. В данном случае давался ответ на вопрос о том, действительно ли Бисмарк произносил эти слова и если да, отражали ли они его взгляды? Все высказывания были разделены по данному параметру на три категории – «зеленую», «желтую» и «красную».

«Красная» категория состоит из цитат, относительно точности (а порой и достоверности) которых полной уверенности не существует. Сюда относятся все устные высказывания Бисмарка, дошедшие до нас благодаря посредничеству третьих лиц. В качестве примера можно назвать фразы «железного канцлера», известные благодаря мемуарам одного из его ближайших сподвижников, Морица Буша¹. В отличие от откровенных апокрифов, мы не имеем права полностью игнорировать эти цитаты, поскольку есть весомые основания полагать, что они действительно были произнесены. Так, значительная часть опубликованного Бушем материала была просмотрена и одобрена лично Бисмарком². Однако во многих случаях мы не можем быть уверены, что передача является дословной и не содержит смысловых искажений. Исключением могут быть признаны ситуации, когда высказывание содержится в двух независимых друг от друга источниках, однако такое случается нечасто. В большинстве случаев мы вправе делать выводы только на основании общего смысла высказывания, и то лишь в том случае, если в нашей совокупности имеется несколько подобных высказываний или высказывание в целом соответствует по своему духу известным нам из более надежных источников взглядам Бисмарка. Стоит отметить, что многие из наиболее ярких цитат «железного канцлера»,

¹ Busch M. Tagebuchblätter.

² Ibid. Bd. 2. S. 530.

фигурирующих практически во всех его биографиях, относятся именно к этой, «красной» категории.

«Желтая» категория включает в себя высказывания, бесспорно принадлежащие Бисмарку дословно (например, цитаты из его писем или парламентских выступлений). Содержание этих высказываний, однако, явно обусловлено текущим политическим моментом, и поэтому не может являться основанием для прямых выводов о взглядах Бисмарка. В качестве примера можно назвать письмо, направленное канцлером 3 мая 1888 г. германскому послу в Вене принцу Рейссу¹. В этом послании Бисмарк подробно рассуждал о мощи и несокрушимости Российской империи. Основной задачей текста было при посредничестве Рейсса убедить австрийцев отказаться от агрессивных намерений в отношении России, что диктовало как содержание письма, так и выбор использованных риторических приемов.

Конечно, в данном случае грань является весьма тонкой. Как справедливо отметил У. Лисковски, «не всегда можно понять, насколько высказывания определялись политическим расчетом, обусловленным ситуацией»². С одной стороны, любой текст создается с определенной целью, которая влияет на его содержание. С другой стороны, даже если это содержание жестко детерминировано целью и контекстом, одну и ту же мысль можно сформулировать разными словами. Тем не менее, выделение в отдельную категорию ситуаций, когда Бисмарк, во-первых, не мог не высказаться, во-вторых, не мог высказаться принципиально иначе, представляется вполне оправданным.

Третья («зеленая») категория включает в себя высказывания, бесспорно принадлежащие Бисмарку дословно и не продиктованные требованиями момента. Разумеется, вопрос о том, в какой степени содержание того или иного высказывания было обусловлено контекстом его появления, во многих случаях может оказаться спорным. Следует, однако, помнить, что разделение на категории осуществляется не с целью полностью игнорировать какую-либо группу цитат, а

¹ Bismarck an Reuß 03.05.1888 // GP, Bd. 6. S. 302-303.

² Liszkowski U. Op. cit. S. 115.

лишь для возможной корректировки выводов исследования, основанных на изучении всего корпуса источников. К примеру, если выяснится, что тот или иной вывод подтверждается лишь цитатами из «желтой» категории, это станет серьезным поводом в нем усомниться, особенно если он находится в противоречии с другими выводами.

Вторым параметром сортировки стала тематика высказываний. С самого начала цитата относилась к определенной тематической категории, что в дальнейшем облегчало работу с ней. Таким образом, процессы отбора, интерпретации и кодирования информации осуществлялись параллельно, представляя собой единое целое.

Для формирования первичной системы категорий была проведена пилотная фаза кодирования, для которой использовались высказывания Бисмарка о славянах, России и русских, содержащиеся в двухтомном цитатнике, составленном М. Клеммом¹. На основании результатов пилотной фазы была сформирована первичная структура из восьми категорий:

1. Народ.
2. Страна.
3. Государство.
4. Армия.
5. Элита.
6. Практики.
7. Россия в международных отношениях.
8. Российско-германские отношения.

В ходе основной фазы кодирования этот список дополнялся и расширялся, создавались новые категории, а некоторые существующие разделялись.

В процессе работы все цитаты вносились в базу данных, в которой, помимо вышеозначенных категорий, указывался тип документа (парламентское выступление, депеша, застольный разговор и т.п.), непосредственный источник (публикация, из которой взята цитата), дата высказывания, информация о

¹ Klemm M. Was sagt Bismarck dazu? Bd. 1-2. Berlin, 1924.

контексте. При этом контекст понимался в двояком ключе: контекст документа, в котором содержится высказывание, и конкретная историческая ситуация, в которой появился на свет рассматриваемый документ. Это позволяло более полно раскрыть смысл высказывания и оценить мотивы его появления. В отдельную графу вносились примечания и комментарии («мемосы»). В отличие от классических процедур «обоснованной теории», мемосы писались не к каждой единице кодирования, а только там, где это было сочтено необходимым в процессе исследования.

Таким образом, итогом второго этапа исследования стал хорошо структурированный массив высказываний и аналитических комментариев к ним. Общий вид базы данных см. Приложение 1.

Третьим этапом можно назвать анализ данного массива с целью поиска и выделения ключевых тезисов, образов и представлений, которые отражены в различных высказываниях, носят долговременный, устойчивый характер. При этом большое внимание уделялось эволюции этих представлений и их связи с определенным контекстом как жизни и деятельности самого Бисмарка, так и российско-германских отношений.

На начальной стадии третьего этапа исследования система категорий (и принадлежность цитат к конкретным категориям) была еще раз пересмотрена и адаптирована к уже сложившемуся массиву данных. Общее количество категорий при этом увеличилось до пятнадцати:

1. Страна. Высказывания, касавшиеся России и не связанные напрямую с человеческой деятельностью — например, характеристики географического положения или климата.

2. Нация. Суждения, касавшиеся особенностей русских как народа, их национального характера, общих черт и особенностей.

3. Народ. Оценочные суждения, касающиеся «простого народа» - крестьян, рабочих, городских низов. Если в предыдущей категории речь шла об этнической группе, то в данном случае — о социальной.

4. Общество. Эта категория стала одной из наиболее сложных, поскольку включает в себя сразу несколько формально различных понятий: общественное мнение, пресса, образованные средние слои общества. Решение соединить эти понятия (и соответствующие высказывания) в рамках одной категории было обусловлено материалом исследования. Бисмарк считал, что именно образованные средние слои российского общества составляют общественное мнение, которое одновременно выражается и формируется прессой.

5. Элита. Речь в данном случае идет как о политической, так и социальной элите, которые в значительной степени совпадали, и Бисмарк часто не делал различий между ними, употребляя такие термины, как «высшее общество». Элиту составляли высшая императорский двор, высшая бюрократия и высшая аристократия – люди, которые в той или иной степени держали в руках рычаги управления страной.

6. Государство. В эту категорию включались высказывания, касающиеся государственного устройства России, основных органов власти, бюрократического аппарата. Сюда же были отнесены все суждения, касавшиеся императора и императорской власти как института, то есть властных полномочий, положения в системе государственных структур и т.д. Высказывания относительно личных особенностей конкретных монархов, как уже говорилось выше, не включались в общую совокупность.

7. Практики. Весьма разнородная по своему внутреннему составу категория, которая касается распространенных явлений (практик) российской повседневности на всех уровнях общества. Примеры практик – народные обычаи или виды и формы коррупции. Как правило, высказывания из этой категории одновременно входили и в другие. Целесообразность формирования отдельной категории, однако, объясняется ее значимостью для аналитического процесса; она позволяет увидеть глазами Бисмарка российскую повседневность в ее целостности.

8. Армия. Высказывания, касающиеся вооруженных сил, солдат и офицеров, роли армии во внутренней и внешней политике страны.

9. Экономика. Суждения, связанные с экономическими сюжетами: производством, торговлей, государственным бюджетом.

10. Поляки. В данную категорию были включены высказывания, связанные с российскими поляками и «польским вопросом» в российской политике. Как уже говорилось выше, характеристики поляков как нации не включались в общую совокупность.

11. Русские немцы. Высказывания об этнических немцах – подданных Российской империи либо постоянно проживающих в России. Опять же, в данном случае речь идет об этнической группе в целом, а не об отдельных ее представителях.

12. Россия в международных отношениях. Сюда были включены высказывания, касающиеся оценки Бисмарком положения страны в системе международных отношений и ее внешней политики в целом. Речь идет, в первую очередь, о долговременных тенденциях, сущностных чертах и константах участия России в международных отношениях.

13. Война. Речь в данном случае идет о вооруженных конфликтах с участием России – как реальных, так и гипотетических – включая возможную войну между Россией и Пруссией (Германией).

14. Российско-германские отношения. Категория охватывает отношения двух народов и соответствующих государств в прошлом, настоящем и (гипотетическом) будущем.

15. Личное. В данную категорию были включены прямые высказывания Бисмарка о его личном отношении к России.

Легко заметить, что эти категории являются частично пересекающимися. Кроме того, многие высказывания по сути своей относились к нескольким категориям сразу. В этом случае в соответствующую ячейку базы данных вписывались все релевантные категории – их количество могло в отдельных случаях достигать пяти.

При необходимости мемосы дополнялись новыми наблюдениями, а также вносилась в базу релевантная с точки зрения целей исследования информация, касающаяся контекста отдельных высказываний.

Нужно подчеркнуть, что анализ собранной базы был начат еще в процессе обработки материала; данные этапы являлись не последовательными, а в значительной степени параллельными. При этом осуществлялось определение как границ, так и уровня насыщенности отдельных категорий. Как уже говорилось выше, одним из ключевых исследовательских решений должно было стать достижение «предела насыщения» базы данных, то есть такой степени полноты материала, при котором становится возможной полная реконструкция всей системы взглядов, а полученные результаты позволяют с высокой степенью достоверности прогнозировать содержание новых высказываний. Предел насыщения был в рамках настоящего исследования достигнут после проработки трех основных публикаций текстов Бисмарка; привлеченные во вторую очередь материалы (мемуары современников и т.п.) позволили добавить в базу ряд ярких по форме высказываний, однако содержание последних по сути не привнесло ничего нового в уже сложившуюся картину, позволив лишь дополнительно верифицировать ранее полученные выводы.

Анализ высказываний проводился как в рамках отдельных категорий (для реконструкции взглядов Бисмарка по конкретным вопросам), так и в хронологическом порядке (для выявления эволюции его взглядов). При этом основное внимание уделялось тезисам, повторяющимся в разных высказываниях, в различном контексте и в различное время. Эти повторяющиеся тезисы образовывали паттерны, позволявшие сделать вывод об устойчивых представлениях, не зависевших от конкретной ситуации того или иного высказывания. Выявление таких паттернов стало одной из ключевых аналитических процедур исследования и позволило перейти к построению системы взглядов Бисмарка.

Четвертым этапом исследования являлась систематизация и верификация результатов. Две эти задачи представляли собой по сути единый процесс. Как уже

говорилося вище, взгляды человека представляют собой (по меньшей мере, в рамках одного сюжета) не хаотичный набор тезисов, а систему, в рамках которой отдельные элементы логически связаны друг с другом. Именно воссоздание системы представлений Бисмарка о России и являлось ключевой целью данной работы.

Построение логичной, внутренне непротиворечивой, взаимосвязанной системы являлось одновременно инструментом верификации результатов исследования. В случае, если бы используемая методика не дала возможности реконструировать истинные представления Бисмарка о России – к примеру, все его высказывания оказались бы продиктованы конкретными ситуациями, в рамках которых они появлялись на свет – итогом стал бы набор противоречивых, логически слабо связанных друг с другом тезисов. Отсутствие системности являлось бы решающим признаком того, что основная цель исследования не достигнута.

Помимо воссоздания целостной системы представления Бисмарка о России и выявления логических связей в рамках этой системы, на данном этапе ставилась задача проследить эволюцию упомянутых представлений на протяжении жизни «железного канцлера». Как уже говорилось выше, система представлений, хотя и демонстрирует значительную устойчивость и сопротивляется изменениям, тем не менее способна эволюционировать под влиянием новой информации; особенно легко меняются те ее элементы, которые не затрагивают центральных, основополагающих структур, связанных с базовыми убеждениями человека и его идентичностью.

Применительно к эволюции представлений Бисмарка в качестве дополнительного инструмента верификации полученных результатов был использован количественный метод, позволяющий оценить общую направленность (негативную, позитивную или нейтральную) его высказываний в определенный период времени. Для этого совокупность высказываний Бисмарка была разбита на определенные хронологические отрезки (периодизация

определялась как этапами биографии самого «железного канцлера», так и этапами развития российско-германских отношений в период его правления).

В рамках каждого отрезка все высказывания были разделены на три категории: позитивные, негативные и нейтральные. К позитивным были отнесены все случаи, когда Бисмарк говорил о собственном хорошем отношении к России, положительно оценивал русский народ, элиту, государство и практики, рисовал Российскую империю сильной и стабильной страной, верным другом и добрым соседом Германии. В противоположную категорию были включены пренебрежительные, негативные высказывания о национальном характере русского народа и особенностях России, о российской элите, порочных практиках и внутренних проблемах, слабости и нестабильности государства, а также высказывания, в которых Российская империя фигурировала как опасный, непредсказуемый сосед, угроза Германии или европейскому миру. Разумеется, деление на три группы было достаточно условным, в некоторых случаях оценочное суждение содержало элементы как позитивной, так и негативной характеристики. В качестве примера можно взять фразу из воспоминаний В. Алексеева: «Он был о России высокого мнения, предсказывал ей великую будущность и основывал это мнение на том, что когда крестьянина отдают в солдаты, то через год из грязного, забитого, ленивого и безграмотного человека он становится почти неузнаваемым, делается бодрым, видным, поворотливым и сметливым; если в народе существуют такие задатки, то они могут служить только в пользу этого народа»¹. Тем не менее, в подавляющем большинстве случаев отнести высказывание к одной из трех категорий удалось без особых сложностей.

Далее каждому высказыванию было присвоено числовое значение (позитивное +1, негативное -1, нейтральное 0). Для каждого хронологического отрезка числовые значения суммировались, а получившийся результат делился на общее количество высказываний. Итогом стал показатель, который можно условно назвать индексом отношения Бисмарка к России. Изменение этого

¹ Алексеев В. Указ. соч. С. 453.

индекса с течением времени позволило осуществить проверку выводов об эволюции взглядов Бисмарка, полученных при помощи качественного метода.

На наш взгляд, представленная методология может быть успешно использована для реконструкции представлений любой исторической фигуры, оставившей после себя значительный по размерам корпус текстов. При этом речь может идти о воссоздании как взглядов на конкретный вопрос, проблему или процесс, так и общей системы мировоззрения. Единственным существенным минусом данного метода является его высокая трудоемкость.

ГЛАВА 2.

КОНТЕКСТ ФОРМИРОВАНИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОТТО ФОН БИСМАРКА О РОССИИ

2.1. Источники представлений Бисмарка о России

Анализируя представления Бисмарка о России и русских, необходимо в первую очередь рассмотреть источники их формирования. В общем и целом источники представлений человека о другой стране, как уже говорилось выше, можно поделить на три основные категории:

- Информация, существующая в публичном пространстве. Речь идет о стереотипных образах, распространенных в том сообществе, к которому принадлежит индивид (если брать шире – в его стране). В XIX в. эту информацию представитель социальной элиты получал в процессе получения среднего и высшего образования, из книг, периодики, в ходе общения с соотечественниками. В большинстве случаев именно с нее начинается формирование образа. Применительно к данной информации можно использовать понятие дискурса¹, частью которого являются распространенные представление об иностранном государстве.

- Информация, полученная в индивидуальном порядке с помощью «посредника». Этим «посредником» может быть как житель другой страны, так и соотечественник, который провел в ней определенное время и может поделиться своим личным опытом. Как правило, уровень доверия к такого рода информации достаточно высок, если авторитетность «посредника» не вызывает сомнений (например, в силу конфликтующих политических взглядов).

¹ В данном случае мы можем определить дискурс в терминах т.н. Кембриджской школы интеллектуальной истории – как «комплексную структуру, включающую в себя словарь, грамматику, риторику, набор словоупотреблений, допущений и смыслов, существующих вместе в определенное время; такая структура используется определенным сообществом использующих этот язык для политических целей, выражения определенной картины мира или идеологии» (Роскок J.G.A. Concepts and Discourses: A Difference in Culture? Comment on a Paper by Melvin Richter / The meaning of historical terms and concepts. New studies of Begriffsgeschichte. Ed. by H. Lehmann and M. Richter. Washington, 1996. P. 47).

- Личный опыт, полученный в ходе визита в другую страну или в результате чтения вышедшей в другой стране печатной продукции, рассчитанной в первую очередь на внутреннюю аудиторию.

Границы между этими категориями, разумеется, достаточно условные, и все же их имеет смысл провести для того, чтобы понять, какие источники и в какой период влияли на формирование образа России у Бисмарка. Проблема в данном случае заключается в том, что обычно исследователи делают акцент на личном опыте «железного канцлера», на протяжении трех лет занимавшего пост прусского посланника в Петербурге. Так, В.С. Дударев в предисловии к своей монографии пишет, что «составить свое представление о Российской империи Бисмарк смог, живя в 1859-1862 гг. в Петербурге»¹. Однако сложно предположить, что до 1859 г. будущий посланник – уже опытный дипломат в возрасте 44 лет, имевший в России друзей и знакомых – ничего не знал о той стране, куда ему предстояло отправиться.

В общем и целом мы можем выделить три больших этапа формирования представлений Бисмарка о России, для каждого из которых был характерен свой набор источников:

1) До 1851 г., то есть начала дипломатической деятельности Бисмарка. В этот период его представления о России формировались за счет двух основных источников. Первым являлся германский (преимущественно консервативный) дискурс 1830-40-х гг., вторым – личное общение с подданными Российской империи, с которыми Бисмарк встречался в германских государствах.

2) 1851-1862 гг., то есть период деятельности Бисмарка в качестве прусского дипломата. Уже в 1851-1859 гг, находясь на должности прусского представителя в бундестаге Германского союза во Франкфурте-на-Майне, он по служебной необходимости должен был сформировать представление о положении и политике Российской империи в европейской системе великих держав. Дополнительными источниками для него в этот период стали дипломатическая корреспонденция и общение с российскими дипломатами, в том числе будущим

¹ Дударев В.С. Петербургская миссия Отто фон Бисмарка. С. 9.

канцлером князем А.М. Горчаковым. В 1859-1862 гг., во время пребывания на посту прусского посланника в России, к этим источникам добавился и личный опыт, а также общение с многочисленными представителями петербургской элиты и (эпизодически) людьми из низших сословий.

3) После 1862 г., когда основным источником информации о России для Бисмарка как главы правительства вплоть до отставки в 1890 г. стали донесения прусских (затем северогерманских и германских) дипломатических агентов в Российской империи. Роль дополнительных источников играли общение с российскими подданными и печатная публицистика, которые после 1890 г., по всей видимости, вышли на первый план.

Первый период: до 1851 года

При рассмотрении источников первого периода необходимо начать со стереотипных представлений о России, распространенных в немецком образованном обществе 1830-40-х гг., в первую очередь в консервативной среде. Данная тема хорошо изучена благодаря российско-германскому «Вуппертальскому проекту»¹, а также целому ряду работ отечественных исследовательниц О.В. Заиченко². На эти исследования мы и будем в дальнейшем опираться.

¹ Russen und Rußland aus deutscher Sicht. 19. Jahrhundert: von der Jahrhundertwende bis zur Reichsgründung (1800-1871). München, 1992.

² Заиченко О.В. Образ России в Германии в первой половине XIX века (на материале либеральной публицистики) / Россия и Германия. Вып. 2. М., 2001. С. 92-109; Заиченко О.В. Немецкая публицистика и формирование образа России в общественном мнении Германии в первой половине XIX века. Дисс. на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2004; Заиченко О.В. Формирование образа России как части консервативного мировоззрения (на примере Германии первой половины XIX века) / Россия и Германия. Вып. 4. М., 2007. С. 22-52; Заиченко О.В. «Варвар у ворот» или «гарант европейской безопасности». Россия в немецком внешнеполитическом дискурсе накануне Крымской войны // Россия XXI. 2017. № 3. С. 18-47; Заиченко О.В. Убежище от страхов и проекция надежд. Русский миф как элемент консервативного «стиля мышления» в Германии во второй четверти XIX века // Россия XXI. 2018. № 5. С. 100-123; Заиченко О.В. «Нас считают гуннами...»: рост антирусских настроений в Германии в 30–40 годы XIX века и ответная реакция правящих кругов России // Россия XXI. 2021. № 4. С. 54-79; Заиченко О.В. Немецкий внешнеполитический дискурс второй четверти XIX в. Возрождение комплекса «русской угрозы» // Вопросы истории. 2021. №11-3. С. 4-21.

Во вступительной статье к соответствующему тому «Вуппертальского проекта» Л.З. Копелев описывал углубившийся в 1830-е гг. раскол немецкого общественного мнения применительно к России: консерваторы воспринимали империю Романовых как надежный оплот в борьбе против революции, либеральные националисты относились к ней весьма негативно: «Враждебные к России голоса были особенно сильны в Германии и Франции»¹. При этом, по словам О.В. Заиченко, и «прорусскими» консерваторами, и «антирусскими» либералами «рассматривалась не конкретная страна, а некий вымышленный образ, система стереотипов»². Интерес немецкого общества к Российской империи значительно возрос в течение 1830-х гг.; это положение дел сохранялось до конца Крымской войны. Далеко не случайно на данный период приходится большое количество публицистических работ, посвященных самым разным аспектам внутренней жизни и международной политики России³.

Для немецких либералов Россия являлась воплощением того зла, против которого они боролись: деспотизма, мракобесия и варварства. Неудивительно, что на страницах либеральной публицистики присутствовал исключительно негативный образ Российской империи. Это касалось в том числе и многочисленных «путевых заметок», опубликованных в 1830-40-е гг.; их авторами часто являлись немцы, прожившие в России довольно продолжительное время и поэтому имевшие возможность претендовать на авторитет «опытного наблюдателя». Критике подвергался не только общественно-политический строй, но и особенности национального характера, а также поведение России на международной арене⁴. Российская империя изображалась как азиатская, варварская держава, для которой характерны все пороки деспотизма, включая повсеместную коррупцию. При этом, по словам О.В. Заиченко, «большая часть авторов считала, что причины деспотического строя в России кроются в

¹ Kopelew L. Zunächst war Waffenbrüderschaft / Russen und Rußland aus deutscher Sicht. 19. Jahrhundert. S. 38.

² Заиченко О.В. Образ России в Германии... С. 97.

³ Заиченко О.В. Убежище от страхов и проекция надежд. С. 106.

⁴ Заиченко О.В. Образ России в Германии... С. 99.

национальном характере»¹. Современное состояние российского государства и общества объясняли, таким образом, некими неизменными чертами, имманентно присущими русскому народу.

Весьма характерным являлся также страх перед Российской империей как агрессивной державой, стремящейся к завоеванию Европы. Широко распространена была знаменитая легенда о «завещании Петра Великого». Некоторые публицисты, опять же, апеллировали к национальным чертам русского народа – а именно к его «кочевой» природе, которая якобы толкает его на экспансию². Масштаб русской военной мощи всячески преувеличивался. России приписывали враждебность к европейскому обществу в целом и немецкому в частности³. Тема «русской угрозы» заняла особенно значимое место на страницах либеральной публицистики на рубеже 1830-1840-х гг.⁴ Только после поражения России в Крымской войне образ опасной угрозы сменился на другой – представление об империи Романовых как о «колоссе на глиняных ногах», запутавшемся в клубке своих внутренних проблем.

В отличие от либерального, в немецком консервативном дискурсе первой половины XIX в. был распространен относительно благоприятный образ Российской империи. С некоторыми оговорками можно говорить даже о «русофилии» прусских консерваторов, противостоящей «русофобии» либерального лагеря. Здесь необходимо отметить, что консервативная публицистика, касающаяся Российской империи, уступала по степени своего влияния либеральной и являлась по отношению к последней скорее вторичной⁵. Для некоторых представителей данного лагеря (к примеру, А. фон Гакстгаузена⁶) российское государственное и общественное устройство, основанное на традиционных ценностях, являлось во многих отношениях образцовым, а Россия

¹ Там же. С. 101.

² Там же. С. 102.

³ Там же. С. 104.

⁴ Заиченко О.В. «Нас считают гуннами...». С. 58.

⁵ Заиченко О.В. Формирование образа России... С 38.

⁶ Гакстгаузен А. фон. Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России. Т. 1. М., 1870.

представляла собой в Европе оплот легитимизма и порядка, противостоящий революционной угрозе.

Однако даже прусские консерваторы относились к простым русским с высокомерием и презрением. «Московитам» приписывались такие качества, как лень, пьянство, умственная неразвитость. Представление о том, что Россия является по своей сути варварской, азиатской державой, которая достигла определенного уровня развития только благодаря наличию германской элиты, было широко распространено. Норманнская теория происхождения российского государства считалась единственно верной. Абсолютная власть монарха, послушная ему армия чиновников, кнут, который неограниченно властвует в стране – таким был образ России в германском дискурсе середины XIX в. Даже авторы, в целом симпатизировавшие России, не отрицали царившего там бюрократизма и произвола. Один из ключевых представителей прусского консерватизма середины XIX в. Леопольд фон Герлах, известный как завзятый русофил, писал о русском «варварстве», бедности крестьян, разложении элиты и внутренней нестабильности империи Николая I¹.

В данном случае мы далеко не случайно акцентируем внимание на представлениях прусских консерваторов: именно в этой среде вращался молодой Бисмарк, а Герлах являлся своего рода политическим ментором будущего «железного канцлера». Как писал Л.З. Копелев, «о русском народе, русской культуре социально-политически обусловленные «друзья России» знали мало и судили скорее высокомерно и снисходительно»². Многие недостатки, внимание на которых акцентировала либеральная публицистика, консерваторы не опровергали, а оправдывали российской спецификой³.

В довольно консервативной по своей политической направленности католической прессе Россию также изображали варварской страной, азиатской

¹ Kraus H.-C. Leopold von Gerlach – ein Rußlandanwalt / Russen und Rußland aus deutscher Sicht. 19. Jahrhundert. S. 644.

² Kopelew L. Zunächst war Waffenbrüderschaft. S. 78.

³ Заиченко О.В. Формирование образа России... С. 41.

деспотией, устойчивость которой обеспечивается рабским национальным характером русского народа¹.

В итоге вырисовывается достаточно любопытная картина: при полярно противоположном отношении к Российской империи у различных политических лагерей в немецком обществе существовали во многом близкие представления о державе Романовых. Можно согласиться с тем, что «немецкий образ России в XIX веке был полон противоречий»; но у этих противоречивых образов имелись ярко выраженные общие черты². По словам О.В. Заиченко, «Российская империя не воспринималась большинством населения Германии как полностью европейское государство, оставаясь неким амбивалентным образованием, находящимся между Европой и Азией, на полпути от варварства к цивилизации»³. И условные «русофобы», и условные «русофилы» часто воспроизводили одни и те же негативные стереотипы, лишь давая им различную трактовку.

Представления о России занимали важное место в немецком дискурсе первой половины XIX в. в силу их актуальности в процессе формирования собственной идентичности. Значение образа России для конструирования европейской идентичности подробно описано в уже упоминавшемся выше классическом труде И. Нойманна. «Одной из главных причин оживленности столкновений вокруг образа России, – пишет автор, – являлось то, что все три основных политических направления тогдашней Европы активно обращались к этому образу для позиционирования самих себя»⁴. При этом Российская империя одновременно воспринималась и как важная часть европейской системы государств, и как «варвар у ворот», стратегическая, культурная и цивилизационная угроза. По словам Нойманна, «дискурсы, касающиеся стратегии

¹ Reuther F. Das Rußlandbild der „Historisch-politischen Blätter für das katholische Deutschland“ im Vormärz: Ein Beitrag zur historischen Stereotypenforschung // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1991, Bd. 39, Heft 2. S. 186.

² Schröder H.-H. „Tiefste Barbarei“, „höchste Civilisation“: Stereotypen im deutschen Russlandbild // Osteuropa. 2010, Bd. 60, No. 10. S. 88.

³ Заиченко О.В. Формирование образа России... С. 27.

⁴ Neumann I.B. Op. cit. P. 93.

и вопроса о сравнительных достоинствах различных режимов, оказались неразрывно переплетены друг с другом»¹.

В какой степени эти представления влияли на складывание образа России у молодого Бисмарка? Разумеется, общаясь с представителями различных слоев немецкого общества, он оказывался в рамках общего с ними дискурсивного пространства. Неосознанно он впитывал те стереотипы, которые считались в тогдашней Германии общеизвестными истинами, разделявшимися всеми политическими лагерями. Эти образы и стереотипы находили свое отражение в том числе и в прессе, публицистике, исторической и политической литературе.

Нам неизвестен точный список книг и других печатных изданий, из которых будущий «железный канцлер» черпал информацию о России. Зато мы знаем, что в первой половине 1840-х гг., живя в своем поместье, он читал много современных научных и публицистических текстов. По словам одного из первых биографов «железного канцлера», Э. Маркса, помимо художественной литературы, Бисмарка интересовали работы по «экономике и сельскому хозяйству, географии и истории»². Немецкая исследовательница М. Фелинг, тщательно изучавшая источники представлений Бисмарка об истории, датирует период наиболее интенсивного чтения приблизительно 1842-45 гг.³ По ее словам, в библиотеке будущего канцлера можно было встретить книги по истории «всех монархов и народов Европы»⁴. Хотя в приводимом исследовательницей выборочном списке нет трудов, посвященных непосредственно истории России, мы можем с уверенностью утверждать, что Бисмарк был знаком с ней как минимум по трудам о всеобщей истории. В этих трудах, как правило, отстаивалась норманнская теория происхождения российской государственности, а роли этнических немцев в становлении России как значимой державы отводилась особая роль.

Вполне возможно, что среди почитанных будущим канцлером книг был и знаменитый бестселлер Астольфа де Кюстина — либо в оригинале, либо в

¹ Ibid. P. 98.

² Marcks E. Bismarck. Eine Biographie. Bd. 1. Bismarcks Jugend 1815-1848. Stuttgart, 1909. S. 275.

³ Fehling M. Bismarcks Geschichtskenntnis. Leipzig, 1922.

⁴ Ibid. S. 72.

вышедшем в 1843 г. немецком переводе¹. Публикация писем Кюстина совпадает с периодом, когда Бисмарк покупал много книг и жадно читал. М. Фелинг, имевшая возможность ознакомиться с личной библиотекой «железного канцлера», отмечала в ней наличие значительного числа рассказов о путешествиях². Исследовательница не упоминает Кюстина (и эта книга не фигурирует в опубликованном ею выборочном списке). Кроме того, нам не удалось обнаружить ни одного упоминания имени французского автора в текстах Бисмарка (впрочем, нужно сказать, что «железный канцлер» вообще довольно редко говорил о прочитанных им книгах и их авторах). Необходимо, однако, отметить, что многие высказывания Бисмарка о России, о которых пойдет речь в дальнейшем, буквально дословно повторяют соответствующие пассажи из книги Кюстина. В качестве примеров можно привести тезисы французского автора об отсутствии в России закона и правосудия³, болезненном желании русских считаться цивилизованными⁴, склонности русских к воровству⁵, всемогущих чиновников, ограничивающих абсолютную власть царя⁶, и многие другие. Кюстин часто писал о варварстве русских⁷ или, скорее, «недоцивилизации»⁸, миссия которой может состоять в том, чтобы просвещать абсолютно варварскую Азию⁹. Абсолютно идентичные высказывания мы можем встретить у Бисмарка¹⁰. Разумеется, само по себе это не является доказательством знакомства «железного канцлера» с книгой Кюстина, тем более что некоторые из этих тезисов считались в Западной Европе того времени общеизвестными фактами. Однако нужно учесть, что данная книга в значительной степени формировала в 1840-е гг. дискурс о России в Западной и

¹ Marquis von Custine. Rußland im Jahre 1839. Bd. 1-3. Leipzig, 1843.

² Fehling M. Op. cit. S. 70.

³ Кюстин А. Россия в 1839 году. СПб., 2008. С. 94, 543, 635.

⁴ Там же. С. 499.

⁵ Там же. С. 382, 512.

⁶ Там же. С. 530.

⁷ Там же. С. 634.

⁸ Там же. С. 307.

⁹ Там же. С. 626.

¹⁰ Данные высказывания будут приведены в следующей главе представленной работы.

Центральной Европе в целом и поэтому наверняка оказывала на Бисмарка как минимум опосредованное влияние.

Однако не только распространенные в немецком обществе стереотипы являлись для Бисмарка источниками информации о России. Важную роль играли также «посредники». В молодые годы будущий «железный канцлер» неоднократно общался с российскими подданными – как правило, представителями обеспеченных слоев населения, приезжавших в Западную Европу на отдых и лечение. Наиболее богат на подобные встречи был период его пребывания в Рейнской провинции – одном из главных европейских курортных регионов того времени.

Особенно выдающуюся роль среди «посредников» играл ближайший друг Бисмарка в студенческие годы – граф Александр фон Кейзерлинг (Александр Андреевич Кейзерлинг). Ввиду большого значения этой фигуры для формирования представлений Бисмарка о России (как минимум о ее балтийских провинциях) на данной фигуре необходимо остановиться подробнее¹.

Полноценного биографического исследования, посвященного графу Александру фон Кейзерлингу, на сегодняшний день не существует. Отечественные исследователи практически не уделяли ему никакого внимания. Упоминания о нем встречаются главным образом в контексте его естественнонаучных исследований. Наиболее подробный биографический очерк на русском языке был опубликован еще в 1959 г., и в нем Кейзерлинг рассматривается в первую очередь как биолог². В поле зрения немецких историков он попал в первую очередь благодаря дружбе с Бисмарком, а также как представитель семейства Кейзерлингов, история которого тесно связана с Германией. В начале XX в. известный исследователь Г. Онкен написал о Кейзерлинге небольшой биографический очерк под названием «Друг Бисмарка»³.

¹ Власов Н.А. Друг Бисмарка: граф Александр Кейзерлинг // Клио. 2020. №8. С. 182-188.

² Райков Б.Е. Русские биологи-эволюционисты до Дарвина. Материалы к истории эволюционной идеи в России. Том IV. М., 1959.

³ Oncken H. Ein Freund Bismarcks: Graf Alexander Keyserling / Historisch-politische Aufsätze und Reden. Bd. 2. München-Berlin, 1914. S. 93-116.

Тема взаимоотношений Бисмарка и Кейзерлинга затрагивалась также в небольшой работе Г. Муската, посвященной месту и роли балтийских немцев в жизни и деятельности «железного канцлера»¹. В начале XXI в. в Тарту была проведена конференция, посвященная выдающимся представителям рода Кейзерлингов; на основе ее материалов был опубликован сборник статей². К сожалению, все биографы графа Александра фон Кейзерлинга опирались в основном на достаточно узкий круг источников, центральное место среди которых занимают его опубликованные на рубеже XIX-XX вв. дневники³ и письма⁴.

Граф Александр фон Кейзерлинг родился в 1815 г. и был по своему происхождению и образу мыслей достаточно типичным представителем остзейского дворянства. Остзейцы в культурном отношении ощущали себя немцами, что не мешало им быть вполне лояльными подданными российского императора и достигать немалых успехов на государственной службе. В 1834 г. Александр, являвшийся в своей семье одним из младших сыновей, отправился в Берлин для обучения в университете. Именно здесь и произошло его знакомство с Бисмарком, которое вскоре переросло в дружбу. Некоторое время они даже жили в одной квартире. Два молодых человека существенно отличались друг от друга по характеру: Бисмарк относился к учебе прохладно и предпочитал развлечения, Кейзерлинг же был гораздо более ответственным и увлеченным студентом. Тем не менее, они быстро нашли общий язык и нередко веселились вместе, в том числе устраивая различные проделки⁵. Через Кейзерлинга Бисмарк познакомился

¹ Muskat H. Bismarck und die Balten. Ein geschichtlicher Beitrag zu den deutsch-baltischen Beziehungen. Berlin, 1934.

² Baltisches Welterlebnis. Die kulturgeschichtliche Bedeutung von Alexander, Eduard und Hermann Graf Keyserling. Beiträge eines internationalen Symposions in Tartu vom 19. bis 21. September 2003. Heidelberg, 2007.

³ Aus den Tagebuchblättern des Grafen Alexander Keyserling. Philosophisch-religiöse Gedanken mit einzelnen Zusätzen aus Briefen. Stuttgart, 1894.

⁴ Graf Alexander Keyserling. Ein Lebensbild aus seinen Briefen und Tagebüchern. In 2 Bd. Berlin, 1902.

⁵ Ibid. Bd. 1. Berlin, 1902. S. 34.

и с другими его земляками – остзейская элита поддерживала тесные связи с Германией, в частности, отправляя своих сыновей на учебу¹.

К сожалению, нам практически неизвестны подробности отношений двух молодых людей и темы их разговоров. Мы можем лишь сделать определенные выводы, изучив взгляды Кейзерлинга на современную Российскую империю, которыми он наверняка делился со своим прусским другом.

Кейзерлинг начал с изучения юриспруденции, однако вскоре обнаружил в себе склонность к естественным наукам. На протяжении следующего десятилетия он делал карьеру молодого, подающего большие надежды ученого. В 1840 г. Кейзерлинг вернулся в Россию, чтобы принять участие в организованной А.К. Мейендорфом геологической экспедиции по европейской части страны. В Петербурге он познакомился с могущественным министром финансов графом Канкриным, который стал его покровителем, а впоследствии и тестем. Экспедиция из Петербурга отправилась к Онежскому озеру, а далее к Белому морю, собрав по пути обширный материал. Результаты экспедиции оценивались как успешные, и в самом начале 1841 г. Кейзерлинг получил приглашение поступить на российскую службу. Он стал чиновником министерства финансов для особых поручений, ответственным за исследование российских недр и обладавшим в этом качестве большой свободой действий. Одновременно 25-летний молодой человек получил за свои исследования степень почетного доктора Берлинского университета.

В следующем году Кейзерлинг отправился в большую геологическую экспедицию по России. Встретившись весной 1841 г., ее участники обследовали территорию остзейских губерний, окрестности Петербурга и Москвы, различные районы Поволжья, Пермскую губернию, Урал, оренбургские степи, низовья Волги, бассейн Дона, район Курска и Орла. Благодаря работе, опубликованной по итогам экспедиции, Кейзерлинга сегодня называют одним из основателей

¹ Marcks E. Op. cit. S. 107.

русской геологии¹. Лето 1843 г. Кейзерлинг провел в очередной экспедиции по северным районам России. В 1845 г. он стал членом Русского географического общества.

Казалось, и научная, и придворная карьера молодого остзейца стремительно идет в гору. У него имелись все шансы стать крупным ученым и одновременно в качестве члена либерального «кружка» великой княгини Елены Павловны принять большое участие в подготовке Великих реформ. Ничего этого не произошло; в 1847 г. Кейзерлинг с семьей навсегда покинул Петербург и поселился в своем имении в Эстляндии. Предложенную ему Еленой Павловной придворную должность он отверг со словами, что готов всеми силами служить императору, однако не хочет брать на себя никаких формальных обязательств². Причины этого удивительного на первый взгляд явления исследователи трактуют по-разному: желание посвятить свою жизнь семье, пошатнувшееся положение при дворе, финансовые соображения, любовь к «малой родине». Однако ни один из этих факторов не в состоянии удовлетворительно объяснить отъезд молодого ученого из Петербурга и внезапный конец столь блестящей карьеры.

Однако ограничиваться управлением имениями он тоже не собирался. С 1851 г. он активно участвовал в работе органов местного самоуправления, а в 1857 г. был избран предводителем дворянства Эстляндии, став, по сути, первым лицом в провинциальном самоуправлении. Кейзерлинг был лично знаком с молодым императором Александром II и по-прежнему пользовался при дворе определенным влиянием и авторитетом; в 1859 г. он стал камергером, затем получил ранг гофмейстера и действительного тайного советника³. Позднее ему было даже предложено стать российским посланником в Вюртемберге, однако он по ряду причин предпочел отказаться.

¹ Fritscher B. Naturforschung im Geiste Alexander von Humboldts. Alexander Keyserling und die Entwicklung der Erdwissenschaften in Rußland / Baltisches Welterlebnis. S. 80.

² Muskat H. Op. cit. S. 57.

³ Bartlett R. Graf Alexander Keyserlings Beziehungen zum russischen Kaiserhof / Baltisches Welterlebnis. S. 35.

Кейзерлинг категорически возражал против любых попыток изменить статус балтийских провинций и лишить их политической и культурной автономии. Итоги его пребывания на посту предводителя дворянства были вполне успешными, однако в 1862 г. он ушел в отставку в связи с назначением попечителем Дерптского учебного округа (фактически Дерптского университета), находившегося в соседней Лифляндской губернии. На этом посту Кейзерлинг оставался в течение семи лет. Тем временем возвышение Пруссии и очевидный подъем национального движения в Германии вызывали в Петербурге серьезную озабоченность. Лояльность остзейской элиты казалась многим сомнительной; на повестку дня встал вопрос ограничения политической и культурной автономии провинций. Кейзерлинг решительно сопротивлялся любым движениям в этом направлении и в конечном счете подал в 1869 г. в отставку со своего поста. В дальнейшем он в основном вел жизнь частного лица, жил в своем поместье Райкюль, сторонился любого участия в российской политике и занимался изучением местных папоротников.

Политические воззрения графа Кейзерлинга можно охарактеризовать как умеренно либеральные. Он выступал за реформы, но против резких перемен и не приветствовал новые идейные течения XIX в. Пребывание остзейских территорий в составе России он считал естественным и необходимым¹. Остзейские дворяне, с точки зрения Кейзерлинга, являлись неотъемлемой частью российской административной, военной и интеллектуальной элиты. «Мы то и дело были хорошими инструментами в руках России», – писал он². Уничтожая остзейское дворянство как феномен, российские правители тем самым рубят сук, на котором сидят: «Россия сама работает над собственным ослаблением»³. В основе этих суждений лежала идея о врожденном превосходстве немецких управленцев над русскими.

¹ Graf Alexander Keyserling. Bd. 2. S. 569.

² Ibid. S. 442.

³ Keyserling A.v. Aus den Tagebuchblättern des Grafen Alexander Keyserling. Philosophisch-religiöse Gedanken mit einzelnen Zusätzen aus Briefen. Stuttgart, 1894. S. 240.

Отношение к России как к «азиатской» стране присутствует во многих текстах Кейзерлинга. Его письма родным и знакомым о своих экспедициях – это рассказы европейца о поездке по варварской стране, где сложно встретить цивилизованного человека. Термин «варварский» в принципе довольно часто встречался в его письмах, когда он говорил о России: генерал-губернаторство в остзейских провинциях – «варварское учреждение»¹; попытка заставить местных жителей учить русский язык – «варварское принуждение»². «Я поражен шириной расщелины, отделяющей нас от российской жизни, – заявлял Кейзерлинг в середине 1860-х гг. – В интеллектуальной области она больше, чем в сфере производства или управления»³. Он весьма болезненно воспринял кампанию в российской прессе, развернувшуюся во второй половине 1860-х гг. против остзейской автономии. Панславистов он называл «слабоумными»⁴, рассматривая их как исключительно деструктивную силу – как в российском, так и в европейском масштабе.

Как отразилось общение с Кейзерлингом на воззрениях Бисмарка – не только в студенческие годы, но и в дальнейшем? Рассматривая взгляды обоих друзей, мы можем обнаружить в них определенные параллели. Часто речь идет о широко распространенных на тот момент представлениях о Российской империи, поэтому с уверенностью констатировать наличие каких-либо причинно-следственных связей невозможно. Необходимо, однако, обратить внимание на одну любопытную особенность взглядов Бисмарка: часто он смотрит на Россию «остзейскими» глазами – особенно в тех случаях, когда речь идет о роли и месте балтийских немцев в русской истории. В следующих главах будут приведены многочисленные примеры, подтверждающие этот тезис. Кейзерлинг являлся для Бисмарка, как минимум, одним из важных источников информации об остзейских провинциях и о Российской империи в целом, поскольку из определенного

¹ Graf Alexander Keyserling. Bd. 2. S. 95.

² Ibid. S. 102.

³ Ibid. Bd. 1. S. 475.

⁴ Ibid. Bd. 2. S. 158.

взгляда на «остзейский вопрос» с неизбежностью вытекал набор представлений о стране, ее характере и особенностях.

Второй период: 1851-1862 гг.

Второй период формирования представлений Бисмарка о России начался в 1851 г. после назначения молодого консервативного политика на его первый дипломатический пост во Франкфурте-на-Майне. Это сразу же расширило круг общения Бисмарка за счет представителей дипломатического корпуса, в том числе российских дипломатов. Так, именно во Франкфурте-на-Майне в середине 1850-х гг. состоялось первое знакомство Бисмарка с А.М. Горчаковым. Прусскому дипломату было не просто желательно, а необходимо представлять себе всех основных европейских игроков, их возможности и интересы. Общение с российскими дипломатами позволило ему составить определенное мнение как минимум о политической элите Российской империи¹.

Более активным стало и общение Бисмарка с российскими подданными благодаря участию в светской жизни Франкфурта-на-Майне. К примеру, о своих встречах и беседах с русскими он неоднократно писал жене в 1851 г.² В марте 1852 г. Бисмарк вновь пишет ей о своих визитах к «различным русским»³. «Я живу здесь практически как в России, – писал Бисмарк супруге из Баден-Бадена позднее, осенью 1859 г. – Меншиков, Оболенская (прекраснейшая дама из всех, каких можно здесь увидеть), Баранов, Устинов, Голицын, Трубецкой, больше я никого не вижу»⁴.

В середине 1850-х гг. возобновилось общение будущего канцлера с графом Кейзерлингом, прервавшееся после окончания университетской учебы. Сам Бисмарк впоследствии не раз подчеркивал, что хорошо представляет себе ситуацию в балтийских провинциях Российской империи именно благодаря

¹ См. напр. Brief an Leopold von Gerlach, 13.10.1854 // GW, Bd. 14/I. S. 369.

² Brief an die Gattin, 31.01.1851 // GW, Bd. 14/I. S. 193; Brief an die Gattin, 14.05.1851 // WIA, Bd. 1. S. 382.

³ Brief an die Gattin, 14.03.1852 // GW, Bd. 14/I. S. 253.

⁴ Brief an die Gattin, 18.09.1859 // GW, Bd. 14/I. S. 537.

присутствию в тех краях его личных друзей. Бисмарк продолжал общаться с Кейзерлингом на протяжении всей своей оставшейся жизни, называя его своим «старейшим и ближайшим другом»¹. Помимо Кейзерлинга, у него имелись другие корреспонденты – так, в письме Герлаху в 1854 г. он упоминал о послании от «дальней кузины, живущей в северо-восточном уголке Лифляндии»².

Именно благодаря дружбе с Кейзерлингом Бисмарк смог приобрести первые личные впечатления от пребывания в Российской империи. В 1857 г. он посетил Курляндию, проведя на российской территории в общей сложности около двух недель в конце августа и первой половине сентября. Основной целью его визита была охота, о результатах которой Бисмарк с восторгом писал жене³. Он также был приятно удивлен гостеприимством балтийских помещиков. Кейзерлинг «немедленно вызвал моих старых друзей – своего брата из Эстляндии, Фиркса, Бера, Нольде»⁴. Разумеется, по итогам этого короткого визита Бисмарк вряд ли смог составить себе полное представление о России.

Куда более длительный период пребывания в Российской империи начался в 1859 г., после назначения Бисмарка прусским посланником при царском дворе. В Санкт-Петербург Бисмарк отправился в конце марта 1859 г. В июле он выехал в Пруссию, чтобы забрать на новое место службы жену и детей. Однако именно в этот момент состояние его здоровья резко ухудшилось – нога, поврежденная на охоте в Швеции в 1857 г., вновь дала о себе знать. Несколько недель спустя состояние Бисмарка улучшилось, но попытка вернуться на дипломатический пост в Петербурге закончилась новым резким ухудшением. Прусский посланник был вынужден надолго задержаться в имении своего друга фон Белова. До российской столицы он смог добраться и приступить к своим обязанностям только в июне 1860 г. В этот раз Бисмарк оставался на берегах Невы больше года. В начале июля 1861 г. он прибыл в Берлин и вновь надолго задержался в Пруссии – на сей раз не по причине плохого самочувствия, а главным образом ввиду активной

¹ Gespräche mit Keudell, 5.-7.10.1872 // GW, Bd. 8. S. 43.

² Brief an Leopold von Gerlach, 10.06.1854 // GW, Bd. 14/I. S. 360.

³ Brief an die Gattin, 12.09.1857 // WIA, Bd. 2, S. 186-187.

⁴ Brief an die Gattin, 27.08.1857 // GW, Bd. 14/I. S. 478.

политической деятельности. 1 ноября Бисмарк вернулся в Петербург, чтобы провести там последние несколько месяцев; уже в апреле 1862 г. он был снят со своего поста и вызван в Берлин, чтобы узнать о своем следующем назначении.

Личный опыт, полученный Бисмарком на посту прусского посланника в Петербурге в 1859-1862 гг., безусловно, оказал большое влияние на его представления о России. В то же время его значение, как уже говорилось выше, не стоит преувеличивать. Дело даже не в том, что, как справедливо отмечал В.В. Чубинский, «фактически Бисмарк находился в Петербурге лишь по несколько месяцев в году»¹. Общий срок его фактического пребывания в российской столице составил 22 месяца – вполне достаточно для того, чтобы составить себе представление о стране. Дело в том, что Бисмарк прибыл в Петербург уже взрослым человеком со сложившимся мировоззрением – на момент назначения ему уже исполнилось почти 44 года. Соответственно, новую информацию он воспринимал через призму сформировавшихся представлений о России.

Как уже говорилось выше, в исследовательской литературе существует противоположное мнение по данному вопросу. Так, У. Лисковски в своей статье пишет о том, что Бисмарк «приехал в Санкт-Петербург без обид и предрассудков, без прочно сформировавшегося образа России»². Автор не объясняет, на каком основании он делает подобный вывод, однако мы можем предположить, что основной причиной является незначительное количество дошедших до нас высказываний Бисмарка, относящихся к более раннему периоду. Однако незначительное количество, во-первых, не означает полного отсутствия (и примеры таких высказываний будут приведены в дальнейшем). Во-вторых, делать вывод об отсутствии у Бисмарка каких-либо представлений на основании того, что до нас не дошли отражающие их источники, совершенно некорректно. Мы достоверно знаем, что до 1859 г. он в большом объеме получал информацию о России – как по частным каналам, так и по служебным. Было бы странно предполагать, что эта информация полностью игнорировалась. Кроме того, даже

¹ Чубинский В.В. Указ. соч. С. 95.

² Liszkowski U. Op. cit. S. 119.

если предположить, что «прочно сформировавшегося» (то есть всестороннего и законченного) образа России у Бисмарка действительно не было, у него, очевидно, уже имелась «рамочная» система представлений об историческом развитии европейских стран, характере разных народов, политических системах, роли различных стран в международной политике.

Это, разумеется, совершенно не означает, что Бисмарк не мог менять свои воззрения или был невосприимчив к новой информации. Однако невозможно игнорировать тот факт, что приехавший в Петербург дипломат начал свое знакомство со страной отнюдь не с чистого листа. Как уже говорилось выше, людям свойственно держаться за уже сформировавшиеся у них взгляды, и Бисмарк в этом случае явно не был исключением.

Откуда прусский посланник черпал информацию о происходящем в России? Лисковски сводит круг его общения к двум социальным группам: придворное общество и прислуга из городских низов. По мнению немецкого исследователя, Бисмарк «едва ли контактировал с либеральным дворянством и наверняка не общался с русскими бюргерами и интеллигенцией»¹. Лисковски делает этот вывод на том же основании, что и предыдущий – у нас нет информации о подобного рода контактах. Однако, как справедливо замечает тот же автор, Бисмарк как в деловой, так и в частной корреспонденции (а именно она является для нас в данном случае основным источником) умышленно не называл источники своих сведений.

При этом мы хорошо знаем, что прусский посланник тесно общался с петербургскими немцами, среди которых присутствовали отнюдь не только представители придворного общества. Б.Э. Нольде, говоря о постоянном круге общения Бисмарка на берегах Невы, перечисляет, помимо Кейзерлинга, Г.К. фон Бреверна, Грюнвальдов, Пиларов, Унгерн-Штернбергов². По словам исследователя, будущий канцлер входил в «русский мир» через немецкую

¹ Ibid.

² Нольде Б.Э. Указ. соч. С. 34.

колонию в Петербурге¹. Это, опять же, хорошо объясняет тот факт, что Бисмарк часто смотрел на Россию словно глазами «русских немцев».

В контексте данного сюжета большое значение также имеет вопрос о том, в какой степени Бисмарк владел русским языком. Подавляющее большинство его биографов, затрагивая этот сюжет, констатируют факт изучения прусским посланником русского языка и употребления Бисмарком отдельных русских слов в последующие годы (как писал В.В. Чубинский, «слова «ничего» и «авось» прочно закрепились в его лексиконе»²; справедливости ради следует отметить, что случаи употребления этих слов Бисмарком в дошедших до нас документах единичны).

Уровень русского языка «железного канцлера» стал предметом отдельного небольшого исследования В. Лефельдта³. По мнению исследователя, первое поверхностное знакомство с русским языком состоялось у Бисмарка еще во Франкфурте-на-Майне. Прибыв в Петербург, он нанял в качестве учителя студента В. Алексева, опубликовавшего тремя десятилетиями позже короткие воспоминания о своем знаменитом ученике⁴. По словам Алексева, обучение в основном заключалось в чтении книг на русском языке (начиная с «Дворянского гнезда» Тургенева) и беседах. Бисмарк быстро овладевал русским: «Разговоры велись в течение первых четырех месяцев попеременно с немецким языком, а затем они уже велись только на русском языке»⁵. В итоге, по словам Алексева, «Бисмарк настолько освоился с языком, что мог уже свободно переводить с русского языка газеты, хотя говорил не бегло, с остановками, как бы ища подходящего слова, но говорил довольно правильно»⁶. Проблема в данном случае заключается в том, что Алексей писал свои заметки по памяти уже после завершения политической карьеры Бисмарка и стремился представить его

¹ Там же. С. 26.

² Чубинский В.В. Указ. соч. С. 96.

³ Lehfeldt W. Bismarck und die russische Sprache. Göttingen, 2002.

⁴ Алексеев В. Воспоминания бывшего учителя русского языка князя Бисмарка // Исторический вестник. 1894. Том LVIII. С. 448-458.

⁵ Там же. С. 451.

⁶ Там же. С. 455.

неординарным, выдающимся человеком, поэтому был вполне способен несколько преувеличить реальные достижения своего ученика.

Сам Бисмарк в одном из застольных разговоров в марте 1884 г. оценил свои успехи намного скромнее: «Знание мной русского – наполовину басня. Во время пребывания в Петербурге я изучил русский настолько, чтобы объясняться с кучерами и слугами, отвечать на приветствие, читать надписи и вывески. Из этого немного я уже с тех пор забыл большую часть»¹. Впрочем, согласно мемуарам Р. Койделла, он лично являлся свидетелем того, как Бисмарк общался с Александром II «частью на русском языке»². Сам Бисмарк еще в конце 1880-х гг. утверждал, что может читать русскую прессу: «Канцлер заявил, что читает русские газеты, и указал на лежащий на его столе экземпляр «Нового времени», и владеет русским в достаточной мере для охоты, конюшни и улицы, однако с русской салонной болтовней так и не сумел свыкнуться»³.

Лефельдт остерегается формулировать окончательный вывод относительно уровня, на котором Бисмарк владел русским языком. На наш взгляд, можно предположить, что к концу своего пребывания в России прусский посланник мог читать русскую прессу, понимая как минимум общий смысл написанного, вести простые беседы и улавливать канву разговора, который велся в его присутствии⁴. Глубокого знакомства с русской литературой у Бисмарка не было.

Рассматривая формирование представлений Бисмарка о России в период его дипломатической миссии в Петербурге, мы не можем обойти вниманием вопрос о том, каково было внутреннее положение в стране на рубеже 1850-60-х гг. Естественно, что личные впечатления относятся у любого человека к числу наиболее ярких. То, в каком состоянии Бисмарк увидел Россию, не могло не наложить отпечаток на его долговременные представления о стране.

¹ Gespräch mit Eckardt, 31.03.1884 // GW, Bd. 8. S. 505.

² Keudell R.v. Op. cit. S. 90.

³ Gespräch mit Deutschen aus Moskau, 17.03.1888 // GW, Bd. 8. S. 603.

⁴ Подробнее см.: Власов Н.А. Отто фон Бисмарк и его восприятие России в годы дипломатической миссии в Петербурге в 1850-х гг. // Вестник Брянского государственного университета. 2023. № 2(56). С. 53-58.

Рубеж 1850-60-х гг. был временем кризиса и нестабильности, вызванных поражением в Крымской войне, обнажившей все проблемы николаевской России. Стала очевидной необходимость больших реформ; существующее положение многими воспринималось как нетерпимое. Обострился целый ряд старых проблем, включая польский вопрос. В советской исследовательской литературе положение в стране характеризовалось как революционная ситуация¹. Недовольство было широко распространено во всех слоях общества. Как писал В.О. Ключевский, «дворяне страшились крестьян, крестьянство злобилось на дворянство, то и другое не питало ни малейшего доверия к правительству, а правительство боялось обоих»².

Курд фон Шлёцер, являвшийся ближайшим помощником Бисмарка в Петербурге, писал в одном из своих писем: «Я не порекомендую сегодня ни одному немцу поступать на русскую службу. Современная и будущая Россия – ужаснейшая страна, какую только можно себе представить. После того, как вместе с Николаем сошел в могилу весь нитб армии, финансов и дипломатии, обнажилась вся мерзость этой страны. Ты не знаешь сегодняшней России! Каждый человек хочет теперь уехать из России, даже закоренелые петербуржцы вроде Плессена говорят об этом в доверительных беседах»³.

Будучи человеком, относившимся к России и русским весьма негативно, Шлёцер, безусловно, сгущал краски. В письмах самого Бисмарка из Петербурга мы не обнаружим следов столь апокалиптической картины. Тем не менее, факт глубокого кризиса в стране был налицо, и это накладывало свой отпечаток на представления будущего канцлера, воспринимавшего происходящее не как отклонение от нормы, а как обычное положение дел. Его мрачные пророчества по поводу будущего России в 1870-80-е гг. во многом объясняются опытом, полученным в Петербурге.

¹ Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. М., 1968. С. 4.

² Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Том V. М., 1989. С. 434.

³ Schlözer K.v. Op. cit. S. 168.

Третий период: после 1862 года

С отъездом из России начался третий период формирования представлений Бисмарка о России. На данном этапе можно, впрочем, говорить уже не столько о формировании, сколько об уточнении и развитии сложившейся картины в соответствии с изменением ситуации в самой Российской империи. На данном этапе ключевую роль играли три источника информации.

Первым из них оставалось германское информационное пространство – образы и стереотипы, существовавшие в немецком обществе того времени. После объединения Германии старые предрассудки продолжили свое существование в новых формах. Правый национализм пришел на смену традиционному прусскому «русофильскому» консерватизму. Расовые теории, широко распространенные еще в первой половине XIX в. (и оказавшие значительное влияние на мировоззрение Бисмарка), получили мощный импульс в виде социал-дарвинизма. По словам Л.З. Копелева, во второй половине XIX в. в Германии параллельно с ростом интереса к русской культуре шел ускоренный процесс формирования образа России как врага в германском обществе в целом¹. Весьма болезненную реакцию вызывала, в частности, политика царского режима в балтийских провинциях, воспринимавшаяся как насильственная русификация. М. Ламмих, изучавшая немецкую прессу эпохи объединения Германии, обнаружила, что в оценках либеральных и консервативных изданий не было существенных расхождений; понятие «славянин» и в тех, и в других имело исключительно негативный оттенок, панславизм изображался как основная идея российской политики, русские назывались варварами и «полуазиатами», их национальный характер наделялся множеством отрицательных черт, сама страна в плане своего культурного уровня изображалась далеко отстающей от «цивилизованных» государств².

¹ Kopelew L. Am Vorabend des großen Krieges / Russen und Rußland aus deutscher Sicht 19./20. Jahrhundert. S. 38.

² Lammich M. Das deutsche Osteuropabild in der Zeit der Reichsgründung. Boppard am Rhein, 1978.

Вторым источником по-прежнему являлись «посредники» – российские подданные, контактировавшие с «железным канцлером». К их числу принадлежали, в первую очередь, балтийские немцы, которые часто приезжали в Германскую империю, а порой и эмигрировали на родину своих предков. Среди них мы вновь встречаем графа Кейзерлинга – активный диалог двух старых друзей продолжался и в 1860-70-е гг., когда Кейзерлинг нередко навещал Бисмарка в его поместьях и сам некоторое время жил в Германии вместе со своей младшей дочерью. Последняя их личная встреча состоялась летом 1890 г., уже после отставки «железного канцлера»; год спустя Кейзерлинг скончался.

Естественно, круг общения Бисмарка среди балтийских немцев не исчерпывался его студенческим другом. К примеру, 30 октября 1879 г. генерал Г.Л. фон Швейниц, гостивший у Бисмарка в Варцине, записал в своем дневнике: «Вечером с визитом из Лифляндии приехала старая госпожа фон Тизенгаузен, урожденная Мантейфель; она бесстрашно сказала князю всю правду относительно его пресловутого чумного карантина»¹. Речь, очевидно, идет о графине Люции Катарине Элизабет фон Тизенгаузен (1813-1895). «У меня там много родственников и знакомых», – заявлял Бисмарк в рейхстаге в мае 1879 г.²; «у меня есть некоторое число личных друзей в России», – писал канцлер императору несколько месяцев спустя³.

Наконец, третий источник представляли донесения прусских, а затем германских дипломатических агентов из России. В состав этой группы входили и военные атташе, и консульские агенты, однако в первую очередь речь идет, разумеется, о главах дипломатических миссий.

Преемником Бисмарка на посту прусского посланника в Петербурге стал Р. фон дер Гольц, однако он задержался в России ненадолго и вскоре был переведен в Париж. В 1863 г. дипломатическую миссию в России возглавил Г.А. фон Редерн (1804-1888), с которым у Бисмарка не сложилось доверительных

¹ Schweinitz L.v. Denkwürdigkeiten. Bd. 2. S. 82.

² Rede im Deutschen Reichstag, 02.05.1879 // WIA, Bd. 6. S. 297.

³ Schreiben an Kaiser Wilhelm I, 24.08.1879 // Ibid. S. 343.

отношений. После образования Северогерманского союза в начале 1868 г. в Петербург был назначен принц Генрих VII Рейсс, которого можно назвать представителем «дипломатической гвардии» Бисмарка. В 1876 г. принца Рейсса сменил генерал Г.Л. фон Швейниц, уже имевший опыт работы в России – с 1865 по 1869 гг. он занимал пост прусского военного уполномоченного при Александре II. Швейниц оставался на своем посту до 1892 г., то есть покинул его уже после отставки Бисмарка.

По словам исследователя Й. Кастля, послы являлись «способными, но послушными орудиями своего гениального и демонического начальника на Вильгельмштрассе», который держал их «на коротком поводке»¹. Хотя наличие у них собственного мнения не приветствовалось Бисмарком, нельзя говорить о том, что они совершенно не влияли на его политику. Дипломатические представители являлись важными источниками информации о России для «железного канцлера». Чтобы обосновать это утверждение, необходимо более подробно рассмотреть деятельность генерала Швейница².

Ганс Лотар фон Швейниц (1822-1901) являлся выходцем из старого, но обедневшего силезского дворянского рода, делавшим типичную для представителей данной социальной группы военную карьеру. Его знакомство с Бисмарком состоялось во Франкфурте-на-Майне, где Швейниц в 1854-1857 гг. служил адъютантом при верховном командовании армии Германского союза.

Отношения Бисмарка и Швейница никогда не выходили за рамки чисто деловых. Друг друга они воспринимали достаточно неоднозначно. Швейниц, с одной стороны, восхищался Бисмарком, его талантом политика и государственного деятеля, его достижениями на ниве объединения Германии. С другой стороны, он прекрасно видел личные недостатки «железного канцлера», а также то губительное влияние, которое оказывала на управленческий аппарат склонность Бисмарка все контролировать и подчинять себе³. Глава правительства,

¹ Kastl J. Am straffen Zügel. Bismarcks Botschafter in Rußland, 1871-1892. München, 1994. S. 176.

² Власов Н.А. Ганс Лотар фон Швейниц и представления Отто фон Бисмарка о России // Клио. 2022. №1. С. 167-171.

³ Schweinitz L.v. Op. cit. S. 374.

в свою очередь, с некоторым недоверием относился к генералу, считая его слишком «пророссийским»; дружба Швейница с кронпринцем тоже являлась недостатком в глазах Бисмарка. Однажды в запале канцлер даже заявил послу, что тот не обладает необходимыми для дипломата качествами, и отправка в Петербург генерала была ошибкой¹. Однако в целом Бисмарк был вполне доволен деятельностью Швейница и не только не пытался удалить его из Петербурга, но против воли самого посла настаивал на том, чтобы тот оставался на своем посту как можно дольше².

Швейниц был не только опытным дипломатом, но и весьма внимательным и заинтересованным наблюдателем. Он пристально следил за развитием ситуации в России, читал русскую прессу, общался с представителями различных общественных течений. Свои наблюдения и выводы он неизменно докладывал в Берлин. Донесения и меморандумы Швейница внимательно читал не только канцлер, но и император; для обоих они были одним из основных источников информации о происходящем в России.

Насколько серьезное влияние оказывали донесения Швейница на представления Бисмарка о России? С одной стороны, канцлер опирался отнюдь не только на информацию, полученную от посла, и считал себя экспертом по российскому вопросу. На полях донесений Швейница он порой оставлял критические комментарии³.

С другой стороны, если сравнить эволюцию представлений Бисмарка о России с той картиной, которую рисовал в своих донесениях посол, то обнаружатся весьма значительные совпадения. Бисмарк и Швейниц в целом одинаково оценивали происходящие в России изменения, их характер, динамику и возможные последствия. Разумеется, такое общее совпадение необязательно является свидетельством наличия причинно-следственной связи; оно может быть отражением общераспространенной точки зрения или результатом выводов,

¹ Ibid. S. 81.

² Ibid. S. 338-340.

³ Kastl J. Op. cit. S. 97.

сделанных независимо друг от друга двумя людьми со схожим мировоззрением. Для того, чтобы со значительной долей уверенности говорить о передаче не просто информации, а интерпретаций и образов от одного действующего лица к другому, необходимо обратить внимание на более мелкие, частные сюжеты. И действительно, внимательно проанализировав взгляды Швейница и Бисмарка, мы увидим множество подобных совпадений в деталях: трактовка послом определенных событий, расстановка акцентов при описании явлений и процессов впоследствии весьма точно воспроизводились канцлером.

Одним из таких сюжетов является, в частности, оценка роли российской системы образования в распространении нигилизма. И Швейниц, и Бисмарк оценивали эту роль как ключевую, рисуя в своих высказываниях совершенно идентичную картину.

Как в дневниках, так и в донесениях Швейниц часто обращался к проблеме революционного движения в Российской империи. В начале 1878 г. он писал: «Большого и единого тайного общества в России еще не существует. Скорее мы имеем дело с массой незрелой молодежи обоего пола. Крупнейший ее контингент поставляют государственные образовательные учреждения. Это объясняется тем, что указанные институты занимаются не действительным воспитанием, а лишь обучением, причем довольно поверхностным. Мелкое дворянство, совершенно обедневшее после освобождения крестьян, поповские сыновья, уже не связанные, как раньше, отцовской профессией, все ленивые и невежественные, которые не сумели сдать экзамен или не хотят заниматься введенными графом Толстым классическими штудиями, присоединяются к этой растерянной толпе»¹.

Три года спустя, после убийства императора Александра II, германский посол вновь подчеркивал связь между российской системой образования и обилием недовольной молодежи: «Из всех реформ, задуманных с лучшими намерениями покойным императором, ни одна не принесла столь разрушительных плодов, как реформа просвещения. На мой взгляд, именно в этой области сам план был верен, однако выбор средств и личностей оказался

¹ Schweinitz L.v. Op. cit. S. 3.

неудачным. Император Александр хотел при помощи классических штудий создать противовес поверхностному реальному образованию. Однако министр просвещения Толстой забыл, что прежде чем подвергать сложным экзаменам учеников, нужно воспитать учителей. Одну из важнейших причин нынешнего положения дел я вижу в том, что бесплатное обучение, многочисленные и притом скудные стипендии, невнимание к воспитанию и дисциплине наряду с обширным, но поверхностным обучением вырвали массу молодых людей из их естественной среды. Не желающие возвращаться в эту среду, неспособные достичь более высокого и благоприятного положения, недовольные собой и миром, не удовлетворяющим в достаточной степени их полуграмотные притязания – эти молодые люди направили свою ненависть на то самое государство, которое бесплатно учило их. Учило слишком много для того, чтобы они могли остаться скромными, но слишком мало для того, чтобы они стали счастливыми. Именно среди этих элементов вожаки европейской революционной партии, живущие в Швейцарии или Англии, находят инструменты для бесстрашного исполнения своих приказов»¹.

Совершенно аналогичную картину мы видим в высказываниях Бисмарка по тому же вопросу в 1880-е гг. Вскоре после убийства Александра II он писал: «Секта находит своих самых фанатичных и умелых участников среди многочисленных молодых людей, которые с большим или меньшим успехом посещали образовательные учреждения различного класса, однако не смогли найти для себя позицию, которая дала бы им возможность использовать полученные знания и удовлетворяла бы их жизненные запросы, основанные на уровне образования»². В 1884 г., выступая в рейхстаге, канцлер заявил: «Нигилисты – это абитуриенты-пролетарии, полуобразованные люди, избыток, создаваемый гимназической ученостью для буржуазной жизни, которая не в

¹ Ibid. S. 154-155.

² Schreiben an Puttkamer, 20.04.1881 // NFA. Bd. 4. S. 651.

состоянии этот избыток переварить. [...] Именно перепроизводство полуобразованных людей породило в России нигилизм»¹.

Об опасности повторения подобного развития в Германии канцлер писал в 1887 г.² В начале 1890 г. в меморандуме, адресованном Вильгельму II, Бисмарк утверждал: «Главной проблемой наших высших школ является их избыток и искусственно создаваемые нашими учреждениями стимулы к их посещению. В результате у нас намного больше образованных молодых людей, чем необходимо и чем мы можем соответствующим образом материально обеспечить. Наши высшие школы посещают слишком много юношей, которым ни способности, ни происхождение родителей не дают оснований претендовать на интеллектуальную профессию. Следствием является переполненность учебных заведений и воспитание ученого пролетариата, опасного для государства. К указанному слою примыкает другой – «полуобразованные». Его появление объясняется тем, что мы предъявляем к качеству обучения в наших народных школах слишком высокие требования. В результате дети не хотят заниматься тем, что делали их родители, и ставят себе цели, которые они не могут достичь, из-за чего у них возникает недовольство. С каждым годом увеличивается число людей, которые ввиду полученного образования претендуют на уровень жизни, который они не могут себе обеспечить. Так у нас возникают те же условия, которые стали в России почвой для нигилизма»³.

В некоторых случаях мы находим у Швейница и Бисмарка практически дословные совпадения при описании одних и тех же событий. «Вера Засулич оправдана присяжными, и публика, которая в значительной части состояла из представителей высших сословий, генералов и чиновников, разразилась при оглашении приговора бурной овацией. Покушение на Третьякова было народной мстью представителю государственного и общественного порядка. Присяжные объявили этот акт оправданным – и тем самым осудили орган власти», – писал

¹ Rede im Deutschen Reichstag, 09.05.1884 // WIA. Bd. 7. S. 135.

² Rottenburg an Derenthall, 15.09.1887 // NFA. Bd. 7. S. 546-547.

³ Immediatbericht, 16.03.1890 // NFA. Bd. 8. S. 642-643.

Швейниц в апреле 1878 г.¹. «Вы можете яснее всего увидеть русский нигилизм и те слои, в которые уходят его корни, на примере процесса против Веры Засулич, – заявил Бисмарк в рейхстаге в 1884 г. – Когда убежденной убийце вынесли оправдательный приговор, высшие российские чиновники, сидевшие среди слушателей, устроили овацию»².

Этот список можно продолжать; к примеру, достаточно любопытные параллели прослеживаются в оценке Бисмарком и Швейницем влияния женщин на решения Александра II. В итоге мы приходим к выводу о том, что донесения германского посла являлись для канцлера источником не только фактической информации, но и суждений и интерпретаций, которыми Бисмарк дополнял свой образ России. Эволюция данного образа в конце 1870-х и 1880-е гг. происходила во многом под влиянием этих донесений и личных бесед с генералом Швейницем.

Помимо донесений посла, у Бисмарка имелись и другие официальные источники информации. С 1868 г. посольство в Петербурге отправляло ему еженедельные сводки российской прессы. Напрямую писать канцлеру могли и некоторые сотрудники дипломатической миссии – в особенности его старший сын Герберт, являвшийся в 1884 г. советником германского посольства в России. Свои доклады в Берлин отправляли и немецкие консулы в Варшаве, Ковно, Москве, Одессе и Киеве; с 1885 г. эти доклады направлялись на регулярной основе³.

Наконец, определенную роль играла и агентурная сеть, которой располагал в России личный банкир и один из ближайших помощников Бисмарка Г. Блейхредер. По словам самого «железного канцлера», через своего банкира он получал новости из Петербурга значительно быстрее, чем по официальным каналам⁴. В первую очередь это касалось информации делового, но также и политического характера. Ключевыми информантами Блейхредера являлись его деловые партнеры и клиенты. Контакты с банкиром германского канцлера

¹ Schweinitz L.v. Op. cit. Bd. 2. S. 20.

² Rede im Deutschen Reichstag, 09.05.1884 // WIA. Bd. 7. S. 136.

³ Kastl J. Op. cit. S. 100.

⁴ Stern F. Gold und Eisen. Bismarck und sein Bankier Bleichröder. München, 2008. S. 426.

поддерживали и высокопоставленные российские чиновники, включая министров финансов¹.

После отставки Бисмарк, разумеется, лишился возможности получать информацию по служебным каналам. Ему оставалось только чтение прессы да редкое общение с «посредниками», приезжавшими из империи Романовых. Отражением этого процесса стало то, что существовавший у него образ России фактически прекратил дальнейшую эволюцию, оставаясь таким же, каким он являлся на момент отставки «железного канцлера».

2.2. Мировоззренческий контекст восприятия Бисмарком России

Как уже говорилось выше, мировоззрение человека образует систему, в которой новая информация помещается в контекст уже существующих убеждений, а суждения по частным вопросам в нормальной ситуации выводятся из более общих, базовых установок. К примеру, представление о России у германских политиков и публицистов первой половины XIX в. во многом зависело от их идеологической ориентации – консервативной или либеральной.

Поэтому, прежде чем обратиться к образу России у Бисмарка, необходимо вписать его в более широкий мировоззренческий контекст. Мировоззрение «железного канцлера» в целом привлекало внимание многих исследователей, причем первые научные труды появились еще при его жизни, в том числе на русском языке. В качестве примера можно назвать опубликованную в 1890 г. книгу В. Ренненкампа «Конституционные начала и политические воззрения князя Бисмарка»². На сегодняшний день число подобных монографий значительно увеличилось. К основам мировоззрения Бисмарка неизбежно обращались и его биографы – такие, как Л. Галл, Э. Энгельберг и в особенности О. Пфланце. К сожалению, полная и системная реконструкция взглядов

¹ Ibid. S. 479.

² Ренненкампф В. Конституционные начала и политические воззрения князя Бисмарка. Киев, 1890.

«железного канцлера», выполненная с помощью современной научной методологии, отсутствует и по сегодняшний день. Тем не менее, уровень разработанность данной темы можно оценить как высокий, хотя и не по всем вопросам в исследовательской среде существует консенсус.

Для анализа формирования представлений Бисмарка о России актуальными в первую очередь представляются следующие аспекты его мировоззрения:

- представления об особенностях различных рас и народов, оказывавшие влияние на формирование образа России и русского народа в целом;
- политические убеждения, оказывавшие влияние на оценки современной российской государственности и политических процессов;
- представления о системе и нормах международных отношений, оказывавшие влияние на оценки действий России на международной арене и видение российско-германских отношений.

В дальнейшем мы последовательно остановимся на трех этих аспектах.

«Расовая теория»

Рассматривая представления Бисмарка об особенностях истории и современного состояния различных рас и народов, необходимо в первую очередь остановиться на том, что можно было бы назвать его собственной «расовой теорией»¹. По мнению С. Одевальд-Варги, мы можем различать четыре значения термина «раса» в текстах «железного канцлера»: группа людей общего происхождения, сословие или класс, сообщество с единым менталитетом и характером, а также некая совокупность, возникшая в результате смешения различных сообществ². На наш взгляд, эта классификация представляется избыточно фрагментарной. Дело в том, что в соответствии с воззрениями Бисмарка группа людей общего происхождения отличалась также общим характером, кроме того, все современные расы возникли в основном как результат

¹ Власов Н.А. Расовая теория Отто фон Бисмарка.

² Odenwald-Varga S. „Volk“ bei Otto von Bismarck. Eine historisch-semantische Analyse anhand von Bedeutungen, Konzepten und Topoi. Berlin, 2009. S. 286-292.

смешения более древних. Безусловно, термин «раса» не имел у Бисмарка единого, четко определенного смысла; под ним могла пониматься как большая группа народов, так и отдельные составляющие единой (как правило, немецкой) нации.

Применительно к Европе «железный канцлер» чаще всего упоминал три «расы» - кельтскую, германскую и славянскую – каждая из которых примерно совпадает с соответствующими ветвями индоевропейской языковой семьи. Упоминания остальных носят в его текстах единичный характер. С точки зрения Бисмарка, каждая из «рас» обладала своими характерными, врожденными особенностями. Эти особенности существуют у всех народов, входящих в состав «расы»; если же народ является продуктом смешения двух «рас», он в определенной степени наследует свойства обеих.

Следует отметить, что подобные взгляды во второй половине XIX в. были далеко не оригинальными. Представления о существовании особого национального характера у разных народов являлись практически общепринятыми. Так, в истории династии Гогенцоллернов, принадлежавшей перу О. Хинце, применительно к процессу немецкой колонизации остэльбских территорий в XII в. было сказано: «Немецкий народный элемент во всех отношениях оказался сильнее вендского и задавал тон. [...] Однако смешение народов, произошедшее в этих землях к востоку от Эльбы, в том числе в высших сословиях, не осталось без политически значимых последствий: слишком сухое германское естество – с его склонностью к обособлению индивида в ущерб единению ради великой общности – благодаря соединению с более мягким и податливым славянским началом стало более пригодным для формирования государства. [...] Поэтому не без оснований говорили об особой «пруссской расе», которая сформировалась здесь, на восточных землях»¹.

XIX в. считается временем, когда термин «раса» достиг высшей точки своей популярности. Сами по себе расовые теории появились значительно раньше, в эпоху Просвещения; их родоначальниками называют Ф. Бернье, К. Линнея и

¹ Hintze O. Die Hohenzollern und ihr Werk. Berlin, 1916. S. 34.

Ж.Л. Леклерка де Бюффона¹. В Германии идею о разделении человечества на расы развивали И. Кант и И.Ф. Blumenbach. Кант, в частности, определял расы как сообщества людей общего происхождения с наследуемыми чертами² и выделял четыре расы: белую, черную, монголов (калмыков) и индусов. Понятие «раса» стало неотъемлемой составной частью понятийного арсенала как естественных, так и социальных наук. Правда, оно все еще было лишено точного, общепризнанного содержания. Общим было лишь представление о том, что у каждой расы есть свои характерные, передаваемые по наследству из поколения в поколение особенности.

Хотя Бисмарк никогда систематически не излагал свою «расовую теорию», она известна нам из множества независимых друг от друга источников. Надежность большинства из них может внушать определенные сомнения, поскольку речь идет о неформальных беседах, содержание которых известно нам от третьих лиц. Однако данные из этих источников хорошо согласуются между собой; в некоторых случаях слова Бисмарка повторяются практически дословно.

В более или менее завершенном виде «расовая теория» появляется в текстах, относящихся ко второй половине 1860-х гг. Однако отдельные ее элементы – в частности, идея по поводу врожденных свойств национального характера у представителей разных народов – фигурируют в высказываниях Бисмарка гораздо раньше. Так, к характерным чертам славян Бисмарк относил «крестьянскую», то есть простую и незатейливую хитрость. Словосочетания «славянский крестьянский ум»³ и «славянско-крестьянская хитрость»⁴ встречаются в письмах и донесениях Бисмарка еще в начале 1850-х гг. применительно к австрийскому дипломату графу Туну.

Впрочем, у нас в любом случае нет никаких оснований считать, что до второй половины 1860-х гг. «железный канцлер» придерживался каких-то иных

¹ Hoquet T. Biologization of the race and racialization of the human / The invention of race. Scientific and popular representations. N.Y., 2014. P. 19.

² Калинин Л.А. К истории развития взглядов Канта на расы и процесс расообразования // Кантовский сборник. 1997. Вып. 1(20). С. 146.

³ Schreiben an Manteuffel, 16.10.1852 // WIA, Bd. 1. S. 493.

⁴ Brief an Leopold von Gerlach, 22.06.1851 // Ibid. S. 405.

взглядов. Следует принять во внимание, что его неформальные высказывания, относящиеся к предшествующим периодам, задокументированы гораздо хуже. Можно выдвинуть вполне обоснованную гипотезу о том, что «расовая теория» сложилась у Бисмарка еще в 1830-40-е гг. – в период обучения в университетах, а затем активного чтения исторической и страноведческой литературы.

По своему характеру Бисмарк делил европейские расы на «мужественную» (германская) и «женственные» (кельтская и славянская). С его точки зрения, каждый из этих двух типов обладает своими характерными достоинствами и недостатками. Американский посланник Джон Бэнкрофт писал о своей беседе с Бисмарком в августе 1867 г.: «Речь зашла о расах. Бисмарк заявил, что у него по этому поводу свое собственное мнение – он различает мужские и женские расы. Немцы – это мужская раса, более сильная и способная к умственной работе; к женским расам относятся кельты и славяне»¹. «Немецкая, германская раса [...] – это, так сказать, мужской принцип, который играет во всей Европе оплодотворяющую роль. Кельтские и славянские народы – женского пола» – высказывался канцлер в кругу своих сотрудников во время Франко-германской войны².

При этом, в полном соответствии с принятыми в немецком обществе того времени гендерными стереотипами, «мужское» начало Бисмарк считал высшим по отношению к «женскому». Генерал Блументаль записал в своем дневнике 25 октября 1870 г.: «С последним [Бисмарком – Н.В.] я сидел некоторое время на диване, и он говорил о том, что германский принцип будет господствовать, победив все остальные; он очень ясно, кратко и логично вывел это из истории»³. Выступая в апреле 1895 г. перед делегацией австрийских немцев, Бисмарк заявил: «Господь установил во всех своих творениях двойственность мужского и женского начал, и в Европе ситуация абсолютно та же. [...] Если происходит смешение, германское начало при наличии терпения и выдержки становится

¹ DeWolfe Howe M.A. The life and letters of George Bancroft. Vol. 2. N.Y., 1908. P. 170.

² Busch M. Tagebuchblätter. Bd. 2. S. 118.

³ Tagebücher des Generalfeldmarschalls Graf von Blumenthal aus den Jahren 1866 und 1870/71. Stuttgart-Berlin, 1902. S. 140.

ведущим элементом, как мужчина в браке. Я не хочу обидеть славян [...] но перевес на нашей стороне, и я хочу вам сказать: соперничая со славянами, даже в гневе и в сложной ситуации помните о том [...] что именно на вашей стороне находится и останется превосходство»¹.

Впрочем, хотя Бисмарк ставил «мужскую» германскую расу выше «женских», он отмечал наличие у каждой из них своих достоинств и недостатков. К достоинствам кельтов и славян он относил то, что «они более приятны в общении, чем германцы»². Положительные качества разных рас могут дополнять друг друга – «физически сильный, порядочный, но негибкий германец и элегантный, более подвижный, но менее сильный славянин»³. К достоинствам славян он относил «грацию, ум, хитрость и ловкость, на фоне которых немцы кажутся порой неуклюжими и неловкими»⁴. Германцев он считал слишком яркими индивидуалистами, которым из-за этого трудно прилагать коллективные усилия⁵.

Все эти представления Бисмарк, естественно, проецировал на политическое развитие Европы. С его точки зрения, только «мужественные» германцы могли создавать сильные, успешные государства. «Германская кровь повсюду была той силой, которая создавала и поддерживала государственность, – передавал один из врачей Бисмарка, доктор Кохен, один из разговоров с канцлером. – Кельты и славяне не могут сами создать ничего основательного»⁶. Эти же слова прозвучали в беседе канцлера с профессором И.К. Блунчли: «Славяне и кельты женственны. Они ничего не могут создать, они бесплодны»⁷. Однако наилучший результат с точки зрения государственности получался при смешении различных рас с разными свойствами.

¹ Ansprache an Deutsche aus Österreich, 15.04.1895 // WIA, Bd. 8b. S. 213.

² Gespräch mit Cohen, 14.12.1883 // WIA, Bd. 7. S. 61.

³ Gespräch mit Gittermann, 26.-27.02.1893 // WIA, Bd. 8b. S. 144.

⁴ Ansprache an Deutsche aus Österreich, 15.04.1895 // Ibid. S. 213.

⁵ Gespräch mit Bluntschli, 30.04.1868 // GW, Bd. 7. S. 253.

⁶ Gespräch mit Cohen, 14.12.1883 // WIA, Bd. 7. S. 61.

⁷ Gespräch mit Bluntschli, 30.04.1868 // GW, Bd. 7. S. 253.

В отличие от Гобино и многих других расовых теоретиков, Бисмарк не считал смешение рас предосудительным. Напротив, с его точки зрения, это позволяло сочетать лучшие качества разных народов. «Он не считает лучшей ту нацию, в прошлом которой не было смешения», – писал Бэнкрофт¹. «В Пруссии имеет место сильное смешение славянского и германского элемента, – говорил Бисмарк в беседе с Блунчли. – В этом главная причина того, что они подходят для создания государства. У них есть немного славянской покорности и одновременно сила и мужественность германцев»². Ту же мысль он повторял и четверть века спустя: «Пруссаки обязаны своими лучшими политическими свойствами славянскому элементу в своей крови. Германцы – это упорный, трудный в обращении мужской элемент; славяне и кельты вносят мягкий женский элемент в характер нации»³. «Славянский элемент сам по себе слишком мягок, германский – слишком груб», – заявлял Бисмарк в другой беседе⁴.

В еще одном разговоре, известном нам со слов одного из помощников «железного канцлера», М. Буша, Бисмарк положительно высказывался о возможных браках между немцами и еврейками: «Лучше, когда христианский жеребец с немецким воспитанием сходится с еврейской кобылицей. Деньги должны вернуться в обращение, а плохих рас не бывает. Не знаю еще, что я посоветую однажды своим сыновьям»⁵. Беседуя в марте 1872 г. с прибывшей из Эльзаса делегацией, Бисмарк сказал: «Если бы я мог каждую француженку выдать замуж за настоящего немца, в итоге получилась бы прекрасная порода людей»⁶. Примечательно, что речь идет именно о француженках и еврейках с немецкими мужьями – но ни в коем случае не наоборот. Однако идея «чистоты расы» была совершенно чужда «железному канцлеру»; очевидно, он полагал, что в «браке» двух рас все равно будет доминировать «мужское» начало.

¹ DeWolfe Howe M.A. Op. cit. P. 170.

² Gespräch mit Bluntschli, 30.04.1868 // GW, Bd. 7. S. 254.

³ Gespräche mit Whitman, 28.05.-02.06.1892 // GW, Bd. 9. S. 210.

⁴ Tischgespräch mit Pettenkofer, 08.04.1876 // GW, Bd. 8. S. 170.

⁵ Busch M. Tagebuchblätter. Bd. 2. S. 33.

⁶ Eckbrecht von Dürckheim F. Erinnerungen alter und neuer Zeit. Bd. 2. Stuttgart, 1888. S. 265.

Далее следует перейти к представлению Бисмарка о нациях и национальном характере. Как продемонстрировала в своем исследовании С. Оденвальд-Варга, и понятие «народ» (Volk), и понятие «нация» (Nation) Бисмарк употреблял в том числе в значении «группа людей, связанных между собой общим менталитетом, общими воззрениями и общими чертами характера»¹. Понятия «нация» во многом пересекалось у Бисмарка с понятием «раса»; второе рассматривалось как нечто более общее и древнее, в то время как первое – как более современное и частное. Проще говоря, нации возникли в рамках рас или в результате их смешения. Поэтому важной характеристикой как первых, так и вторых является с точки зрения Бисмарка наличие определенного «характера», то есть определенных психологических особенностей, свойственных от рождения представителям данной общности. Поскольку эти особенности считались присущими каждому представителю нации, «железный канцлер» нередко говорил в единственном числе о свойствах (типичного) поляка, француза, пруссака и т.д.²

Бисмарк, таким образом, полностью разделял широко распространенную в XIX в. идею «национального характера» и даже употреблял это понятие³. Так, беседуя с австрийским историком Г. Фридьонгом, он заявил в 1890 г.: «Каждая нация исполняет свое предназначение в соответствии с присущими ей способностями, тем приданным, которое она получила от природы»⁴.

Соответствующие идеи Бисмарк высказывал довольно часто, объясняя политические процессы национальным характером как немцев, так и других народов. Так, выступая в мае 1889 г. в рейхстаге, он сказал по поводу наличия в стране двух консервативных партий: «Даже в собственно консервативной партии есть группировки, которые не согласны друг с другом; если заглянуть еще глубже, то благодаря отличительной черте немцев – самостоятельности их личного мнения – из любых шести консерваторов двое всегда будут считать иначе, чем оставшиеся четыре, и не откажутся от своей позиции. Это как раз

¹ Odenwald-Varga S. Op. cit. S. 262.

² Ibid. S. 183.

³ Klemm M. Op. cit. Bd. 2. S. 76.

⁴ Gespräch mit Friedjung, 13.06.1890 // GW, Bd. 9. S. 51.

является признаком исконно германского характера консерваторов. Вся наша раздробленность возникла как результат такого избытка самостоятельности. [...] Править французами намного легче, чем германцами»¹.

Обращаясь к делегации, приветствовавшей отставного канцлера в Киссингене в июле 1892 г., он заявил: «Что касается внешней политики, то мы, немцы, находимся в середине Европы и поэтому вынуждены держаться вместе сильнее, чем любая другая нация, однако испытываем к этому меньше склонности, чем другие нации. У нас партии намного более самостоятельны в своих мнениях, их намного сложнее сплотить, чем у поляков, романских и славянских народов. Остальные нации более послушны, охотнее держатся вместе, чем мы»².

Подобные отзывы мы можем встретить у Бисмарка и о других нациях. «Согласно моим многолетним наблюдениям и опыту, – заявлял он уже в конце своей жизни, – для поляков заговоры и политические интриги являются не просто жизненной потребностью, они имеют к этому исключительно сильный талант»³. Беседуя в 1888 г. с итальянским премьер-министром Ф. Криспи, Бисмарк сначала обсудил с ним происхождение французов: несмотря на вливания римской и германской крови, они остались в основе своей галлами, и это объясняет подъем демократии во Франции⁴. Затем германский канцлер добавил: «Во французском характере есть нечто женское. У женщин есть два вида оружия, которыми они владеют в совершенстве: языком и иголкой. Как у них обстоят дела с иголкой, я не знаю, но языком французы орудуют охотно, как и его эквивалентом – пером. Они выделяются в сфере насмешек, клеветы и очернения»⁵.

Естественно, такие высказывания существуют и о русских, однако они будут подробно рассмотрены в следующей главе настоящей работы.

¹ Rede im Deutschen Reichstag, 18.05.1889 // GW, Bd. 13. S. 398.

² Ansprache in die Südwestdeutschen, 24.07.1892 // Ibid. S. 459.

³ Klemm M. Op. cit. Bd. 2. S. 151.

⁴ Gespräche mit Crispi, 21.-23.08.1888 // GW, Bd. 8. S. 622.

⁵ Ibid. S. 623.

Политические и социальные взгляды

Политические и социальные взгляды Бисмарка следует, безусловно, охарактеризовать как консервативные. Однако данная характеристика является слишком широкой: внутри европейского и прусского консерватизма существовало достаточно большое количество течений. Далеко не случайно во второй половине 1850-х гг. Бисмарк начал расходиться во взглядах по широкому кругу вопросов с братьями Герлахами – лидерами консервативной «камарильи» при берлинском дворе, своими недавними менторами. По своим воззрениям он оказался довольно близок к одному из крупнейших консервативных мыслителей той эпохи Ф.Ю. Шталю, считавшего необходимым адаптацию консервативной идеологии к современным реалиям.

Чтобы более четко обрисовать политические взгляды Бисмарка, необходимо рассмотреть отдельные их аспекты, отношение к конкретным проблемам, в особенности релевантным в контексте восприятия России.

В первую очередь речь идет об отношении Бисмарка к различным формам правления и политическим системам. «Железный канцлер», безусловно, являлся монархистом. С его точки зрения, монархия как форма правления была частью установленного свыше порядка. После короткого периода республиканских симпатий в ранней юности (о которых он вскользь упоминает в своих воспоминаниях¹) Бисмарк сделал однозначный выбор в сторону роялизма.

Вопрос о том, в какой степени Бисмарк считал государство воплощением божественного замысла, остается дискуссионным. Однако можно точно сказать, что он не верил в святость и неприкосновенность любой монархической власти. В отличие от «традиционных» прусских консерваторов, Бисмарк не являлся безусловным сторонником принципа легитимизма. Широко известна фраза из его письма военному министру А. фон Роону от 2 июля 1861 г.: «Я верен своему монарху и готов ради него на Вандею, но что касается всех остальных, то я не чувствую за собой ни малейшего обязательства пошевелить ради них хотя бы

¹ Erinnerung und Gedanke // WIA, Bd. 8a. S. 1.

пальцем»¹. Его последующие действия в ходе объединения Германии полностью соответствовали данной установке.

По мнению Л. Галла, представления Бисмарка о божественной природе государства претерпели определенную эволюцию; в начале своей политической карьеры он был полностью солидарен со своими легитимистскими «менторами»². С этим можно согласиться, однако нельзя упускать из виду существовавшие у начинающего политика уже в тот момент колебания, нашедшие отражение в его речи в Соединенном ландтаге от 2 апреля 1848 г. Бисмарк заявил о том, что «прошлое похоронено» и «ни одна человеческая сила не в состоянии вновь пробудить его», а также допустил, что новая власть сможет «достичь единства германского Отечества, установления счастливого или, по крайней мере, законного и стабильного порядка», и в таком случае он выскажет ей свою благодарность³. Это выступление вызвало серьезное недовольство лидеров прусских консерваторов⁴.

Бисмарк рассматривал монархию как наиболее рациональную форму правления – как минимум для Пруссии. «В Пруссии самое ценное – это монархический принцип и королевская власть»⁵, – заявил он в 1882 г. в рейхстаге. Монархический элемент является для страны «совершенно необходимым», на его место может прийти только хаос⁶. «Величие Пруссии было достигнуто не благодаря либерализму и свободомыслию, – писал Бисмарк в 1853 г., – а благодаря череде энергичных, решительных и мудрых правителей, которые заботились о военных и финансовых силах государства и сосредотачивали их в своей самодержавной руке, чтобы с безоглядным мужеством бросить на весы европейской политики, как только для этого представлялся благоприятный момент. Эту систему мы должны сохранить, чтобы привести нашу монархию к

¹ Brief an Roon, 02.07.1861 // WIA, Bd. 2. S. 383.

² Gall L. Bismarck. S. 65.

³ Rede im Vereinigten Landtag, 02.04.1848 // WIA, Bd. 1. S. 171.

⁴ Kraus H.-C. Bismarck und die preußischen Konservativen / Otto von Bismarck und das „lange 19. Jahrhundert“. S. 232.

⁵ Rede im Deutschen Reichstag, 24.01.1882 // WIA, Bd. 6. S. 651.

⁶ Ibid. S. 648.

стабильному итогу. Парламентский либерализм может быть временным средством для достижения цели, но не самоцелью нашей государственной жизни»¹.

Отчасти это, по мнению Бисмарка, касалось и других европейских стран. Впоследствии, уже после создания Германской империи, он считал необходимым поддерживать французских республиканцев, которых считал неспособными обеспечить возрождение французской мощи в том объеме, в котором это сделала бы монархия. В конце декабря 1872 г. в письме германскому послу в Париже графу Арниму, рассуждая о возможности монархической реставрации во Франции, Бисмарк писал: «В наши задачи явно не входит превращение Франции в могущественную державу, способную вступить в союз с нашими нынешними друзьями, которое может произойти в результате консолидации ее внутренних дел и установления упорядоченной монархии. Враждебность Франции заставляет нас желать ее слабости, и мы действуем весьма бескорыстно, не пытаясь решительно и силой воспротивиться восстановлению сильных монархических институтов, пока не полностью выполнены условия Франкфуртского мира»². В исследовательской литературе обычно делается акцент на том, что Бисмарк считал монархическую Францию более желанным союзником для консервативных империй; однако приведенная цитата показывает, что реставрация монархии привела бы в его глазах не только к расширению внешнеполитических возможностей, но и к «консолидации внутренних дел».

Следует особо подчеркнуть, что при всем своем роялизме Бисмарк не идентифицировал фигуру монарха (даже прусского) с управляемой им страной. Государственные интересы были для него масштабнее и важнее интересов короля. «Подчинять интересы Отчизны личной любви или ненависти к другим странам – на это, на мой взгляд, нет права даже у короля», – писал он Герлаху в мае 1857 г.³ Государство играло большую роль в мировоззрении Бисмарка. Он

¹ Denkschrift an den Prinzen von Preußen, September 1853 // GW, Bd. 1. S. 375.

² Erlaß an Arnim, 20.12.1872 // GP. Bd. 1. S. 159-160.

³ Brief an Leopold von Gerlach, 02.05.1857 // WIA, Bd. 2. S. 143.

нередко называл себя слугой государства и говорил о государственных интересах как о чем-то высшем по отношению к любым другим¹. По словам Х. Нюбеля, «Бисмарк видел в государстве исторически сформировавшийся по воле Господа монархический порядок, судьбой которого предназначенные для этого институты и акторы могли распоряжаться в определенных рамках. [...] Государство он считал постоянным и цельным субъектом»².

В своих текстах Бисмарк не раз подчеркивал также лояльность монарху и готовность повиноваться королю даже вопреки собственным убеждениям. «В вопросах прусской внутренней политики, – писал он в конце 1860 г. из Петербурга прусскому министру иностранных дел Шлейницу, – я не только по привычке, но по убеждению и в силу рациональных причин так консервативен, как мне позволяет мой монарх и сеньор, и я готов даже пойти на Вандею, в том числе ради короля, политика которого мне не нравится»³. На практике, однако, Бисмарк вел себя совершенно иначе, жестко отстаивая свое мнение в диалоге с королем и не останавливаясь перед тем, чтобы шантажировать последнего своей отставкой. Его лояльность монарху отнюдь не была слепым подчинением и тем более полным самоотречением. Он был готов идти вопреки воле государя там, где считал эту волю противоречащей интересам государства. Хорошим примером здесь является заключение австро-германского союза осенью 1879 г., в процессе подготовки которого Бисмарку пришлось преодолевать сильное сопротивление Вильгельма I.

Понимание Бисмарком отношений между монархом и его слугой лучше всего описывается употребленным в вышеприведенном отрывке термином «сеньор» (Lehnsherr) – понятием из лексикона феодальной эпохи. Как отмечает О. Пфланце, «железный канцлер» часто предпочитал использовать такую терминологию: он говорил о себе как о «вассале» и «слуге короля», писал о

¹ Klemm M. Op. cit. Bd. 2. S. 314.

² Nübel C. Der Staat gestützt auf Blut und Eisen. Das Militär im Staatsdenken Bismarcks. / Überzeugungen, Wandlungen und Zuschreibungen. Das Staatsverständnis Otto von Bismarcks. Baden-Baden, 2019. S. 106.

³ Privatschreiben an Schleinitz, 10.12.1860 // WIA, Bd. 2. S. 349.

«подданных», а не о «гражданах»¹. Это отражало стиль его мышления; он в данном случае выступал с позиции представителя дворянства как социальной группы, которая, с одной стороны, является главной опорой трона и связана с ним многочисленными обязательствами, с другой – обладает собственными интересами, которые монарх обязан учитывать.

Бисмарк с детства идентифицировал себя с прусским юнкерством и высоко ценил как его социальную роль, так и образ жизни. Этому в немалой степени способствовал конфликт с матерью, которая происходила из иной социальной группы – просвещенной бюрократии. Прусское дворянство Бисмарк считал «становым хребтом»² государства и общества. Тем не менее, он не считал необходимым всеми средствами оберегать эксклюзивность этой социальной группы и тем более ставить преграды достойным представителям буржуазии, стремящимся пополнить ряды дворян.

Монархия была важна ему не в последнюю очередь как гарант сохранения существующей социальной системы, привилегированного положения дворянства в обществе и государстве. По этой причине он не был безусловным сторонником абсолютизма, хотя не являлся и его принципиальным противником. Тезис О. Пфланце о том, что «Бисмарк никогда не был другом абсолютизма»³, можно признать справедливым лишь в том случае, если речь идет о современной ему Пруссии и Германии. В целом нужно отметить, что Бисмарк считал различную политическую систему подходящей для разных стран (это в значительной степени зависело от национального характера соответствующих народов). Так, он выражал сомнение в том, что британская парламентская монархия может быть успешно перенесена на почву какого-либо другого государства⁴.

Тем не менее, в отличие от многих современных ему консерваторов, Бисмарк считал полезным наличие представительского органа. Идеальный парламент – сословное представительство – должен был, по его мнению,

¹ Pflanze O. Bismarck. Der Reichsgründer. S. 67.

² Ibid. S. 602.

³ Ibid. S. 75.

⁴ Erlaß an Schweinitz, 12.02.1870 // WIA, Bd. 4. S. 395.

защищать интересы дворянства, в том числе от абсолютного монарха и преданной ему бюрократии. Именно в последней он видел главную угрозу интересам своего социального слоя, а в значительной степени и государства в целом. Вопрос о том, насколько широкими должны быть полномочия представительского органа, был достаточно сложен для самого Бисмарка – судя по всему, его взгляды по данному вопросу менялись со временем. После революции 1848 г. он лишь постепенно примирился с конституционной действительностью; в письме принцу Вильгельму в 1853 г. он называл монархию защитницей прав и свобод от покушений непредсказуемого парламентского большинства¹. В середине 1860-х гг. он видел в парламенте, созданном на основе всеобщего избирательного права, возможную опору монархии и противовес либеральному среднему классу; к 1880-м гг. в значительной степени разочаровался в рейхстаге и стремился ограничить его влияние, в том числе за счет создания параллельного органа в лице Народнохозяйственного совета².

По мнению «железного канцлера», рейхстаг в конечном счете оказался в руках тех самых профессиональных политиков из среднего класса, влияние которых он должен был ограничить. В начале 1879 г. в парламентском выступлении Бисмарк, обрушившись на одного из либеральных лидеров Э. Ласкера, заявил: «Он принадлежит к числу тех господ, которые образуют большинство на всех этапах нашего законодательного процесса и о которых в Писании говорится: они не сеют, они не жнут, они не ткут и не прядут, и все же они одеты – не буду говорить, как, но одеты. Господа, которых не греет наше солнце, которых не может промочить наш дождь, если только они случайно не выйдут на улицу без зонта, они образуют большинство в наших законодательных органах. Они не занимаются ни промышленностью, ни сельским хозяйством, ни ремеслом, они чувствуют себя полностью занятыми тем, что представляют народ где только можно»³. Парламент противопоставляется здесь экономически

¹ Ibid.

² Nipperdey T. Deutsche Geschichte 1866-1918- Bd. 2. Machtstaat vor der Demokratie. München, 1998. S. 410.

³ Rede im Deutschen Reichstag, 08.05.1879 // WIA, Bd. 6. S. 301.

активному населению страны, к которому Бисмарк относил и самого себя. После отставки «железный канцлер» вновь заговорил о необходимости расширять полномочия парламента, однако в искренности этих слов существуют сомнения.

Дворянство как стеновой хребет прусского государства Бисмарк противопоставлял бюрократическому аппарату. Ненависть Бисмарка к чиновникам, как уже говорилось выше, берет свое начало в его детских переживаниях и сложных отношениях с матерью. В дальнейшем он неизменно с глубоким недоверием относился к бюрократии, наделяя ее множеством недостатков и допуская в ее адрес уничижительные высказывания. Стремление в бытность главой правительства полностью контролировать все происходящее в рамках государственной машины, а также беспощадная чистка управленческого аппарата от политически неблагонадежных чиновников отчасти объясняются именно этой особенностью мировоззрения Бисмарка.

Негативное отношение к бюрократическому аппарату ярко проявляется уже в высказываниях молодого Бисмарка. «Даже во время моей короткой карьеры я часто видел, — писал он отцу в 1838 г., — как драгоценное время и труд высокооплачиваемых инстанций убивались таким образом, что можно было подумать, будто это дела придуманы, чтобы занять чиновников, а не чиновники назначены, чтобы исполнять необходимые дела. Против таких и подобных им бесчинств самые лучшие начальники боролись энергично, но без всякого успеха. Такова природа нашей администрации»¹.

Бюрократию Бисмарк противопоставлял как представительским учреждениям, так и производительным слоям населения. «Тайные советники, исключительно потребители, к которым подходят библейские слова: они не сеют, они не жнут и не собирают в амбары. Этим господам не жмут те ботинки, которые они шьют для ног нашей промышленности. Именно бюрократия — наша повсеместная болезнь!»² — заявлял он в 1891 г.

¹ Klemm M. Op. cit. Bd. 1. S. 82-83.

² Ansprache an die Abordnung aus Siegen, 12.12.1891 // GW, Bd. 13. S. 430.

Двумя годами позже отставной канцлер высказался в аналогичной манере: «Вакуум, оставляемый у нас парламентскими учреждениями, если они действуют недостаточно активно, заполняется по факту не монархом, не королем, а бюрократией, чиновничьей иерархией. Она заполняет эту пустоту, бюрократия, которую не следует путать с монархизмом, та самая бюрократия, которая проложила путь французским победам 1806 и 1807 годов и которая рухнула в 1848 году перед лицом баррикад. Тогда не было ни одного оберпрезидента, который бы не выжидал, чем закончится революция в Берлине. Бюрократическая постройка по своей природе является деревянной хижинкой, а не гранитным зданием. Мы не можем с уверенностью опираться на нее. Народное представительство существует, чтобы исправлять бюрократию, проверять ее, помогать ей и удерживать от произвола»¹. Симпатии опального министра к рейхстагу были в значительной степени наигранными, но его ненависть к бюрократии – вполне искренней. Примечательно, что Бисмарк не просто обвинял чиновников во всех национальных бедствиях Пруссии, но и напрямую противопоставлял ее интересы интересам монарха и страны. В дальнейшем будет продемонстрировано, что эта точка зрения касалась отнюдь не только прусских чиновников.

Бисмарк достаточно прохладно относился к церковной иерархии. Во всяком случае, он считал необходимым ее подчинение государству, а религиозные соображения – не имеющими никакого веса в области практической политики. Для нас в данном случае не столь важны личные религиозные убеждения Бисмарка, которые не раз становились предметом специального изучения². Его религиозность носила в первую очередь внутренние, а не внешние черты. Как справедливо отмечает по данному поводу О. Пфланце, вера помогала Бисмарку «привести в порядок свою личную жизнь, однако ничего существенно не изменила в его социальном поведении. Напротив, все указывает на то, что в

¹ Klemm M. Op. cit. Bd. 1. S. 151.

² Baumgarten O. Bismarcks Religion. Göttingen, 1922.

глазах Бисмарка религия существовала в первую очередь для того, чтобы справиться с внутренней, чисто личной проблемой»¹.

Придерживаясь консервативных взглядов, Бисмарк, тем не менее, считал совершенно бесплодными попытки законсервировать общественные процессы и не пытался до последнего придерживаться старых форм. Он признавал необходимость адаптироваться к объективно происходившим изменениям, развивать политические структуры. Ему не была чужда идея прогресса. К попыткам игнорировать реальность, упорно цепляясь за прошлое, он относился негативно. «Я никогда не был доктринером, – заявил он в одной из своих речей. – Бывают времена, когда надо править либерально, и времена, когда нужна диктатура, все меняется, нет ничего вечного»². В другом выступлении, отвечая на критику Л. фон Герлаха, упрекавшего его среди прочего в беспринципности, Бисмарк сказал: «Я никогда не стыдился признать, что изменил свое мнение, если обстоятельства вынудили меня в чем-то уступить либо убедили, что в интересах страны невозможно действовать в соответствии с моим желанием. [...] Требовать от меня неизменности мнения во всех сложных вопросах, охватывающих четверть века – с таким я согласиться не могу»³.

Анализируя политические взгляды Бисмарка, О. Пфланце совершенно справедливо указывает на их практическую ориентированность: «В отличие от большинства своих современников – как либеральных, так и консервативных – Бисмарк в своих размышлениях о политических вопросах почти всегда исходил исключительно из практических соображений. В конституционных вопросах для него никогда не шла речь ни о воплощении исторической теории, ни о подтверждении абстрактных прав»⁴. Это, разумеется, не исключает наличия у него определенных убеждений. Л. Галл, в свою очередь, подчеркивает, что для Бисмарка ключевое значение в системе государства играли вопросы власти; естественное развитие общества меняло и расстановку сил, что требовало

¹ Pflanze O. Bismarck. Der Reichsgründer. S. 67.

² Rede im Deutschen Reichstag, 24.02.1881 // WIA, Bd. 6. S. 509.

³ Rede im Preußischen Abgeordnetenhaus, 17.12.1873 // WIA, Bd. 5. S. 407.

⁴ Pflanze O. Bismarck. Der Reichsgründer. S. 78.

адаптацию системы к произошедшим изменениям. Бисмарк «был полностью открыт для перемен и совершенно новых тенденций»¹. Нельзя сказать, что все эти перемены и тенденции он оценивал верно, однако, по крайней мере, он не пытался слепо цепляться за старое. Л. Галл называет его «человеком революционных перемен [...], который был обязан своим успехом во многом способности плыть, опережая бурю»².

Что касается социальных взглядов Бисмарка, то идеалом для него во многих отношениях являлось патриархальное аграрное общество: богобоязненные, консервативные, верные своему монарху крестьяне и дворяне-землевладельцы, играющие патерналистскую роль по отношению к жителям своих земель и пользующиеся широкой автономией по отношению к центральной власти. Далеко не случайно впоследствии, в своих мемуарах, Бисмарк подробно описывал реакцию крестьян на революцию 1848 г. в Берлине.

«20 [марта] крестьяне в Шёнхаузене сообщили мне, что из Тангермюнде, находившегося на расстоянии в три четверти мили, прибыли делегаты с требованием поднять на башне черно-красно-золотое знамя, как это было сделано в упомянутом городе. Они пригрозили, что в случае отказа вернутся с подкреплением. Я спросил крестьян о том, готовы ли они защищаться; они ответили единодушным и бодрым «да», и я посоветовал им прогнать горожан из деревни, что и было сделано при активном участии женщин. Затем я приказал поднять на башне имевшееся в церкви белое знамя с черным крестом (в форме «Железного креста») и выяснил, сколько ружей и припасов к ним имеется в деревне. Было обнаружено около пятидесяти крестьянских охотничьих ружей. У меня самого их имелось около двадцати с учетом старинных; я отправил всадников за порохом в Ратенов и Ерихов. Затем я вместе с женой поехал в окрестные деревни, где обнаружил, что крестьяне охотно согласны отправиться в Берлин на помощь королю»³.

¹ Gall L. Bismarck. S. 94.

² Ibid. S. 141.

³ Erinnerung und Gedanke // WIA, Bd. 8a. S. 17.

Этот отрывок служит прекрасной иллюстрацией к идеалам Бисмарка: крестьяне, которые горят желанием защитить своего монарха и идут к помещику за советом и руководством, и дворянин, который играет роль лидера и возглавляет крестьянскую оппозицию взбунтовавшимся «горожанам». Практически до самого конца своей карьеры он был уверен в том, что подавляющее большинство простого народа настроено монархически¹. При этом он особо выделял крестьян. «Крестьяне и бывшие помещики всегда составляют меньшинство в численном отношении, – заявил Бисмарк в рейхстаге в феврале 1885 г. – Но пусть Господь сохранит для нас два этих класса, пока Ему угодно, чтобы в нашей стране был порядок. Если они погибнут, то я боюсь, что и порядок погибнет вместе с ними»².

Противопоставление города и деревни в принципе играло большую роль в мировоззрении Бисмарка³. Именно деревня, сельская местность была для него источником всего здорового и настоящего в германском социуме. Город он рассматривал как источник социальных болезней. Сам Бисмарк стремился по мере возможности находиться подальше от столицы, проводя в 1870-80-е гг. целые месяцы в своих поместьях Варцин и Фридрихсру. Он неоднократно говорил о своей любви к лесам: «Здесь, в лесу, я далеко не так одинок, каким часто чувствовал себя в прошедшие тридцать лет. Человек более всего одинок в больших городах, при дворе, в парламенте, среди своих коллег [...]. Но в лесу я никогда не чувствую себя одиноким, и причина тому заключается в самой природе леса»⁴.

В 1881 г. Бисмарк заявил в одной из бесед, что его единственной страстью является природа, в особенности красивые леса⁵. Он комфортно чувствовал себя в роли сельского юнкера и вкладывал деньги в покупку имений, даже если это было далеко не самое выгодное размещение капитала. Примечательно, что в данном

¹ Pflanze O. Bismarck. Der Reichsgründer. S. 667.

² Kohl H. Op. cit. Bd. 11. S. 20.

³ Frie E. Das gesellschaftliche Gefüge im Denken Bismarcks / Überzeugungen, Wandlungen und Zuschreibungen. S. 150.

⁴ Ansprache an Frauen und Jungfrauen des Bergischen Landes, 26.04.1894 // GW, Bd. 13. S. 529.

⁵ Klemm M. Op. cit. Bd. 2. S. 413.

случае эмоциональный фактор оказывался сильнее прагматических соображений. Именно с деревней были связаны самые счастливые детские воспоминания Бисмарка, в молодости он в роли помещика смог добиться своих первых успехов. По словам А. фон Зеггерна, Бисмарк «до самой смерти остался в рамках ментальных и социальных установок остэльтбского крупного землевладельца и видел в аграрном консерватизме несущую опору своей политики»¹.

Взгляды на международные отношения

Наконец, имеет смысл вкратце рассмотреть представления Бисмарка о системе международных отношений в Европе, правилах и нормах, действующих в рамках этой системы. Как уже говорилось выше, представлениям Бисмарка о европейской системе государств посвящена фундаментальная работа Д. Хаффера². Этим вопросом в той или иной степени занимались и другие исследователи; среди новейших публикаций следует назвать статью У. Лаппенкюпера³.

Как у подавляющего большинства современников, картина мира Бисмарка была евроцентричной. Именно Европа представляла цивилизацию, остальные части мира – варварство. Во время Франко-германской войны 1870-71 гг. он протестовал против использования французами солдат из колоний как недопустимого в войне двух культурных наций⁴. Европа в его понимании являлась не в последнюю очередь сообществом народов, объединенных общей культурой, отличавших их от остального мира. По мнению У. Лаппенкюпера, в отношении азиатских народов Бисмарк «не испытывал чувства расистского превосходства»⁵. Тем не менее, как минимум культурное и цивилизационное превосходство Европы никогда не ставилось им под сомнение.

¹ Seggern A.v. Bismarck als Gutsherr / Otto von Bismarck und das „lange 19. Jahrhundert“. S. 816.

² Haffer D. Op. cit.

³ Lappenküper U. Eine (Groß-)Macht in der Mitte anderer. Bismarcks Staatsdenken in europäischen und globalen Bezügen / Überzeugungen, Wandlungen und Zuschreibungen. Das Staatsverständnis Otto von Bismarcks. Baden-Baden, 2019. S. 37-60.

⁴ Haffer D. Op. cit. S. 77.

⁵ Lappenküper U. Bismarck und Asien / Realpolitik für Europa – Bismarcks Weg. S. 235.

Бисмарка обычно называют политическим реалистом, который действовал исходя не из абстрактных принципов, а из реальных интересов и текущей международной обстановки. Лучшим изложением этого политического кредо Бисмарка считаются его письма Л. фон Герлаху 1857-1858 гг., в которых он отстаивает необходимость для Пруссии сохранять свободу рук во внешней политике. «Что касается принципа легитимизма, то я признаю, что подчиняю его чисто прусскому патриотизму, – писал Бисмарк. – Франция интересуется меня лишь постольку, поскольку она реагирует на положение моего Отечества, мы можем поддерживать отношения только с имеющейся Францией и не должны исключать ее из комбинаций»¹. На международной арене, где все руководствуется своими интересами, недопустимы «политические шаги, продиктованные услужливостью или абстрактным чувством права»². Как отмечает Д. Хаффер, «поиск идеологии в политике Бисмарка останется безуспешным»³; он предпочитал исходить из конкретных интересов и конкретной расстановки сил.

И все же не следует считать Бисмарка чистым оппортунистом, принимавшим во внимание в международных отношениях только силу и игнорировавшим право. В качестве одного из таких прав он называл право государства на сохранение собственного суверенитета⁴. Разумеется, нужно принимать во внимание, что и это право он считал не безусловным – о чем свидетельствуют предпринятые им в 1866 г. аннексии.

Кроме того, с точки зрения Бисмарка, государство имело законное право и на распространение своего влияния на определенные территории, если для того имелись географические, экономические или исторические предпосылки. Для Пруссии, к примеру, такими территориями являлись малые и средние германские княжества.

Но как сочетать эти два права между собой? Ответ заключается в том, что для Бисмарка речь идет в первую очередь о правах великих держав.

¹ Brief an Leopold von Gerlach, 02.05.1857 // WIA, Bd. 2. S. 142.

² Ibid. S. 146.

³ Haffer D. Op. cit. S. 55.

⁴ Klemm M. Op. cit. Bd. 2. S. 199.

Представление о том, что пятерка великих держав Европы имеет больше прав, чем страны второго ранга, являлось в XIX в. практически общепризнанным. «Единственным здоровым основанием большого государства – тем самым оно существенно отличается от государства малого – является государственный эгоизм», – заявил Бисмарк в 1850 г.¹

Утрата статуса великой державы была в глазах Бисмарка катастрофой, аналогичной утрате государственного суверенитета, и неизбежно влекла за собой кардинальные изменения европейской системы в целом. Необходимо отметить, что «железный канцлер» никогда не стремился к полной перекройке этой системы. Даже стараясь изолировать и ослабить побежденную Францию после 1871 г., он никогда не отрицал наличия у нее статуса великой державы и не стремился лишить ее этого статуса². В литературе достаточно часто указывается на большое впечатление, произведенное на Бисмарка в студенческие годы лекциями историка Арнольда Хеерена, занимавшегося исследованиями европейской системы государств. Судя по всему, Бисмарк разделял точку зрения этого ученого, полагавшего, что существование устойчивой системы международных отношений придает европейской политике стабильность и предсказуемость – при условии, что основные игроки придерживаются определенных правил игры³. У. Лаппенкюпер формулирует пять основных «краеугольных камней» представлений Бисмарка о европейской системе государств: изменчивость системы; ключевая роль пяти великих держав; понимание того, что и менее могущественные страны могут сыграть важную роль в расстановке сил; убежденность в том, что во внешней политике основополагающую роль играют интересы; необходимость равновесия⁴.

Придавая определенное значение поддержанию системы в целом, Бисмарк, тем не менее, весьма скептически относился к идее «общеевропейских

¹ Rede im Preußischen Abgeordnetenhaus, 03.12.1850 // WIA, Bd. 1. S. 335.

² Lappenküper U. Bismarck und Frankreich. Chancen und Grenzen / Otto von Bismarck und das „lange 19. Jahrhundert“. S. 638.

³ Gall L. Bismarck. S. 36.

⁴ Lappenküper U. Eine (Groß-)Macht in der Mitte anderer. S. 38.

интересов». Широко известны слова, написанные им в конце 1876 г. по поводу усугублявшегося Восточного кризиса: «Слово «Европа» я всегда слышал из уст тех политиков, которые требуют от других держав чего-то такого, чего они не рискуют потребовать от своего имени»¹. С его точки зрения, общеевропейские интересы ограничивались поддержанием мира и равновесия в системе.

Что касается международных соглашений, то Бисмарк относился к ним двояко. С одной стороны, он признавал общий принцип, что заключенный договор должен исполняться. С другой, он не раз заявлял о том, что придерживаться соглашений, идущих вразрез с собственными интересами, невозможно для великой державы. «Великая держава не может на протяжении длительного времени цепляться за букву договора вопреки интересам своего собственного народа, – сказал, к примеру, Бисмарк, выступая в рейхстаге в феврале 1888 г. – В конечном счете она окажется вынуждена открыто объявить: времена изменились, я больше не могу [...]. Вести свой народ навстречу гибели ради буквы подписанного в других условиях соглашения – такое не пристало ни одной великой державе»².

Бисмарк считал, что у любой великой державы имеются свои естественные интересы. Эти интересы определяются в значительной степени политической географией, однако их понимание может в значительной степени варьироваться в зависимости от того, кто находится у власти³. Как пишет в своей фундаментальной работе Л. Галл, с точки зрения Бисмарка базовые интересы держав происходили из «географического положения, социальной структуры, экономической ситуации, исторической традиции и охватывающего все это исторического самосознания отдельных держав. Он был убежден, что эти базовые интересы не может долго игнорировать ни одна политическая группировка или течение в соответствующей стране. Они представляют собой континуум, с

¹ Diktat, 09.11.1876 // WIA, Bd. 5. S. 755.

² Rede im Deutschen Reichstag, 06.02.1888 // WIA, Bd. 7. S. 605

³ Pflanze O. Bismarck. Der Reichsgründer. S. 767.

которым должен считаться любой представитель другого государства, пока рассматриваемая страна еще обладает рангом великой державы»¹.

Для Пруссии 1850-х гг. таким естественным и базовым интересом было расширение своего влияния в Германии. «У нашей политики по чисто географическим причинам нет иного пространства, кроме Германии, а именно его Австрия стремится использовать в своих целях; для обеих здесь нет места [...] Мы конкурируем за воздух, которым дышим, один должен уступить или быть вытесненным, до того момента мы останемся противниками. Я считаю это непреложным фактом, каким бы неприятным он не выглядел», – писал Бисмарк Герлаху в 1853 г.² Весьма любопытна метафора, которую использует в данном случае автор – образ воздуха, абсолютно необходимого для дыхания и, следовательно, для жизни.

Популярную в XIX в. идею самоопределения наций Бисмарк не рассматривал в качестве общего принципа и применял весьма избирательно – разумеется, когда речь шла о единстве немецкой нации в малогерманских рамках. Как справедливо отмечает М. Гелер, «национализация политики и националистическая политика являлись для Бисмарка плодами революции, означавшими утрату предсказуемости и рациональности в отношениях государств»³.

Концепцию «баланса сил» Бисмарк в целом принимал, однако не возводил ее в ранг ключевого принципа международных отношений. С точки зрения Бисмарка, поддержание равновесия должно становиться мотивом внешней политики государства только в том случае, если соответствует его интересам. «Сохранение австро-венгерской монархии в качестве независимой и сильной великой державы является для Германии необходимым ради европейского равновесия», – писал Бисмарк в своих мемуарах⁴. В 1885 г. в инструкции

¹ Gall L. Bismarck. S. 506-507.

² Brief an Leopold von Gerlach, 19./20.12.1853 // WIA, Bd. 1. S. 556.

³ Gehler M. Otto von Bismarck und die Europa-Ideen im Zeichen des nationalstaatlichen Prinzips / Realpolitik für Europa – Bismarcks Weg. Paderborn, 2016. S. 116.

⁴ Erinnerung und Gedanke // WIA, Bd. 8a. S. 486.

германскому послу в Вене принцу Рейссу канцлер высказался следующим образом по поводу притязаний Сербии на территориальные компенсации: «Заявленное обоснование – сохранение равновесия – не выдерживает проверки. Было бы очень интересно и полезно изучить, какие цели и представления начиная с эпохи Людовика XIV прикрывали этим термином. Если понимать его в обычном смысле – ни одно государство не должно становиться настолько могущественным, чтобы угрожать независимости других – то становится очевидно, что это неприменимо к отношениям балканских стран друг с другом»¹. Примечательно, что оба высказывания относятся к периоду после объединения Германии, когда, по словам Л. Галла, «политика Бисмарка была и до последнего оставалась в своей основе политикой равновесия»². Равновесия, необходимого в первую очередь с точки зрения германских интересов.

Наконец, войну Бисмарк считал вполне легитимным средством решения международных конфликтов и реализации внешнеполитических интересов государства. Однако это средство являлось в его глазах крайним, к которому следовало прибегать с осторожностью. В своей знаменитой «Ольмюцской речи» в декабре 1850 г. молодой политик заявил: «Покажите мне, господа, достойную цель войны, и я соглашусь с вами. Государственному деятелю в кабинете или в палате легко подуть в горн войны вместе с популярным ветром, а затем греться у камина или произносить громовые речи с этой трибуны, предоставляя истекающему кровью на снегу мушкетеру завоевывать победу и славу для своей системы. Нет ничего более легкого – и все же горе тому государственному деятелю, который в этот момент не станет искать такой причины для войны, которая выглядела бы обоснованной и после ее завершения»³. Целью Бисмарка было защитить решение короля отказаться от вооруженного конфликта и пойти на уступки, что неизбежно накладывало свой отпечаток на содержание речи; однако он и в дальнейшем высказывался в аналогичном ключе. «Только за честь

¹ Erlaß an Reuß, 03.10.1885 // GP, Bd. 5. S. 12.

² Gall L. Bismarcks Preußen, das Reich und Europa / Bürgertum, Liberale Bewegung und Nation. Ausgewählte Aufsätze. München, 1996. S. 229.

³ Rede im Preußischen Abgeordnetenhaus, 03.12.1850 // WIA, Bd. 1. S. 335.

страны – не следует путать ее с так называемым престижем – только за самые ее жизненные интересы можно начать войну, – заявил Бисмарк в марте 1867 г. – Ни один государственный деятель не имеет права начинать ее только потому, что считает ее по своему субъективному мнению неизбежной в определенные сроки [...]. Я никогда не посоветую Его Величеству начать войну, которая не продиктована самыми основными интересами Отчизны»¹.

Именно общий контекст социальных и политических взглядов Бисмарка помогает понять представления Бисмарка о России и определить факторы, под влиянием которых они обрели тот вид, о котором говорится в основной части представленного исследования.

¹ Gespräch mit Bethusy-Huc, Ende März 1867 // WIA, Bd. 4. S. 143.

ГЛАВА 3.

СИСТЕМА ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОТТО ФОН БИСМАРКА О РОССИИ

3.1. Общая характеристика массива данных

В процессе исследования было проанализировано более 10 тыс. опубликованных текстов различного объема (от коротких телеграмм до многотомных мемуаров). В составленную по итогам обработки этих текстов базу данных оказалось включено в общей сложности 862 высказывания Отто фон Бисмарка, относящиеся к периоду с 1848 по 1897 гг. В данном параграфе будут представлены количественные и качественные характеристики этого массива (в графическом виде информация содержится в Приложении 2).

Из общего числа высказываний в процессе первичного анализа 449 были отнесены к «зеленой» категории, 144 – к «желтой» и 269 – к «красной». Таким образом, более половины использованных цитат представляются достоверными, точными и не продиктованными конкретным контекстом.

Если посмотреть на хронологическую последовательность высказываний, то становится очевидно, что они распределены по годам и периодам жизни Бисмарка достаточно неравномерно.

Первые высказывания Бисмарка о России относятся к десятилетию 1848-58 гг., когда будущий «железный канцлер» делал свои первые шаги на политической сцене, а затем представлял Пруссию в бундестаге Германского союза во Франкфурте-на-Майне. Нам известно в общей сложности 31 высказывание о России, относящееся к данному периоду.

Как и следовало ожидать, с назначением Бисмарка прусским посланником в Петербурге число высказываний резко выросло. К 1859 г. относится 31 высказывание, к 1860 г. – 12, к 1861 г. – 38 и к 1862 г. – еще 16. Такая последовательность выглядит вполне логичной: в 1860 г. Бисмарк тяжело болел и значительную часть года провел за пределами России; в 1862 г. он находился в Петербурге только первые несколько месяцев – до назначения послом в Париже.

После отъезда Бисмарка из российской столицы число его высказываний о России вновь существенно сократилось: за период 1863-66 гг. их всего 16. Затем, однако, их количество начало быстро расти: 31 высказывание в 1867 г., 29 – в 1868 г., 15 в 1869 г. и 24 в 1870 г. Этот рост следует, однако, связать не с растущим интересом и вниманием Бисмарка к России как таковым, а с резко выросшим после 1866 г. интересом прессы и общественности к нему самому. У главы прусского правительства активно брали интервью, спрашивая его мнение по самым различным вопросам. На этот же период приходится знакомство с ним ряда мемуаристов, из книг которых нам известно значительное число высказываний (например, Г. фон Вильмовского¹).

После образования Германской империи число высказываний Бисмарка о России снижается: за 1871-75 гг. их насчитывается в общей сложности 39. Кривая вновь резко идет вверх после начала Восточного кризиса, когда «железному канцлеру» пришлось уделять отношениям с империей Романовых повышенное внимание: 20 высказываний в 1876 г., 38 в 1877 г. и 21 в 1878 г. Пик достигнут в следующем, 1879 г.: 89 высказываний, более 10% от общего массива, имеющегося в нашем распоряжении. Причина заключается в том, что именно на этот год приходится острый кризис в российско-германских отношениях и заключение союза с Австрией, за который Бисмарк активно выступал. Большая часть высказываний данного периода известна нам как раз из документов, касающихся этой проблемы. Одни только письменные доклады императору в период 5-7 сентября 1879 г. содержат 27 высказываний! Разумеется, цель этих документов диктовала совершенно определенный образ России, в связи с чем большинство цитат, относящихся к 1879 г., были помещены в «желтую» зону.

После завершения острой фазы кризиса число высказываний о России вновь снижается, но остается на сравнительно высоком уровне: 170 за период 1880-86 гг. В связи с «военной тревогой» 1887-88 гг. оно опять растет до 67 и 46 соответственно, а затем возвращается на уровень предыдущих лет (15 в 1889 г.)

¹ Wilmowski G.v. Op. cit.

На год отставки Бисмарка (1890 г.) приходится 23 его высказывания, касающихся России. Это было связано в первую очередь с большим количеством интервью, которые «железный канцлер» давал после своей отставки. Затем их количество вновь снизилось: к 1891-97 гг. относятся 89 высказываний, причем около половины из них содержатся в мемуарах «железного канцлера».

Таким образом, подавляющее большинство известных нам высказываний Бисмарка о России относятся к периоду после 1876 г. Здесь имеет смысл еще раз подчеркнуть, что речь идет не об общем количестве высказываний как таковых (большинство из них, разумеется, не были никем зафиксированы и не дошли до нас), а о характеристике того массива данных, который имеется в распоряжении исследователя.

В общем и целом интенсивность известных нам высказываний Бисмарка о России определяется тремя обстоятельствами:

- должностью, занимаемой Бисмарком в конкретный период времени;
- репрезентативностью источниковой базы (какая доля высказываний Бисмарка фиксировалась и дошла до нас);
- состоянием российско-германских отношений.

Тем не менее, вполне допустимо предположить, что эта динамика, хотя и в довольно грубом приближении, отражает реальные подъемы и спады интереса Бисмарка к России. Здесь нужно вновь отметить, что с конца 1840-х гг. и до самой смерти «железного канцлера» в нашем распоряжении имеется не только большое, но и достаточно равномерно распределенное количество документов; серьезных «провалов» источниковая база не содержит. Только частные беседы Бисмарка 1850-х – первой половины 1860-х гг. известны нам несколько хуже, чем аналогичные источники последующего периода.

В общем и целом мы можем разделить рассматриваемый период на восемь временных отрезков с учетом как биографии самого Бисмарка, так и развития российско-германских отношений в период его пребывания у власти:

- 1) 1848-58 гг. – начало политической деятельности Бисмарка до его назначения прусским посланником в Петербурге – 31 высказывание;

2) 1859-62 гг. – пребывание Бисмарка на дипломатическом посту в России – 97 высказываний;

3) 1863-70 гг. – период после назначения Бисмарка главой прусского правительства и до объединения Германии – 115 высказываний;

4) 1871-75 гг. – период позитивного развития российско-германских отношений после образования Германской империи – 39 высказываний;

5) 1876-79 гг. – период Восточного кризиса и последовавшего за ним резкого ухудшения российско-германских отношений, включая заключение австро-германского союза – 169 высказываний;

6) 1880-85 гг. – период «разрядки» в двусторонних отношениях и восстановления Союза трех императоров – 153 высказывания;

7) 1886-89 гг. – время нового кризиса в отношениях с Россией – 146 высказываний;

8) 1890-97 гг. – последние годы жизни Бисмарка после его отставки – 112 высказываний.

Для каждого из этих временных отрезков характерен определенный контекст, оказывавший влияние на содержание если не всех заявлений «железного канцлера», то многих из них – в особенности если речь шла о текстах, предназначенных для широкой аудитории (парламентские выступления, газетные интервью и т.д.). В период пребывания во главе прусского правительства до объединения Германии Бисмарк нуждался в поддержке – хотя бы пассивной – со стороны Петербурга, что повышало долю позитивных высказываний о России. В обстановке ухудшения российско-германских отношений во второй половине 1870-х гг. ситуация сменилась на противоположную; Бисмарку нужно было убеждать своих адресатов – в первую очередь Вильгельма I – в необходимости проведения более жесткой политики в отношении Российской империи. После отставки «дружба с Россией» стала частью того образа, который Бисмарк создавал себе в пику новым властителям Германии.

Источники высказываний Бисмарка о России делятся на несколько групп, каждая из которых обладает своими отличительными чертами:

1. Личная переписка. В данную группу попадают письма, собственноручно написанные Бисмарком своим ближайшим родственникам и друзьям. В личной переписке содержится 51 высказывание Бисмарка; источником 20 из них являются его письма жене, преимущественно из Петербурга в 1859 г. Личная переписка является одним из наиболее ценных источников, поскольку данные тексты носят неформальный характер и в минимальной степени подвержены влиянию политических соображений. Все высказывания, взятые из данной группы источников, относятся к «зеленой» категории.

2. Служебная корреспонденция. Эта группа источников содержит наибольшее количество оценочных суждений Бисмарка о России и русских – в общей сложности 459 высказываний. Речь идет о посланиях Бисмарка своим непосредственным начальникам, подчиненным, представителям прусского королевского семейства, различного рода памятных записках и меморандумах. Данные тексты были формально не предназначены для посторонних глаз; тем не менее, к их содержанию следует относиться с определенной долей осторожности.

Во-первых, при анализе инструкций дипломатическим представителям нужно иметь в виду, что в XIX в. была широко распространена практика, когда посланник в качестве демонстративного жеста откровенности зачитывал отрывки из своей инструкции или вовсе передавал ее руководителям внешней политики государства, в котором был аккредитован. Подобные примеры, в частности, в изобилии встречаются в дневниках и воспоминаниях Л. фон Швейница¹. Естественно, что автор инструкции был в курсе этой практики и соответствующим образом формулировал свои высказывания. Порой одновременно с «официальной» инструкцией дипломату направлялось личное письмо с разъяснениями². Даже если документ и не предназначался напрямую для демонстрации иностранным государственным деятелям, он вполне мог отражать не истинные мысли Бисмарка, а официальную позицию Пруссии (Германии).

¹ Schweinitz L.v. Op. cit. S. 402.

² См. напр. два послания, отправленные Бисмарком чрезвычайному послу в России Радовицу 16 февраля 1875 г.: NFA, Bd. 2. S. 290-292.

Бисмарк далеко не всегда считал нужным посвящать дипломатов в свои планы и раскрывать им свои истинные мотивы.

Во-вторых, Бисмарк твердо придерживался мнения о том, что в Петербурге перехватывают и читают дипломатическую корреспонденцию иностранных держав; единственным средством противодействия являлась частая смена шифра¹. В апреле 1861 г. Бисмарк писал сестре: «Прости, сердце мое, что использую тебя как прикрытие политической интриги. Я отправляю послание через вюртембергскую наследную чету и не хочу отдавать адресованное Шлейницу письмо в Зимний дворец, где его сможет со стеснительным любопытством изучить Третье отделение»². В июне 1877 г. Герберт фон Бисмарк писал статс-секретарю Бюлову о желании канцлера снабдить прусского военного уполномоченного при Александре II «новым, вторым шифром, который русские не знают»³.

Наконец, в-третьих, значительная часть посланий (в особенности в адрес монарха) была предназначена для того, чтобы убедить адресата в правильности определенной позиции. При этом в ход шли все подходящие аргументы, вне зависимости от того, насколько искренне разделял их сам Бисмарк. Цель документа диктовала его содержание. В качестве примера можно привести обширные меморандумы, которыми Бисмарк буквально бомбардировал императора Вильгельма I в начале осени 1879 г., убеждая его в необходимости заключить союз с Австрией.

Именно поэтому значительная часть данных документов была отнесена к «желтой» категории. Разумеется, интерпретация контекста была в целом ряде случаев непростой задачей. Столь же непростым было четкое разграничение между различными группами писем. К примеру, 2 декабря 1888 г. Бисмарк отправил письмо своему старшему сыну Герберту⁴. Оно могло бы попасть в группу личной переписки, однако речь идет в данном случае о послании канцлера

¹ Votum an das Preußische Staatsministerium, 14.02.1869 // WIA, Bd. 4. S. 301.

² Brief an die Schwester, 07.04.1861 // GW, Bd. 14/I. S. 569.

³ Herbert von Bismarck an Bülow, 12.06.1877 // NFA, Bd. 3. S. 148.

⁴ Schreiben an Herbert von Bismarck, 02.12.1888 // NFA, Bd. 8. S. 322-324.

статс-секретарю ведомства иностранных дел, написанном в сугубо официальном ключе.

С течением времени Бисмарк все чаще предпочитал не писать документы самостоятельно, а диктовать их своим помощникам¹. «Князь писал очень мало, он любил диктовать, – писал в своих воспоминаниях один из его ближайших помощников Х. фон Тидеманн. – Его диктовка была своеобразной. Она не являлась спокойной рекой медленно текущих мыслей; он говорил рывками, иногда делая долгую паузу, а потом с трудом сдерживая рвущийся наружу поток слов»². Его помощникам приходилось непросто, когда они пытались зафиксировать дословно мысль «железного канцлера». На основании записей они затем писали связный текст, который Бисмарк затем редактировал. Иногда он поручал особо доверенным лицам написать документ на основании кратких инструкций. Однако и в этом случае тщательная редакция была неизбежна. «Когда канцлер был в настроении, он мог продиктовать ответ на депешу или инструкцию дипломатическому представителю за рубежом в настолько совершенной, законченной форме, то не требовалось никаких дополнений или изменений, – вспоминал Р. Крауэль. – Но временами он довольствовался бегло брошенными ключевыми словами, оставляя исполнение референту. Конечно, каждый, кому поручалось подготовить черновик, отправлявшийся затем на подпись Его Сиятельству, прилагал величайшие усилия для того, чтобы не просто ухватить мысль своего шефа, но и удовлетворить его особым требованиям к форме документа»³. «Текст он правил с мучительной тщательностью, даже если сам его надиктовал; приходилось переписывать по два-три раза. Он никогда не мог остановиться, стараясь выбрать самые точные и четкие выражения», – вспоминал по этому поводу Тидеманн⁴. В связи с этим составители нового собрания сочинений Бисмарка включили в него множество документов,

¹ Privatschreiben an Bruder, 15.10.1887 // NFA, Bd. 7. S. 570.

² Tiedemann C.v. Op. cit. S. 472.

³ Krauel R. Persönliche Erinnerungen an den Fürsten Bismarck / Erinnerungen an Bismarck. Aufzeichnungen von Mitarbeitern und Freunden des Fürsten, mit einem Anhang von Dokumenten und Briefen. Stuttgart, 1924. S. 11.

⁴ Ibid.

написанных его ближайшими помощниками на основе его указаний. Однако, в соответствии с методикой исследования, все эти документы были автоматически включены в «красную» категорию.

3. Деловая переписка. В данную группу были включены письма Бисмарка адресатам, с которыми у него не было близких личных отношений и которые при этом не являлись ни его начальниками, ни подчиненными. Круг этих адресатов широк – от редакций газет до иностранных государственных деятелей и баварского короля Людвига II. В отличие от служебной переписки, деловая могла быть доступна потенциально неограниченному и заранее неизвестному кругу лиц. В этом смысле она занимает своего рода промежуточное положение между служебной корреспонденцией и публичными выступлениями. Размер этой группы сравнительно невелик – 25 высказываний.

4. Публичные выступления. В эту группу входят парламентские речи, а также выступления на различных мероприятиях. В число последних входит большое количество речей, которыми Бисмарк приветствовал различные делегации, приезжавшие в его поместья уже после его отставки. Публичные выступления содержат в общей сложности 74 высказывания, вошедших в массив данных.

Естественно, что каждая из этих речей преследовала определенную цель. Кроме того, в период нахождения у власти в своих парламентских выступлениях Бисмарк должен был оставаться в рамках официальной позиции по вопросам российско-германских отношений. Это приводило к тому, что, по его собственному признанию, ему приходилось приукрашивать реальную картину¹. На первый взгляд, это серьезно снижает ценность данной группы источников. Однако, как уже неоднократно говорилось выше, методика настоящего исследования основана на анализе не только непосредственного содержания, но и формы высказываний – важно не только то, что именно человек говорит, но и то, как он это делает.

¹ Diktat, 24.01.1887 // NFA, Bd. 7. S. 351.

В данном контексте любопытно принадлежащее Тидеманну свидетельство по поводу подготовки Бисмарком парламентских выступлений. «Письменных заметок он почти не делал; он редко брал с собой в рейхстаг больше одного листка ин-кварто, а самые блестящие его речи являются полными импровизациями. Однако до этого он днями и неделями размышлял над отдельными поворотами и выражениями в планируемом выступлении»¹. Импровизация делает речи Бисмарка особенно ценным источником, поскольку именно в такого рода выступлениях подсознательные убеждения оказывают наибольшее влияние на форму высказывания.

5. Разговоры. Эта группа источников является наиболее интересной и в то же время наиболее проблематичной в плане своей достоверности. К ней принадлежит в общей сложности 209 высказываний Бисмарка. Данные высказывания зачастую относятся к числу не только наиболее ярких в литературном отношении, но и важных для понимания отношения Бисмарка к России и русским. Проблема же в данном случае заключается в том, что обо всех высказываниях «железного канцлера» в такого рода ситуациях мы знаем с чужих слов – из рассказов (иногда позднейших) его собеседников.

Спектр этих собеседников весьма широк: от друзей и помощников Бисмарка (таких, как Койделл, Тидеманн или Лукиус) до представителей правящих элит иностранных государств (таких, как кронпринц Рудольф или Криспи). Особую группу составляют журналисты, которые брали у Бисмарка интервью.

Отмечая особенности этой группы, необходимо в первую очередь обратить внимание на ее хронологическую неравномерность. Мало кто стремился зафиксировать содержание своих бесед с Бисмарком, пока он был простым сельским помещиком, начинающим политиком или даже дипломатом. Разговоры с будущим «железным канцлером» его собеседники воспроизводили в своих мемуарах намного позднее, преимущественно по памяти. Хорошим примером являются в этом отношении уже упомянутые выше воспоминания В. Алексеева, написанные и опубликованные спустя тридцать лет после его общения с

¹ Tiedemann C.v. Op. cit. S. 474.

Бисмарком. Единственным письменным источником, на который опирался Алексеев, были его рабочие пометки, относившиеся к учебному процессу. Относительно того, насколько соответствуют действительности приведенные им высказывания Бисмарка, можно только гадать. Сам Алексеев писал, что «образ его стоит еще передо мною, как будто все это было недавно. Известно, что чем старше становится человек, тем память о прошлом более крепнет»¹. Нет нужды пояснять, что эта точка зрения совершенно не соответствует тому представлению о механизмах работы памяти, которое существует в рамках современной психологии. Многие из знавших Бисмарка в молодые годы попросту не успели или не посчитали нужным оставить свои воспоминания о нем. В качестве примера можно назвать Г. Шарлаха (1811-1881), близкого студенческого друга Бисмарка; эта дружба продолжалась до самой смерти Шарлаха.

Только когда Бисмарк добился своих впечатляющих успехов и оказался в зените славы, его собеседники стали более тщательно подходить к фиксации его слов. Некоторые из них по горячим следам записывали беседы с канцлером. «Содержание разговора я записал сразу же после него», – сообщал в своих воспоминаниях профессор Блунчли, рассказывая о беседе с главой прусской правительства в 1868 г.² «Граф Бисмарк начал разговор, по поводу которого я на следующий же день сделал специальные заметки», – писал саксонский министр барон Фризен³. Некоторые собеседники Бисмарка – к примеру, граф Вальдерзее, баронесса Шпитцемберг или Швейниц – вели дневник, в котором регулярно записывали события из своей жизни, в том числе беседы с канцлером.

Однако только в исключительных случаях Бисмарк имел возможность влиять на то, в каком виде его слова попадали на суд широкой общественности. Наиболее значимым примером являются воспоминания публициста М. Буша, некоторое время исполнявшего при Бисмарке роль ответственного за связи с прессой и сопровождавшего канцлера в период Франко-германской войны 1870-

¹ Алексеев В. Указ. соч. С. 448.

² Bluntschli J.C. Op. cit. S. 193.

³ Friesen R.v. Op. cit. S. 7.

71 гг. Уже в начале 1873 г. Буш покинул свой пост, однако и в дальнейшем охотно ставил свое перо на службу «железному канцлеру». В 1878 г. он решил подготовить воспоминания о своем участии в кампании против Франции, центральной фигурой которых являлся Бисмарк. В отличие от многих современников, Буш направил рукопись на редактирование самому канцлеру, который самым ответственным образом справился с данной задачей¹. Двухтомник вышел в конце 1878 г. и мгновенно стал европейским бестселлером, будучи переведен на все основные языки. В 1884 г. Буш опубликовал двухтомную биографию Бисмарка; в процессе подготовки этого издания публицист вновь обратился к канцлеру, который упрекнул своего бывшего соратника в многочисленных неточностях, однако в конце концов согласился выступить в роли редактора. Серьезных разногласий между ними не было, о чем свидетельствует тот факт, что Буш рассматривался в качестве кандидатуры на пост помощника Бисмарка при написании мемуаров². Вскоре после смерти «железного канцлера», в 1899 г., были опубликованы трехтомные «Дневники» Буша; в данное издание вошли уже опубликованные ранее материалы времен Франко-германской войны, а также рассказ о последующем общении с Бисмарком. В текст при этом были добавлены все фрагменты, удаленные канцлером в 1878 г. по политическим соображениям.

Основная масса интервью, которые Бисмарк давал журналистам, приходится на период после его отставки. Большую часть времени своего пребывания на посту главы правительства он принципиально не давал интервью. Только в 1890 г., уйдя в отставку, он начал гостеприимно встречать у себя в поместье журналистов из разных стран мира, стремясь использовать их в качестве рупора для изложения своей версии прошлого и своих взглядов на настоящее. Естественным образом это накладывало свой отпечаток на трактовку Бисмарком целого ряда вопросов, в том числе его отношения к России.

¹ Busch M. Tagebuchblätter. Bd. 2. S. 530.

² Kolb E. Moritz Busch – Porträtist Bismarcks / Otto von Bismarck und das „lange 19. Jahrhundert“. S. 737.

Политические соображения играли, разумеется, значительную роль и в других беседах Бисмарка, в особенности с иностранными государственными деятелями. Однако далеко не всегда «железный канцлер» считал необходимым взвешивать каждое слово; многие собеседники были буквально шокированы резкостью его высказываний.

6. Мемуары Бисмарка, которые необходимо выделить в отдельную группу материалов. Они являются источником 44 высказываний, вошедших в общий массив данных. На сегодняшний день среди исследователей существует консенсус по поводу того, что воспоминания «железного канцлера» являются весьма субъективным произведением даже по меркам мемуарного жанра. По словам О. Пфланце, Бисмарк «рассматривал мемуары лишь как еще одну возможность сформировать тот образ самого себя и своих достижений, который должен был сохраниться в обществе»¹; исследователь говорит о «доказанном отсутствии объективности»² в этом тексте. Л. Галл называет мемуары Бисмарка «политическим памфлетом, творением несломленной, обращенной в настоящее политической страсти»³; несмотря на все усилия Л. Бухера, пытавшегося сделать текст хоть в какой-то степени соответствующим исторической правде, воспоминания остались «чем угодно, но только не попыткой подвести исторически верный итог политической карьеры»⁴. «Источник, из которого можно черпать только с критической осторожностью», – отзывается о мемуарах Бисмарка другой его крупный биограф Э. Энгельберг⁵. На этом фоне определенным диссонансом звучит утверждение В.С. Дударева о том, что «автор мемуаров попытался объективно, насколько это, конечно, возможно человеку, донести до читателя свое осмысление прожитой им политической жизни»⁶.

С точки зрения целей данного исследования, впрочем, совершенно неважно, в какой степени Бисмарк стремился к объективности, а написанное им

¹ Pflanze O. Bismarck. Der Reichskanzler. München, 2008. S. 655.

² Ibid. S. 658.

³ Gall L. Bismarck. S. 837.

⁴ Ibid. S. 838.

⁵ Engelberg E. Bismarck. Sturm über Europa. S. 828.

⁶ Дударев В.С. Бисмарк и Россия. С. 61.

соответствовало реальной действительности. Важно в первую очередь восприятие им определенных сюжетов, и как раз здесь мемуары – с учетом целей и контекста их написания – представляют собой прекрасный источник.

По тематике высказывания Бисмарка распределяются следующим образом (категории приведены в порядке убывания):

- Государство – 259 высказываний
- Российско-германские отношения – 232 высказывания
- Элита – 128 высказываний
- Общество – 123 высказывания
- Россия в международных отношениях – 123 высказывания
- Практики – 97 высказываний
- Война – 88 высказываний
- Нация – 65 высказываний
- Страна – 61 высказывание
- Русские немцы – 47 высказываний
- Народ – 42 высказывания
- Поляки – 34 высказывания
- Армия – 33 высказывания
- Экономика – 22 высказывания
- Личное – 14 высказываний

Как уже говорилось выше, сумма по категориям получается значительно выше общего числа высказываний, поскольку одно высказывание могло относиться к нескольким категориям. Общая картина в данном случае закономерна для политического деятеля: чаще всего он высказывался по вопросам, представлявшим для него профессиональный интерес. В круг этих вопросов входили в том числе внутреннее состояние российского государства и общества, от которого, по мнению Бисмарка, в значительной степени зависел внешнеполитический курс страны и развитие российско-германских отношений.

В следующих параграфах на основе вышеуказанных категорий будет раскрыт образ России в мировоззрении Бисмарка. Рассказывать о мировоззрении

человека – примерно как пытаться описать словами сложный узор на персидском ковре. Все элементы тесно переплетены друг с другом, границы между отдельными фрагментами нечеткие, а сама система взглядов представляет собой единое, неразрывное целое, которое исключительно трудно структурировать и втиснуть в Прокрустово ложе линейного повествования. Это в полной мере касается представлений Бисмарка о России: природные свойства русского народа напрямую связаны с особенностями российского общества, а те, в свою очередь, плавно перетекают в характеристики правящей элиты, которую сложно отделить от государства. Именно поэтому в ходе рассказа постоянно придется то забежать вперед, то возвращаться назад, порой даже повторяться, а деление образа России на тематические блоки будет носить весьма условный и несовершенный характер.

3.2. Страна и народ

Реконструкцию системы взглядов Бисмарка имеет смысл начать с рассмотрения и анализа наиболее общих, базовых представлений: о России как стране, географическом пространстве, о национальных особенностях русского народа и о современном Бисмарку российском обществе (начиная с простого народа и заканчивая элитами в широком смысле слова).

Географическое пространство

В представлениях жителя Западной Европы XIX в. Россия была далекой, огромной и холодной страной с редким населением. Стереотипный образ включал в себя неизменных медведей, дикие леса и снежные равнины.

У нас есть все основания предполагать, что Бисмарк до своего назначения прусским посланником в России в 1859 г. в значительной степени разделял эти взгляды. В своих письмах он наполовину в шутку, наполовину всерьез использовал метафоры, связанные с медведями: «объятия северного медведя»¹; «политическую непогоду я бы с удовольствием переждал в медвежьих мехах,

¹ Brief an Leopold von Gerlach, 09.07.1853 // GW, Bd. 14/I. S. 309.

поглощая икру и охотясь на вебрей»¹; «без радости, но со старым оптимизмом я встречу с полярным медведем»² (в двух последних случаях речь идет о его предстоящем назначении в Петербург). Он беспокоился относительно того, как плохой российский климат повлияет на здоровье детей³. Россия для Бисмарка – север, первые впечатления от нее – холод и снег.

Однако после прибытия в российскую столицу картина понемногу начала меняться. Важно отметить, что речь шла не о кардинальной смене образа; последний просто становится более сложным и многогранным. «Цвет этой страны – зеленый», – писал он в июне 1859 г.⁴ Если Петербург не произвел на Бисмарка особого впечатления, то Москва поразила его своей архитектурой, которую он называл «чужеродной»⁵, «чуждой и прекрасной»⁶, «мавританской»⁷. Любопытно, что теми же словами – «византийско-мавританская» – описывал архитектуру Москвы в эти годы другой прусский гость, будущий фельдмаршал Гельмут фон Мольтке⁸.

Впрочем, к российскому климату Бисмарк так и не привык; для него он оказался слишком сырым и холодным. В мае 1860 г. в письме брату он называл пост посланника в Петербурге самым приятным из всех, «если не считать климата»⁹. Двумя месяцами позже, в самый разгар лета, он писал о «недружелюбных небесах», под которыми вынужден находиться¹⁰. «У меня вряд ли хватит мужества сражаться со следующей здешней зимой», – признавался Бисмарк сестре в марте 1862 г.¹¹ Понятие «север» в качестве эвфемизма, обозначавшего Россию, по-прежнему проскальзывало в его письмах¹². Много

¹ Brief an die Schwester, 10.12.1858 // WIA, Bd. 2. S. 246.

² Brief an Gustav von Alvensleben, 08.02.1859 // Ibid. S. 248.

³ Brief an die Gattin, 13.08.1851 // GW, Bd. 14/I. S. 236.

⁴ Brief an die Gattin, 06.06.1859 // WIA, Bd. 2. S. 290.

⁵ Ibid. S. 291.

⁶ Ibid. S. 292.

⁷ Ibid.

⁸ Moltke H.K.B.v. Briefe aus Russland. Berlin, 1877. S. 93.

⁹ Brief an den Bruder, 12.05.1860 // WIA, Bd. 2. S. 326.

¹⁰ Privatschreiben an Schleinitz, 27.07.1860 // GW, Bd. 3. S. 90.

¹¹ Brief an die Schwester, 07.03.1862 // WIA, Bd. 2. S. 417.

¹² См. напр. Brief an den Bruder, 18.07.1861 // GW, Bd. 14/I. S. 573.

позже, в 1871 г., «железный канцлер» в одном из своих застольных разговоров заявлял, что в России «холод не так уж и страшен»¹, однако в период пребывания в Петербурге он явно придерживался иного мнения. Очевидно, свою роль сыграло и то, что Бисмарк не посещал южные регионы России; география его поездок ограничивалась северо-западом страны, Москвой и Польшей.

Большинство из 61 высказывания Бисмарка, касающихся российской географии, приходится на период после 1862 г. Их анализ показывает, что образ, сформировавшийся еще до «петербургской миссии» и уточненный в процессе пребывания в России, в дальнейшем оставался практически неизменным.

Составляющими этого образа являлись:

- Большая территория; прилагательное «большой» использовалось Бисмарком в качестве главной качественной характеристики России в самых различных контекстах²; он также говорил о «необозримых пространствах»³. Размеры российской территории наряду с численностью населения Бисмарк перечислял среди важнейших факторов, заставлявших считаться с Российской империей в международных делах⁴.

- Географическое положение, делавшее Россию практически неуязвимой для вторжения, – «географическая недоступность со всех сторон»⁵. «Спина России, – говорил Бисмарк, – полностью прикрыта Азией»⁶. Благодаря этой географической неуязвимости Россия может легко отказаться от союзов с другими государствами, не рискуя своей безопасностью⁷.

- Неблагоприятный климат, оказывающий в том числе негативное воздействие на сельское хозяйство страны⁸, но одновременно являющийся фактором, который обеспечивает неуязвимость страны: «И зима и огромные

¹ Busch M. Tagebuchblätter. Bd. 2. S. 58.

² См. напр. Rede im Deutschen Reichstag, 19.02.1878 // WIA, Bd. 6. S. 128.

³ Два часа у князя Бисмарка. Часть II // Новое время. №5166. 18 (30) июля 1890.

⁴ См. напр. Gespräch mit Memminger, 16.08.1890 // WIA, Bd. 8b. S. 60.

⁵ Schreiben an Kaiser Wilhelm I, 05.09.1879 // WIA, Bd. 6. S. 362. См. также беседу с Криспи 21.08.1888: GW, Bd. 8. S. 617.

⁶ Ansprache in die Südwestdeutschen, 24.07.1892 // GW, Bd. 13. S. 459.

⁷ Promemoria, 04.07.1888 // NFA, Bd. 8. S. 152.

⁸ Rede im Deutschen Reichstag, 21.05.1879 // GW, Bd. 12. S. 88.

пространства – это ужасное орудие, которое ничем не пополнишь и никак не отнимешь»¹.

Любопытно, что из текстов Бисмарка начиная с 1860-х гг. практически полностью исчезает «медвежья» метафора. На ее место приходит образ слона, который повторяется в нескольких высказываниях, например: «Англия окажется между французским конем и русским слоном»². Слон в данном случае используется как символ величины и мощи. Причину отказа от «медвежьей» метафоры объяснить сложно, тем более что в период своего пребывания в Петербурге Бисмарк имел дело с медведями; он неоднократно охотился на них в районе Любани³, а однажды привез с охоты двух маленьких медвежат, которые жили некоторое время в здании посольства, а затем были отправлены в немецкие зоопарки⁴. По всей видимости, образ России как медведя казался Бисмарку слишком банальным и избитым. В дальнейшем «железный канцлер» в единичных случаях использовал другую зоологическую метафору – слона – как символ величины и мощи России⁵.

Подводя итог, необходимо отметить, что представления Бисмарка о России как о географическом пространстве полностью соответствовали тем стереотипам, которые были распространены в Центральной и Западной Европе. Пребывание в Петербурге практически не повлияло на этот образ; по всей видимости, нужно учесть, что Бисмарк практически не путешествовал по России, если не считать окрестностей российской столицы, Москвы и Царства Польского. Составить себе личное представление о многообразии природы и климата он не мог.

Влияли ли географические условия на национальный характер русских? С точки зрения «железного канцлера», прямой связи между этими двумя вещами не существовало; по крайней мере, в его текстах мы не находим ни одного

¹ В замке у князя Бисмарка. Часть III // Новое время. №5093. 5 (17) мая 1890.

² Gespräch mit Memminger, 16.08.1890 // WIA, Bd. 8b. S. 58. Все подобные высказывания относятся к «красной зоне», однако относятся к различным периодам времени и происходят из различных источников, что повышает их достоверность.

³ Poschinger H.v. Op. cit. Bd. 2. S. 10.

⁴ Braune R. Aus Bismarcks Hause. Bielefeld-Leipzig, 1919. S. 41.

⁵ Lucius von Ballhausen R. Op. cit. S. 364.

высказывания, в котором была бы отражена подобная причинно-следственная связь. Национальный характер русских определялся, по мнению Бисмарка, в первую очередь их принадлежностью к «славянской расе». Свои представления о славянах, уже описанные выше, Бисмарк в значительной степени переносил на русских, о национальном характере и особенностях которых высказывался куда более подробно, по всей видимости, считая себя после пребывания в России экспертом в данном вопросе.

Национальный характер

Нам практически неизвестны высказывания о русском народе, относящиеся к периоду до «петербургской миссии» Бисмарка. Лишь изредка в его письмах встречаются фразы вроде «истинно по-русски подтянутый»¹ или «добродушна, как все русские женщины»². Однако само наличие таких высказываний свидетельствует о том, что у Бисмарка уже начал складываться образ «типичного русского». Источником для этого образа служили, судя по всему, его неоднократные контакты с представителями обеспеченных слоев российского общества, находившимся в германских государствах, а также немецкий дискурс того времени.

Однако подавляющее большинство из известных нам 65 высказываний «железного канцлера» о национальных особенностях русских относятся к 1870-90-м гг. Сам Бисмарк претендовал на то, что его мнение основано в первую очередь на личном опыте; в таком случае следует признать, что этот опыт оказался в значительной степени негативным. Здесь необходимо отметить, что славянское население Российской империи (за исключением поляков) воспринималась «железным канцлером» как единая этническая общность – русский народ.

С точки зрения Бисмарка, русские, как и все славяне, неспособны к тяжелому созидательному труду. Этот вывод напрямую вытекал из его «расовой

¹ Brief an die Gattin, 31.01.1851 // GW, Bd. 14/I. S. 193.

² Brief an die Gattin, 14.05.1851 // WIA, Bd. 1. S. 382.

теории». По своей природе, писал он в бытность свою прусским посланником в Петербурге, русские ленивы и стараются избегать упорного труда¹. Позднее, в беседе с Бэнкрофтом, говорилось о том же: «Он отрицал способность чистокровных русских прилагать основательные и продолжительные усилия. Три или четыре часа умственной работы в день – максимум того, чего можно от них добиться»². «Русские очень любезны, – заявил Бисмарк в беседе с журналистом в 1867 г. – У них есть душа, фантазия, они воспитанны, их общество приятно – но работать хотя бы восемь часов в день, и это шесть дней в неделю и пятьдесят недель в году, никогда не сможет ни один русский»³.

«В характере русского народа, – писал Бисмарк еще в 1859 г., – медленно запрягать и быстро ехать»⁴. В устах прусского наблюдателя это является не положительной (как часто воспринимается данная пословица в отечественном дискурсе), а сугубо негативной характеристикой. С точки зрения Бисмарка, такая привычка приводит к тому, что (в прямом и переносном смысле) сначала приходится долго ждать лошадей, а затем быстрая езда приводит к стремительной поломке экипажа, так что в итоге остается только идти пешком.

Как же этому народу удалось создать великую державу? Объяснение было весьма простым: с помощью иностранцев, в первую очередь немцев. «Без немецкой помощи и культуры ни русские, ни поляки не смогут самостоятельно справляться с задачами государственного управления», – категорически утверждал Бисмарк в 1872 г.⁵ «Русские не могут ничего сделать без немцев, – заявлял «железный канцлер» в беседе с Блунчли. – Они не умеют работать, зато ими легко руководить. Они не имеют силы сопротивляться и следуют за своими господами»⁶. О том, какой ему виделась роль этнических немцев в российской истории, еще будем подробно сказано дальше.

¹ Bericht an Schleinitz, 28.01.1861 // GW, Bd. 3. S. 170.

² DeWolfe Howe M.A. Op. cit. P. 171.

³ Gespräch mit Waldeck, 11.08.1867 // GW, Bd. 7. S. 220.

⁴ Brief an die Gattin, 06.06.1859 // WIA, Bd. 2. S. 290.

⁵ Gespräch mit Ettingen, Ende 1872 // WIA, Bd. 5. S. 260.

⁶ Gespräch mit Bluntschli, 30.04.1868 // GW, Bd. 7. S. 253.

Помимо этой центральной (с точки зрения политика и государственного деятеля) характеристики, Бисмарк отмечал еще ряд негативных качеств русского народа. К их числу относились:

- Легкомыслие: как писал Бисмарк в 1863 г., «природный русский принимает такие решения быстро и легкомысленно»¹. Позднее он говорил о «русском легкомыслии Горчакова»². Из-за этого у многих российских руководителей «фантазия и всплески энтузиазма оказываются сильнее государственных соображений»³. Бисмарк не раз называл русских «мечтателями»⁴ с негативным оттенком значения этого слова. Слово «мечтатель» обозначало в его устах человека, далекого от реальности и поэтому неприспособленного к ней. Эта черта, по мнению Бисмарка, лишает русских способностей к политике: «У русских есть лишь писательский талант, романы и тому подобное, но не политика»⁵. Склонность к фантазиям и капризам канцлер также подчеркивал, говоря о «русских, которые хотят зимой есть вишни, а летом устриц»⁶. Эта склонность, с его точки зрения, объясняется природными особенностями славянской расы⁷.

- Самовлюбленность, заставляющая переоценивать собственные возможности⁸ и завидовать более успешным, в первую очередь немцам⁹. Эти качества дополняются тщеславием¹⁰.

- Обидчивость: любая, даже доброжелательная критика вызывает у русских сильные отрицательные эмоции. «Всегда очень трудно высказывать русским такие критические замечания, не рискуя утратить их доверие»¹¹.

¹ Randbemerkung, 01.05.1863 // WIA, Bd. 3. S. 119.

² Herbert von Bismarck an Bülow, 16.01.1878 // NFA, Bd. 3. S. 342.

³ Erlaß an Reuß, 24.03.1872 // NFA, Bd. 1. S. 308.

⁴ См. напр. Gespräch mit Kleser, 31.05.1892 // WIA, Bd. 8b. S. 93.

⁵ Gespräch mit Blum, 30.10.1892 // WIA, Bd. 8b. S. 126.

⁶ Busch M. Tagebuchblätter. Bd. 1. S. 331.

⁷ Erlaß an Reuß, 23.04.1880 // NFA, Bd. 4. S. 408.

⁸ Immediatbericht, 07.09.1879 // Ibid. S. 176.

⁹ Erlaß an Schweinitz, 16.04.1880 // Ibid. S. 402.

¹⁰ Privatschreiben an Manteuffel, 26.02.1854 // GW, Bd. 1. S. 432.

¹¹ Herbert von Bismarck an Bülow, 28.04.1878 // NFA, Bd. 3. S. 452.

- Склонность признавать и уважать только силу. Любую уступку и шаг навстречу русские воспринимают как признак слабости, поэтому с ними нужно вести себя жестко; это касается как общения с простонародьем, так и международной политики¹.

- Лживость, лицемерие и двуличие², а также переменчивость – «примечательные повороты настроения в зависимости от ситуации, присущие славянской крови»³. Бисмарк особенно часто говорил об этих качествах применительно к российской дипломатии, однако подчеркивал, что речь идет именно о национальных особенностях.

- Эксцентричность, в первую очередь у женщин⁴.

При этом, однако, не следует представлять Бисмарка оголтелым русофобом, с ненавистью относившимся к русскому народу. Он неоднократно отмечал положительные качества русских:

- Любезность и обходительность. «Все русские очень любезны» - писал он жене из Петербурга в марте 1859 г., вскоре после прибытия в российскую столицу⁵. Вскоре, правда, эта характеристика была дополнена: «Пока ты сам весел, люди здесь тоже очень любезны»⁶. Впрочем, в его текстах мы можем встретить и рассказы о том, как ему приходилось сталкиваться с грубостью русских (примеры будут приведены ниже).

- «Элегантность и подвижность»⁷, – как уже говорилось выше, характерная черта всех славян.

- «Инстинктивный ум и рассудительность»⁸. Может показаться, что этот тезис противоречит перечисленным выше негативным характеристикам. Однако на деле Бисмарк практически никогда не оценивал пренебрежительно умственные

¹ Herbert von Bismarck an Reuß, 05.03.1887 // NFA, Bd. 7. S. 387.

² Gespräch mit Lucius, 28.09.1879/ / WIA, Bd. 6. S. 379. См. также Gespräch mit Busch, 22.03.1880 // GW, Bd. 8. S. 354.

³ Immediatschreiben 30.09.1886 // NFA, Bd. 7. S. 226.

⁴ Brief an die Gattin, 20.08.1862 // WIA, Bd. 2. S. 424.

⁵ Brief an die Gattin, 25.03.1859 // Ibid. S. 258.

⁶ Brief an Becker, 11.07.1859 // GW, Bd. 14/I. S. 535.

⁷ Gespräch mit Gittermann, 26-27.02.1893/ / WIA. Bd. 8b. S. 144.

⁸ Bericht an Schleinitz, 18.04.1859 // GW, Bd. 3. S. 11.

способности русских – его критика была направлена в основном против черт их характера.

- Неприхотливость и лояльность правителям¹. Именно это делало, по мнению Бисмарка, русских прекрасными солдатами². К этому добавлялся природный коллективизм и готовность отказаться от личных интересов ради высшей цели. Бисмарк не раз противопоставлял сплоченность русских разобщенности и партийной борьбе, характерных, с его точки зрения, для немецкого общества³. В этом случае мы видим, как социально-политические воззрения «железного канцлера» заставляли его в определенной степени идеализировать одну из составляющих русского национального характера.

«У него очень положительное отношение к русскому национальному характеру, – рассказывал в 1892 г. о своей беседе с Бисмарком английский писатель С. Уитмен. – Русские не мелочны в своих пристрастиях. Если они проявляют благородство, то высшей пробы. Их самоотверженность необычайна, и даже в их пороках есть нечто привлекательное благодаря тому, с какой решительностью они им предаются. Иными словами – и в хорошем, и в дурном они проявляют себя как цельные натуры в гораздо большей степени, чем мы»⁴. Здесь, правда, необходимо иметь в виду, что это высказывание относится к тому периоду в жизни Бисмарка, когда он стремился создать себе в зарубежной прессе репутацию «русософила».

Бисмарк отдельно писал о внутреннем единстве русского народа. В знаменитой инструкции немецкому послу в Вене Рейссу, написанной в мае 1888 г. в обстановке «военной тревоги», канцлер говорил: «Даже успешный исход войны не сможет уничтожить главную силу России, в основе которой – миллионы православных русских. Даже если разделить их при помощи договоров, они вновь

¹ Ibid. S. 12. См. также Gespräch mit dem Korrespondenten der Münchener Allgemeinen Zeitung, 30.06.1892 // GW, Bd. 9. S. 220.

² Gespräche mit Crispi, 21-23.08.1888 // GW, Bd. 8. S. 626.

³ См. напр. Ansprache an die Südwestdeutschen, 24.07.1892 // GW, Bd. 13. S. 459.

⁴ Gespräch mit Whitman, 19.01.1892 // GW, Bd. 9. S. 185.

сольются в единое целое столь же стремительно, как капли ртути»¹. В своих мемуарах Бисмарк отмечал «стихийную мощь и устойчивость» русского народа². «Россия, – утверждал он, – опасна своим полным единством в языке и обычаях. В России не существует диалектов, и император говорит так же, как самый простой крестьянин. В национальных воззрениях тоже нет расхождений»³.

При внимательном прочтении данных высказываний можно видеть определенное противоречие с образом русских, неспособных самостоятельно организовать великую державу. В конечном счете, в 1871 г. в одном из своих застольных разговоров Бисмарк утверждал, что если Россия останется без германской элиты, то «она распадется, останутся только общины»⁴.

Однако существует ли в действительности это противоречие? Если внимательно присмотреться к словам Бисмарка, то становится очевидным, что в одном случае он говорит о потенциале русского народа и его внутреннем единстве, а в другом – о способности создавать эффективные государственные институты, сосредотачивать силы для реализации масштабных проектов, строить сильную экономику. Есть и еще один момент, о котором важно упомянуть: это – контекст хвалебных высказываний Бисмарка о единстве и силе русского народа. Практически во всех перечисленных случаях имелись достаточно весомые соображения, заставлявшие автора расставлять акценты именно так.

Возьмем для примера знаменитую инструкцию Рейссу, о которой уже говорилось в одной из предыдущих глав. Период 1887-1888 гг. часто характеризуют как «военную тревогу», сопровождавшуюся обострением как франко-германских отношений, так и отношений австро-германского блока с Российской империей. Пресса всех стран нагнетала обстановку, во весь голос заявляя о высокой вероятности вооруженного столкновения; сторонники войны резко активизировали свою деятельность. Германская военная элита считала превентивную войну против России абсолютно необходимой. Руководство

¹ Erlaß an Reuß, 03.05.1888 // GP, Bd. 6. S. 303.

² Erinnerung und Gedanke // WIA, Bd. 8a. S. 176.

³ Gespräch mit Cohen, 14.12.1883 // WIA, Bd. 7. S. 61.

⁴ Busch M. Tagebuchblätter. Bd. 2. S. 118.

Большого генерального штаба даже начало со своими австро-венгерскими коллегами переговоры в обход политического руководства, убеждая Вену в необходимости начать войну и обещая германскую поддержку. В австрийской столице охотно прислушивались к немецким военным. В этой ситуации Бисмарку, только что заключившему секретный «договор перестраховки» с Россией, приходилось вести борьбу и против генералов, и против австро-венгерского руководства с целью сохранения мира¹. Естественно, в его интересах было подчеркивать все мыслимые опасности и проблемы, связанные с превентивной войной. Через Рейсса он доносил до австро-венгерских элит мысль о том, что в Берлине столкновение с Россией считают слишком опасным и бессмысленным.

Что касается мемуаров, то контекст их создания также необходимо учитывать. Отправленный в отставку, Бисмарк не смирился со своим положением и не оставил надежд вернуться к власти. Для этого нужно было не только критиковать своего преемника, но и создавать себе имидж единственного государственного деятеля, способного обеспечить европейский мир. Тема российско-германских отношений подходила для этого больше всего. «Железный канцлер» знал, что практически сразу же после его отставки «провод в Петербург» был разорван – Каприви отказался от продления «договора перестраховки» 1887 г. Это позволило Бисмарку обвинить своих преемников в том, что они легкомысленно разрушили с таким трудом взлелеянные им хорошие отношения с Россией, поставив тем самым под угрозу безопасность Германской империи. Мы еще вернемся к этой проблеме, когда будем рассматривать взгляды Бисмарка на российско-германские отношения.

Впрочем, столь же осторожно надо относиться и к словам Бисмарка о «полуварварской глупой нации»², произнесенные в разгар кризиса в двусторонних отношениях 1879 г. Стремясь к заключению союза с Австро-Венгрией, «железный

¹ Подробнее см. Canis K. Bismarcks Außenpolitik 1870-1890. S. 300-352.

² Gespräch mit Lucius, 28.09.1879 // WIA, Bd. 6. S. 377.

канцлер» стремился представить и саму Россию, и ее политику в Европе в максимально негативном свете, что объясняет резкость его высказываний.

В этом контексте весьма любопытно посмотреть на использование Бисмарком терминов «цивилизация» и «варварство» применительно к России. Такого рода высказываний немного, однако сами по себе они достаточно любопытны. Еще в 1855 г. он использует по отношению к российской дипломатии выражение «неуклюжие варварские манеры»¹. Приехав в Россию, он пишет домой о «варварских названиях должностей»². Впрочем, впоследствии мы слышим этот термин из его уст лишь в 1879 г. В одном случае, говоря о возможной войне с восточной соседкой, Бисмарк писал об «отражении варварского нападения»³. В другом – о том, что русские действуют с «азиатским высокомерием»⁴.

Однако отказ от использования термина «варвары» не означал, что Бисмарк принципиально изменил свои взгляды в результате более близкого знакомства с Россией. Это подтверждает применение им противоположного по смыслу термина «цивилизация». Не причисляя русских полностью к «варварам», Бисмарк не ставил их и на одну ступень «цивилизации» с остальной Европой. В 1868 г. в беседе с Вильмовским он назвал Россию «менее цивилизованной державой» в сравнении с «более цивилизованными»⁵. Год спустя он говорил о русских как о потенциальной угрозе «цивилизованной Европе»⁶ (и здесь подразумевается то же самое противопоставление). Выступая в 1878 г. в нижней палате прусского парламента, Бисмарк заявил о необходимости подняться в сфере налогового и таможенного законодательства на уровень других «культурных наций», к которым он причислил Англию, Францию и Австрию; «Россия тоже, – продолжил канцлер, – превосходит нас в сфере налогового законодательства»⁷. Фактически в

¹ Brief an Leopold von Gerlach, 27.04.1855 // WIA, Bd. 2. S. 66.

² Brief an die Gattin, 29.03.1859 // Ibid. S. 260.

³ Immediatbericht, 31.08.1879 // WIA, Bd. 6. S. 350.

⁴ Bericht von Lucius, 28.09.1879 // Ibid. S. 378.

⁵ Gespräch mit Wilmowski, November 1868 // WIA, Bd. 4. S. 264.

⁶ Gespräch mit Seherr-Thosz, 02.01.1869 // Ibid. S. 283.

⁷ Rede im Preußischen Abgeordnetenhaus, 27.03.1878 // GW, Bd. 11. S. 593.

этом высказывании он исключил Россию из числа «культурных наций» - оговорка явно неосознанная и оттого еще более примечательная. В 1881 г. Бисмарк отмечал, что русские стремятся выглядеть такими же цивилизованными, как европейцы¹. У русских шовинистов, писал он Швейницу, «отсутствует представление о чувстве долга, присущем государственным деятелям у цивилизованных народов», – очевидно, не включая русских в число последних². В мемуарах «железный канцлер» писал о поляках как о «более цивилизованных» по сравнению с русскими³.

Упомянутый выше термин «полуварварская» лучше всего характеризует отношение Бисмарка к России. Он считал, что по степени своего развития империя Романовых находилась где-то между Европой и варварской Азией. «Ее полем для деятельности является Азия. Там она представляет культурный прогресс», – говорил Бисмарк в 1877 г.⁴ Десятью годами раньше, беседуя с британским дипломатом, глава прусского правительства заявил о множестве «нецивилизованных» народов, которые находятся под властью России – речь идет о населении азиатских окраин империи⁵.

Отдельно стоит упомянуть отношение Бисмарка к русскому языку, который он изучал в бытность свою посланником в Петербурге и о котором был весьма высокого мнения. Впрочем, и его хвалебные высказывания о русском языке содержали в себе низкую оценку тех, кто не этом языке говорил. «Бисмарк считает русский язык намного изящнее и лучше, чем самих русских», – вспоминал доктор Кохен⁶. Во время беседы с главой итальянского правительства Криспи в 1888 г. канцлер «удивлялся, что у такого народа, как русский, который во многих вещах еще отстаёт, есть столь прекрасный и богатый язык»⁷.

¹ Schreiben an Kronprinz, 23.05.1881 // NFA, Bd. 4. S. 682.

² Erlaß an Schweinitz, 23.01.1882 // NFA, Bd. 5. S. 85.

³ Erinnerung und Gedanke // WIA, Bd. 8a. S. 239.

⁴ Gespräch mit Braun, November 1877 // GW, Bd. 8. S. 239.

⁵ Loftus A. Op. cit. P. 188.

⁶ Gespräch mit Cohen, 20.09.1880 // GW, Bd. 8. S. 378.

⁷ Gespräch mit Crispi, 21.08.1888 // Ibid. S. 626.

О характерных чертах внешности русских Бисмарк практически ничего не говорил и не писал. Примечательно, однако, неоднократно употреблявшееся им выражение «бородатый русский» (Bartrusse) в значении «настоящий русский», «природный русский»¹.

Подводя итоги, нужно обратить внимание на черты русского национального характера, которые встречаются в текстах Бисмарка чаще всего, повторяются в различных контекстах, образуя устойчивый паттерн. Это, в первую очередь, те особенности, которые делают национальный характер «женственным», уступающим «мужскому» германскому: лень, неспособность к серьезной созидательной деятельности, легкомыслие, самовлюбленность и проистекающие из нее пороки, переменчивость и лживость – но одновременно изящество, любезность и готовность подчиняться. Мы можем четко проследить, как «расовая теория» Бисмарка влияет на восприятие им особенностей русского народа, на те убеждения, которые у него сформировались.

Эти убеждения нашли свое отражение во взглядах «железного канцлера» на современное ему русское общество и отдельные составлявшие его социальные группы, а также на внутреннюю и внешнюю политику Российской империи. Представления о национальном характере русских стали тем фундаментом, на котором был возведен образ России в целом; отдельные элементы образа опираются на этот фундамент, тесно связаны с ним.

Представления Бисмарка о неизменных национальных особенностях славян и русских в частности, разумеется, накладывали свой отпечаток на восприятие им современного российского общества. Наиболее сильно природные черты оказывались выражены у простого народа, однако и представители элиты во многих отношениях не отличались от него – естественно, когда речь шла именно о русских. В целом между понятиями «житель России» и «русский» Бисмарк ставил знак равенства – за двумя важными исключениями. Ими были поляки и русские немцы. Упоминаний о других народах, проживающих на территории

¹ Brief an Lucius, 24.11.1879 // GW, Bd. 14/II. S. 911.

Российской империи, в текстах «железного канцлера» практически не встречается.

«Простой человек»

Население России изначально делилось в глазах Бисмарка на «простонародье» и элиту. Границы последней, однако, не были четко очерчены. В 1870-80-е гг. канцлер все чаще говорил о российском обществе, подразумевая в первую очередь образованные средние слои. Причем граница между этой категорией и элитой также оставалась весьма нечеткой.

Говоря об основной массе российского населения, Бисмарк часто использовал словосочетание «простой человек» (*gemeiner Mann*). В это понятие входили и городские низы, но главным образом подразумевались крестьяне. К категории «Народ» принадлежит сравнительно небольшое число высказываний Бисмарка (42), однако их содержание вполне достаточно для реконструкции представлений «железного канцлера» о русском «простом человеке», тем более что эти представления тесно связаны с его взглядами на русский национальный характер.

Здесь нам необходимо вновь обратиться к общим представлениям Бисмарка, который считал «здоровыми» именно деревню и сельское общество и негативно относился к большим городам. В связи с этим российская «глубинка» импонировала ему по определению, крестьян он считал истинными представителями нации. Патриархальные, консервативные взгляды Бисмарка на сельских жителей заставляли его с симпатией относиться к «простым людям», не испорченным современной городской цивилизацией.

«Простой человек вообще понравился мне с первого взгляда», – так писал своей супруге только что прибывший на берега Невы прусский посланник весной 1859 г.¹ На склоне лет Бисмарк также утверждал, что любил общаться с русскими крестьянами². По его мнению, русского «простого человека» отличает множество

¹ Brief an die Gattin, 28.03.1859 // WIA, Bd. 2. S. 259.

² Gespräch mit Schäfer, 17.07.1892 // GW, Bd. 9. S. 239.

положительных качеств. Он верен своему императору: «На простого человека в армии и народе Его Величество может положиться»¹. Отношение простолюдина к монарху Бисмарк в своих мемуарах охарактеризовал как «религиозную преданность»². Это касается не только крестьян, но даже рабочих, которые «поддерживают императора и прибьют нигилистов, если им только позволят это сделать»³. Простые люди не участвуют в антиправительственных заговорах, поскольку это не соответствует их национальному характеру⁴. Здесь Бисмарк даже проводил сравнение с Германией, причем не в пользу последней: «Россия еще не зашла так далеко, как мы; рабочий все еще не вовлечен [в революционную деятельность – Н.В.] и стоит на стороне императора»⁵. «Русский благородный народ беднее, но он всем доволен и благодарен», – заявлял он после своей отставки российскому журналисту, бравшему у него интервью⁶.

С точки зрения Бисмарка, простой русский в общем и целом миролюбив и не желает войны⁷. «Основная масса народа в России хочет мира – так же, как и в любой другой стране», – заявлял канцлер в 1879 г., в разгар обострения отношений с Россией⁸.

«Простой человек», полагал Бисмарк, умен своеобразным, крестьянским практическим умом⁹. «Русский крестьянин хитер, к примеру, когда торгует яйцами», – заявлял канцлер в одной из бесед во время Франко-германской войны¹⁰. Впрочем, эту хитрость Бисмарк рассматривал как своего рода низшую форму ума, неспособную подняться выше решения простых бытовых задач.

В определенном смысле образ русского крестьянина у Бисмарка можно сравнить с образом «благородного дикаря», не испорченного цивилизацией, в

¹ Bericht an Wilhelm I, 10.11.1861 // WIA, Bd. 2. S. 404.

² Erinnerung und Gedanke // WIA, Bd. 8a. S. 169.

³ Rede im Deutschen Reichstag, 09.05.1884 // WIA, Bd. 7. S. 134.

⁴ Erlaß an Schweinitz, 27.03.1881 // NFA, Bd. 4. S. 631.

⁵ Rede im Deutschen Reichstag, 09.05.1884 // WIA, Bd. 7. S. 137.

⁶ В замке у князя Бисмарка. Часть II // Новое время. №5091. 3 (15) мая 1890.

⁷ Schreiben an Wilhelm I, 24.08.1879 // WIA, Bd. 6. S. 343.

⁸ Diktat, 29.10.1879 // NFA, Bd. 4, S. 243.

⁹ Bericht an Schleinitz, 18.04.1859 // GW, Bd. 3. S. 11-12.

¹⁰ Busch M. Tagebuchblätter. Bd. 1. S. 410.

литературе эпохи Просвещения. Очевидно, что в обоих случаях существовала тесная связь этого образа с представлениями о недостатках в собственном обществе. Бисмарк противопоставлял непрехотливого, всем довольного и лояльного русского крестьянина немцам, поддерживавшим социал-демократов, левых либералов и другие антиправительственные силы. Встает вопрос о том, действительно ли Бисмарк искренне верил в этот идеализированный образ или использовал его в качестве инструмента для достижения конкретных политических целей. Судя по всему, одно в данном случае не исключает другое.

В результате образ «простого человека» оказывался под влиянием сразу двух факторов: «расовой теории» и социально-политических взглядов Бисмарка. Это не могло не привести к определенной противоречивости данного образа. Порой Бисмарк сам опровергал собственные позитивные высказывания. Как уже упоминалось выше, он не раз говорил о «любезности» русских – к примеру, в письме Якобу Беккеру в 1859 г.¹ или в беседе с Лукиусом тринадцать лет спустя². В то же время в его текстах неоднократно встречаются высказывания прямо противоположного характера. Г. фон Вильмовски в своих воспоминаниях говорил о том, что Бисмарк «был не в восторге от русских, особенно среднестатистического обычного человека; без жесткости и грубости не добиться ничего, и только грубости русские уступают»³. Своим гостям канцлер нередко рассказывал, как становился жертвой грубого обращения, пока в нем не узнавали высокопоставленную особу⁴.

Грубое обращение в России является необходимостью, иного языка простые люди не понимают: «Когда моя жена впервые приехала в Петербург и мы добрались до дома на фиакре, я дал извозчику рубль. Обычно дают полтинник – по-моему, это примерно в четыре раза выше законной платы. Извозчик последовал за нами в дом и потребовал два рубля. Я избавился от него, схватив за шиворот и отвесив ему пинок. Моя жена, еще не знакомая с необходимостью

¹ Brief an Becker, 11.07.1859 // GW, Bd. 14/I. S. 535.

² Gespräch mit Lucius, 28.02.1872 // WIA, Bd. 5. S. 170.

³ Wilmowski G.v. Op. cit. S. 31.

⁴ Ibid. S. 31-32.

подобного обращения, испуганно спросила меня: Ты нездоров? Я вынужден был успокоить ее, объяснив, что такое обращение в России в моде и мой гнев продиктован лишь необходимостью»¹.

В России нужно постоянно демонстрировать простым людям свое высокое положение, ведя себя с ними максимально грубо, в противном случае они будут вести себя нагло и дерзко – такова была в глазах Бисмарка мораль этой и других историй. Здесь нужно отметить, что речь обычно в таких случаях идет о представителях городских низов, а не о крестьянах. «Обращению с людьми мне пришлось сперва поучиться, – рассказывал Бисмарк впоследствии в ходе одной из своих застольных бесед. – Когда мне впервые повстречались русские сани, груженные сеном и дровами, мой кучер начал зверски ругаться, и сани свернули в сторону. Я привык уступать дорогу груженому транспорту и дал своему кучеру указание впредь в подобных случаях сворачивать самому. В следующий раз мой кучер, действительно, уступил дорогу; и тогда сидевшие на встречных санях обругали его, потому что он недостаточно подвинулся! Кучер мефистофельски ухмыльнулся, и я никогда больше не требовал от него сворачивать»².

Как объяснить это противоречие между любезностью и грубостью русских? Очевидно, в бытность свою в Петербурге Бисмарк действительно оказывался в разных ситуациях и получал различные впечатления. Тем не менее, все его высказывания отлично укладываются в рамки правила «русские вежливы и любезны, если видят перед собой высокопоставленную особу».

Перейдем к негативным чертам простого русского человека, которых, согласно Бисмарку, также насчитывалось немало. Отчасти они были оборотной стороной достоинств. Так, крестьянский ум и хитрость использовались для того, чтобы обмануть или украсть при первой возможности что-либо ценное. Поведение русских слуг в прусском посольстве он называл «систематическим грабежом»³. Чуть позже Бисмарк писал в одном из своих посланий о

¹ Ibid. S. 32.

² Wilmowski G.v. Op. cit. S. 31. Ту же историю с некоторыми изменениями Бисмарк рассказывал пятью годами позже Эттингеру (WIA, Bd. 5. S. 259)

³ Brief an Gärtner, 09.12.1860 // WIA, Bd. 2. S. 348.

«разбойничьих руках русских слуг»¹. В глазах «железного канцлера» воровство являлось в России общераспространенной практикой на всех уровнях, начиная с самых низов.

Однако не только поэтому русские нуждаются в постоянном присмотре и контроле. Они ленивы, и их требуется постоянно заставлять что-либо делать. «Русский крестьянин, как и все славяне, в общем и целом не любит работу», – писал он в официальном отчете в Берлин². По мнению У. Лисковского, мнение о лени простых русских сформировалось у Бисмарка в первую очередь благодаря общению с российскими аристократами, выступавшими против отмены крепостного права³; эта точка зрения, однако, не выдерживает критики, поскольку в период своего пребывания в Петербурге у будущего канцлера было более чем достаточно других возможностей изучить характер и привычки городских и сельских низов.

В результате этой лени ничего серьезного русским доверять нельзя: «Я не подпущу русского к хорошим лошадям»⁴. В данном случае мы вновь сталкиваемся с проекцией «расовой теории» на современность – возможно, усиленную и подкрепленную вполне реальным негативным опытом, полученным Бисмарком в бытность его в Петербурге. В его письмах того периода мы можем встретить и упоминание о пьянстве русских: «У меня уже третий кучер. Люди напиваются так, что им нельзя доверить даже их собственных лошадей»⁵. «Русский готов жить в собачьей дыре вместо квартиры, но пьянствует», – писал он жене в это же время⁶. В. Алексеев, обучавший Бисмарка русскому языку, вспоминал: «Как он выразился, Россия – это «пьяный мужик». Следует только пройтись во время праздников по Вознесенскому проспекту или по Гороховой улице. Эти улицы представляют из себя в эти дни колеблющееся море пьяных людей. [...] Если возможно подобное почти в центре столицы, то что же делается

¹ Brief an Bernstorff, 14.03.1862 // GW, Bd. 3. S. 338.

² Bericht an Schleinitz, 28.01.1861 // Ibid. S. 170.

³ Liszkowski U. Op. cit. S. 123.

⁴ Brief an den Bruder, 15.07.1860 // GW, Bd. 14/I. S. 557.

⁵ Brief an die Gattin, 16.05.1859 // Ibid. S. 522.

⁶ Brief an die Gattin, 06.05.1859 // Ibid. S. 518.

на окраинах ее, в фабричной местности, или же в других городах России»¹. Впрочем, нужно отметить, что тема русского пьянства встречается в текстах Бисмарка нечасто – возможно, потому, что он сам в молодости, да и в зрелом возрасте любил выпить и не видел в этом большой беды.

В воспоминаниях того же Алексеева мы находим еще одну примечательную характеристику русского крестьянства, данную Бисмарком: «Он был о России высокого мнения, предсказывал ей великую будущность и основывал это мнение на том, что когда крестьянина отдают в солдаты, то через год из грязного, забитого, ленивого и безграмотного человека он становится почти неузнаваемым, делается бодрым, видным, поворотливым и сметливым; если в народе существуют такие задатки, то они могут служить только в пользу этого народа»². К этому высказыванию, однако, нужно относиться с некоторой осторожностью, поскольку Алексейев воспроизводил его по памяти спустя три десятилетия после беседы с Бисмарком; необходимо сопоставлять его с другими, достоверно известными нам высказываниями «железного канцлера». Приведенная Алексеевым фраза в общем и целом не противоречит им по смыслу.

В заключение имеет смысл остановиться на том, как будущий «железный канцлер» в бытность свою прусским посланником в Петербурге относился к отмене крепостного права. В отличие от некоторых прусских консерваторов, он вовсе не идеализировал русскую сельскую общину и не считал крепостное право органически присущим России институтом (такой точки зрения, в частности, придерживался фельдмаршал Г. фон Мольтке³). Бисмарк же отнюдь не считал существующее положение дел идеальным и писал о том, что «все крестьянское население как в коронных, так и в дворянских владениях недовольно своим положением»⁴. Нигде в его текстах мы не находим даже попытки найти в крепостничестве какие бы то ни было преимущества. В 1860-61 гг. Бисмарк достаточно подробно докладывал в Берлин о подготовке и проведении

¹ Алексейев В. Указ. соч. С. 454.

² Там же. С. 453.

³ Moltke H.K.B. v. Gespräche. Hamburg, 1940. S. 28.

⁴ Bericht an Schleinitz, 28.01.1861 // GW, Bd. 3. S. 171.

крестьянской реформы, подчеркивая те трудности, с которыми России предстоит столкнуться на этом пути. Данные трудности, по его мнению, объяснялись в первую очередь накопившимся недовольством крестьян, которые ждут от преобразований гораздо больше, чем те им в действительности дадут¹. Отказ от предоставления крестьянам полной свободы передвижения, по мнению Бисмарка, значительно ограничивал положительный эффект реформы². В результате «император подавлен серьезностью внутренней ситуации»³, «становятся заметны симптомы возбужденного настроения низших классов народа»⁴, возможны крестьянские волнения⁵. Много позже Бисмарк высказывал те же соображения: крестьянам, говорил он в 1881 г., «надо дать частную собственность, право личного и наследственного владения землей. Сейчас, когда поля являются общим владением всей деревни, которое время от времени перераспределяется, у лентяя и пьяницы есть те же права, что и у трудолюбивого человека, который не валяется по кабакам. Община должна исчезнуть»⁶.

Перед нами встает вопрос о том, почему Бисмарк, сторонник патриархальной сельской идиллии, выступает в данном случае за коренную модернизацию, в значительной степени разрушающую старую систему. По всей видимости, в данном случае эталоном для прусского посланника являлось положение прусского же крестьянства после реформ начала XIX в. Сельская община представлялась ему абсурдным и варварским учреждением, которое хотя и соответствует национальному характеру русских, однако совершенно не соответствует потребностям времени. Здесь любопытно проследить параллель с мнением германского посла в Петербурге Г.Л. фон Швейница, писавшего в начале 1880-х гг.: «Абсурдная, не имеющая оснований ни в истории, ни в экономике доктрина славянской общины, исключаящей частную собственность и

¹ Ibid.

² Bericht an Schleinitz, 25.02.1861 // GW, Bd. 3. S. 178.

³ Bericht an Schleinitz, 30.01.1861 // Ibid. S. 174.

⁴ Bericht an Schleinitz, 25.02.1861 // Ibid. S. 179.

⁵ Более подробно об оценках Бисмарком крестьянской реформы в России см. Дударев В.С. Петербургская миссия Отто фон Бисмарка. С. 215-240.

⁶ Gespräch mit Busch, 04.05.1881 // GW, Bd. 8. S. 415.

прилежание индивида, в общем и целом привела крестьян к лени, пьянству и бедности»¹. Бедность массы «простых людей» Бисмарк также считал одной из характеристик населения России².

Если к массе простого народа, особенно к крестьянам, Бисмарк относился с определенной симпатией, то его отношение к образованному среднему классу, формировавшему российское общественное мнение, было совершенно иным.

«Общество»

Как уже говорилось выше, пристальное внимание российским средним слоям и общественному мнению Бисмарк стал уделять достаточно поздно. Из 123 его высказываний, отнесенных в процессе исследования к категории «Общество», лишь 12 приходятся на период до 1870 г. Больше половины от общего числа высказываний относятся к 1880-м гг., когда общественное мнение в глазах Бисмарка стало оказывать большое влияние на российскую политику (что в значительной степени соответствовало действительности).

Здесь стоит оговориться, что сама по себе категория «Общество» в рамках данного исследования является едва ли не наиболее сложной. Дело в том, что в нее в процессе анализа были включены высказывания, касающиеся образованных средних слоев российского общества, общественного мнения и прессы. Теоретически их следовало бы разделить на три отдельные категории. Однако у Бисмарка эти понятия часто теснейшим образом переплетены друг с другом: общественное мнение есть мнение образованных средних слоев, пресса выражает и одновременно формирует ее. В связи с этим фрагментация данной категории была, в конечном счете, сочтена нецелесообразной.

По мнению «железного канцлера», национальные слабости и пороки сочетались у представителей рассматриваемой социальной группы с пришедшими из Европы разрушительными идеями. Средний класс представал в итоге в его текстах едва ли не как угроза самому существованию России как государства.

¹ Schweinitz H.L.v. Op. cit. Bd. 2. S. 153.

² Ansprache an Sekretäre der Handels- und Gewerbekammern, 09.07.1893 // WIA, Bd. 8b. S. 159.

Подавляющее большинство высказываний Бисмарка о российском «обществе» (то есть образованных средних слоях) носят негативный характер. Идеальная Россия для этого убежденного консерватора выглядела примерно следующим образом: масса крестьян, смиренных и богобоязненных, которыми правит император при помощи мудрых советников (преимущественно этнических немцев). «Общество» разрушало это идиллию, выступая в качестве деструктивной силы, вечно недовольной, сознательно или бессознательно подрывающей основы российского государства и толкающей страну по пути агрессивного шовинизма во внешней политике. Оно было довольно малочисленным («как известно, состоит из образованного меньшинства»¹) и не похожим на богатый и спокойный европейский средний класс².

Впервые Бисмарк обратил внимание на эти слои населения во время своего пребывания на посту прусского посланника в Петербурге. В фокусе его внимания тогда, однако, находилась в первую очередь российская элита; «общество» он еще не считал достаточно значимой силой. Примечательно его высказывание из донесения в Берлин в начале апреля 1862 г.: «Все сословия и партии согласны друг с другом в осуждении существующего положения дел, однако лишь изредка можно услышать позитивное и никогда – выполнимое предложение по поводу того, какие улучшения следует предпринять»³. Отсутствие конструктивного подхода, склонность к иллюзиям, абсурдным и невыполнимым требованиям – все это в дальнейшем станет одной из характерных черт российского общества в глазах Бисмарка. «Все образованные русские, с которыми я говорил в последние недели, ожидают немедленного исцеления всех своих недугов в случае введения конституции. Национальное легкомыслие мешает даже самым рассудительным из них подумать о том, каким же образом конституция сможет разрешить все проблемы империи, – писал он кронпринцу в 1881 г. – Немецкие оппозиционеры у нас или в Вене, может, менее патриотичны, чем русские, зато намного умнее и

¹ Hatzfeldt an Schweinitz, 29.04.1882 // NFA, Bd. 5. S. 124.

² Rede im Deutschen Reichstag, 14.03.1877 // GW, Bd. 11. S. 513.

³ Bericht an Bernstorff, 02.04.1862 // GW, Bd. 3. S. 345.

образованнее»¹. Стоит обратить внимание на упоминание одной из ключевых черт русского национального характера в представлении Бисмарка, а именно легкомыслия. В его глазах поведение российского образованного класса находилось полностью в русле национальной психологии.

В том же документе Бисмарк говорил о «болезненном стремлении русских считаться столь же цивилизованными, как жители Западной Европы»². Этот комплекс неполноценности по отношению к Западу и западноевропейским народам (в первую очередь немцам), сочетавший в себе одновременно зависть и ненависть, «железный канцлер» рассматривал как одну из характерных черт российского общества. Здесь мы в очередной раз встречаемся с представлением, широко распространенными на Западе в XIX в.; как писал Кюстин, «нет такого ухищрения, нет такого обмана, на который не пошли бы русские, движимые всепоглощающим тщеславием, ради исполнения своей заветной мечты: чтобы, вернувшись домой, мы сказали, что их напрасно зовут северными варварами»³.

В глазах Бисмарка «общество» – вне зависимости от того, подразумевались ли под этим словом образованные средние слои или общественное мнение – представало в виде достаточно однородного целого, группы интересов, выражавшей совершенно определенные политические взгляды⁴. В бытность прусским посланником в Петербурге Бисмарк впервые начал упоминать в своих текстах «национальную» или «национально-русскую» партию⁵. Изначально он подразумевал в первую очередь определенное течение внутри правящей элиты (поэтому его взгляды по данному вопросу будут подробно рассмотрены ниже). Но уже во второй половине 1860-х гг. рамки «партии» в глазах Бисмарка расширились, и он все чаще говорил применительно к ней о российской прессе и общественном мнении. Именно в это время он впервые начал говорить о доминирующем влиянии общественного мнения на отдельные

¹ Schreiben an Kronprinz, 23.05.1881 // NFA, Bd. 4. S. 682.

² Ibid.

³ Кюстин А. де. Указ. соч. С. 499.

⁴ См. напр. Diktat, 14.10.1876 // WIA, Bd. 5. S. 741-743.

⁵ См. напр. Bericht an Bernstorff, 05.11.1861 // GW, Bd. 3. S. 275.

внешнеполитические решения в России¹. Тогда же в его текстах появился еще один синоним – «московитская партия»² – это было одновременно отсылкой к антизападному национализму и распространенным представлениям о том, что колыбелью таких настроений являлся не Петербург, а Москва. Впрочем, с точки зрения Бисмарка это совершенно не означало, что петербургское общество придерживается кардинально иных взглядов³.

Позднее, с конца 1870-х гг., он все чаще называл данное течение «революционной партией», «партией низвержения»⁴, «партией движения»⁵, «крайней партией»⁶, а также «партией войны»⁷ или «антинемецкой партией»⁸. Требования этой партии он называл фантастическими, не имеющими ничего общего с реальностью⁹. О «многочисленных фанатиках и фантастах» в российском обществе он писал Рейссу в апреле 1880 г.¹⁰ При этом Бисмарк допускал, что в России есть «любезные, разумные и интеллигентные люди» – однако они находятся в явном меньшинстве, и их голос совершенно не слышен в общем хоре¹¹. «Радикальные тенденции» казались ему безусловно господствующими¹².

С точки зрения Бисмарка, для российского общественного мнения характерен крайний национализм и шовинизм¹³. В 1880-е гг. он все чаще говорил о панславизме: «Остается фактом, что в России наблюдается большое оживление по вопросу славянских братьев»¹⁴. Панславизм, охвативший российский средний класс – опаснейшее явление как для России, так и для ее соседей. Панслависты,

¹ См. напр. Erlaß an Goltz, 15.03.1868 // WIA, Bd. 4. S. 250.

² Schreiben an Schweinitz, 15.01.1868 // GW, Bd. 6a. S. 212.

³ Gespräch mit Booth, 19.03.1881 // GW, Bd. 8. S. 402.

⁴ См. напр. Immediatbericht, 07.09.1879 // NFA, Bd. 4. S. 175.

⁵ Erlaß an Reuß, 11.02.1880 // Ibid. S. 332.

⁶ Rantzaу an das Auswärtige Amt, 20.01.1888 // NFA, Bd. 8. S. 29.

⁷ См. напр. Erlaß an Reuß, 18.01.1880 // NFA, Bd. 4. S. 294.

⁸ Schreiben an Kameke, 04.05.1880 // Ibid. S. 415.

⁹ Schreiben an Schweinitz, 15.01.1868 // GW, Bd. 6a. S. 212.

¹⁰ Erlaß an Reuß, 06.04.1880 // NFA, Bd. 4. S. 389

¹¹ Gespräch mit Kingston, 06.06.1890 // WIA, Bd. 8b. S. 30.

¹² Erlaß an Reuß, 18.04.1887 // NFA, Bd. 7. S. 425.

¹³ Schreiben an Albert von Sachsen, 05.03.1881 // NFA, Bd. 4, S. 621.

¹⁴ Schreiben an Reuß, 13.12.1885 // WIA, Bd. 7, S. 344.

по мнению канцлера, настаивают на агрессивной экспансионистской политике и выступают против мирных отношений с Германией и Австро-Венгрией¹. «В глазах российского общественного мнения мы мало что можем потерять» - писал Бисмарк в феврале 1887 г.² Шовинизм охватил все российское общество в целом; император Александр III, писал канцлер в 1888 г., противостоит ему в одиночку³. Антигерманские настроения были в глазах Бисмарка одной из ключевых, основополагающих особенностей российского общественного мнения (более подробно мы затронем этот вопрос, когда будем рассматривать его взгляды на российско-германские отношения). Канцлер наличие таких настроений в российском обществе настолько очевидным, что говорил о них даже в своих парламентских выступлениях, где обычно старался сглаживать острые углы в отношениях между странами: «В России есть значительные партии, которые не любят Германию»⁴.

Однако эта опасность, по мнению Бисмарка, затрагивает не только соседей России. Российские средние слои он считал рассадником настроений, направленных напрямую против российского государства. Он обозначал эти радикальные тенденции термином «нигилизм». Нигилисты – представители недовольных средних классов; Бисмарк сравнивал их с левыми либералами (прогрессистами) в Пруссии⁵. Социальную базу нигилистов, заявлял канцлер в рейхстаге, можно видеть на примере процесса Веры Засулич, когда высокопоставленные чиновники рукоплескали оправдательному приговору. В массе простого народа они не имеют никакой поддержки: «Нигилисты – не

¹ Weisung, 25.11.1885 // NFA, Bd. 6, S. 790. См. также: Власов Н.А. Образ российского панславизма в германской официозной прессе конца XIX века // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 10. С. 326-343; Власов Н.А. Образ российского панславизма у германской военно-политической элиты 1870–1880-х гг. // Диалог со временем. 2023. Вып. 84. С. 297-307; Власов Н.А., Бодров А.В., Адамова Н.Э., Смирнова О.В. Образ российского панславизма в Германии, Великобритании и Франции в конце XIX века. // Былые годы. 2024. Том 19. Вып. 3. С. 1345-1355.

² Schreiben an Schweinitz, 25.02.1887 // NFA, Bd. 7. S. 380.

³ Erlaß an Schweinitz, 12.04.1888 // WIA, Bd. 7. S. 638.

⁴ Rede im Deutschen Reichstag, 19.02.1878 // WIA, Bd. 6. S. 127.

⁵ Erlaß an Schweinitz, 07.04.1880 // NFA, Bd. 4. S. 392.

рабочие, а совсем другие люди»¹. Нигилисты, как и панслависты, поддерживают идею войны России с ее западными соседями, которая должна ослабить монархию и облегчить им достижение своих деструктивных целей². По мнению Бисмарка, радикализация российского общества с течением времени ощутимо усиливалась³.

В 1880-е гг. Бисмарк стал говорить об еще одной российской проблеме, которая уже упоминалась выше – росте количества образованных, но не нашедших достойного места в жизни молодых людей. Из-за «перепроизводства» кадров российской системой образования эти юноши не в состоянии получить работу и доходы, соответствующие их завышенным ожиданиям. Именно эти «недовольные неудачники»⁴ становятся «самыми фанатичными и умелыми» членами нигилистских организаций⁵. «Нигилизм в России, – писал он, – в значительной степени основан на том, что русские школы распространяют в народе больше знаний, чем тот может применить на практике»⁶. Бисмарк полагал, что для российского «среднего класса» в целом характерен невысокий уровень благосостояния⁷ – этим он отличается от западноевропейского «среднего класса», этим же объясняется его недовольство и стремление к переменам.

«Избыток образования, – говорил Бисмарк вскоре после своей отставки, – приводит в России к ненависти и заговорам. Там готовят к высокой карьере в десять раз больше молодых людей, чем имеется вакансий на государственной службе или возможностей зарабатывать себе в сфере свободных профессий хотя бы скромный доход, не говоря уже о богатстве и наградах. [...] К примеру, сыновья священников по большей части бесплатно учатся в гимназиях и университетах. Что им с этого? Окончив учебу, они в девяти случаях из десяти не находят себе занятия, а их знания хуже чем просто избыточные, поскольку они

¹ Rede im Deutschen Reichstag, 09.05.1884 // WIA, Bd. 7. S. 134-136.

² Herbert von Bismarck an Reuß, 16.01.1886 // NFA, Bd. 7. S. 16.

³ Erlaß an Reuß, 18.04.1887 // Ibid. S. 425.

⁴ Rottenburg an Derenthall, 15.09.1887 // Ibid. S. 547.

⁵ Schreiben an Puttkamer, 20.04.1881 // NFA, Bd. 4, S. 651.

⁶ Votum an Staatsministerium, 22.01.1889 // WIA, Bd. 7. S. 689.

⁷ Rede im Deutschen Reichstag, 14.03.1877 // GW, Bd. 11. S. 513.

становятся недовольными и несчастливыми. Они большими усилиями подготовлены к тому, чтобы требовать от жизни больше, чем она может им дать – не считая тех немногих, которые в виде исключения поднимаются в верхний класс. Я видел в России полицейских, которые учились и имеют академическую степень. Существует ли что-либо более жестокое и абсурдное? Эти люди, полные зависти и ненависти ко всему высокопоставленному и счастливому, готовы присоединиться к заговорам и преступлениям. Они не могут строить – но знают достаточно для того, чтобы разрушать»¹. Примечательно, что «перепроизводство» образованной молодежи и связанную с ним радикализацию Бисмарк считал одной из немногих общих проблем России и Германии. В этом смысле он называл наблюдение за российским нигилизмом «поучительным опытом»².

С течением времени значение общественного мнения в России, по мнению Бисмарка, растет, и правительство вынуждено все больше прислушиваться к нему. «Император Александр, – заявлял он в 1876 г., – находится в необычайно трудной ситуации под давлением общественного мнения»³. Одновременно Бисмарк говорил о необходимости учитывать русские «национальные чувства» при проведении внешней политики⁴. Он неоднократно заявлял, что именно общественное мнение и пресса вынудили императора начать в 1877 г. войну против Османской империи⁵. В 1887 г. в беседе с австрийским престолонаследником кронпринцем Рудольфом Бисмарк называл Россию «намного более демократической, чем обычно думают»⁶. «Настроение влиятельного московского общества во главе с газетой Каткова оказывают большое влияние на решения императора», – писал Бисмарк в том же году⁷.

¹ Gespräch mit Kingston, 06.06.1890 // WIA, Bd. 8b. S. 30.

² Schreiben an Goßler, 31.05.1885 // WIA, Bd. 7. S. 288.

³ Diktat, 30.08.1876 // WIA, Bd. 5, S. 714.

⁴ Diktat, 14.10.1876 // Ibid. S. 743.

⁵ См. напр. Gespräch mit Stremoukhov, 04.09.1879 // GW, Bd. 8. S. 323.

⁶ Gespräch mit Kronprinz Rudolf, 17.03.1887 // WIA, Bd. 7. S. 489.

⁷ Runderlaß, 24.01.1887 // NFA, Bd. 7. S. 350.

«Московские ведомости» он называл «чем-то вроде параллельного правительства»¹.

Именно эту газету и ее редактора, Каткова, Бисмарк начиная с 1860-х гг. называл средоточием российской националистической оппозиции². Позднее он даже наделял его способностью проводить свою собственную политику в обход императора³. Лишь в одном случае он пренебрежительно высказывался о влиянии Каткова; беседуя с журналистом Фридрихом Мейером фон Вальдеком в августе 1867 г., он заявил, что деятельность редактора «Московских ведомостей» и его соратников «имеет настолько малую реальную основу и столь глупа, что неизбежно останется бесплодной»⁴. Однако необходимо принять во внимание, что глава правительства в данном случае высказывался в расчете на широкую аудиторию и поэтому должен был демонстрировать оптимизм в вопросах отношений с Россией вне зависимости от своих действительных убеждений.

Бисмарк в целом весьма негативно отзывался о российской прессе. Еще в 1868 г. он называл ее «односторонне антипрусской и антигерманской»⁵. В своих воспоминаниях он возлагал именно на прессу воспитание «искусственной ненависти» к Германии в российском обществе⁶. В беседе с Эттингером он заявил: «Российская пресса инспирирована не русскими, а евреями, поляками и другими антигерманскими элементами»⁷. Он был уверен в продажности русских газет и в том, что значительная часть из них подкуплена французами⁸. Каткова канцлер однажды назвал платным агентом Франции⁹. Русские газеты, писал Бисмарк послу в Петербурге Швейницу в 1880 г., «трудятся над тем, чтобы отождествить сначала балтийских немцев, а затем и немцев в принципе, на чью работоспособность они взирают со славянским недовольством, с ненавистной

¹ Erlaß an Radowitz, 17.02.1887 // NFA, Bd. 7. S. 371.

² См. напр. Erlaß an Schweinitz, 12.01.1870 // GW, Bd. 6b. S. 207.

³ Lucius von Ballhausen R. Op. cit. S. 373.

⁴ Gespräch mit Meyer von Waldeck, 11.08.1867 // GW, Bd. 7. S. 222.

⁵ Erlaß an Reuß, 31.01.1868 // GW, Bd. 6a. S. 224.

⁶ Erinnerung und Gedanke // WIA, Bd. 8a. S. 485.

⁷ Gespräch mit Oettinger, 15.10.1878 // GW, Bd. 8. S. 279.

⁸ Herbert von Bismarck an Bülow // NFA, Bd. 3. S. 216.

⁹ Berchem an Schweinitz, 26.08.1887 // NFA, Bd. 7. S. 530.

системой императора Николая и со всем тем, что настоящий русский патриот должен ненавидеть и к чему питать отвращение»¹. Именно пресса, таким образом, несла в глазах Бисмарка ответственность за формирование общественного мнения в России, внушала образованным средним слоям опасные для государства взгляды. Канцлер писал о «господствующих радикальных тенденциях» в российской публицистике².

В то же время в нашем распоряжении есть множество высказываний «железного канцлера» разных лет, в которых он заявлял о полной зависимости российской прессы от государства. Так, в 1874 г. Бисмарк писал: «Недавно в России появились настроения, по меньшей мере в прессе, которая не смогла бы их выразить без одобрения или позволения со стороны государства»³. «Русская пресса есть в известном смысле правительственный институт», — писал он Швейницу в 1880 г.⁴; упоминал он и о «кампании в прессе, которая ведется против нас с ведома и попустительства государя»⁵. Шестью годами позже Бисмарк говорил о российской прессе, «которую правительство полностью держит в своих руках»⁶. Цензура, писал он в своих мемуарах, санкционировала раздуваемую прессой ненависть к немцам⁷.

Перед нами встает вопрос о том, как трактовать это противоречие. Находится ли пресса все-таки под контролем государства или антигосударственных элементов? Частично высказывания Бисмарка определялись контекстом; все зависело от того, хотел ли он сделать российское правительство ответственным за антигерманские высказывания в прессе или, напротив, освободить его от этой ответственности. Так, тезис о давлении прессы на российского императора часто использовался в текстах, адресованных Вильгельму I и призванных обосновать необходимость тесного сотрудничества с

¹ Erlaß an Schweinitz, 16.04.1880 // NFA, Bd. 4. S. 402.

² Erlaß an Reuß, 18.04.1887 // NFA, Bd. 7. S. 425.

³ Schreiben an Schweinitz, 14.01.1874 // NFA, Bd. 2. S. 209.

⁴ Erlaß an Schweinitz, 16.04.1880 // NFA, Bd. 4. S. 402.

⁵ Erlaß an Schweinitz, 06.02.1880 // Ibid. S. 320.

⁶ Herbert von Bismarck nach Petersburg, 03.09.1886 // NFA, Bd. 7. S. 193.

⁷ Erinnerung und Gedanke // WIA, Bd. 8a. S. 475.

Австро-Венгрией против России. Поскольку германский император был глубоко убежден в миролюбии и добром отношении своего племянника, канцлеру приходилось парировать его аргументы ссылками на всемогущую российскую общественность. В другой ситуации, выступая перед рейхстагом в феврале 1888 г., канцлер заявлял, что в России пресса не имеет большого влияния на решения императора и проводимую им политику¹; очевидно, что данное публичное высказывание было адресовано в первую очередь официальному Петербургу и являлось примирительным сигналом.

Что же Бисмарк думал на самом деле? Очевидно, мы можем решить эту задачу, введя в уравнение третью величину – представителей российской элиты, в том числе высокопоставленных государственных деятелей, поддерживавших «московитскую» партию. У националистической общественности были «союзники в армии, в министерствах и в придворных кругах», - заявил канцлер в разговоре с Бушем². Их покровительство позволяло прессе активно выступать с требованиями, характерными для данной партии, и оказывать определенное влияние на позицию монарха.

Наблюдалась здесь и определенная эволюция взглядов. С течением времени канцлер все чаще говорил и писал о прессе как о самостоятельной силе; очевидно, его представления в данном вопросе менялись. «Пресса стала опасной и безответственной силой», – заявил он, к примеру, на заседании кабинета министров в марте 1884 г.³ Все чаще он говорил о том, что российские власти «допускают» и «терпят» антигерманские выходки журналистов, то есть занимают более или менее пассивную позицию⁴. Примечательно, что в ходе кризиса в российско-германских отношениях в конце 1880-х гг. он уделял позиции прессы и общественности гораздо больше внимания, чем во время аналогичного кризиса десятью годами ранее, во время Берлинского конгресса. В мемуарах Бисмарк прямо указывал на то, что влияние панславизма на императора с течением

¹ Rede im Deutschen Reichstag, 06.02.1888 // WIA, Bd. 7. S. 590.

² Gespräch mit Busch, 27.01.1887 // Ibid. S. 472.

³ Lucius von Ballhausen R. Op. cit. S. 286.

⁴ См. напр. Erlaß nach Petersburg, 10.04.1887 // NFA, Bd. 7. S. 420.

времени усилилось: «Совпадающие потребности в польском вопросе и воздействие старой династической солидарности создавали противовес подрывным устремлениям и основу для общей политики обоих кабинетов. Однако они были ослаблены десятилетним искажением общественного мнения со стороны русской прессы, создавшей и питавшей среди читающей части населения искусственную ненависть ко всему немецкому, с которой династия вынуждена считаться, даже если император хочет дружить с Германией»¹.

Внимание Бисмарка к российской прессе отмечали и его подчиненные. К примеру, Швейниц в своих мемуарах писал, что стремился в своих донесениях в Берлин смягчить то впечатление, которое могли произвести на канцлера статьи российских газет, влияние которых в реальности было невелико².

Подводя итог, можно сказать, что представления о российском образованном обществе и общественном мнении стали той составляющей образа России в мировоззрении Бисмарка, которая с течением лет проделала значительную эволюцию. Если в начале 1860-х гг. глава прусского правительства практически не рассматривал их в качестве самостоятельного фактора, то к 1880-м гг. они превратились в его глазах в одну из ведущих движущих сил российской политики. Следует, однако, отметить, что эта эволюция происходила в рамках более общих представлений. Российская общественность в глазах «железного канцлера» вела себя полностью в соответствии с особенностями русского национального характера. Последний и в данном вопросе выступал в роли ключевой категории.

С точки зрения Бисмарка, в российском обществе и элите большую роль играли два национальных меньшинства – поляки и «русские немцы». В глазах канцлера они являлись в значительной степени антагонистами; первые тайно работали над раздуванием антигосударственных и антигерманских настроений, вторые обеспечивали стабильность и успешное развитие Российской империи.

¹ Erinnerung und Gedanke // WIA, Bd. 8a. S. 485.

² Schweinitz H.L.v. Op. cit. Bd. 1. S. 386.

Поляки

Бисмарку принадлежит сравнительно немного высказываний о российских поляках, и большинство из них известно нам из источников, относящихся к «красной зоне» (то есть с чужих слов). Тем не менее, мы можем уверенно опираться на них, поскольку они прекрасно согласуются как друг с другом, так и со знакомым нам по широкому кругу достоверных источников отношением Бисмарка к полякам как таковым¹.

Негативное отношение «железного канцлера» к полякам хорошо известно. Самым ярким его высказыванием по данному вопросу является фраза из письма, адресованного сестре из Петербурга в преддверии польского восстания: «Бейте поляков так, чтобы они испустили дух; я целиком сочувствую их положению, но если мы хотим существовать, нам не остается ничего иного кроме как истребить их; волк не виноват в том, что Господь создал его таким, каков он есть, и все же его убивают при первой возможности»². Соответственно, подавление польского национального движения он считал одним из ключевых общих интересов Берлина и Петербурга³. В донесениях, которые Бисмарк в бытность свою посланником в России отправлял в Пруссию, польскому вопросу отводилось едва ли не основное место.

Хотя поляки были славянами и, соответственно, обладали теми же славянскими чертами, что и русские, Бисмарк видел существенные различия между национальным характером двух народов. Разницу между ними он называл «фундаментальной». Русский – «мечтатель, тихий романтик», в то время как поляк – «интриган, лицемер, лживый и ненадежный, неспособный к сохранению государственности»⁴.

Российские поляки выступали в глазах Бисмарка в роли деструктивного элемента, жаждавшего гибели России и пытавшегося с этой целью испортить

¹ См. Binger M. Das Polenbild Otto von Bismarcks. München, 2011; Feldman J. Bismarck und Polen. Berlin, 1938; Koch F. Bismarck über die Polen. Berlin, 1913; Wendt H. Bismarck und die polnische Frage. Halle (Saale), 1922; Власов Н.А. Поляки и «польский вопрос»...

² Brief an die Schwester, 26.03.1861 // WIA, Bd. 2. S. 358.

³ Gespräch mit Wilmowski, 01.11.1868 // WIA, Bd. 4. S. 264.

⁴ Gespräch mit Kleser, 31.05.1892 // WIA, Bd. 8b. S. 93.

отношения двух стран. Все его высказывания о поляках в Российской империи носят сугубо негативный характер.

С точки зрения Бисмарка, само обладание Польшей не усиливало, а ослабляло Россию: «Их слабая сторона – поляки. Один французский батальон спровоцирует восстание всей Польши»¹. Говоря о возможном присоединении к России Болгарии, канцлер образно говорил, что она станет для русских «второй Польшей»². Польша являлась для России постоянным источником проблем, а поляки в рядах общества и элиты – скрытыми врагами страны и династии.

Так, в 1880-е гг. «железный канцлер» все чаще говорил о поляках как о тайных подстрекателях российской общественности к войне с Германией. Оказывая влияние на русскую прессу и разжигания националистические страсти, поляки тем самым стремятся подтолкнуть Россию к внешнеполитическим авантюрам, в которых она обречена на поражение. Панславистские статьи в русской прессе, заявил Бисмарк в одной из бесед, пишут вовсе не русские, а поляки³. Они «хотят войны с нами в тихой надежде, что она закончится поражением России, что позволит им достичь своей конечной цели – достичь независимости»⁴. То же самое говорилось в инструкции принцу Рейссу: поляки «самым пламенным образом желают вовлечения русских в большую европейскую войну, чтобы по возможности извлечь из нее что-нибудь в целях восстановления польской республики»⁵.

В своих мемуарах Бисмарк утверждал, что только лживость и глупость российской прессы и общественности объясняет их стремление приписывать германской политике агрессивные тенденции: «лживость была в большей степени польско-французского, глупость – русского происхождения. Польско-французская ловкость одержала на почве русского легковерия и невежества

¹ Gespräch mit Bluntschli, 30.04.1868 // GW, Bd. 7. S. 255. См. также Gespräch mit Crispi, 01.10.1887 // WIA, Bd. 7. S. 542.

² Kronratssitzung, 23.03.1888 // WIA, Bd. 7. S. 621.

³ Gespräch mit Kleser, 31.05.1892 // WIA, Bd. 8b. S. 93.

⁴ Gespräch mit Busch, 27.01.1887 // WIA, Bd. 7. S. 472.

⁵ Herbert von Bismarck an Reuß, 08.01.1887 // NFA, Bd. 7. S. 336.

победу над недостатком этой ловкости у нас»¹. Поляки, стремящиеся к союзу с Россией, видят в нем лишь тактический маневр для достижения своих целей².

Одновременно поляки, по мнению канцлера, играют большую роль в партии, стремящейся к свержению самодержавия. Именно ради ослабления монархии, писал Бисмарк в мемуарах, поляки поддерживали «конституционалистов» в рядах российской элиты³. За российским нигилизмом также «стоит польско-иезуитский элемент»⁴. Фактически он заявлял о существовании некоего централизованного польского заговора, агенты которого проникли во все органы власти Российской империи и действуют по единому плану⁵.

Хорошо заметно, что во всех этих случаях Бисмарк подразумевал, что поляки по природе своей умнее и хитрее русских, которые фактически дают использовать себя в чуждых им интересах. Большое влияние на этот образ оказывало отношение «железного канцлера» к прусским полякам, которых он тоже считал хитрыми интриганам и угрозой германской государственности.

«Русские немцы»

В отличие от поляков, к «русским немцам» Бисмарк относился исключительно позитивно. Как уже говорилось выше, он смотрел на Россию во многом глазами балтийских дворян, которым искренне симпатизировал. В категорию «Русские немцы» входят 47 высказываний «железного канцлера», равномерно распределенных по длительному периоду времени (с 1860-х по 1890-е гг.). При этом образ этнических немцев в России абсолютно статичен и не меняется с течением времени, что указывает на его раннее формирование и большую устойчивость.

¹ Erinnerung und Gedanke // WIA, Bd. 8a. S. 487.

² Ibid. S. 240.

³ Ibid. S. 239.

⁴ Erlaß an Schweinitz, 27.03.1881 // NFA, Bd. 4. S. 631.

⁵ Gespräch mit Blum, 30.10.1892 // WIA, Bd. 8b. S. 126.

Бисмарк был ярко выраженным сторонником «норманнской теории», считая, что именно германцы-варяги принесли восточным славянам государственность¹. И в дальнейшем превращение России в великую державу произошло благодаря «призванию» на руководящие должности большого числа немцев. Без них никаких успехов достичь бы не удалось.

Участие немцев в управлении являлось с точки зрения Бисмарка на протяжении всей истории необходимой предпосылкой для нормального функционирования государственной машины. «Все хорошие, способные русские имеют примесь иностранной, а именно немецкой крови, – вспоминал Р. Лукиус фон Балльхаузен высказывания канцлера в одном из застольных разговоров. – Однажды он спросил Горчакова: «Смогли бы Вы работать шестнадцать часов подряд, если бы Ваша мать не была немкой?»² Эту историю Бисмарк неоднократно повторял в различных вариантах³. Еще в одном случае он объяснял успехи Горчакова наличием у него немецких помощников⁴. «Даже если шеф был русским, – говорил канцлер на склоне лет, – главной рабочей силой являлся немец»⁵.

«Русские никогда не смогут обойтись без немцев, – заявил Бисмарк в беседе с журналистом в 1867 г. – Мне вспоминаются очень правильные слова, которые произнес в моем присутствии русский офицер. Разговор шел о том, что очень многие офицеры немецкого происхождения становятся в русской армии генералами. «Как же немцу не быть генералом, – сказал этот офицер. – Он не пьет, не ворует, не распутствует, сам скачет на лошади – как тут не стать генералом!» [...] Во главе важнейших посольств [...] стоят немцы, самые талантливые сотрудники министерства – также немцы»⁶. В России, писал Бисмарк, очень мало образованных людей на руководящих должностях, а те, что

¹ Busch M. Tagebuchblätter. Bd. 2. S. 119.

² Lucius von Ballhausen R. Op. cit. S. 82.

³ См. напр. Erlaß an Schweinitz, 24.02.1877 // NFA, Bd. 3. S. 54.

⁴ Privatschreiben an Bernstorff, 16.01.1862 // WIA, Bd. 2. S. 411.

⁵ Gespräche mit Gräfin von Eickstädt-Peterswaldt, 1896 // GW, Bd. 9. S. 446.

⁶ Gespräch mit Meyer von Waldeck 11.08.1867 // GW, Bd. 7. S. 220.

есть — в основном немцы¹. «Часто именно немецко-балтийские силы — Мейендорфы, Будберги, Нессельроде, Остен-Сакены, Берги и другие — придавали русскому оружию ту остроту, которого оно не могло достичь самостоятельно», — заявил «железный канцлер» в 1872 г.²

Однако для Бисмарка речь шла не только о представителях элиты: «Без немецких аптекарей, пекарей, колбасников и так далее в России никогда не смогут обойтись»³. «Русские не могут ничего сделать без немцев», — заявлял Бисмарк в беседе с Блунчли⁴. «Ненависть к немцам, — говорил канцлер в разговоре с врачом Кохеном, — есть лишь следствие зависти. И при этом русские едят только немецкий хлеб и немецкие колбасы, принимают лекарства только из немецких аптек»⁵. Корреспондент «Нового времени», бравший у Бисмарка интервью в 1890 г., писал: «Говорил он и о том, что в России есть чисто немецкие специальности, так что когда его в первый раз ночью привезли в Динабург, а он, не зная языка, требовал немца, то ямщик на авось повез его прямо в аптеку, твердо уповая, что все аптекари должны быть немцы, что де в России и есть в действительности»⁶.

Весьма характерно высказывание Бисмарка о русской армии, сделанное во время русско-турецкой войны: «Простой солдат превосходен, и большинство офицеров — немецкого происхождения»⁷. В этой модели прекрасно отражается система представлений Бисмарка: русские могут быть прекрасными исполнителями, если руководить ими будут представители «мужской» расы. Балтийских немцев он однажды назвал «более благородной», а русских — «менее благородной» нацией⁸.

При этом за огромные услуги, оказанные немцами, русские с точки зрения Бисмарка платят им черной неблагодарностью — завистью и ненавистью. В 1880-е

¹ Privatschreiben an Bernstorff, 16.01.1862 // WIA, Bd. 2. S. 411.

² Gespräch mit Oettingen, Ende 1872 // WIA, Bd. 5. S. 260.

³ Gespräch mit Meyer von Waldeck, 11.08.1867 // GW, Bd. 7. S. 220.

⁴ Gespräch mit Bluntschli, 30.04.1868 // GW, Bd. 7. S. 253.

⁵ Gespräch mit Cohen, 05.12. 1880 // GW, Bd. 8. S. 389.

⁶ Из Берлина. В замке у князя Бисмарка. Часть II // Новое время. 3 (15) мая 1890. №5091.

⁷ Tiedemann C.v. Op. cit. S. 188.

⁸ Gespräch mit Busch, 05.01.1886 // WIA, Bd. 7. S. 347.

гг. Бисмарк вспоминал, что еще в период своей дипломатической миссии в Петербурге чувствовал на себе ненависть, основанную на зависти и проявлявшуюся в основном у представителей младшего поколения российской элиты¹. Выше уже приводилось высказывание Бисмарка о российской прессе, которая разжигала ненависть к немцам, отождествляя их со всем, что настоящий русский должен презирать и ненавидеть². Легко заметить, что «железный канцлер» придает отношениям русских и немцев черты противоборства двух рас со своими несовместимыми характерами.

Политику формирования и продвижения национальных управленческих кадров Бисмарк считал губительной для России. «Русское «образование», несомненно, ухудшилось за последние 30 лет, с тех пор как император Николай начал отрезать у него немецкие корни», – писал он в одном из своих донесений, будучи прусским послом в Петербурге³. Итогом, по его мнению, стал катастрофический дефицит «действительно образованных людей» среди управленческих кадров⁴. Без немцев, категорически утверждал Бисмарк в 1872 г., русские не смогут справиться с государственным управлением⁵. Об определенном рода вырождении российской элиты по мере ее «русификации» он неоднократно писал и в своих мемуарах⁶.

«Оборачиваясь на русскую историю начиная с эпохи Петра Великого, можно констатировать, что немцы (включая российских монархов) сыграли большую роль в том, что на протяжении полутора веков правительственная машина империи работала пусть небезупречно, но в целом надежно и равномерно, – писал Бисмарк германскому кронпринцу в 1881 г. – Однако после смерти императора Николая началось постепенное вытеснение немцев из всех органов власти и русификация последних. По мере развития этого процесса нарастали дезорганизация и неэффективность управленческого аппарата.

¹ Weisung, 18.10.1882 // NFA, Bd. 5. S. 265.

² Erlaß an Schweinitz, 16.04.1880 // NFA, Bd. 4. S. 402.

³ Bericht an Wilhelm I, 10.11.1861 // WIA, Bd.2. S. 403.

⁴ Privatschreiben an Bernstorff, 16.01.1862 // WIA, Bd. 2. S. 411.

⁵ Gespräch mit Oettingen, Ende 1872 // WIA; Bd. 5. S. 260.

⁶ См. Erinnerung und Gedanke // WIA, Bd. 8a. S. 169-171.

Способность славян управлять своим государством без участия немцев была ограниченной еще со времен Рюрика, такой же она осталась и после освобождения от власти монголов. Требования, которые предъявляет к России существование в европейской системе, сделали немецких (или просто иностранных) государственных деятелей, законодателей и генералов еще более необходимыми для нее. Я далеко не уверен, что даже в случае избрания представительского органа появятся национальные кадры, способные заменить немцев»¹.

К балтийским немцам Бисмарк относился с большим сочувствием и симпатией, весьма болезненно воспринимая попытки российского правительства ограничить их автономию. Переход лютеран в православие он воспринимал как процесс с весьма печальными последствиями². Канцлер неоднократно заявлял, что Германия ничем не в силах помочь своим соотечественникам³, кроме радушного приема в случае их эмиграции⁴. В 1860-е гг. он еще рассчитывал на то, что балтийские немцы будут оставаться неременной составляющей российского общества – «тем гуано, которое делает плодородным большую русскую степь»⁵. В дальнейшем он все чаще критиковал в частных беседах политику российского правительства в балтийских провинциях. Первое известное нам высказывание такого рода относится к 1868 г.: «Россия ведет себя очень глупо по отношению к своим балтийским провинциям, которые служат ей лучшей опорой»⁶.

Немцы, утверждал Бисмарк, в случае успешной русификации утратят все свои достоинства и приобретут негативные черты русских, однако в еще большем объеме: «Мои земляки, немцы – очень прилежные, искусные, работающие, честные и экономные граждане. Но если они однажды станут русскими, то потеряют свои старые добрые свойства и приобретут недостатки русских в двойном объеме. Я часто охотился в России и однажды услышал такие слова: «Когда ворует русский,

¹ Schreiben an Kronprinz, 23.05.1881 // NFA, Bd. 4. S. 681.

² Erlaß an Redern, 15.03.1865 // GW, Bd. 5. S. 133.

³ См. напр. Erlaß an Reuß, 09.03.1869 // GW, Bd. 6b. S. 14.

⁴ Berchem an Schweinitz, 20.08.1886 // NFA, Bd. 7. S. 188.

⁵ Gespräch mit Meyer von Waldeck, 11.08.1867 // GW, Bd. 7. S. 221.

⁶ Gespräch mit Keyserling, 10.10.1868 // Ibid. S. 264.

он крадет столько, чтобы ему хватило на один день; если ворует немец, он крадет столько, чтобы и хватило и его детям»¹. Подобного рода высказывания встречаются у Бисмарка неоднократно².

Именно поэтому, полагал канцлер, попытки русифицировать проживающих в Российской империи немцев таят в себе катастрофическую опасность для самой России. «Со стороны правительства неумно и вредно для них же самих, если они разрушат тот питомник хороших генералов [...] и искусных дипломатов, каким для них являлось балтийское дворянство»³, – заявил Бисмарк в беседе со своим помощником, журналистом М. Бушем. Аналогичное, но еще более резкое высказывание мы находим в дневнике генерала Блументаля: «Нам, немцам, будет только выгодно, если русские постепенно изгонят всех своих немцев, потому что Россия без них никогда ничего не сможет»⁴.

Бисмарк весьма неодобрительно относился и к немецкой эмиграции в Россию. В инструкции Швейницу, отправленной в мае 1883 г., он писал: «Немцы, уезжающие в Польшу, [...] становятся рано или поздно российскими подданными и их труд и благосостояние умножают, несомненно, налоговые поступления и экономическое богатство России. Для Германии они в экономическом и налоговом плане оказываются потерянными. [...] Их налоги идут на пользу России»⁵.

Найти замену немцам среди самих русских, скорее всего, попросту не получится, в итоге Россия окажется серьезно ослаблена: «Каждый, кто полагает, что со временем Россия станет его противником, может только удовлетворенно приветствовать уничтожение немецкого элемента, поскольку в результате Российская империя лишается весьма важного фактора эффективности как военного, так и государственного механизма. Россия без племени балтийских чиновников и генералов, которое она прежде с большой пользой привлекала к

¹ Gespräch mit Jokai, 27.02.1874 // WIA, Bd. 5. S. 449.

² См. напр. Brief an Lucius, 24.11.1879 // GW, Bd. 14/II. S. 911.

³ Busch M. Tagebuchblätter. Bd. 3. S. 201.

⁴ Blumenthal L.v. Op. cit. S. 141. См. Gespräch mit Keyserling, 10.10.1868 // GW, Bd. 7. S. 264.

⁵ Erlaß an Schweinitz, 12.05.1883 // NFA, Bd. 5. S. 431.

себе на службу, станет куда менее опасным противником, и отнюдь не для всех вакансий [...] удастся найти замену среди природных русских»¹.

«Для нас не станет проблемой, если русские оттолкнут от себя балтийских немцев. Это касается не только последних, но и немцев в России вообще. Они все лишь усиливают Россию: балтийцы в администрации и армии, немцы в сельском хозяйстве и промышленности. Если русские окажутся предоставлены сами себе, – писал Бисмарк в другом документе, – они станут для нас менее опасными, чем в том случае, если они смогут использовать качественный балтийский элемент. [...] Я, как и прежде, убежден в том, что нам будет только выгодно, если Россия уничтожит свой балтийский питомник генералов и государственных деятелей и тем самым сделает себя импотентной»². Более того: дальнейшее проведение политики русификации, с точки зрения Бисмарка, угрожало самому существованию России как государства: «Если националисты одержат верх над немецкими иммигрантами и балтийскими немцами, они [российское государство – Н.В.] просто распадутся, и от него останутся одни общины»³.

Легко можно видеть, что картина взаимоотношений русских и этнических немцев в российском государстве складывалась в сознании Бисмарка под влиянием двух мощных факторов. Первым являлась уже многократно упомянутая «расовая теория», формировавшая общее представление о характерных чертах германцев и славян. Вторым стала эмоциональная привязанность Бисмарка к своим соплеменникам, многократно усиленная благодаря дружеским связям с представителями балтийского дворянства. Как уже говорилось выше, эмоциональная насыщенность взглядов делает их значительно более устойчивыми к любым изменениям; поскольку отдельные составляющие представления Бисмарка о России тесно связаны друг с другом, эта устойчивость сообщалась и всей системе в целом.

¹ Weisung, 31.10.1882 // NFA, Bd. 5. S. 272.

² Diktat, 08.11.1885 // NFA, Bd. 6. S. 773.

³ Busch M. Tagebuchblätter. Bd. 2. S. 119.

Вытеснение немцев, однако, Бисмарк считал лишь одним из разрушительных процессов, происходящих в российской элите, к которой он по понятным причинам обращался чаще, к любой другой социальной группе.

Элита

В первую очередь необходимо дать определение самому термину «элита» применительно к данному исследованию. Сам Бисмарк не употреблял это понятие, говоря о придворном обществе, аристократии, министрах и т.д. Дополнительная сложность возникает в связи с тем, что, как уже говорилось выше, в высказываниях «железного канцлера» бывает достаточно сложно провести четкую границу между высшим обществом и средними слоями, особенно если их настроения совпадали. Порой только по контексту высказывания мы можем определить, о ком в данном случае идет речь.

Тем не менее, выделение элиты в отдельную категорию имеет смысл. Во-первых, это позволяет более четко проследить эволюцию представлений Бисмарка об общественном мнении и средних слоях. Во-вторых, у образа российской элиты имелся ряд характерных особенностей, которые не относились и по определению не могли относиться к образованному обществу в целом.

В понятие «элита» мы в данном случае включаем людей, близких к центрам принятия политических решений или способных принимать эти решения самостоятельно в силу наличия у них соответствующих полномочий. Таким образом, в состав элиты входили:

- придворное общество в Петербурге;
- представители высшей титулованной аристократии;
- высшая бюрократия, в первую очередь лица, занимавшие министерские должности и другие ключевые посты;
- генералитет.

В своих высказываниях Бисмарк часто не разделял эти круги, тем более что они и фактически тесно переплетались между собой: министры и генералы нередко являлись представителями аристократии и входили в придворное

общество. Именно поэтому и в ходе данного исследования было решено отказаться от дробления данной категории.

Если охарактеризовать общее представление Бисмарка о российской элите, то для этого будет достаточно двух слов: упадок и деградация. Прежняя элита, верная императору и состоявшая в значительной степени из немцев, ушла со сцены, и на смену ей пришла новая, национальная, многие представители которой настроены радикально и националистически, осознанно или неосознанно работают на свержение самодержавия.

«В петербургском обществе во время моего пребывания там присутствовали три поколения, – писал Бисмарк в своих мемуарах. – Самое благородное из них, европейски и классически образованные вельможи эпохи Александра I, уже вымирало. [...] Поколение, которое было похоже на императора Николая или носило его отпечаток, ограничивалось в разговоре придворными делами, театром, карьерой и военными воспоминаниями. [...] Третье поколение, молодые господа, в обществе демонстрировали по большей части меньше вежливости, плохие манеры и, как правило, более сильное отвращение ко всему немецкому, в особенности прусскому, чем первые два поколения. Если кто-либо, не зная русского, обращался к ним по-немецки, они обычно делали вид, что не знают этого языка, отвечали недружелюбно или вовсе не отвечали. В общении с гражданскими лицами они проявляли гораздо меньше вежливости, чем в кругах обладателей униформы или орденов»¹. К счастью, писал Бисмарк, он был по большей части избавлен от необходимости общаться с «молодежью» и сохранил о придворной жизни в России приятные воспоминания². На склоне лет канцлер любил вспоминать о непринужденности, царившей при петербургском дворе в отличие от строгого этикета в немецких столицах³.

¹ Erinnerung und Gedanke // WIA, Bd. 8a. S. 170.

² Ibid. S. 173.

³ Gespräch mit Eulenburg, 30.12.1888 // WIA, Bd. 7. S. 680.

В данном случае высказывания Бисмарка (а их насчитывается в общей сложности 128) демонстрируют определенную эволюцию его взглядов, поэтому правильнее будет рассмотреть их в хронологической последовательности.

Негативное отношение к современной российской элите начало формироваться у Бисмарка еще в 1850-е гг., в период его пребывания на должности прусского представителя в сейме Германского союза во Франкфурте-на-Майне. В частной переписке он не раз заявлял, что в России, похоже, большая проблема с квалифицированными кадрами для занятия высоких должностей¹.

Первые личные впечатления Бисмарка о русском дворе отказались, напротив, достаточно позитивными. В апреле 1859 г. он писал Шлейницу о том, что, «возможно, несправедлив обычный у нас предрассудок в отношении русской аристократии, в соответствии с которым она в своих служебных, социальных и домашних отношениях особенно испорчена и лишена любого чувства права и чести»². Впоследствии Бисмарк с удовольствием рассказывал о богатстве российских аристократов – в частности, дворянского рода Юсуповых, которым ничуть не повредили ни многочисленные конфискации, ни нечистые на руку управляющие, поживившиеся за счет своих хозяев на три миллиона рублей³. «Я обнаружил там гораздо больше верности и веры, человеческой благодарности, много меньше зависти и ревности, чем в других местах», – вспоминал канцлер в 1872 г. в беседе с Лукиусом⁴.

Не щадил Бисмарк только русских чиновников, деятельность которых рисовал самыми черными красками. Впрочем, возможно, здесь сыграло свою роль его негативное отношение к бюрократии как таковой, вне зависимости от гражданства и национальности. Качество управленческих кадров в России он по-прежнему оценивал невысоко⁵. Характерная черта российской элиты – отсутствие

¹ См. напр. Privatschreiben an Manteuffel, 27.12.1857 // WIA, Bd. 2. S. 194.

² Bericht an Schleinitz, 18.04.1859 // GW, Bd. 3. S. 12.

³ Busch M. Tagebuchblätter. Bd. 1. S. 256.

⁴ Gespräch mit Lucius, 28.02.1872 // WIA, Bd. 5. S. 170.

⁵ См. напр. Bericht an Schleinitz, 12.03.1861 // GW, Bd. 3. S. 184.

стратегического кругозора, неспособность предсказать последствия собственных шагов¹.

Тем не менее, уже в этот период Бисмарк отметил появление в российской элите оппозиционного течения, которое, с его точки зрения, находится пока в меньшинстве². В одном из своих докладов он рассказывал о высокопоставленном чиновнике, поднявшем тост за Пугачева³. Это меньшинство Бисмарк характеризовал как «национальное», «либеральное»⁴ или даже «красно-демократическое»⁵. На фоне крестьянской реформы и ухудшения ситуации в Польше ряды «конституционалистов», однако, стремительно пополнялись. Аристократия была недовольна предстоящим освобождением крестьян, которое рассматривала как наступление на свои права, и требовала компенсации⁶. «Несомненно, что здесь есть партии, которые выступают за немедленное введение далеко идущих конституционных учреждений», – писал Бисмарк осенью 1861 г. Эти партии симпатизируют полякам, поскольку рассчитывают, что проведенные там преобразования повлекут за собой реформы и в самой России⁷. Теперь в его глазах «национально-русское» направление включало в себя не меньшинство, а большинство представителей элиты⁸. Ему противостояла «немецкая», консервативная партия, верная императору⁹.

Так сформировалось представление Бисмарка о российской элите, состоявшей из двух партий: консерваторов, лояльных самодержцу и выступавших за сохранение старых добрых порядков, и либералов/революционеров, требовавших преобразований (вплоть до революции) внутри страны и энергичной внешней политики, основанной на панславистских идеях. Первая выступала за

¹ Bericht an Schleinitz, 11.04.1861 // Ibid. S. 214.

² Brief an Schleinitz, 21.12.1860 // Ibid. S. 151.

³ Bericht an Schleinitz, 15.06.1860 // Ibid. S. 81.

⁴ Brief an Auerswald, 30.11.1860 // GW, Bd. 14/I. S. 564.

⁵ Bericht an Schleinitz, 22.12.1860 // GW, Bd. 3. S. 152.

⁶ Bericht an Schleinitz, 28.01.1861 // Ibid. S. 171.

⁷ Bericht an Bernstorff, 05.11.1861 // Ibid. S. 275.

⁸ Telegramm an Wilhelm I, 10.11.1861 // Ibid. S. 284.

⁹ Bericht an Bernstorff, 22.11.1861 // Ibid. S. 295.

сотрудничество с Германией, вторая была профранцузской и пропольской¹. С течением времени первая партия слабела, в то время как вторая усиливалась. Для дальнейшего распространения своего влияния она вела активную пропаганду, нацеленную на средние и низшие слои российского населения; в рамках этой пропаганды, в частности, очернялся образ императора².

Либеральная элита, писал Бисмарк, стремится к радикальным переменам, однако не в состоянии предложить убедительную программу перемен. Весной 1862 г. он сообщал в Берлин о «всеобщем убеждении, которое разделяют в том числе монарх и высшие правительственные круги: так, как сейчас, дальше в России продолжаться не может, необходимы обширные политические изменения. Однако не находится никого, кто смог бы воплотить это темное стремление к лучшему положению дел в форму четких и практичных предложений. Каждый ощущает, «что что-то должно произойти»; но поскольку никто не знает, что именно, трудно предположить, что удастся получить желаемый результат»³. Российская элита вновь представала в глазах Бисмарка недалекой и неспособной играть позитивную роль в государстве.

После прихода Бисмарка на пост главы прусского правительства мы встречаем в его текстах все новые характеристики оппозиционной элиты. Теперь одной из ключевых особенностей последней становится агрессивный национализм. Бисмарк называет ее «московитской»⁴ и «национально-русской»⁵ партией. Как уже говорилось выше, к ее проектам он по-прежнему относился глубоко скептически, называя их «фантазиями»⁶. Усиление данной партии внушало главе правительства беспокойство по поводу будущего развития российско-германских отношений, тем более что Бисмарк причислял к ней и

¹ Rede im Preußischen Abgeordnetenhaus, 28.01.1886 // WIA, Bd. 7. S. 359.

² Bericht an Bernstorff, 15.01.1862 // GW, Bd. 3. S. 317.

³ Bericht an Bernstorff, 02.04.1862 // Ibid. S. 346.

⁴ Schreiben an Schweinitz, 15.01.1868 // GW, Bd. 6a. S. 212.

⁵ Erlaß an Bernstorff, 09.02.1870 // WIA, Bd. 4. S. 388.

⁶ Schreiben an Schweinitz, 15.01.1868 // GW, Bd. 6a. S. 212.

наследника престола, будущего Александра III¹. Так, в 1874 г. он писал о «течениях, благосклонных к французским пожеланиям» в российской элите².

Это беспокойство, однако, оставалось умеренным вплоть до рубежа 1870-80-х гг. В данный период произошли два события, усиливших пессимизм Бисмарка по поводу российской элиты. Первым из них стало резкое ухудшение двусторонних отношений в результате Восточного кризиса и Берлинского конгресса 1878 г; вторым – убийство Александра II в 1881 г. Канцлер все чаще стал говорить о могущественной радикальной группировке в российской элите, которая разжигает шовинизм в обществе и держит курс на свержение самодержавия. Представители этой группировки входят в ближайшее окружение императора и оказывают влияние на принимаемые им решения³. Они же тайно поддерживают нигилистов и практически открыто симпатизируют им⁴. В этот же период появляются еще две характеристики указанной группировки: «революционная»⁵ и «панславистская»⁶. Эти характеристики часто употреблялись вместе, в словосочетании «славянская революция»⁷. В 1880-е гг. канцлер все чаще говорил о той же группировке как о «шовинистах»⁸.

Легко заметить, что Бисмарк использует одни и те же термины для обозначения доминирующего течения в российском общественном мнении и доминирующей группировки в российской правящей элите. Действительно, в текстах 1880-х гг. их становится достаточно сложно, порой практически невозможно отделить друг от друга (соответствующие высказывания в этом случае включались в обе категории). Это в значительной степени определялось ростом влияния общественного мнения и тесной связью между оппозиционной элитой и обществом, на которое она опиралась и которому покровительствовала.

¹ Erlaß an Bernstorff, 09.02.1870 // WIA, Bd. 4. S. 388.

² Erlaß an Münster, 04.02.1874 // NFA, Bd. 2. S. 64.

³ См. напр. Immediatbericht, 31.08.1879 // WIA, Bd. 6. S. 347.

⁴ Rede im Deutschen Reichstag, 09.05.1884 // WIA, Bd. 7. S. 136.

⁵ Schreiben an Wilhelm I, 05.09.1879 // WIA, Bd. 6. S. 361.

⁶ Immediatbericht, 07.09.1879 // NFA, Bd. 4. S. 176.

⁷ Ibid. S. 171.

⁸ См. напр. Erlaß an Schweinitz, 21.03.1882 // NFA, Bd. 5. S. 85.

Тем не менее, определенная разница все же существовала. Элита, с точки зрения Бисмарка, не была заинтересована в полном ниспровержении существующего порядка. Среди ее представителей имелись сторонники серьезных перемен, возможно, даже революционного характера, но не было нигилистов. Последние являлись представителями средних слоев и использовались элитой лишь в качестве инструмента для достижения намеченной цели. «У меня складывается впечатление, – писал Бисмарк кронпринцу в мае 1881 г., – что в высших кругах российского общества распространено представление о том, что конституция есть верное лекарство от всех внутренних болезней русской жизни, а нигилисты полезны для ее достижения. Ошибочность этого представления обнаружится, как только Россия сделает попытку вступить на конституционную почву»¹.

Лидерами «панславистов» в российской элите Бисмарк считал военного министра Д.А. Милютина² и дипломата Н.П. Игнатьева. Главой противоположной, консервативной партии, утратившей реальные бразды правления, он называл П.А. Шувалова³. Бисмарк полагал, что панславистская партия выступает за войну против Германии для того, чтобы укрепить свою власть в стране; он все чаще говорил о «партии войны»⁴. Она настолько влиятельна, что не подчиняется императору и может проводить свою собственную политику⁵.

В том же направлении, согласно мнению канцлера, работало и «женское влияние»⁶, вдохновленное не в последнюю очередь религиозными мотивами⁷. В первую очередь здесь подразумевалась Е.А. Долгорукая, а также великие княжны и княгини, которые, как писал Швейниц из Петербурга, «своей преувеличенной

¹ Schreiben an Kronprinz, 07.05.1881 // WIA, Bd. 6. S. 549.

² Immediatbericht, 06.09.1879 // NFA, Bd. 4. S. 168.

³ Diktat, 03.11.1879 // Ibid. S. 246.

⁴ Erlaß an Reuß, 18.01.1880 // Ibid. S. 294.

⁵ Erlaß an Reuß, 22.12.1880 // WIA, Bd. 6. S. 485.

⁶ Immediatbericht, 07.09.1879 // NFA, Bd. 4. S. 172.

⁷ Erlaß an Schweinitz, 06.02.1880 // Ibid. S. 319.

национальной и религиозной русскостью хотят добиться того, чтобы им простили их происхождение»¹.

Временами в текстах Бисмарка встречается более сложная картина: в инструкции Весделену в феврале 1880 г. он писал о «двух родственных, но еще не тождественных течениях (...) – панславистском, к которому принадлежат Милютин и великие князья, и революционном»². Российский военный министр вызывал у канцлера особую ненависть; Бисмарк однажды назвал его «злым гением» российского императора³. Панслависты, поляки и либералы – именно этот набор сил Бисмарк называл в разговоре с Бушем в начале 1887 г. Три партии действуют совместно, стремясь разжечь войну против Германии; первые просто ненавидят немцев, вторые жаждут независимости, третьи – конституции. Их представители есть в армии, высшей бюрократии и придворных кругах⁴. Однако в большинстве случаев канцлер просто объединял эти партии в рамках единой разрушительной силы.

Мотивы оппозиционной элиты Бисмарк рассматривал как сугубо эгоистичные; либеральные аристократы думают не о России, а лишь о своих интересах. «Сложнее всего, – говорил канцлер в начале 1880 г., – понять их мотивы, поскольку практически всегда играют роль чисто личные интересы. Действительного патриотизма там нет и следа, Россия может гибнуть, лишь бы названные частные интересы оказались при этом удовлетворены»⁵. У русских шовинистов, писал он, нет чувства долга, характерного для европейцев⁶. Канцлер также отказывал представителям российской элиты в уме и дальновидности. В письме Гогенлоэ в 1882 г. он говорил о «падении уровня интеллигентности» в российских высших слоях: «Уровень образования, соответствовавший европейскому в эпоху Александра I, неудержимо катился вниз по метре

¹ Schweinitz H.L.v. Op. cit. Bd. 2. S. 95.

² Erlaß an Wesdehlen, 25.02.1880 // NFA, Bd. 4. S. 344.

³ Schreiben an Kronprinz, 17.12.1880 // Ibid. S. 572.

⁴ Gespräch mit Busch, 27.01.1887 // WIA, Bd. 7. S. 472.

⁵ Gespräch mit Waldersee, 06.02.1880 // WIA, Bd. 6. S. 408.

⁶ Erlaß an Schweinitz, 21.03.1882 // NFA, Bd. 5. S. 85.

вымирания гранд-сеньоров из этой эпохи»¹. В конце 1887 г. на полях документа Бисмарк пренебрежительно писал о российской элите как о «петербургских крестьянах»².

Многие высказывания Бисмарка этого периода относятся к «желтой» категории, то есть продиктованы определенными тактическими соображениями. К примеру, ему было необходимо убедить Вильгельма I в ненадежности российской дружбы и необходимости иметь «страховку» в виде союза с Австро-Венгрией на случай, если русский царь окажется бессилён перед натиском могущественной придворной «партии войны». Действительно ли в таком случае картина, которую рисует Бисмарк в своих текстах, отображает его взгляды?

Нет сомнений, что иногда «железный канцлер» сгущал краски. Однако необходимо вспомнить, что в преувеличении «русской угрозы» он был совершенно не заинтересован, поскольку противостоял сторонникам превентивной войны против России в рядах прусской военной элиты. К тому же в нашем распоряжении имеется достаточное количество аналогичных по смыслу высказываний из «зеленой» категории. На этом основании мы можем сделать вывод о том, что в 1870-80-е гг. Бисмарк действительно с возрастающей тревогой следил за ростом влияния «военной партии» в рядах российской элиты. Подробнее данный вопрос будет рассмотрен в параграфе, посвященном российско-германским отношениям.

Как уже было сказано выше, «железный канцлер» крайне скептически относился к возможным конституционным реформам в России. Их сторонники, писал он, жестоко заблуждаются; последствия слома нынешней системы окажутся разрушительными³. Впрочем, полагал канцлер, некоторые высокопоставленные лица работают именно на разрушение. В одной из бесед он даже предсказывал Александру III судьбу Павла I, то есть напрямую обвинял

¹ Schreiben an Hohenlohe, 03.05.1882 // Ibid. S. 131.

² Marginalie, 15.11.1887 // NFA, Bd. 7. S. 598.

³ См. Schreiben an Kronprinz, 07.05.1881 // WIA, Bd. 6. S. 549.

российскую элиту в действиях, направленных на свержение императора и монархии в целом¹.

Вопрос отношения Бисмарка к возможным политическим преобразованиям в России будет, однако, уместнее рассмотреть в следующей главе, посвященной представлениям «железного канцлера» о российском государстве.

Подводя итог, необходимо отметить, что с точки зрения Бисмарка ситуация в российском социуме становилась с течением времени все более нездоровой. Удаление этнических немцев – этого стового хребта элиты, средних слоев и государственного аппарата – привела к тому, что все недостатки русского национального характера проявили себя в полную силу. Легкомыслие, неспособность к серьезному труду, склонность к фантазиям и самовлюбленность привели к тому, что российское общество начало требовать радикальных перемен, наивно надеясь, что они чудесным образом исполнят все его мечты и устранят существующие проблемы. Вместо упорного созидательного труда в результате избран путь разрушения. Все этом сопровождается всплеском национализма среди элиты и средних слоев населения, который заставляет эмоции доминировать над разумом. Данные разрушительные процессы активно поддерживаются и направляются злонамеренными кукловодами, среди которых особую роль играют поляки; они толкают менее умных и дальновидных русских по пути саморазрушения, рассчитывая извлечь из катастрофы свою выгоду. Хотя в общем и целом Бисмарк не был склонен к идеализации прошлого, однако в данном случае ситуация представлялась ему развивающейся от удовлетворительного и стабильного состояния начала XIX в. к непредсказуемому хаосу.

3.3. Российская государственность

Как уже было сказано выше, взгляды Бисмарка на российскую элиту прошли определенную эволюцию – от сдержанно негативных до глубоко

¹ Gespräch mit Cohen, 12.05.1882 // Ibid. S. 673.

пессимистических. То же можно сказать и о его взглядах на российское государство. В первую очередь это касалось перспектив российской политической системы как таковой.

В XIX веке Российская империя была абсолютной монархией. Однако что это означало на практике? В Германии существует старая пословица: «Император абсолютен, пока делает то, чего хотим мы». Вопрос о том, как далеко простираются возможности самодержца и кому принадлежит реальная власть в государстве, не мог не интересовать Бисмарка – в первую очередь как политика, которому необходимо было выстраивать отношения с восточным соседом. Именно поэтому мы встречаем в его текстах довольно много высказываний на эту тему, и нередко они как минимум отчасти противоречат друг другу. Для анализа эволюции взглядов «железного канцлера» его высказывания вновь следует рассматривать в хронологическом порядке.

Император и конституция

Первые высказывания по вопросу верховной власти в России относятся еще к середине века. В 1853 г. Бисмарк в одном из своих писем приводит российского императора как пример неограниченной власти¹. Однако уже в период своего пребывания на посту прусского посланника в Петербурге он наглядно убедился в том, что далеко не все в России (включая высшие эшелоны власти) происходит по воле императора. В своих письмах королю в 1861 г. он уже сомневался, что личные симпатии российского императора к Пруссии могут являться надежной основой отношений двух стран²; неквалифицированные и злонамеренные советники толкают самодержца по пути, который противоречит его истинным устремлениям и интересам. «Я могу объяснить себе новые решения относительно Польши только в том случае, – писал Бисмарк в апреле 1861 г., – если рассматривать их как результат деятельности, направленной на то, чтобы поставить благородное стремление императора осчастливить свой народ на

¹ Privatschreiben an Manteuffel, 11.05.1853 // GW, Bd. 1. S. 328.

² Bericht an Wilhelm I, 27.01.1861 // GW, Bd. 3. S. 163.

службу тенденциям, истинные цели которых Его Величество не понимает и не разделяет»¹. Александр II поступает слишком великодушно, позволяя царедворцам злоупотреблять своим доверием и не избавляясь от откровенно некомпетентных управленцев, что негативно влияет на репутацию императора в обществе².

Тем не менее, Бисмарк считал положение императора достаточно прочным³, а веру простых людей в его неограниченную власть – достаточно крепкой для того, чтобы не опасаться масштабных потрясений. Эта вера, по мнению прусского посланника, была необходимой предпосылкой внутренней стабильности в государстве: «Опасность убийственной крестьянской войны усилится в той степени, в которой простой русский утратит веру в неограниченную власть императора»⁴.

С другой стороны, стабильность ситуации в России и способность императора противостоять дурным советникам внушала ему определенные сомнения. Однако крестьянская реформа прошла без серьезных потрясений, а польское восстание оказалось подавленным. Во второй половине 1860-х гг. ситуация в Российской империи в значительной степени стабилизировалась.

Неудивительно, что в этот период Бисмарк все чаще говорит о том, что дружба двух династий является надежной основой двусторонних отношений. «Во главе России мы видим правителя с честным прямым характером и надежностью, который пользуется полным доверием короля, нашего всемилостивейшего повелителя, и личность которого дает нам гарантию того, что взаимное доверие не является ловушкой и не будет использовано против нас», – писал он в инструкции Рейссу в феврале 1868 г.⁵ Однако инструкции дипломатическим представителям, которые Бисмарк рассылал в роли главы правительства, – источник достаточно коварный, как уже неоднократно говорилось выше. Часто

¹ Bericht an Wilhelm I, 04.04.1861 // WIA, Bd. 2. S. 362.

² Bericht an Bernstorff, 15.01.1862 // GW, Bd. 3. S. 317.

³ Bericht an Bernstorff, 05.11.1861 // WIA, Bd. 2. S. 400.

⁴ Bericht an Wilhelm I, 10.11.1861 // Ibid. S. 403.

⁵ Erlaß an Reuß, 16.02.1868 // WIA, Bd. 4. S. 241.

они отражали не столько личную точку зрения канцлера, сколько официальную позицию, которую он считал нужным озвучивать. Поскольку практически все высказывания этого периода, в которых Бисмарк изображает императора единственным творцом и гарантом российской внешней политики, известны нам именно из дипломатических инструкций, мы вправе усомниться в том, что канцлер действительно видел положение дел именно таким образом. В это же время напор «национально-русской» партии в рядах элиты начинает представлять в его текстах в качестве важного фактора, влияющего на принятие внешнеполитических решений¹.

В 1870-е гг., как уже говорилось выше, деятельность «национальной» партии вызывала у Бисмарка возрастающую тревогу. Канцлер рисовал ее в своих высказываниях все более могущественной и нередко говорил о том, что император с трудом может – или вовсе неспособен – сопротивляться ей. «Следует учитывать возможность, – заявлял канцлер в 1876 г., – что император, если он вопреки настроению части русских захочет продолжать следовать мирным путем, возможно, вынужден будет избегать впечатления, что делает это под влиянием немцев и по нашему наущению поступает вопреки национальным русским чаяниям»². В феврале 1878 г., еще до Берлинского конгресса и вызванного им резкого ухудшения двусторонних отношений, Бисмарк писал: «Император Александр лично заслуживает доверия нашего всемилостивого государя, но я опасаюсь, что российская политика формируется не собственными решениями императора Александра, а расчетами его советников, враждебных нам, и в собственноручно написанных посланиях императора Александра мы имеем дело не с его благородной натурой, а с сообществом враждебных Германии интриганов Горчакова, Игнатьева и Милютина»³.

Чем дальше, тем чаще российский император предстал в устах Бисмарка игрушкой в руках других сил. Осенью 1878 г. в беседе с Эттингером канцлер

¹ Erlaß an Bernstorff, 20.03.1868 // GW, Bd. 6a. S. 314.

² Diktat, 30.08.1876 // WIA, Bd. 5. S. 717.

³ Diktat, 11.02.1878 // NFA, Bd. 3. S. 404.

заявил, что начать войну против Османской империи Александра II отчасти вынудила пресса¹. Это «отчасти» вскоре исчезло², и в дальнейшем Бисмарк не раз повторял, что российский император объявил войну туркам помимо своей воли, под давлением элиты и общественности³, в надежде таким образом укрепить свое положение внутри государства⁴.

Безусловно, в докладах Вильгельму I осенью 1879 г. канцлер преследовал совершенно определенную цель, изображая российского императора заложником своего окружения, которому тот неспособен противостоять⁵ – «полностью находящимся под влиянием генералов, особенно военного министра Милютина, и панславистской агитации»⁶. В принципе, говоря об образе российских императоров (Александра II и Александра III) в текстах Бисмарка, нужно учитывать, что значительная часть этих текстов относилась к «желтой» категории. В рамках коммуникации с различными адресатами (от Вильгельма I до широкой общественности) главе правительства по разным причинам было важно подчеркивать положительные качества и намерения российских монархов.

Однако нет сомнений, что Бисмарк был убежден в существовании в высших эшелонах власти в России внушительной силы, неподконтрольной монарху и оказывающей большое влияние на внешнюю и внутреннюю политику страны. Так, в письме Лукиусу в ноябре 1879 г. канцлер писал о «России императора» и «России военного министра»⁷. Спустя несколько месяцев в инструкции Швейницу он разделял политику императора и политику князя Горчакова как два соперничающих друг с другом направления⁸. Российская власть, писал он Рейссу, сейчас далеко не столь монолитна, как некогда; договориться с царем и даже наследником престола уже недостаточно, поскольку независимые от них силы

¹ Gespräch mit Oettingen, 15.10.1878 // GW, Bd. 8. S. 279.

² Schreiben an Ludwig II, 10.09.1879 // GW, Bd. 14/II. S. 906.

³ См. напр. Erinnerung und Gedanke // WIA, Bd. 8a. S. 476.

⁴ Schreiben an Wilhelm I, 24.08.1879 // WIA, Bd. 6. S. 343.

⁵ Immediatbericht, 07.09.1879 // NFA, Bd. 4. S. 173.

⁶ Gespräch mit Mitnacht, 11.09.1879 // GW, Bd. 8. S. 324.

⁷ Brief an Lucius, 24.11.1879 // GW, Bd. 14/II. S. 911.

⁸ Erlaß an Schweinitz, 09.02.1880 // NFA, Bd. 4. S. 325.

ведут собственную политику¹. Возвращение России к политике «Союза трех императоров» в начале 1880-х гг. он расценивал как победу «консервативной» фракции в окружении Александра II над «шовинистически-панславистской»². О независимости Горчакова на Берлинском конгрессе Бисмарк писал впоследствии и в своих мемуарах³.

В этот период Бисмарк, тем не менее, продолжал называть российскую политическую систему абсолютизмом, а императора – абсолютным монархом⁴. «Будет ли Россия вести войну, зависит исключительно от воли императора», – писал он в 1880 г. военному министру Камеке⁵. Насколько, с его точки зрения, подходит России эта модель? Возможно, ситуация изменится, если превратить империю Романовых в конституционную монархию по германскому образцу? Бисмарк испытывал в этом глубокие сомнения.

«Реформы, необходимые, чтобы обеспечить здоровье или хотя бы начало выздоровления Российской империи, будет провести гораздо сложнее, чем сейчас, если подписи императора будет недостаточно для вступления в силу новых законов, – писал канцлер кронпринцу в мае 1881 г. – Абсолютная монархия, на мой взгляд, еще должна сослужить русским службу – провести необходимые хирургические операции быстро и твердо. Все образованные русские, с которыми я говорил в последние недели, ожидают немедленного исцеления всех своих недугов в случае введения конституции. Национальное легкомыслие мешает даже самым рассудительным из них подумать о том, каким же образом конституция сможет разрешить все проблемы империи. Даже совещательный сословный орган, где решения будут приниматься большинством голосов, попросту заблокирует предлагаемые императором законы, не компенсируя это парламентской инициативой. Болезненное желание русских считаться столь же цивилизованными, как и жители Западной Европы, поначалу окажется

¹ Erlaß an Reuß, 22.12.1880 // WIA, Bd. 6. S. 485.

² Limburg-Styrum an Keudell, 19.05.1881 // NFA, Bd. 4, S. 678.

³ Erinnerung und Gedanke // WIA, Bd. 8a. S. 459.

⁴ См. напр. Brief an Schweinitz, 24.01.1877 // WIA, Bd. 6. S. 2.

⁵ Schreiben an Kameke, 04.05.1880 // NFA, Bd. 4. S. 414.

удовлетворено: ведь конституция в их глазах является таким же признаком цивилизации, как одежда европейского покроя. Но я не верю в то, что русский парламент сможет сделать правительству какие-либо практические предложения. Мне думается, что он так и не выйдет за пределы критики существующего порядка, как это происходит у всех протестных партий в нашей стране, в Вене или Италии: они могут блокировать и дезорганизовать работу правительства, но не в состоянии договориться о позитивных шагах. [...] У русских результат окажется – я в этом уверен – намного хуже, когда они со всем энтузиазмом новичков окунутся в дисгармонию парламентских выступлений. Поскольку все образованные русские в унисон требуют введения конституционных учреждений, не сомневаюсь, что мы вскоре сможем наблюдать за ходом эксперимента»¹.

Действительно, в 1880-е гг. Бисмарк считал серьезный внутренний кризис в России с переходом к ограниченной монархии или даже республике все более вероятным. «Не считаю невозможным переход из крайности абсолютизма в крайность анархии», – писал он в 1880 г.² В 1882 г. речь шла о «непредсказуемых внутренних переворотах и взрывах в России»³.

Ничего хорошего для самой России Бисмарк от такой перспективы не ждал. Для Германии внутренние перемены в России могли оказаться более благоприятными, поскольку ограничили бы возможность русских проводить экспансионистскую внешнюю политику. «Возможно, в русской внутренней политике произойдут изменения, которые сделают более умеренной внешнюю, – писал канцлер в 1883 г. – Для этого даже не нужно больших потрясений, а лишь более серьезный, чем прежде, финансовый кризис, крестьянские волнения или переход на путь парламентских учреждений. Последнее не исключено даже при нынешнем монархе и, вероятно, предоставит русским достаточно занятий внутри страны и очень осложнит продолжение нынешней расточительности в сфере военных расходов»⁴. Перспективы России безрадостны, писал Бисмарк

¹ Schreiben an Kronprinz, 23.05.1881 // Ibid. S. 681-682.

² Erlaß an Reuß, 06.04.1880 // Ibid. S. 389.

³ Busch an Reuß, 24.03.1882 // NFA, Bd. 5. S. 88.

⁴ Erlaß an Reuß, 15.09.1883 // WIA, Bd. 7. S. 40.

баварскому королю, однако «для мира и безопасности Германии и Австрии внутреннее разрыхление России не станет серьезной угрозой, поскольку с ослаблением государственной власти будет наверняка связано и уменьшение наступательной ценности русских вооруженных сил»¹.

Далеко не все прогнозы Бисмарка на этот счет были, однако, столь оптимистичными. Возможно, кризис на некоторое время поглотит энергию русских внутренними делами, однако он может привести и к всплеску национализма и агрессивности во внешней политике – писал канцлер Рейссу в 1880 г.² «Мы должны считаться с возможностью разрыва дружбы с Россией в результате революционного напора или восстания», – отмечал он семь лет спустя³.

«Не только в Англии не знают, чего хотят, – заявил Бисмарк в беседе со своим врачом. – Еще больше этого в России. Никто не знает, кто же там, собственно, правит. [...] Все согласны только в том, что дальше так продолжаться не может, но никто не знает, что должно появиться взамен»⁴. Естественно, убийство императора Александра II только укрепило Бисмарка в своем мнении; он ожидал скорой гибели нового монарха в результате покушения или дворцового заговора⁵. Некоторые высказывания Бисмарка тех лет пророчат российской политической системе практически неизбежное крушение⁶, а слова о том, что с уверенностью смотреть в будущее России невозможно, встречаются в его текстах регулярно⁷.

Примерно с 1884 г., однако, к Бисмарку возвращается по крайней мере частичная уверенность в прочности российского государственного строя. Он вновь начинает говорить об императоре как о решающем игроке в рамках

¹ Schreiben an Ludwig II, 31.07.1881 // WIA, Bd. 6. S. 568.

² Erlaß an Reuß, 06.04.1880 // NFA, Bd. 4. S. 388.

³ Marginalie, 19.03.1887 // NFA, Bd. 7. S. 403.

⁴ Gespräch mit Cohen, 19.10.1880 // GW, Bd. 8. S. 383.

⁵ Gespräch mit Cohen, 12.05.1882 // WIA, Bd. 6. S. 673.

⁶ См. напр. Gespräch mit Cohen, 14.01.1884 // GW, Bd. 8. S. 500.

⁷ См. напр. Busch an Reuß, 17.02.1884 // NFA, Bd. 6. S. 64.

системы принятия решений¹, «определяющем факторе»². Именно российский монарх, в конечном счете, делает выбор между войной и миром³.

Тем не менее, канцлер по-прежнему допускал возможность серьезных внутренних перемен в России⁴ и говорил о том, что неизвестно, «кто обладает императорским влиянием – Александр III или Катков»⁵. Как уже говорилось выше, в начале 1887 г. он даже назвал Каткова «чем-то вроде параллельного правительства»⁶. Бисмарк напрямую сомневался в том, что император сможет навязать свою волю российской прессе и даже чиновникам и дипломатам⁷. Последние, а также генералитет часто обманывают своего государя, не особенно опасаясь его гнева⁸. «Катков достаточно могущественен для того, чтобы оказывать правительству открытое сопротивление, и я опасюсь, что мои надежды относительно излечимости недуга были ошибочными, и что все наши усилия, направленные на то, чтобы добиться от России признания наших шагов навстречу ей и взаимности, являются тщетными», – писал Бисмарк германскому послу в Петербурге Швейницу⁹. «Император Александр хочет мира не только с нами, но и с Австрией; однако у него не хватит мужества отстаивать свое мнение перед своими подданными и своими газетами», – докладывал канцлер своему монарху в 1887 г.¹⁰

В словах Бисмарка, сказанных австро-венгерскому престолонаследнику принцу Рудольфу весной 1887 г., мы слышим все те же мотивы: «Канцлер считает Россию намного более демократической, чем обычно принято ее рассматривать, и думает, что революции и как следствие российская республика могут появиться очень скоро, если для этого представится возможность. Многие в России ждут

¹ См. напр. Rottenburg an Berchem, 18.07.1886 // NFA, Bd. 7. S. 166; Berchem an Reuß, 30.08.1889 // NFA, Bd. 8. S. 538.

² Schreiben an Waldersee, 07.12.1887 // NFA, Bd. 7. S. 626.

³ Schreiben an Schweinitz, 03.04.1887 // GW, Bd. 6c. S. 358.

⁴ Schreiben an Bronsart von Schellendorf, 27.10.1886 // WIA, Bd. 7. S. 415.

⁵ Schreiben an Bronsart von Schellendorf, 24.12.1886 // Ibid. S. 427.

⁶ Erlaß an Radowitz, 17.02.1887 // NFA, Bd. 7. S. 371.

⁷ Telegramm an Hatzfeldt, 19.11.1887 // WIA, Bd. 7. S. 548.

⁸ Herbert von Bismarck an Moltke, 26.12.1887 // NFA, Bd. 7. S. 649.

⁹ Erlaß an Schweinitz, 25.02.1887 // Ibid. S. 381.

¹⁰ Immediatschreiben, 28.07.1887 // WIA, Bd. 7. S. 523.

только проигранной войны, чтобы избавиться от династии»¹. Агрессия со стороны России, писал Бисмарк Рейссу год спустя, вполне возможна; однако не менее вероятно, что «внутренний упадок и разложение» империи Романовых наступят раньше².

Рассматривая высказывания Бисмарка 1886-1888 гг., необходимо учитывать контекст «военной тревоги», в рамках которого канцлеру на определенном этапе было выгодно представлять российских панславистов как серьезную угрозу и преувеличивать их возможности³. Тем не менее, нет оснований сомневаться в том, что скепсис Бисмарка относительно устойчивости самодержавия был вполне искренним. Тем более что и многочисленные высказывания о решающей роли монарха в системе принятия решений тоже зачастую определялись контекстом – например, необходимостью сдерживать апологетов превентивной войны, заявлявших о бессмысленности любых договоренностей с Петербургом. В обстановке «военной тревоги» Бисмарк вел двойную игру, стремясь в общении с одними собеседниками преувеличить «русскую угрозу», а с другими – напротив, снизить накал страстей. Именно этим объясняются расхождения в его высказываниях данного периода, касавшихся возможностей российского самодержца и стабильности внутренней ситуации в России.

Реальные представления Бисмарка конца 1880-х гг. находились, по всей видимости, между двух крайностей. С одной стороны, он считал императора на данный момент ключевой фигурой в сфере принятия решений, с другой – видел в «партии войны» весьма серьезную силу, которой самодержец не всегда в состоянии противиться, особенно с учетом «беспокойства за личную безопасность русского монарха»⁴. «Чтобы быть в курсе русских дел, – заявлял Бисмарк уже после своей отставки журналисту С. Уитмену, – необходимо знать, кто в настоящий момент оказывает господствующее влияние на царя»⁵.

¹ Gespräch mit Kronprinz Rudolf, 17.03.1887 // Ibid. S. 489.

² Erlaß an Reuß, 03.05.1888 // Ibid. S. 641.

³ См. Власов Н.А. Бисмарк. С. 381-387.

⁴ Immediatbericht, 03.04.1888 // WIA, Bd. 7. S. 625.

⁵ Whitman S. Op. cit. P. 127.

Таким образом, можно видеть, что взгляды Бисмарка на реальный масштаб императорской власти проделали за три десятилетия (с конца 1850-х по конце 1880-х гг.) определенную эволюцию. Этот процесс не был линейным и во многом отражал внутривполитическое развитие России; кризисные явления рубежа 1870-80-х гг., естественно, не ускользнули от внимания канцлера. Тем не менее, даже последовавшая за этим относительная стабилизация режима не заставила его вернуться к своим ранним взглядам на данный вопрос.

Устойчивым паттерном в мировоззрении Бисмарка являлось противопоставление фигуры монарха либеральной, панславистской группировке в российской элите и обществе. Эта бинарная оппозиция существовала не только в сознании канцлера; подобные взгляды были распространены достаточно широко. К примеру, именно так рисовал ситуацию в России в своих донесениях и дневниках германский посол в Петербурге Швейниц¹. Именно поэтому мы можем утверждать, что позитивный в целом образ российских монархов как сторонников мира и стабильности в текстах Бисмарка объясняется не только контекстом их возникновения, но и искренним убеждением «железного канцлера».

Однако возможности российского императора с точки зрения «железного канцлера» неуклонно сокращались. Здесь, опять же, нужно обратить внимание на контекст многих документов эпохи после Берлинского конгресса, заставлявший Бисмарка драматизировать ситуацию. Тем не менее, эволюция его взглядов была вполне реальной – она логическим образом вытекала из его представлений о процессах, происходивших в российском социуме. Общественное мнение становилось все более могущественным, элита – все более оппозиционной, верная императору консервативная партия теряла свои позиции. Неудивительно, что если в 1860-е гг. «партии перемен» в русской элите приходилось обманывать императора, чтобы повести его по нужному пути, то в 1880-е гг. она, по мнению Бисмарка, могла оказывать на самодержца прямое давление или даже проводить свою политику помимо него и вопреки его воле.

¹ См. Schweinitz H.L.v. Op. cit.

Внутренние потрясения канцлер видел весьма вероятными, но не неизбежными. Их итог, полагал канцлер, окажется негативным для самой России и будет иметь непредсказуемые последствия для ее соседей. Однако эти негативные прогнозы не означали, что Бисмарк считал идеальным нынешнее положение дел. Это особенно заметно по высказываниям о российском государственном аппарате, чиновниках и установленных ими порядках.

Государственный аппарат и чиновники

С неизмеримо трудной задачей столкнется исследователь, который попытается найти в текстах Бисмарка хотя бы одно доброе слово о российских чиновниках. «Железный канцлер» в принципе негативно относился к бюрократии, и это, безусловно, оказало влияние на сложившийся образ. Однако именно ситуация в России выглядела в его глазах сплошным темным пятном без какого-либо проблеска. Коррупция, некомпетентность, произвол, отсутствие всякого уважения к закону и человеческому достоинству, ложь и очковтирательство на всех уровнях – именно такую картину рисует нам Бисмарк. Единственным исключением являлись, с его точки зрения, немецкие чиновники и государственные деятели; однако российские власти занимались успешным их вытеснением, что лишало страну всякой надежды на нормальное положение дел.

О проблемах с управленческими кадрами в России Бисмарк, как уже говорилось выше, заявлял еще в 1850-е гг. В 1857 г., готовясь впервые пересечь границу империи Романовых по приглашению Кейзерлинга, он насмешливо писал жене, что при желании «калитку» можно без проблем открыть «серебряным ключиком»¹. Очевидно, Бисмарк в этот период находился под влиянием распространенных в Западной Европе стереотипов о коррупции в России. Однако вскоре у него появился шанс приобрести личный опыт пребывания в империи Романовых. В результате его мнение если и изменилось, то только в худшую сторону.

¹ Brief an die Gattin, 29.08.1857 // WIA, Bd. 2. S. 186.

Уже в апреле 1859 г. свежеиспеченный прусский посланник в Петербурге писал Шлейницу о «падении нравов и гнилости», которая наблюдается в кругах российского чиновничества; среди чиновников наиболее коррумпированными являются те, которые отвечают за армейские и гражданские поставки и строительство. «При этом, – добавлял Бисмарк, – я вовсе не хочу сказать, что остальные ведомства могут выдержать какое-либо сравнение с нашими судебными и административными кадрами»¹. Чтобы оценить в полной мере это высказывание, необходимо знать, как негативно Бисмарк в иных обстоятельствах отзывался о немецких чиновниках и судьях. «Самая тяжкая болезнь Российской империи, – писал прусский посланник в Берлин в следующем году, – есть армия плохо оплачиваемых и неспособных чиновников»². Бисмарк выделял следующие ключевые проблемы российского бюрократического аппарата.

1. Некомпетентность, отсутствие у массы чиновников необходимых профессиональных качеств. Эта некомпетентность распространяется на весь государственный аппарат в целом, включая те его составляющие, которые обычно считаются эффективными: «Столь знаменитая тайная полиция из Третьего отделения на самом деле откровенно плоха, почти столь же плоха, как и криминальная полиция»³. Российские чиновники, по мнению Бисмарка, плохо представляют себе реальное положение дел в стране⁴. К концу своего пребывания в Петербурге прусский посланник писал об «обычной дозе бюрократической неловкости» российских чиновников⁵. Одним из серьезных недостатков он также считал отсутствие способности принимать самостоятельные решения: «У русских чиновников и старших офицеров отсутствует решимость действовать самостоятельно в решающий момент»⁶. Отсюда катастрофический дефицит квалифицированных администраторов, в особенности высокого уровня⁷.

¹ Bericht an Schleinitz, 18.04.1859 // GW, Bd. 3. S. 13.

² Bericht an Schleinitz, 22.12.1860 // Ibid. S. 152.

³ Privatschreiben an Bernstorff, 13.11.1861 / WIA, Bd. 2. S. 408.

⁴ Telegramm an Wilhelm I, 10.11.1861 // GW, Bd. 3. S. 282.

⁵ Brief an Bernstorff, 25.11. 1861 // Ibid. S. 298.

⁶ Bericht an Schleinitz, 12.03.1861 // Ibid. S. 184.

⁷ Privatschreiben an Bernstorff, 16.01.1862 // WIA, Bd. 2. S. 411.

2. Бюрократический произвол и неуважение к закону. В России, говорил Бисмарк, не может быть и речи ни о каком строгом соблюдении правовых норм¹. «То, что мы называем правосудием, – писал он в Берлин, – существует только на бумаге, и невозможность положиться на закон во всех гражданско-правовых делах мешает развитию торговли, промышленности и кредита куда больше, чем знаменитая недобросовестность русских чиновников»². Среди российских чиновников и судей «полностью отсутствуют правосознание и личная честь»³. Этот произвол особенно ярко заметен в обращении чиновников с простыми людьми. Любой иностранец, не имеющий при себе бумаг, доказывающих его иммунитет, может быть схвачен на улице и насильно отправлен в солдаты⁴. Для крестьян нет большой разницы, будут ли они подчиняться помещику или государственному чиновнику; последний станет использовать свое положение для того, чтобы выжать из них все соки⁵.

3. Коррупция в среде российских государственных служащих. По мнению Бисмарка, она превосходила все мыслимые границы; «чиновники с жалованьем в 800 рублей тратят в год 40 тысяч»⁶. В одной из бесед Бисмарк рассказывал историю лифляндского дворянина, с которым он был лично знаком. Купив имение, этот дворянин вскоре оказался вовлечен в судебную тяжбу и отправился в Петербург, где направил прошение в сенат. Не добившись успеха, лифляндец обратился за помощью к Бисмарку, который навел справки и выяснил, что необходимо дать взятку одному из сенатских служащих, чтобы дело вообще сдвинулось с мертвой точки. Взятка была дана следующим образом: лифляндский дворянин отправился к чиновнику и приобрел у него за 350 рублей старую, плохого качества картину, не имевшую равным счетом никакой ценности. После

¹ Bericht an Schleinitz, 27.01.1861 // GW, Bd. 3. S. 165.

² Bericht an Schleinitz, 02.03.1861 // Ibid. 3. S. 182.

³ Bericht an Bernstorff, 05.11.1861 // WIA, Bd. 2. S. 401.

⁴ Brief an Jakob Becker, 11.07.1859 // GW, Bd. 14/I. S. 534.

⁵ Bericht an Schleinitz, 14.04.1861 // GW, Bd. 3. S. 221.

⁶ Gespräch mit Dalwigk und Hadeln, 16.07.1861 // GW, Bd. 7. S. 43.

этого дело было стремительно улажено. Стоит подчеркнуть, что Бисмарк рассказывал об этом как о типичном, а не единичном явлении¹.

4. Тесно связанный с коррупцией непотизм. «Переход к новой системе налогов был сопряжен с внезапной переменой в министерстве финансов, которая характерна для здешней административной системы, – докладывал Бисмарк в Берлин в начале 1862 г. – Учитывая то искушение, которому будут подвергаться чиновники, ответственные за сбор алкогольного акциза, им были назначено относительно высокое жалование. Статс-секретарь фон Гроте из министерства финансов с особой тщательностью составил список самых надежных кандидатов на руководящие должности. Министр финансов Князевич, согласно мнению общественности, лично честен, но находится под влиянием близких родственников, пользующихся дурной славой и навязавших своему дядюшке другой список, в котором стоят одиозные фамилии. Их включение туда было оплачено обещанием выплатить годовое жалование двум племянникам министра. Статс-секретарь фон Гроте заявил, что подает в отставку, если министр будет настаивать на своем списке. Господин Князевич принес это прошение об отставку императору, но когда последний уже был готов ее принять, нашел в себе достаточно честности, чтобы заявить: для страны будет полезнее, если император отправит в отставку его самого и примет список, составленный господином фон Гроте»².

5. Медлительность и волокита. Бюрократический и судебный аппарат работает с невероятной медлительностью; то, что в Пруссии делается за 24 часа, занимает в России столько же дней³. Даже если русская инстанция находится по соседству, получить от нее ответ раньше чем через три месяца практически невозможно⁴. Законотворческий процесс тоже продвигается с большим скрипом; вместо упраздненных структур в течение года так и не создали ничего нового,

¹ Ibid.

² Bericht an Bernstorff, 09.02.1862 // GW, Bd. 3. S. 324.

³ Bericht an Schleinitz, 27.01.1861 // Ibid. S. 165.

⁴ Brief an Kleist-Retzow, 08.08.1861 // GW, Bd. 14/I. S. 575.

хотя бы временного¹. «Горы бумаги и формуляров» подавляют любое нормальное функционирование, не говоря уже о развитии².

6. Предпочтение частных интересов общей (в первую очередь государственной) пользе. В качестве примера Бисмарк рассказывал о том, что в России для почтовых перевозок используются не дешевые и быстрые железнодорожные линии, а старые тракты, потому что держатели почтовых станций не хотят терять источник доходов³.

Словно подводя итог всему сказанному, Бисмарк осенью 1861 г. писал в Берлин: «На мой взгляд, самой серьезной опасностью для российской державы является неизлечимый в долгосрочной перспективе вред от коррупции чиновников и офицеров; из него вытекает отсутствие любого правосудия и силы закона, что делает невозможным подъем общественного благосостояния и финансов»⁴. Более того, эта проблема увеличивает опасность революции, поскольку грехи бюрократов ложатся в глазах простых русских в том числе на плечи императора⁵. «Там, где чувство права и личной чести утрачены в столь полной мере, как в российской администрации и юстиции, связанные с этим злоупотребления будут еще долго создавать почву для требований государственного переворота. Убежденность в том, что ситуация должна измениться, будет вновь и вновь усиливаться при любой форме правления, которой Россия себя увенчает, пока не удастся создать сословие честным чиновников и судей», – писал прусский посланник в Берлин⁶.

Говорить о том, что Бисмарк в данном случае руководствовался исключительно стереотипами, не приходится; он имел достаточный личный опыт для того, чтобы составить собственное мнение о российском административном аппарате. Это мнение затем не менялось на протяжении всей его оставшейся жизни. При этом взгляды Бисмарка на российскую бюрократию гармонировали с

¹ Bericht an Bernstorff, 16.01.1862 // GW, Bd. 3. S. 322.

² Privatschreiben an Bernstorff, 16.01.1862 // WIA, Bd. 2. S. 411.

³ Bericht an Schleinitz, 18.04.1859 // GW, Bd. 3. S. 11.

⁴ Bericht an Bernstorff, 05.11.1861 // WIA, Bd. 2. S. 400.

⁵ Bericht an Bernstorff, 15.01.1862 // GW, Bd. 3. S. 317.

⁶ Bericht an Bernstorff, 05.11.1861 // WIA, Bd. 2. S. 401.

его «расовой теорией», в соответствии с которой только немцы были способны выступать в роли трудолюбивых, эффективных и честных управленцев.

В застольных разговорах 1860-90-х гг. Бисмарк не раз возвращался к этой теме, рассказывая о своем российском опыте. Так, в беседах с Вильмовски в 1867 г. Бисмарк заявил, что полностью разделяет тот взгляд на русских чиновников, который сложился в немецком обществе. Сам он категорически не стал бы переезжать в страну, в которой законы не значат ничего; русские чиновники ненадежны и продажны¹. «Он не устал рассказывать о неэффективности применения законов в России, о ненадежности и взяточничестве русских чиновников», – вспоминал Вильмовски². Три годами позже он подробно описывал механизм дачи взятки в Петербурге: совершенно не требовалось передавать деньги напрямую, следовало просто зайти в дорогой магазин, принадлежавший чиновнику или его жене, и совершить там очень крупную покупку³. Бисмарк заявлял, что российская бюрократия может просто не выполнить распоряжения вышестоящих инстанций⁴. «Россия все еще гнила, – говорил канцлер своему врачу в 1884 г. – Там воруют столько же, а может и больше, чем раньше»⁵. В деловой переписке канцлер также не раз говорил о низком качестве⁶, бесчестности⁷ и произволе⁸ российской бюрократии.

Образ действий российской бюрократии порождал соответствующее отношение к ней со стороны простых людей. В одной из застольных бесед Бисмарк вспоминал, как в бытность посланником в Петербурге захотел купить дрова у крестьян, приплывших на барже. Однако крестьяне приняли его за чиновника и попросту сбежали, очевидно, подумав: «Нет уж, когда придет время

¹ Wilmowski G.v. Op. cit. S. 32-33.

² Ibid. S. 139.

³ Tischgespräch, 26.01.1871 // GW, Bd. 7. S. 485.

⁴ Tischgespräch, 26.01.1879 // GW, Bd. 8. S. 292.

⁵ Gespräch mit Cohen, 11.10.1884 // WIA, Bd. 7. S. 197.

⁶ Schreiben an Achenbach, 10.08.1877 // WIA, Bd. 6. S. 62.

⁷ Schreiben an Herbert von Bismarck, 02.12.1888 // NFA, Bd. 8. S. 323.

⁸ Schreiben an Bülow, 04.02.1878 // NFA, Bd. 3. S. 390.

платить, он скажет, что мы все украли, и посадит нас за решетку, пока мы не согласимся отдать все даром»¹.

О своем отношении к российской бюрократии Бисмарк не стеснялся заявлять и на публике. Выступая в ландтаге в 1867 г., он говорил о медлительности российских учреждений и произволе чиновников². В 1880-е гг. Бисмарк все чаще упоминал негативные стороны российского чиновничества в контексте революционной угрозы, зреющей внутри России. Как уже говорилось выше, канцлер считал, что значительная часть чиновников, в том числе высокопоставленных, нелояльны императору и тайно поддерживают нигилистов, надеясь таким путем прийти к конституционной монархии или республике.

Российские чиновники, писал Бисмарк, проводят свою собственную политику, идя наперекор монарху: «Нехватка дисциплины, которую император терпит и которая поэтому проявляется в действиях русских дипломатов и политических генералов не только в Болгарии. Это – российская особенность, проявившаяся не при нынешнем царствовании; уже при Александре II поведение князя Горчакова на Берлинском конгрессе представляло собой чистый протест и фронду по отношению к российской правительственной политике. Нечто подобное не потерпели бы ни у нас, ни в любом другом государстве, заинтересованном в собственном будущем»³.

Но даже верные режиму чиновники все равно расшатывают его основы благодаря низкому качеству своей работы. «Опасности, грозящие нашему большому соседу в будущем, связаны как с мощью атаки на существующую систему, так и со слабостью обороны. Если бы эта слабость не была столь велика, с атакой удалось бы справиться без больших усилий, – писал Бисмарк кронпринцу в мае 1881 г. – России не хватает честных, умных и энергичных людей, которые могли бы внести правильные предложения, а затем и осуществить их на практике»⁴.

¹ Tischgespräch, 20.11.1870 / GW, Bd. 7. S. 411.

² Rede im Haus der Abgeordneten, 25.01.1867 // GW, Bd. 10. S. 306-307.

³ Weisung, 12.11.1883 // NFA, Bd. 5. S. 590.

⁴ Schreiben an Kronprinz, 23.05.1881 // NFA, Bd. 4. S. 681.

Если представления Бисмарка об императорской власти претерпевали с течением времени определенную эволюцию, то его взгляды на российский бюрократический аппарат оказались статичными, практически не подверженными каким бы то ни было колебаниями. Чтобы объяснить этот феномен, необходимо вспомнить о факторах, под влиянием которых происходило формирование данной составляющей образа России в мировоззрении «железного канцлера». Помимо «расовой теории», подразумевавшей совершенно однозначную картину результатов назначения этнических русских на руководящие посты, большую роль здесь играла уже упомянутая выше ненависть Бисмарка к профессиональной бюрократии, основанная на переживаниях его детских лет и поэтому эмоционально насыщенная. Об этих факторах с самого начала предопределяли содержание и устойчивость взглядов «железного канцлера»; разумеется, это не отменяет того факта, что он мог найти им массу подтверждений в реальной российской действительности.

Российская армия

Отношение Бисмарка к российской армии, в особенности офицерскому корпусу, было во многом таким же, как и к гражданским чиновникам. Если для солдат (как правило, крестьян) он еще находил время от времени добрые слова, то суждения «железного канцлера» об офицерах были обычно весьма суровы (исключение здесь, разумеется, составляли этнические немцы). В этом нет ничего удивительного – офицеры, в конечном счете, были частью российской элиты, к которой Бисмарк относился без всякой симпатии.

Еще в годы Крымской войны Бисмарк писал о «неискусстве и несчастье, с которыми они дебютируют на каждом новом театре военных действий»; чтобы исправить это, русской армии потом приходится демонстрировать большую храбрость и нести большие потери¹. «Как известно, здесь в армию попадают далеко не лучшие люди, – сообщал он из Петербурга в 1860 г. – Им плохо платят,

¹ Brief an Leopold von Gerlach, 30.05.1855 // GW, Bd. 14/I. S. 402.

нередко они голодают и попрошайничают и очень хорошо знают, как на них наживаются старшие офицеры и чиновники, хорошо живущие за счет их бедности»¹. Только о парадах у него остались положительные впечатления².

Такая картина русской армии – не слишком эффективной, с неспособными и коррумпированными офицерами – сохранилась у Бисмарка и в дальнейшем. В одной из застольных бесед он рассказывал о распространенной в южных губерниях России практике, когда командиры полков эксплуатируют местных крестьян. По словам канцлера, один российский офицер немецкого происхождения рассказывал ему лично, что был назначен командиром кавалерийского полка и очень удивился, когда вскоре после его прибытия в распоряжении части появились крестьяне с телегами, груженными соломой и сеном, пшеницей и овсом. Когда офицер попытался отправить их назад, крестьяне со слезами на глазах начали утверждать, что его предшественник брал именно столько и что они не могут дать больше. Доход командира полка от подобного рода подношений достигал двадцати тысяч рублей в год³. «Чем более благородного происхождения русские офицеры, тем они более скверные, и великие князья здесь не исключение», – заявил Бисмарк в другой беседе⁴. Канцлер достаточно скептически оценивал боеспособность российской армии и в начале кампании 1877-78 гг.⁵

Еще одной характеристикой российского офицерского корпуса в глазах Бисмарка являлась его политическая неблагонадежность. О «ненадежных» офицерах он писал королю еще осенью 1861 г.⁶ «Если бы ничем не занятые с момента заключения мира 1856 года, скучающие в своих плохих гарнизонах и впадающие в нигилизм русские войска не были использованы в 1877 году для войны против Турции, они искали и нашли бы конфликта с Австрией. Если российская армия ничем не занята, она представляет собой угрозу для внутренней

¹ Privatschreiben an Schleinitz, 30.11.1860 // WIA, Bd. 2. S. 346.

² Brief an den Bruder, 08.05.1859 // WIA, Bd. 2. S. 281.

³ Tischgespräch, 10.01.1871 // GW, Bd. 7. S. 468.

⁴ Gespräch mit Tiedemann, 03.08.1877 // GW, Bd. 8. S. 212.

⁵ Herbert von Bismarck an Bülow, 08.05.1877 // NFA, Bd. 3. S. 98.

⁶ Bericht an Wilhelm I, 10.11.1861 // WIA, Bd. 2. S. 404.

безопасности империи и династии», – заявлял Бисмарк в 1885 г.¹ Именно опасность со стороны российской армии заставила Александра II отправить ее на войну против Османской империи². Россия не может быть уверена в своей армии, она пронизана революционными элементами; страна кажется неуязвимой, но не является таковой, – говорил канцлер в беседе с Криспи³. Бисмарк считал вполне возможным, что российские офицеры устроят дворцовый переворот в стиле XVIII века, если монарх не сможет им угодить⁴. После убийства Александра II он даже сомневался в том, что армия принесет присягу новому императору⁵.

В 1880-е гг. Бисмарк все чаще отмечал рост политического влияния, амбиций и одновременно опасности для государства со стороны русского генералитета. Скобелева он называл «честолюбивым генералом, каких прежде не было в российской армии»⁶. Об отношении Бисмарка к Милютину уже говорилось выше; военного министра он считал главой самостоятельной партии, проводившей агрессивную политику⁷. Для генералитета, писал канцлер, характерно отсутствие дисциплины, немыслимое в любой другой европейской армии⁸. Русские генералы являлись в его глазах одной из главных движущих сил «панславистской партии» и толкали страну к войне⁹.

Солдаты хороши, но офицеры коррумпированы, внутри армии процветают злоупотребления – такую картину рисовал Бисмарк в 1887 г.¹⁰ Даже в беседе с корреспондентом «Нового времени», стремясь польстить русским, Бисмарк говорил только о качествах русского солдата, аккуратно обходя стороной офицерский корпус: «Качества русского солдата, его личная доблесть, храбрость, выносливость ко всякого рода лишениям нам также хорошо известны»¹¹.

¹ Immediatbericht, 27.05.1885 // WIA, Bd. 7. S. 276.

² Schreiben an Ludwig II, 06.06.1885 // GW, Bd. 14/2. S. 959.

³ Gespräch mit Crispi, 01.10.1887 // WIA, Bd. 7. S. 542.

⁴ Gespräch mit Cohen, 12.05.1882 // WIA, Bd. 6. S. 673.

⁵ Tiedemann C.v. Op. cit. S. 438.

⁶ Immediatbericht, 18.02.1882 // NFA, Bd. 5. S. 51.

⁷ См. напр. Erlaß an Wesdehlen, 25.02.1880 // NFA, Bd. 4. S. 344.

⁸ Busch an Schweinitz, 19.02.1882 // NFA, Bd. 5. S. 52.

⁹ Gespräch mit Mitnacht, 04.12.1883 // WIA, Bd. 7. S. 57.

¹⁰ Gespräch mit Kronprinz Rudolf, 17.03.1887 // WIA, Bd. 7. S. 488.

¹¹ Два часа у князя Бисмарка. Часть II // Новое время. №5166. 18 (30) июля 1890.

Подводя итог, следует отметить, что образ российской армии у Бисмарка оставался достаточно статичным; события русско-турецкой войны 1877-78 гг. и военная реформа Милютина практически никак на него не повлияли. Со временем он стал лишь чаще говорить о той угрозе, которую армия представляет для императорской власти. Вооруженные силы были для «железного канцлера» частью российского общества и государственной машины, со всеми вытекающими отсюда достоинствами и недостатками. В глазах Бисмарка русская армия не столько впечатляла своей мощью, сколько представляла угрозу для стабильности в стране. Этот образ важен для понимания оценки канцлером вероятности и перспектив гипотетической российско-германской войны, о чем пойдет речь в дальнейшем.

Экономика

Политическим вопросам Бисмарк на протяжении всей жизни уделял куда больше внимания, чем экономическим. Это дало некоторым исследователям повод упрекать его в том, что он не понимал значения экономических сюжетов в международных отношениях. Неудивительно, что высказываний о российской экономике у Бисмарка немного – всего 22. Подавляющее большинство из них приходится на период его пребывания на посту главы правительства.

Вкратце отношение Бисмарка к российской экономике и экономической политике правительства можно охарактеризовать такими словами, как архаичность, неэффективность, бедность. Выше уже говорилось о том, что «железный канцлер» считал невозможным значимый экономический прогресс, пока в России процветают коррупция и беззаконие.

Российские государственные деятели, писал Бисмарк в Берлин в начале 1862 г., руководствуются «устаревшими теориями» в финансовой сфере¹. «Было бы весьма желательно, чтобы наши торговые связи развивались лучше, чем сейчас, – заявил глава правительства в ландтаге несколько лет спустя. – Но реформу устаревшей на десятилетия системы меркантилизма быстро не

¹ Bericht an Bernstorff, 09.02.1862 // GW, Bd. 3. S. 325.

произвести, и при своеобразном устройстве российского державы и российской администрации она будет идти намного медленнее, чем во многих других странах»¹. Русскую подушную подать Бисмарк приводил как пример вредной архаики в налоговой системе².

В мае 1879 г., выступая в рейхстаге, канцлер заявил: «Что привлекает русское, а именно белорусское и польское зерно в наши балтийские города? Дело не в том, что у самой России нет хороших гаваней; у них имеются гавани в Риге и в Петербурге, гавань в Либаве не хуже, чем в Штольпмюнде или Рюгенвальде, [...] но этого недостаточно для торговли, и Россия может потратить на Либаву много денег, но не сделает из нее торговый центр. В Данциг и Кёнигсберг их привлекают большие торговые центры, крупное купечество, большой капитал. У кого в Либаве есть капитал для хлебной торговли? Капитал поступает из немецких балтийских портов; Данциг и Кёнигсберг имеют деньги для того, чтобы выкупить хлеб у русского крестьянина и дать ему аванс. Поэтому торговля находится в руках Данцига и Кёнигсберга, и они сохраняют ее, ведь даже огромные силы российской державы не могут вдруг создать торговый центр. [...] Рижское купечество не может померяться силами с кёнигсбергским, данцигским или гамбургским, ему нужен капитал немецких портов и их торговые связи»³. Слабость торгового капитала была в глазах канцлера одним из симптомов общей слабости российской экономики.

В 1870-80-е гг. Бисмарк все чаще говорил о плохом состоянии русских финансов, которое выгодно для Германии, поскольку заставляет Петербург проводить миролюбивую политику⁴. «Страна наводнена бумажными деньгами, – заявил он однажды своему врачу. – Удивительно, что еще находится кто-то, кто одалживает им деньги»⁵. Аналогичное заявление он сделал несколько лет спустя в

¹ Rede im Preußischen Abgeordnetenhaus, 07.04.1865 // GW, Bd. 10. S. 234.

² Busch M. Tagebuchblätter. Bd. 3. S. 87.

³ Rede im Deutschen Reichstag, 21.05.1879 // GW, Bd. 12. S. 87-88.

⁴ Hatzfeldt an Reuß, 09.12.1882 // NFA, Bd. 5. S. 298.

⁵ Gespräch mit Cohen, 13.09.1880 // GW, Bd. 8. S. 376.

беседе с князем Гогенлоэ¹. В 1880-е гг. Бисмарк также высказывал сомнения в надежности вложений в российские ценные бумаги². Канцлер неоднократно говорил о бедности основной массы российского населения³.

Лишь изредка «железный канцлер» в своих текстах обращался к значительному экономическому потенциалу России. «В статистических данных, – писал он Швейницу в начале 1868 г., – я вижу, с одной стороны, подтверждение того, что Россия и теперь не является тем опасным соседом, которым ее уже давно рисуют русофобы. С другой стороны, они служат предостережением против обратного заблуждения – недооценки русской мощи. Я сам не был полностью свободен от этого второго заблуждения»⁴. Второе высказывание подобного рода относится ко времени после отставки Бисмарка; речь идет о многократно упомянутом выше интервью с корреспондентом «Нового времени». «Для России в период войны никакие внешние операции в крайнем случае и не нужны, – заявлял отставной политик. – Лошади у вас есть, люди есть, железо отличное, заводы: ружейные, пушечные, сталелитейные, все это есть, бумага тоже есть, а потому в случае войны стоит вам выпустить ассигнаций на 500 миллионов рублей, и все будет оплачено, мало того, они отлично будут ходить от Варшавы вплоть до Пекина, как отлично ходили под Карсом и ходят теперь во Внутренней Азии»⁵. Однако цель данного интервью заставляет как минимум усомниться в том, что Бисмарк в данном случае говорил от чистого сердца. Впрочем, о том, что в случае войны «России не нужно золото, но лишь бумага» канцлер писал незадолго до своей отставки в докладе императору⁶. Это, однако, затрагивало лишь один аспект российской экономики; общее же развитие последней Бисмарк по-прежнему оценивал скептически.

¹ Gespräch mit Hohenlohe, 27.10.1883 // WIA, Bd. 7. S. 45.

² Gespräch mit Booth, 29.11.1883 / GW, Bd. 8. S. 491.

³ См. напр. Rede im Deutschen Reichstag, 28.03.1881 // GW, Bd. 12. S. 233.

⁴ Schreiben an Schweinitz, 15.01.1868 / GW, Bd. 6a. S. 210.

⁵ Из Берлина. В замке у князя Бисмарка. Часть III // Новое время. №5093. 5 (17) мая 1890.

⁶ Immediatbericht, 15.06.1889 / NFA, Bd. 8. S. 476.

В заключение имеет смысл выделить определенные распространенные в России практики, касающиеся не только государственного аппарата, но и общества в целом.

Практики

Следует сразу оговориться, что большинство упоминаемых Бисмарком практик оцениваются им в негативном ключе. Выше, к примеру, уже упоминалось о его недоверии к русской прислуге, которую он подозревал в воровстве. Воровство Бисмарк рассматривал как неотъемлемую составляющую русской жизни: простые люди крадут все, что могут, чиновники расхищают государственную казну... В своих мемуарах «железный канцлер» рассказывал о масштабах воровства в царских дворцах, где гостям приписывали потребление огромного количества вина и снеди, которые в реальности расхищались прислугой¹. Вильмовский рассказывает о разговоре с Бисмарком, в котором последний говорил о сплошном воровстве российских управляющих; собственники имений прекрасно знают об этом воровстве и терпят его, поскольку попытка самостоятельно вести хозяйство обошлась бы им гораздо дороже².

С воровством тесно связан широко распространенный обман. Русские обманывают друг друга, подчиненный обманывает начальника, высшие сановники обманывают императора³. Найти надежных людей, на которых можно положиться, оказывается порой невозможно. «Весьма характерным опытом для меня стало то, что при поиске дельного русского адвоката, к чему меня вынудили служебные дела, надежное и хорошо информированное лицо сообщило мне, что адвокатов, на честность которых в важных процессах можно положиться, здесь вообще не существует, – писал Бисмарк в Берлин вскоре после своего прибытия в Петербург к качеству прусского посланника. – Если предмет спора достаточно ценный, любой русский адвокат, защищающий интересы одной из сторон,

¹ Erinnerung und Gedanke // WIA, Bd. 8a. S. 175.

² Wilmowski G.v. Op. cit. S. 139-140.

³ Privatschreiben an Schleinitz, 06.04.1861 // WIA, Bd. 2. S. 365.

вступит в переговоры с противником своего клиента, чтобы бесчестно продать его интересы. Приговор кажется слишком строгим, но исходит от заслуживающего доверия источника и определенно подтверждается теми наблюдениями, которые делал персонал посольства до моего назначения»¹.

Как уже говорилось выше, Бисмарк также неоднократно возмущенно писал о манере российских властей читать дипломатическую почту иностранных представительств²; бессильные взломать шифры в силу недостаточно для этого квалификации, русские попросту выкрадывали их³. Когда важное письмо было по недоразумению отправлено в Петербург обычной почтой, русские чиновники решили, что оно специально предназначалось для их глаз⁴. В России занимаются «искажением фактов и ежедневным повторением фальшивок», – писал Бисмарк кронпринцу в конце 1880 г.⁵ В одном из своих парламентских выступлений глава правительства употребил применительно к России словосочетание «нелегальная контрабанда» и добавил: «Знакомые с тамошними условиями поймут это выражение»⁶. Подразумевалось, что кроме «нелегальной» существует еще и «легальная» контрабанда, осуществляемая с ведома ответственных лиц, то есть фактически санкционированный обман государства.

Третьей неприглядной практикой являлось чинопочитание и грубость по отношению ко всем, кто не относится к привилегированным сословиям. В качестве типичного примера Бисмарк нередко рассказывал историю о том, как сам пренебрег внешними регалиями и едва не стал жертвой грубого обращения⁷. В Петербурге, как и в Париже, писал он в мемуарах, нужно обязательно носить в петлице орден, «если хотите, чтобы полиция и граждане относились к Вам с желаемой вежливостью»⁸. «Жестокость и произвол считаются здесь строгостью»,

¹ Bericht an Schleinitz, 18.04.1859 // GW, Bd. 3. S. 11.

² Diktat, 19.10.1876 // NFA, Bd. 2. S. 319.

³ Weisung, 24.11.1887 // NFA, Bd. 7. S. 613.

⁴ Brief an Radowitz, 16.02.1875 // NFA, Bd. 2. S. 291.

⁵ Schreiben an Kronprinz, 17.12.1880 // NFA, Bd. 4. S. 570.

⁶ Rede im Preußischen Abgeordnetenhaus, 25.01.1867 // GW, Bd. 10. S. 305.

⁷ Wilmowski G.v. Op. cit. S. 31-32.

⁸ Erinnerung und Gedanke // WIA, Bd. 8a. S. 68.

– писал Бисмарк из Петербурга в 1861 г.¹ Еще одну примечательную историю на данную тему Бисмарк рассказывал своим помощникам во время войны против Франции. В бытность посланником в Петербурге он вынужден был решать вопрос выдворения на родину прусского подданного еврейской национальности. Когда тот повел себя дерзко, Бисмарк просто сдал его российскому городовому; на следующий день еврей вернулся присмирившим и рассказал, что городской обошелся с ним очень плохо².

Более нейтральное отношение вызвала у Бисмарка такая практика, как слепое повиновение приказам, распространенное в России. Он не раз рассказывал знаменитую историю о русском часовом, охранявшем непонятно что. В своих мемуарах «железный канцлер» описывал произошедшее следующим образом: «В первые дни весны тогдашний двор гулял в Летнем саду между дворцом Павла I и Невой. Там император заметил, что в центре газона стоит часовой. На вопрос, зачем он здесь, солдат мог ответить лишь «так приказано», и император отправил за разъяснением на вахту своего адъютанта. Однако и тут не удалось узнать никаких деталей, кроме того, что часового выставляют зимой и летом. По чьему приказу это было сделано изначально, уже невозможно установить. История часто обсуждалась при дворе и дошла до ушей прислуги. Из числа последней один старый пенсионер сообщил, что его отец когда-то сказал ему в Летнем саду, проходя мимо часового: вот он все еще стоит и охраняет цветок. Императрица Екатерина однажды увидела на этом месте необычайно рано расцветший ландыш и приказала позаботиться о том, чтобы его не сорвали. Для исполнения этого приказа и поставили часового, и с тех пор ставили его каждый год»³.

Какую мораль извлекает из этой истории сам рассказчик? «Подобное вызывает у нас критику и смех, но является выражением элементарной силы и упорства, на котором основана сила русского характера в сравнении с остальной

¹ Brief an Bernstorff, 25.11.1861 // GW, Bd. 3. S. 298.

² Busch M. Tagebuchblätter. Bd. 2. S. 91.

³ Erinnerung und Gedanke // WIA, Bd. 8a. S. 175-176. См. тот же рассказ в Busch M. Tagebuchblätter. Bd. 1. S. 79.

Европой»¹. Безусловное повиновение вышестоящим инстанциям импонировало консерватору Бисмарку, хотя его одобрение было не свободно от определенной снисходительности.

Подводя общий итог представлениям «железного канцлера» о российском государстве, нужно в первую очередь отметить устойчивые, сохранявшиеся на протяжении длительного времени черты этого образа. К ним относится, в первую очередь, неэффективность российской государственной машины, ее низкое качество и многочисленные недостатки, наносящие ущерб развитию страны и не позволяющие ей встать на один уровень с европейскими государствами. Государственный аппарат в России не только страдает от множества проблем, но и недостаточно централизован, невзирая на самодержавную систему: каждый чиновник, каждое ведомство руководствуются в первую очередь своими узкими, эгоистическими интересами. Естественно, это ведет к конфликтам, противостоянию различных группировок.

Император, фигура которого должна теоретически являться мощным объединяющим фактором в российской государственной системе, с течением времени попадает в возрастающую изоляцию. Здесь очевидна эволюция взглядов Бисмарка, который считает царскую власть (вне зависимости от того, кто именно в данный момент находится на троне) все менее сильной и самостоятельной, все более подверженной влиянию со стороны независимых от нее сил в государстве и обществе. Ослабление императорской власти, в свою очередь, ведет к нарастанию хаоса в системе, делает российскую политику все более непредсказуемой и все менее рациональной. С точки зрения «железного канцлера», ситуация в России развивалась от плохого к худшему, вероятность масштабного внутривластного кризиса росла. Государственный механизм был неспособен справиться с вызовами времени, его действия в значительной степени лишь усугубляли существующие проблемы.

¹ Ibid. S. 176.

Особенности российского государства и общества находили свое непосредственное отражение во внешней политике России и в российско-германских отношениях, о которых и пойдет речь в следующем параграфе.

3.4. Россия как актор международных отношений

Вероятно, Бисмарк думал бы о России куда меньше, если бы она не была, во-первых, великой европейской державой, во-вторых, непосредственной соседкой сначала Пруссии, а затем Германской империи. России в международной политике того времени в целом и российско-германским отношениям в частности посвящено большое количество его высказываний – 123 и 232 соответственно.

Как уже говорилось выше, в рамках данной работы не будут рассматриваться представления Бисмарка о системе международных отношений в целом. Для него, как и для практически любого европейского политика того времени, статус России как великой европейской державы являлся несомненным. С данным статусом в рамках Венской системы было сопряжено право иметь свои сферы влияния и одновременно участвовать в решении общеевропейских вопросов. Это участие, однако, признавалось благотворным только в том случае, если было направлено на сохранение стабильности системы и не таило в себе угрозы крупных европейских конфликтов.

Россия в системе международных отношений

Первые высказывания Бисмарка по проблемам российской внешней политики в целом относятся к 1850-м гг., когда он занял первый свой дипломатический пост во Франкфурте-на-Майне и начал контактировать с российскими официальными лицами. По мнению Бисмарка, Россия в этот период была слишком слаба для того, чтобы проводить активную внешнюю политику, и

способна только на оборонительные меры¹. Влияние Петербурга в Европе, писал он в Берлин, объясняется скорее страхом монархов перед революцией, чем наличием сильной материальной основы². Неблагоприятный для России ход Крымской войны укреплял его в этом убеждении.

Важным преимуществом России Бисмарк считал ее географическое положение, которое существенно усиливало ее безопасность. Россия окажется в сложной ситуации только в том случае, если будет иметь против себя Османскую империю, Британию, Францию и Австрию, – писал будущий канцлер в годы Крымской войны. Если хотя бы одно звено выпадет из этой цепочки, три других окажутся бессильны³.

Выступая в прусском ландтаге в 1851 г., Бисмарк высоко отзывался о российской дипломатии, называя ее хорошо информированной и эффективной⁴. Однако после того, как он приобрел некоторый дипломатический опыт, его суждения стали куда менее лестными. «Эта российская дипломатия, которая так славится своей тонкостью и вездесущностью, могла бы многому поучиться если не у нас, то у австрийцев», – писал Бисмарк своему наставнику Леопольду фон Герлаху⁵. Он обвинял российских дипломатов в косности, высокомерии, отсутствии ловкости и умения. «В целом российская дипломатия в обращении с немецкими дворами демонстрирует неумелую и заносчивую косность, не считая некоторых неуклюжих варваризмов, с которыми она по случаю появляется на горизонте какого-нибудь маленького двора, – писал Бисмарк. – В последнем случае она по-медвежьи демонстрирует снисходительную доброжелательность»⁶.

Этот взгляд сохранился у Бисмарка и по итогам его петербургской миссии 1859-62 гг. «В немецкой общественности, – писал он в Берлин в 1861 г., – сильно переоценивают предусмотрительность и точность расчетов российского кабинета. Решения последнего далеко не всегда принимаются с той высоты, которая

¹ Privatschreiben an Manteuffel, 23.10.1852 // WIA, Bd. 1. S. 496.

² Privatschreiben an Manteuffel, 17.06.1854 // WIA, Bd. 2. S. 18.

³ Brief an Leopold von Gerlach, 15.06.1855 // GW, Bd. 14/I. S. 404.

⁴ Kohl. Op. cit. Bd. 1. S. 328-329.

⁵ Brief an Leopold von Gerlach, 27.04.1855 // WIA, Bd. 2. S. 67.

⁶ Ibid. S. 66.

присуща государственным деятелям, способным обзирать мировую ситуацию в целом»¹. По мнению прусского посланника, большинство российских дипломатов входят в состав «либеральной партии» внутри элиты, ведущей по сути разрушительную работу².

Почти десять лет спустя в застольном разговоре «железный канцлер» заявил: «Всегда считалось, что русская политика отличается особенной хитростью и ловкостью, что она полна уверток, уловок и трюков, но это неправда. [...] Русская политика всегда действует силой. Если бы в Петербурге были умны...»³. «Русские агенты неумелы, нечестны и в важных ситуациях часто вообще отсутствуют на своем месте», – писал он в 1886 г.⁴ Еще одним характерным качеством российских дипломатов Бисмарк считал отсутствие дисциплины; агенты на местах спокойно могли действовать вразрез с политикой официального Петербурга⁵.

Выше уже не раз говорилось о весьма скептическом отношении Бисмарка к российской элите и государственном аппарате; это отношение распространялось во многом и на дипломатический корпус. Качество принимаемых решений в итоге оказывалось весьма сомнительным⁶. «Неуклюжесть, конфуз, бездарность», – такими словами канцлер характеризовал российскую внешнюю политику в 1878 г.⁷ Бисмарк постоянно критиковал российскую дипломатию, указывал на ее ошибки, порой характеризуя таким образом целые направления и периоды внешней политики Петербурга. «Вся панславистская политика России начиная с 1877 г. была заблуждением», – заявил он, к примеру, осенью 1885 г. по поводу болгарских событий⁸.

По мнению «железного канцлера», на внешней политике России не могло не отразиться и восхождение «партии войны», которая требовала все более

¹ Bericht an Schleinitz, 11.04.1861 // GW, Bd. 3. S. 214.

² Brief an Auerswald, 30.11.1860 // GW, Bd. 14/I. S. 564.

³ Busch M. Tagebuchblätter. Bd. 1. S. 410.

⁴ Herbert von Bismarck nach Petersburg, 03.09.1886 // NFA, Bd. 7. S. 193.

⁵ Erlaß an Goltz, 09.04.1868 // GW, Bd. 6a. S. 337.

⁶ Diktat, 14.10.1876 // WIA, Bd. 5. S. 743.

⁷ Herbert von Bismarck an Bülow, 03.05.1878 // NFA, Bd. 3. S. 455.

⁸ Diktat, 08.11.1885 // NFA, Bd. 6. S. 774.

активных действий на международной арене. Еще в инструкции Гольцу в марте 1868 г. он писал, что чувствительность России в отношении балканских дел объясняется «больше славянской эмоциональной политикой и направлением общественного мнения, чем продуманными собственными интересами». Это делает российскую политику непредсказуемой¹. О нестабильности, переменчивости внешней политики Петербурга «железный канцлер» писал и говорил регулярно².

Во второй половине XIX в. многие жители Западной Европы считали Россию агрессивной страной, угрозой для остальных игроков. Разделял ли Бисмарк эту точку зрения? «Тяга к завоеваниям свойственна Англии, Северной Америке, России и другим не меньше, чем наполеоновской Франции», – писал он в 1857 г.³ Однако пространством для российской экспансии должна, по его мнению, стать Азия⁴. В начале 1869 г. Бисмарк в одной из бесед заявил, что Россия может стать «настоящим врагом цивилизованной Европы»⁵. Однако нужно учитывать, что его собеседником был венгерский политик, и канцлер вполне мог говорить то, что было бы приятно услышать его визави. Подобный эффект наблюдается, к примеру, в феврале 1874 г.: сначала Бисмарк говорил Йокаи, что Россия миролюбива и занята внутренними делами⁶, а на следующий же день писал Рейссу, что Горчаков ведет силовую политику⁷. Нельзя исключать и искажение слов Бисмарка, известных нам в данном случае через посредничество довольно заинтересованного источника. В одном из своих писем, относящихся к тому же 1869 г., канцлер заявлял, что угрозу со стороны России часто преувеличивают⁸.

Восточный кризис 1875-78 гг. привел к резкому увеличению количества высказываний Бисмарка о российской внешней политике. К периоду после 1877 г.

¹ Erlaß an Goltz, 15.03.1868 // WIA, Bd. 4. S. 250.

² См. напр. Schreiben an Bülow, 23.04.1877 / NFA, Bd. 3. S. 89.

³ Denkschrift an Manteuffel, 02.06.1857 / GW, Bd. 2. S. 229.

⁴ Gespräch mit Wilmowski, 01.11.1868 // WIA, Bd. 4. S. 264.

⁵ Gespräch mit Seherr-Thosz, 02.01.1869 / WIA, Bd. 4. S. 283.

⁶ Gespräch mit Jokai, 27.02.1874 // WIA, Bd. 5. S. 449.

⁷ Erlaß an Reuß, 28.02.1874 // WIA, Bd. 5. S. 452.

⁸ Brief an Kinkel, 21.07.1869 / WIA, Bd. 4. S. 362.

относится примерно две трети известных нам цитат из данной категории. Как и следовало ожидать, канцлер начал характеризовать российскую внешнюю политику существенно более жестко.

«Я не думаю, что завещание Петра Великого является апокрифом, – заявил Бисмарк в беседе в конце 1877 г. – В любом случае, в России есть люди, которые придерживаются именно этого курса и хотят продвижения в Западную Европу, где русские не могут приобрести ничего, кроме нигилизма и аналогичных болезней»¹. Канцлер считал теперь Азию не просто естественным направлением российской экспансии; он рассматривал стимулирование этой экспансии как важную задачу, поскольку лишь данным образом можно обезопасить Западную Европу².

Такие же последствия, с его точки зрения, будет иметь распространение российского влияния на Босфор; взяв Константинополь, русские не усилят, а ослабят себя, поскольку вынуждены будут тратить массу ресурсов на удержание достигнутого³. «Будет счастьем, если русские получают Константинополь и Балканский полуостров; тогда они окажутся ослаблены», – заявил Бисмарк в беседе с Гогенлоэ осенью 1886 г.⁴ Именно этим в дальнейшем определялась поддержка Бисмарком российской политики на болгарском направлении. «Болгария стала бы для Россией второй Польшей», – заявил он в 1888 г.⁵ Обладание Константинополем ухудшило бы стратегическое положение империи Романовых, поскольку сделало бы ее значительно более уязвимой для противника в случае войны⁶. Нужно подчеркнуть, что эти идеи не были продиктованы конкретным моментом, поскольку практически то же самое Бисмарк говорил еще во второй половине 1860-х гг. британскому дипломату О. Лофтусу: «Россия не

¹ Gespräch mit Braun, 01.11.1877 // GW, Bd. 8. S. 239. По всей видимости, в данном случае речь идет не столько о форме, сколько о сути «завещания Петра Великого», поскольку в другом документе назвал этот документ «мифом» (Schreiben an Kronprinz Friedrich Wilhelm, 17.12.1880 // NFA, Bd. 4. S. 572).

² Herbert von Bismarck an Bülow, 20.11.1877 // NFA, Bd. 3. S. 269.

³ См. напр. Herbert von Bismarck an Münster, 01.12.1886 // NFA, Bd. 7. S. 284.

⁴ Hohenlohe-Schillingsfürst C. zu. Denkwürdigkeiten. Bd. 2. Stuttgart-Leipzig, 1907. S. 393.

⁵ Kronratsitzung, 23.03.1888 // WIA, Bd. 7. S. 621.

⁶ Gespräch mit Crispi, 21.08.1888 // GW, Bd. 8. S. 617.

может желать расширения своей территории, ибо это будет способствовать ее слабости и сделает ее более открытой для нападения. [...] Даже обладание Константинополем станет для нее появлением второго Севастополя на крайней точки границы, что сделает ее более уязвимой»¹. Аналогичным образом относился канцлер к действиям России в Центральной Азии².

«С тех пор, как страна преодолела последствия Крымской войны и одновременно панславистская революционная партия приобрела влияние, – писал Бисмарк германскому императору осенью 1879 г., – русская политика приобрела характер, опасный для мира в Европе. С момента падения Наполеона миру в Европе не угрожает никто, кроме славянофильской России. Это выглядит так, словно Россия под руководством славянской пропаганды стала наследницей наполеоновского цезаризма, приняв на себя миссию формировать черные точки на горизонте европейского мира»³. В том же документе он говорил о «славянском наполеонизме»⁴. Безусловно, здесь Бисмарк намеренно сгущал краски, чтобы произвести должное впечатление на адресата; однако другие его высказывания этого же периода подтверждают, что он действительно видел ситуацию приблизительно таким образом. Еще в марте 1878 г. в беседе с А. Шольцем он обозначил Францию и Россию в качестве главных источников угрозы европейскому миру⁵. Беспокойной, ошибочной и опасной называл канцлер российскую внешнюю политику в письме баварскому королю, вновь говоря о том, что именно Россия является единственной угрозой миру в Европе⁶. «Россия, – писал Бисмарк в эти дни, – начала новую политику: панславистскую, воинственную и не без революционной примеси»⁷. Она в большей, чем Франция, степени имеет склонность вести завоевательные войны, – значилось в инструкции

¹ Loftus A. Op. cit. P. 188.

² Herbert von Bismarck an Bülow, 20.11.1877 // NFA, Bd. 3. S. 269.

³ Immediatbericht, 07.09.1879 // NFA, Bd. 4. S. 175.

⁴ Ibid. S. 172.

⁵ Scholz A. Erlebnisse und Gespräche mit Bismarck. Stuttgart-Berlin, 1922. S. 28.

⁶ Brief an Ludwig II, 10.09.1879 // GW, Bd. 14/II. S. 906-907.

⁷ Immediatbericht, 24.10.1879 // NFA, Bd. 4. S. 240.

Швейницу¹. О России как враждебной миру державе канцлер говорил и в беседе с Бушем весной 1880 г.² Российская внешняя политика вновь и вновь характеризовалась как лживая, непредсказуемая и плохо продуманная³.

Насколько мы можем доверять таким высказываниям? В поисках ответа на данный вопрос необходимо, в первую очередь, обратить внимание на систему представлений Бисмарка о России в целом. Внешнюю политику страны он не считал какой-то особой сферой; на нее влияют все те же процессы, которые происходят внутри государства. Дипломаты являются частью административного аппарата со всеми его проблемами и недостатками, рост националистических настроений и сужение возможностей монарха неизбежно оказывают свое влияние на внешнюю политику. В этом контексте изменение образа России в Европе совершенно логично вытекает из эволюции представлений Бисмарка о внутреннем развитии империи Романовых.

Искренность опасений Бисмарка по поводу российской внешней политики подтверждает и тот факт, что нормализация двусторонних отношений и заключение нового Союза трех императоров в 1881 г. практически никак не отразились на высказываниях «железного канцлера». В его текстах продолжал фигурировать образ слабого императора, вынужденного плясать под дудку шовинистов. Влияние могущественной панславистской партии делало внешнюю политику России, с точки зрения Бисмарка, агрессивной и непредсказуемой⁴. Проявления миролюбия со стороны Петербурга канцлер был склонен объяснять внутренними проблемами империи Романовых; ее сдержанность носила вынужденный характер: «Настроение, господствующее в России, конкретно в армии, и внутренние проблемы, с которыми правительству приходится бороться, заставляют опасаться, что как только у них появятся деньги, они начнут войну»⁵. Имея дело с Россией, следовало быть все время настороже. «Является ли эта,

¹ Erlaß an Schweinitz, 18.02.1880 // NFA, Bd. 4. S. 335.

² Gespräch mit Busch, 22.03.1880 // GW, Bd. 8. S. 355.

³ См. напр. Weisung, 02.10.1880 // NFA, Bd. 4. S. 507.

⁴ Weisung, 02.10.1880 // NFA, Bd. 4. S. 507.

⁵ Hatzfeldt an Reuß, 09.12.1882 // NFA, Bd. 5. S. 298.

заметная в последнее время и в российской прессе позиция долгосрочной или временной, продиктована ли она военной немощью или ощущениями императора, что война станет угрозой для его монаршей власти, Его Светлость не знает», – писал Роттенбург Герберту Бисмарку в конце 1889 г.¹ Русское миролюбие канцлер характеризовал в конце 1880-х гг. как нечто «необычное»², в начале 1890-х гг. называл российскую «любезность» следствием внутривосточных проблем³. «Для Европы, – заявлял он в одном из интервью уже после своей отставки, – может настать критическое время, если Россия породит сильного государственного деятеля, который начнет проводить смелую политику, не страшась принести в жертву несколько сотен тысяч или даже миллион человек»⁴.

Канцлер заявлял, что его доверие к честности российской политики так и не восстановилось после событий 1878 г.⁵ и говорил об «овечьей шкуре для волчьих инстинктов российской политики»⁶. «Россия – единственная держава, от которой следует ожидать нарушения мира», – писал он в 1883 г.⁷; только в России и во Франции есть сильные группировки, желающие войны⁸. «Является непреложным фактом, – сообщал канцлер в том же году баварскому королю, – что роль, которую раньше играла Франция, – беспокоить Европу и нарушать мир – теперь перешла к России»⁹. «Выбор между войной и миром зависит почти исключительно от настроения и решений российского императора», – повторял Бисмарк четыре года спустя¹⁰. В конце 1880-х гг. Бисмарк постоянно использовал в своих текстах такие характеристики российской внешней политики, как лицемерие¹¹,

¹ Rottenburg an Herbert von Bismarck, 05.12.1889 // NFA, Bd. 8. S. 579.

² Berchem an Reuß, 30.08.1889 // NFA, Bd. 8. S. 538.

³ Gespräch mit Harden, 29.10.1892 // GW, Bd. 9. S. 266.

⁴ Whitman S. Op. cit. P. 126.

⁵ Schreiben an Reuß, 10.08.1882 // NFA, Bd. 5. S. 215.

⁶ Weisung, 18.08.1883 // NFA, Bd. 5. S. 494.

⁷ Weisung, 05.12.1883 // NFA, Bd. 5. S. 621.

⁸ Weisung, 23.10.1883 // NFA, Bd. 5. S. 573.

⁹ Schreiben an Ludwig II // GW, Bd. 14/II. S. 944.

¹⁰ Privatschreiben an Schweinitz, 03.04.1887 // GW, Bd. 6c. S. 358.

¹¹ См. напр. Weisung, 26.10.1887 // NFA, Bd. 7. S. 580.

непредсказуемость¹, несправедливость², неуклюжесть³, завышенные амбиции и высокомерие по отношению к партнерам⁴.

Таким образом, во взглядах Бисмарка на роль России в международных отношениях и ее внешнюю политику в целом можно обнаружить как статичные, так и подверженные изменениям элементы. К статичным относилось представление о том, что держава Романовых благодаря своим размерам и численности населения всегда будет являться значимым фактором в европейской дипломатии, который просто нельзя не принимать в расчет. Столь же неизменной была скептическая оценка Бисмарком квалификации российских дипломатических кадров и качества внешнеполитических решений. Россия оставалась для него и в этом отношении «полуварварской» страной, которая предпочитает добиваться своего силой, подкупом и примитивной хитростью. Эволюцию претерпели, в первую очередь, взгляды на степень агрессивности и непредсказуемости российской внешней политики, который с точки зрения «железного канцлера» росли с течением времени. К концу карьеры Россия представлялась ему уже главной дестабилизирующей силой в Европе. Определенным водоразделом в оценке Бисмарком российской внешней политики стал Восточный кризис 1875-78 гг. Его значение, однако, не стоит преувеличивать: речь идет не о кардинальном изменении существовавшей ранее картины, а лишь о ее дальнейшем развитии. Естественно, рассуждая о внешней политике России, Бисмарк постоянно держал в уме российско-германские отношения.

Российско-германские отношения

Отношения с Россией занимали мысли Бисмарка на протяжении длительного времени. Именно эта часть его представлений оказалась в первую очередь мифологизирована в современной России, где «железный канцлер» порой

¹ Erlaß an Reuß, 15.12.1887 // WIA, Bd. 7. S. 567.

² Immediatbericht, 16.07.1889 // NFA, Bd. 8. S. 513.

³ Lucius von Ballhausen R. Op. cit. S. 364.

⁴ Denkschrift, 04.07.1888 // NFA, Bd. 8. S. 152.

выступает едва ли не в качестве апостола дружбы двух стран. Не случайно в разгар кризиса 2014 г. в Интернете широко разошелся текст под названием «Отто фон Бисмарк – Ангеле Меркель», в которой канцлер якобы предостерегает свою преемницу от ухудшения отношений с Россией¹. Отношениям с Россией посвящены и знаменитые апокрифы, широко распространенные в российском информационном пространстве в начале XXI в.; Бисмарк якобы заявлял о непобедимости восточной соседки и предостерегал немцев от войны с ней как от совершенно безнадёжного предприятия².

Что же думал «железный канцлер» на самом деле? В первую очередь стоит сказать, что его взгляды по данному вопросу в целом отличались постоянством, хотя определенная эволюция также наблюдалась. Именно поэтому их можно не рассматривать в хронологической последовательности, а структурировать тематически.

На протяжении всей своей политической карьеры Бисмарк действительно считал необходимым поддерживать с Россией хорошие отношения. Однако это убеждение было продиктовано не страхом и не какой-либо эмоциональной привязанностью к России, а сугубо рациональными соображениями. Добрососедские отношения с восточной соседкой Бисмарк рассматривал как важные, но не жизненно необходимые. Еще в 1848 г. он заявлял, что не боится угрозы с востока, поскольку Пруссия вполне в состоянии справиться с ней³. Отношения с Россией, писал Бисмарк в 1876 г., «для Германии важнее, чем все возможные результаты разразившегося на Востоке кризиса»⁴. В этом же документе он называл Российскую империю «на данный момент полезнейшим, возможно, важнейшим в будущем и в силу своего внутреннего устройства самым

¹ Седов Д. Отто фон Бисмарк – Ангеле Меркель. Передано ночным эфиром. // Фонд стратегической культуры. 22.11.2014. URL: <http://www.fondsk.ru/news/2014/11/22/bismark-angele-merkel-peredano-nochnym-efirom-30544.html>. Дата обращения: 30.08.2020.

² Власов Н.А. «Славяне непобедимы»: вымышленные цитаты Отто фон Бисмарка в современной России // Новая и новейшая история. 2022. №3. С. 117-124.

³ Schreiben an die Redaktion der Magdeburgischen Zeitung, 20.04.1848 // WIA, Bd. 1. S. 176.

⁴ Diktat, 14.10.1876 // WIA, Bd. 5. S. 742.

надежным из всех» германских союзников¹. Бисмарк не раз подчеркивал долгую традицию дружбы с Россией и называл ее «вековой»².

В текстах «железного канцлера» мы можем обнаружить значительное количество высказываний, превозносящих важность хороших отношений с Россией для Пруссии и Германии. Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что к каждому из них следует относиться с большой осторожностью: подавляющее большинство из них относится к «желтой» категории, то есть у Бисмарка были серьезные мотивы говорить именно так и никак иначе.

В качестве примера можно привести фразу из инструкции прусскому посланнику в Петербурге принцу Рейссу от 31 января 1868 г.: «Мы рассматриваем Россию как нашего исторически естественного и близкого союзника»³. Необходимо принять во внимание, что Бисмарк прямо разрешил послу показать текст данной инструкции Горчакову. Таким образом, к этому документу следует относиться как к официальному заявлению, в котором попросту не могло утверждаться что-либо иное.

Впрочем, даже те инструкции в Россию, которые не содержали подобной пометки, часто составлялись с учетом того, что они будут прочитаны русскими. Как уже говорилось выше, Бисмарк был твердо уверен, что перехват и чтение дипломатической переписки является в России делом само собой разумеющимся. Именно поэтому мы имеем все основания с некоторой осторожностью относиться к высказываниям «железного канцлера» в направленных в Петербург инструкциях – а именно они чаще всего являются источником фраз о важности поддержания хороших отношений с Россией.

Точно так же не стоит принимать всерьез многочисленные документы и выступления, в которых Бисмарк характеризовал отношения с Россией как

¹ Ibid. S. 743. Примечательно, что в этом документе Бисмарк говорил о необходимости идти навстречу пожеланиям России – но только до тех пор, пока они не противоречат германским интересам.

² См. напр. Rede im Deutschen Reichstag, 05.12.1876 // Ibid. S. 774.

³ Erlaß an Reuß, 31.01.1868 // WIA, Bd. 4. S. 224.

«тесные дружественные» или «интимные»¹. Подобные термины он использовал и для характеристики отношений с другими странами, которые в реальности далеко не всегда являлись теплыми².

Иногда необходимость подчеркивать хорошие отношения с Россией диктовалась ситуацией. «Многочисленные общие интересы» делают Россию страной, с которой необходимо жить «не просто в мире, но в атмосфере безоблачного взаимопонимания», – писал, к примеру, Бисмарк в конце 1865 г.³ Это высказывание нужно воспринимать с учетом контекста. Конец 1865 г. был временем, когда Бисмарк окончательно взял курс на конфликт с Австрией и нуждался в максимально хороших отношениях с Россией. Эту официальную линию он и транслировал в указанном документе, где, в частности, можно найти и такие слова: «Россия – это держава, с которой в соответствии с чувствами короля и нашими политическими интересами мы не хотели бы никаких трений гораздо сильнее, чем с любой другой страной»⁴. Ту же картину мы наблюдаем в документах конца 1860-х гг., в преддверии войны с Францией⁵.

Рассыпаясь в заверениях о необходимости крепкой дружбы с Россией, Бисмарк в своем кругу говорил совершенно иное: «На ближайшее время мы еще будем нуждаться в России. Когда они будут нам не нужны, мы сможем стать грубыми»⁶. Это далеко не единичное высказывание такого плана⁷. Широко известна фраза Бисмарка из письма супруге в разгар Австро-прусской войны 1866 г.: «Мы живем в Европе не одни, а с еще тремя державами, которые нас ненавидят и завидуют нам»⁸. Одной из этих «завистниц», безусловно, была Россия.

¹ См. напр. Erlaß an Reuß, 22.03.1868 // GW, Bd. 6a. S. 319.

² Наиболее яркий пример – Инструкция Вертеру от 12.05.1865, в которой восхваляются австро-пруссские отношения (GW, Bd. 5. S. 188-189).

³ Erlaß an Brassier, 10.12.1865 // GW, Bd. 5. S. 338.

⁴ Ibid.

⁵ См. напр. Erlaß an Reuß, 22.03.1868 // WIA, Bd. 4. S. 253, Erlaß an Bernstorff, 12.12.1869 // GW, Bd. 6b. S. 187.

⁶ Tischgespräch, 04.12.1870 // GW, Bd. 7. S. 433.

⁷ См. напр. Gespräch mit Booth, 06.05.1878 // GW, Bd. 8. S. 260.

⁸ Brief an die Gattin, 09.07.1866 // WIA, Bd. 3. S. 757.

В дальнейшем фразы о безусловной приверженности хорошим отношениям с Россией звучали из уст «железного канцлера» в основном в разговорах с русскими собеседниками и в публичных выступлениях, рассчитанных в том числе на российские правящие круги. Россия «одна может быть нам полезной, и ее дружба необходима нам», – сказал Бисмарк Стремоухову в мае 1873 г.¹ В разговоре с тем же собеседником в 1879 г. он назвал дружеские отношения Берлина и Петербурга «естественными и необходимыми»² (ниже мы увидим, насколько эти слова отличаются от того, что он писал в те же дни германским государственным деятелям). «Ближайшей из дружественных нам держав» канцлер назвал Россию в своем выступлении в рейхстаге в 1874 г.³ «Основными тезисами князя были: личная симпатия его к России [...] и на все лады доказываемая им безосновательность, бесцельность разрыва между Германией и Россией», – писал корреспондент «Нового времени», бравший у Бисмарка интервью уже после его отставки в 1890 г.⁴

Тем не менее, стремление к поддержанию хороших отношений с Россией действительно было важной составной частью как мировоззрения, так и политической практики «железного канцлера». Но чем объяснялось это стремление и на чем должны были быть основаны эти отношения?

Во-первых, Бисмарк не мог не принимать в расчет географию. Россия была непосредственной соседкой Пруссии, общая граница двух стран протянулась на сотни километров. В инструкции принцу Рейссу в мае 1888 г. канцлер говорил о необходимости относиться к империи Романовых как к «опасной стихии, против которой мы можем возводить плотины, но неспособны устранить ее совершенно»⁵.

Во-вторых, с точки зрения Бисмарка, сотрудничество двух стран неизменно базируется на общих интересах. Он не раз заявлял общими словами о наличии

¹ Gespräch mit Stremoukow, Mai 1873 // GW, Bd. 8. S. 82.

² Gespräch mit Stremoukow, 04.09.1879 // Ibid. S. 323.

³ Rede im Deutschen Reichstag, 04.12.1874 // WIA, Bd. 5. S. 512.

⁴ Два часа у князя Бисмарка. Часть II // Новое время. №5166. 18 (30) июля 1890 г.

⁵ Erlaß an Reuß, 03.05.1888 // WIA, Bd. 7. S. 641.

таковых у Берлина и Петербурга, однако практически никогда не называл их конкретно. Единственными исключениями являлись, пожалуй, польский вопрос¹ и поддержание баланса сил: «Пруссия исходя из интересов своей собственной безопасности не может оставить Россию в беде, а Россия не могла бы допустить, чтобы Пруссия потерпела поражение с превосходящей ее коалицией и попала в зависимость»². Только в мемуарах Бисмарк добавил к ним династическую солидарность³.

При этом для Бисмарка было вполне очевидно, что интересы обеих стран не могут совпадать, и каждая из них при проведении своей политики руководствуется в первую очередь собственными интересами. «Каждый знает, что Россия ведет не прусскую политику. Она и не должна этого делать» - заявил он в ландтаге в феврале 1863 г.⁴ Независимость России он считал одним из тех факторов, которые делают дружбу с ней ненадежным и рискованным предприятием. «Австрия нуждается в нас, Россия нет», – так лаконично формулировал он один из ключевых аргументов в пользу союза с Австро-Венгрией в 1879 г.⁵

Для «железного канцлера» речь могла идти не столько о наличии общих, сколько об отсутствии конфликтующих интересов. «Наши хорошие отношения основаны во многом на том, что Россия ничего от нас не требует и ни в чем не нуждается», – писал он Гольцу в феврале 1867 г.⁶ «Наши интересы не противоречат друг другу», – писал он год спустя Рейссу⁷. «Опасаться столкновения интересов России и Германии пока не приходится», – заявил Бисмарк Вильмовскому в конце 1868 г.⁸ «У России и Германии нет столкновения интересов, первой не нужна немецкая, второй русская земля, а Россия нуждается

¹ Gespräch mit Wilmowski, November 1868 // WIA, Bd. 4. S. 264.

² Erlaß an Reuß, 22.03.1868 // Ibid. S. 253. В данном случае, однако, можно с уверенностью утверждать, что это совпадение интересов определялось конкретным историческим моментом.

³ Erinnerung und Gedanke // WIA, Bd. 8a. S. 485.

⁴ Rede im Preußischen Abgeordnetenhaus, 18.02.1863 // WIA, Bd. 3. S. 84.

⁵ Schreiben an Wilhelm I 05.09.1879 / WIA, Bd. 6. S. 362.

⁶ Erlaß an Goltz, 15.02.1867 // GW, Bd. 6. S. 268.

⁷ Erlaß an Reuß, 16.02.1878 / WIA, Bd. 4. S. 242.

⁸ Gespräch mit Wilmowski, November 1868 // Ibid. S. 264.

в таком солидном и могущественном союзнике, как Германия», – заявил канцлер в 1875 г.¹ Этой точки зрения он придерживался и после своей отставки². «У нас нет оснований ссориться с русскими, – заявлял Бисмарк в 1895 г. – Мы ничего от них не хотим, у нас достаточно поляков и у русских тоже, им не пригодится ни Кёнигсберг, ни Позен. Таким образом, мы находимся в положении, к которому стремятся все великие державы: мы не завидуем друг другу и не владеем чем-то таким, что кажется нашему соседу желанным. Это редкий случай в политике»³. Лишь один раз в своих текстах глава правительства упомянул о притязаниях русских националистов на Мемель⁴.

В свою очередь, Бисмарк четко называл те германские интересы, которые требуют поддержания хороших отношений с Россией. В составленном в начале 1877 г. документе они формулируются следующим образом: «Во-первых, дружба и родство императорских династий. [...] Затем та политическая потребность, которую мы чувствуем как европейская держава: видеть столь большую империю, как Россия, умиротворенной и спокойной. Наконец, наши собственные интересы требуют, чтобы могущественный сосед, чье благожелательное отношение столь существенно помогло нам достичь больших успехов в последние десятилетия, и в дальнейшем не захотел мешать нам владеть приобретенным, а рассматривал бы мирное процветание и внутреннюю удовлетворенность Германии как выгодные для себя»⁵. Длинную открытую общую границу и важные экономические связи он называл в качестве ключевых факторов и в другом документе: «Особое географическое положение Германии делает для нее хорошие, дружественные отношения с ближайшими соседями более настоятельной необходимостью, чем для других стран. Его Величество император имеют с Россией открытую границу длиной несколько сотен миль. Уже одни только значимые экономические связи германского императора с этой

¹ Gespräch mit Mittnacht, 22.08.1875 // WIA, Bd. 5. S. 584. См. также Gespräch mit Szechenyi, 29.01.1879 // WIA, Bd. 6. S. 245.

² См. напр. Gespräch mit Benedikt, 23.06.1892 // WIA, Bd. 8b. S. 104-105.

³ Ansprache an die Abordnung der Deutschen aus Odessa, 10.04.1895 // GW, Bd. 13. S. 566.

⁴ Erlaß an Bernstorff, 25.03.1870 // WIA, Bd. 4. S. 433.

⁵ Bülow an Schweinitz, 14.01.1877 // NFA, Bd. 3. S. 8.

страной делают его долгом и необходимостью поддержание хороших, дружественных отношений с Россией»¹.

Для Пруссии, а затем и Германской империи необходимость поддерживать с Россией хорошие отношения была, с точки зрения Бисмарка, во многом обусловлена позицией других держав: «с учетом полной отстраненности Англии от европейской политики [...] нам остается только связь с Россией»², «внушающая тревогу позиция Австрии делает необходимыми для нас хорошие отношения с Россией»³ и так далее. «Пока наши отношения с Австрией не поставлены на лучшую и более надежную основу, пока в Англии не поняли, что их единственным ценным и надежным союзником на континенте является Германия, хорошие отношения с Россией представляют для нас большую ценность», – писал Бисмарк Бернсторфу в ноябре 1870 г.⁴ Таким образом, двусторонние отношения оказывались вписаны в систему международных отношений, обусловлены во многом происходящими в ней процессами.

По мнению Бисмарка, важнейшую роль в сохранении российско-прусского (а затем и российско-германского) сотрудничества играла династическая связь. С течением времени он все более скептически относился к этому фундаменту, считая его слишком узким для сколько-нибудь надежной конструкции. В январе 1862 г. Бисмарк писал из Петербурга, что считает отношение Александра II к Вильгельму I «надежной опорой» двусторонних отношений, которая делает «невозможным враждебное отношение России к Пруссии». При этом он, однако, делал важную оговорку: речь идет только о времени правления нынешнего российского монарха⁵. «Соседство с императором Александром благоприятно для Пруссии», – заявил он в ландтаге, уже возглавив кабинет министров⁶. И снова нужно отметить, что речь идет не о стране в целом, а исключительно о ее правителе. «Во главе России мы видим властителя с честным и прямым

¹ Bülow an Reuß, 25.09.1877 // Ibid. S. 227.

² Erlaß an Reuß, 16.02.1868 // WIA, Bd. 4. S. 242.

³ Erlaß an Bernstorff, 24.11.1870 // Ibid. S. 580.

⁴ Erlaß an Bernstorff, 28.11.1870 // Ibid. S. 589.

⁵ Bericht an Bernstorff, 15.01.1862 // GW, Bd. 3. S. 317.

⁶ Rede im Preußischen Abgeordnetenhaus, 26.02.1863 // GW, Bd. 10. S. 170.

характером, чье слово надежно, он пользуется полным доверием нашего всемилостивого короля и дает нам гарантию того, что взаимное доверие [...] не окажется использовано против нас», – писал Бисмарк в инструкции Рейссу в феврале 1868 г.¹ О «личной надежности российского монарха» как залоге дружбы двух стран говорится и в аналогичном документе, отправленном в Петербург месяц спустя². После смерти Александра II отношения двух держав могут испортиться, но сам он не считает это особенно вероятным, – писал Бисмарк Бернсторфу в конце 1869 г.³

При этом он с самого начала отмечал, что династическая связь помогает сохранить хорошие отношения, однако в конечном счете Петербург всегда будет руководствоваться своими собственными интересами⁴. Данные интересы заключались среди прочего в том, чтобы не допустить излишнего с точки зрения России усиления Пруссии, которое сделало бы русскую дружбу менее ценной для Берлина⁵.

Уже с начала 1870-х гг. – задолго до Берлинского конгресса – позиция канцлера начала меняться; его взгляд в будущее российско-германских отношений становился все более мрачным, образ российской политики по отношению к Германии – все более негативным. Свою роль здесь сыграл, безусловно, рост влияния «национальной партии», о котором уже говорилось выше. В начале 1870 г. Бисмарк писал Бернсторфу: «Сейчас наши отношения с Россией дружественные по своей природе, и серьезной порукой тому является образ мыслей императора Александра, пока этот монарх жив. Но и в Англии знают о мощном противоположном течении в лице враждебной по отношению к Пруссии и Германии национально-русской партии, к которой склоняется и великий князь – наследник престола. Было бы неосторожным с нашей стороны

¹ Erlaß an Reuß, 16.02.1868 // WIA, Bd. 4. S. 241.

² Erlaß an Reuß, 22.03.1868 // Ibid. S. 252. При анализе этих высказываний, однако, нужно иметь в виду сказанное выше относительно проблемы содержания тех инструкций, которые Бисмарк направлял в Петербург.

³ Erlaß an Bernstorff, 15.12.1869 // GW, Bd. 6b. S. 190.

⁴ Bericht an Schleinitz, 11.04.1861 // GW, Bd. 3. S. 215.

⁵ Immediatschreiben, 01.06.1873 // NFA, Bd. 1. S. 535. См. также Busch M. Tagebuchblätter. Bd. 2. S. 591.

считать невозможным поворот российской политики и связанное с ним полное изменение наших отношений с этой страной»¹. В 1873 г. Бисмарк писал своему монарху: «Все благорасположение императора Александра вряд ли сможет предотвратить такое развитие, при котором рост враждебных нам элементов сделает российскую политику косвенно более требовательной, пытающейся использовать нас»².

После начала Восточного кризиса такие высказывания стали более частыми и резкими. «Не могу избавиться от ощущения, что официальная Россия плохо обращается с нами», – писал канцлер Швейницу в начале 1877 г.³ Порой он даже говорил об этом публично, с парламентской трибуны: «Российская пресса, российское общественное мнение указали на дверь старому, могущественному и надежному другу, каковым мы являлись»⁴. Российское общественное мнение выступает в его текстах в качестве силы, которая безусловно враждебна Германии и хочет конфликта с ней⁵. То же самое он говорил и о российской прессе⁶. Ни император, ни наследник престола не в состоянии противиться враждебному Германии течению⁷. Отдельно он упоминал амбициозных генералов, желающих прославиться на войне⁸. По словам Лукиуса, осенью 1876 г. Бисмарк упомянул о том, что не отказался бы от корректировки границы в Силезии таким образом, чтобы она приобрела более выгодное начертание в плане защиты от возможного русского вторжения⁹.

В 1879 г. Бисмарк уже называл Александра II «нашим единственным другом в России»¹⁰, а порой заявлял, что и на российского императора нет особой

¹ Erlaß an Bernstorff, 09.02.1870 // WIA, Bd. 4. S. 388.

² Immediatschreiben, 01.06.1873 / NFA, Bd. 1. S. 536.

³ Brief an Schweinitz, 24.01.1877 // WIA, Bd. 6. S. 2.

⁴ Rede im Deutschen Reichstag, 06.02.1880 // Ibid. S. 711.

⁵ Diktat, 14.10.1876 // WIA, Bd. 5. S. 741.

⁶ См. напр. Gespräch mit Busch, 07.04.1888 // WIA, Bd. 7. S. 633.

⁷ Immediatbericht, 07.09.1879 // NFA, Bd. 4. S. 172.

⁸ Erinnerung und Gedanke // WIA, Bd. 8a. S. 487.

⁹ Gespräch mit Lucius, 25.09.1876 // WIA 5, S. 725.

¹⁰ Immediatbericht, 31.08.1879 // WIA, Bd. 6. S. 349. См. также Gespräch mit Mittnacht, 11.09.1879 // GW, Bd. 8. S. 324.

надежды, и любое соглашение с ним «построено на воздухе»¹. «На императора Александра уже нет никакой надежды, – писал канцлер, – у него сдали нервы, и эффект остается тем же вне зависимости от того, лежат ли в основе колебания или нечестность. Мы не можем связывать будущее Германии с этой столь легко возбудимой головой, а других друзей у нас нет во всей большой России»². Конечно, в данном случае ситуация (подготовка к заключению союза с Австрией) заставляла Бисмарка несколько драматизировать происходящее. Однако подобного рода высказывания мы с завидной регулярностью встречаем и в дальнейшем.

К Александру III канцлер сначала относился с глубоким недоверием, считая его приверженцем «национальной партии», однако вскоре несколько изменил свое мнение. «На ближайшую перспективу спокойствие на востоке я считаю обеспеченным, поскольку не сомневаюсь, что император Александр сдержит свое слово», – писал он Рейссу в 1884 г.³ В следующем году он называл Александра III «нашим надежнейшим человеком»⁴. Бисмарк при этом понимал, что ни о какой эмоциональной династической привязанности речи не идет, и постоянно беспокоился по поводу влияния на российского императора националистической общественности и элит⁵. «Наши отношения с Россией построены исключительно на фигуре императора Александра, другого дна у сосуда нет», – писал он в 1887 г.⁶ Александру III он доверяет безусловно, но что будет после его смерти? – задавался Бисмарк вопросом в разговоре с баронессой Шпитцемберг в 1889 г.⁷

В текстах Бисмарка того времени дружба с восточной соседкой предстает ненадежной и нуждающейся в постоянных масштабных усилиях по ее поддержанию. «Сложной и требующей больших усилий» назвал Бисмарк в 1877 г.

¹ Brief an Bülow, 31.08.1879 // NFA, Bd. 4. S. 157.

² Ibid.

³ Erlaß an Reuß, 09.04.1884 // NFA, Bd. 6. S. 122.

⁴ Gespräch mit Mitnacht, 09.12.1885 // WIA, Bd. 7. S. 341.

⁵ См. напр. Immediatschreiben, 28.07.1887 // Ibid. S. 523.

⁶ Diktat, 28.07.1887 // Ibid. S. 521.

⁷ Gespräch mit Spitzemberg, 05.12.1889 // GW, Bd. 8. S. 673.

политику по поддержанию хороших отношений с Россией¹. В 1879 г. он охарактеризовал российскую дружбу как «ненадежную»². «Союз с автократом, с полуварварской глупой нацией сам по себе рискованный», – передает Лукиус слова Бисмарка³. В 1880-е гг. канцлер утверждал, что, даже если нынешние заверения в дружбе искренние, нет никакой уверенности, что хорошие отношения продлятся хоть сколько-нибудь долго⁴. Возможно, конец нынешней «мирной фазы» российской политики уже на горизонте⁵. В одном из служебных документов канцлер упомянул даже о возможности воссоздания в крайнем случае польского государства в качестве оружия против России, называя его «меньшим злом»⁶ – довольно примечательное заявление из уст политика, который всегда называл польский вопрос объектом общих интересов двух стран. «Они всегда говорят красивейшие слова, но продолжают вооружаться и стоят на нашей границе, готовые к бою. Что толку от прекрасных речей, если при этом мне в грудь упирается заряженный пистолет?!» – говорил Бисмарк в беседе с Гогенлоэ в 1883 г.⁷ Тем не менее, нужно стараться сохранять с Россией мирные отношения, пусть даже на короткое время. Всегда есть шанс, что внутри России произойдут потрясения, которые заставят ее проводить более умеренную внешнюю политику⁸. Задача Германии – «поддерживать мир с Россией, насколько это возможно в одностороннем порядке»⁹.

С точки зрения «железного канцлера», враждебная по отношению к Германии политика России не могла быть объяснена рациональными соображениями. Никакие объективные российские интересы не требовали конфликтовать с Берлином¹⁰. Только внутреннее развитие, в первую очередь

¹ Herbert von Bismarck an Bülow, 31.10.1877 // NFA, Bd. 3. S. 247; см. также Diktat, 19.12.1877 // NFA, Bd. 3. S. 312.

² Immediatbericht, 07.09.1879 // NFA, Bd. 4. S. 176.

³ Gespräch mit Lucius, 28.09.1879 // WIA, Bd. 6. S. 377.

⁴ Schreiben an Kronprinz, 17.12.1880 // NFA, Bd. 4. S. 572.

⁵ Erlaß an Schweinitz, 10.02.1880 // Ibid. S. 327.

⁶ Erlaß an Schlözer, 02.05.1883 // WIA, Bd. 7. S. 29.

⁷ Gespräch mit Hohenlohe, 06.09.1883 // Ibid. S. 36.

⁸ Erlaß an Reuß, 15.09.1883 // Ibid. S. 40.

⁹ Erlaß an Reuß, 10.05.1889 // NFA, Bd. 8. S. 461.

¹⁰ Immediatbericht, 10.11.1885 // NFA, Bd. 6. S. 780.

подъем панславизма и шовинизма, объясняло поворот в российской политике. В России непрерывно растет ненависть к немцам – заявил Бисмарк в беседе со своим врачом Кохеном осенью 1880 г.¹ «Нам следует считаться с возможностью разрыва дружбы с Россией в результате революционного давления или восстания», – писал канцлер в 1887 г. в преддверии заключения «договора перестраховки»². В одной из бесед канцлер сравнил Россию с человеком, которым внезапно овладел приступ безумия³. Единственным спорным моментом в российско-германских отношениях, писал Бисмарк уже в конце своей карьеры, является судьба Австро-Венгрии: «Все наши разногласия с Россией основаны [...] исключительно на том обстоятельстве, что мы готовы защищать Австрию от изнасилования русскими, поскольку существование Австрии как сильной и независимой великой державы необходимо для европейского равновесия»⁴. Здесь мы вновь встречаемся с влиянием образа русского национального характера на умозаключения «железного канцлера». Российская внешняя политика предстает в его текстах легкомысленной, эмоциональной, оторванной от реальности, лживой и двуличной – одним словом, такой же, какими являются от природы сами русские.

В конце 1880-х гг. Бисмарк также заявлял о желании российской элиты спровоцировать франко-германский конфликт и извлечь из него пользу. «Какой бы честной ни была сама по себе платоническая любовь царя к миру, – писал канцлер, – нельзя забывать, что он в первую очередь является российским политиком и в силу этого не сможет отказаться от мысли о том, что начало германо-французской войны даст России весьма благоприятную возможность незначительными средствами оказать сильное давление на нас. Нет никаких сомнений, что чиновничья Россия, как и панславистская, считает желательной германо-французскую войну и несмотря на все официальные заверения и

¹ Gespräch mit Cohen, 13.09.1880 // GW, Bd. 8. S. 376.

² Marginalie, 19.03.1887 // NFA, Bd. 7. S. 403.

³ Gespräch mit Hohenlohe, 28.10.1879 // WIA, Bd. 6. S. 387.

⁴ Erlaß an Hatzfeldt, 30.06.1889 // WIA, Bd. 7. S. 723.

опровержения тайно работает над ее развязыванием»¹. Его взгляды на возможность сохранить хорошие отношения с Россией становились все более пессимистическими: «Опасаясь, что мое мнение по поводу излечимости болезни было ошибочным, и что все наши попытки добиться от России признания и ответа на наши шаги ей навстречу не имеют шансов на успех»². Как справедливо отмечал Г.-У. Велер, «политика Бисмарка в отношении России на позднем этапе приобрела пессимистические черты с почти фаталистической отстраненностью»³.

Даже стремясь к хорошим отношениям с Россией, Бисмарк категорически не готов был играть роль «младшего партнера». «В наших собственных интересах поддерживать хорошие, дружественные отношения с Россией. Для нас высочайшая ценность иметь в лице России надежного и верного друга, – писал он Рейссу в 1869 г. – Однако эта дружба может быть устойчивой только в том случае, если она основана не на предположениях о нашей слабости и нашей нужде, а на осознании и понимании собственных интересов России, которые требуют от нее поддерживать хорошие отношения с нами не менее, чем от нас – с ней»⁴. Его задевали попытки со стороны России вести диалог свысока; он говорил о «давней привычке требовать нашу поддержку недовольным и приказным тоном»⁵, «одностороннем использовании нашей привычной покорности и благодарности»⁶. В этом с Бисмарком была солидарна значительная часть прусской элиты. К примеру, в своих мемуарах Швейниц писал о чувстве унижения, которое он испытал в юности, наблюдая высокомерное отношение Николая I к прусскому королю; воспоминание об этом вызывало у него острые эмоции еще много лет спустя⁷.

Пока в России значительная часть общества сохраняет иллюзии по поводу того, что Берлин полностью зависим от Петербурга, нормальные отношения

¹ Herbert von Bismarck an Schweinitz, 10.06.1887 // NFA, Bd. 7. S. 468.

² Erlaß an Schweinitz, 25.02.1887 // Ibid. S. 381.

³ Wehler H.-U. Bismarcks Imperialismus und späte Rußlandpolitik unter dem Primat der Innenpolitik / Das kaiserliche Deutschland. Politik und Gesellschaft 1870-1918. Düsseldorf, 1970. S. 251-252.

⁴ Erlaß an Reuß, 21.01.1869 // WIA, Bd. 4. S. 290.

⁵ Herbert von Bismarck an Radowitz // NFA, Bd. 4. S. 130.

⁶ Erlaß an Schweinitz, 06.02.1880 // Ibid. S. 318.

⁷ Schweinitz H.L.v. Op. cit. Bd. 1. S. 66.

невозможны, заявлял «железный канцлер». «Мысль о том, что Пруссия зависит от России и нуждается в ней больше, чем Россия в Пруссии, глупа»¹. В начале 1877 г. Бисмарк писал о готовности к безусловному сохранению союза с Россией – но только в том случае, если эта готовность будет взаимной².

Сильное раздражение вызвало у «железного канцлера» отношение российских властей к Германии в 1878 г. Уже в преддверии Берлинского конгресса он жаловался, что русские относятся к немцам как к своим «агентам», сообщая им «не пожелания, а инструкции»³. Еще более жесткими стали его высказывания во время последовавшего за конгрессом кризиса в отношениях: Россия предъявляла Германии «эмоциональные претензии, грубые требования новых услуг, в тоне, который подходит для обращения с нерадивыми вассалами, чем с могущественными друзьями»⁴. Бисмарк говорил о том, что «российская сторона уже давно следовала привычке требовать нашей поддержки неодобрительным, повелевающим тоном»⁵. Еще более красочно он высказался на заседании прусского кабинета министров: «Россия повела себя по отношению к своему единственному другу как азиатский деспот, недовольный тем, что его слуга недостаточно быстро взбегает к нему по лестнице»⁶. Канцлер обвинял Россию в стремлении ослабить Германию и поставить ее в зависимость от себя⁷. «В Петербурге нам отказывали в равноправии, – писал он в 1888 г., – и любые дружеские услуги с нашей стороны воспринимались как выражение не дружбы, а услужливости»⁸. «Многим русским и без Горчакова сложно рассматривать и относиться к другу как к равному», – утверждал Бисмарк в мемуарах⁹.

Из этого следовал вывод: чтобы добиться от России хорошего отношения, нужно не идти на уступки, а демонстрировать жесткость: «Улучшение наших

¹ Erlaß an Reuß, 21.01.1869 // WIA, Bd. 4. S. 291.

² Erlaß an Schweinitz, 24.02.1877 // NFA, Bd. 3. S. 54.

³ Herbert von Bismarck an Bülow, 03.05.1878 // Ibid. S. 455.

⁴ Immediatbericht, 07.09.1879 // NFA, Bd. 4. S. 172.

⁵ Herbert von Bismarck an Radowitz, 15.08.1879 // Ibid. S. 130.

⁶ Lucius von Ballhausen R. Op. cit. S. 177.

⁷ Gespräch mit Busch, 11.05.1880 // WIA, Bd. 6. S. 447.

⁸ Denkschrift, 04.07.1888 // NFA, Bd. 8. S. 152.

⁹ Erinnerung und Gedanke // WIA, Bd. 8a. S. 466.

отношений с Россией есть результат не нашей любезности, а [...] нашей твердости»¹. Любое проявление заинтересованности в сближении будет расцениваться в Петербурге как слабость и сделает русских еще более заносчивыми и требовательными². «Если мы хотим жить в дружбе с русскими, – писал Бисмарк в 1888 г., – необходимо внушить им, что мы можем прожить и без них, не нуждаемся в них и не боимся, ничего от них не хотим [...]. Если у них сложится такое впечатление (и при этом форма, в которой оно будет произведено, не оскорбит их), тогда мы сможем жить с ними в добром согласии, иначе это не получится»³. Необходимо иметь надежную опору в лице союза с Австрией – только в этом случае с Россией удастся поддерживать хорошие отношения⁴. Здесь, опять же, заметно влияние концепции национального характера: «женская» раса «полуварваров» понимает и уважает только силу, взывать к ее разуму бессмысленно, уступки она считает признаком слабости.

При этом Бисмарк, разумеется, последовательно возлагал всю ответственность за ухудшение российско-германских отношений на Петербург. В 1887 г. он писал о «склонности русских выдвигать к нам обширные и необоснованные требования»⁵. Германскую политику Бисмарк характеризовал как «вынужденную оборону»⁶. Не раз писал канцлер и о российской неблагодарности – сюжет, на котором имеет смысл остановиться подробнее ввиду его актуальности в российском общественном сознании.

Тема взаимных «долгов» русских и немцев в XIX в. нередко поднималась Бисмарком – и, как несложно догадаться, его позиция кардинально отличалась от взглядов на этот вопрос в российском общественном мнении. Еще в 1854 г. он писал: «Россия много нам задолжала; и с революцией, по крайней мере своей и немецкой, мы справимся сами, если захотим»⁷. В январе 1877 г. он говорил о

¹ Hatzfeldt an Schweinitz, 21.02.1883 // NFA, Bd. 5. S. 359.

² Berchem an Schweinitz, 01.09.1887 // NFA, Bd. 7. S. 537.

³ Denkschrift, 04.07.1888 // NFA, Bd. 8. S. 153.

⁴ Immediatbericht, 07.09.1879 // NFA, Bd. 4. S. 175.

⁵ Erlaß an Schweinitz, 12.06.1887 // WIA, Bd. 7. S. 511.

⁶ Lucius von Ballhausen R. Op. cit. S. 468.

⁷ Privatschreiben an Manteuffel, 09.12.1854 // WIA, Bd. 2. S. 41.

«всех тех ценных услугах, которые мы оказали России в последние 25 лет»¹. В 1879 г. этот срок вырос уже до полувека². Бисмарк также неоднократно с возмущением говорил о распространенной в России «лжи о конгрессе»³ – утверждениях, что во время Берлинского конгресса Германия якобы предала свою союзницу.

Об истории российско-германских отношений в целом и взаимных услугах сторон Бисмарк подробно рассуждал, к примеру, в беседе с Бушем в 1879 г.⁴ или в парламентском выступлении в 1888 г.⁵ Данная тема также затрагивается в послании Г. фон Бисмарка Б. фон Бюлову (написанному в соответствии с устной инструкцией О. фон Бисмарка)⁶ и других документах. Во всех этих текстах представлена в общем и целом одна и та же картина развития двусторонних отношений. Бисмарк останавливался на следующих ключевых моментах истории:

1. Войны против Наполеона. По мнению «железного канцлера», Россия в 1813 г. оказала Пруссии значимую помощь, однако действовала в первую очередь исходя из собственных интересов. Александру I, говорил Бисмарк, «Пруссия действительно должна быть благодарна. Он мог в 1813 году повернуть назад на польской границе и заключить мир»⁷. Однако на Венском конгрессе Российская империя с легкостью пожертвовала интересами своей союзницы, касающимися Саксонии. «В конечном счете, – заявлял Бисмарк, – их выигрыш оказался больше нашего, а ведь мы гораздо больше рисковали, жертвовали и совершили»⁸.

2. 1820-40-е годы. Руководствуясь чувством признательности за освобождение от французского гнета, Пруссия в течение этого периода полностью поддерживала политику России: «Все время правления Фридриха Вильгельма III было пронизано этой благодарностью»⁹. В качестве конкретного

¹ Erlaß an Schweinitz, 30.01.1877 // NFA, Bd. 3. S. 32.

² Schreiben an Wilhelm I, 24.08.1879 // WIA, Bd. 6. S. 345.

³ Erlaß an Reuß, 18.04.1887 // NFA, Bd. 7. S. 425.

⁴ Gespräch mit Busch, 27.02.1879 // GW, Bd. 8. S. 306.

⁵ Rede im Deutschen Reichstag, 06.02.1888 // WIA, Bd. 7. S. 600-601.

⁶ Herbert von Bismarck an Bülow, 01.01.1879 // NFA, Bd. 4. S. 1-2.

⁷ Rede im Deutschen Reichstag 06.02.1888 // WIA, Bd. 7. S. 600

⁸ Gespräch mit Busch, 27.02.1879 // GW, Bd. 8. S. 306

⁹ Rede im Deutschen Reichstag 06.02.1888 // WIA, Bd. 7. S. 600

примера Бисмарк называл прусское посредничество при заключении в 1829 г. Адрианопольского мира. Даже подавление восстания в Позене в 1847 г. было, по словам канцлера, в конечном счете «в интересах России»¹. Какой-либо благодарности со стороны Петербурга не последовало – более того, однажды Бисмарк обвинил Николая I в том, что он хотел в 1830 г. напасть на Пруссию в союзе с Францией, и только Июльская революция сорвала этот план².

3. «Ольмюцское унижение» 1850 г. В ситуации назревавшего австро-прусского конфликта Россия целиком и полностью встала на сторону монархии Габсбургов, заставив Берлин потерпеть унизительное дипломатическое поражение. Пруссии не помогли ни проявленная в предшествующие десятилетия лояльность, ни родственные связи между династиями. В результате «положительный баланс, который Россия имела на прусском счете [...] был аннулирован в Ольмюце»³. Мысль о том, что Пруссия должна быть за что-то благодарна Николаю I, «есть лишь историческая легенда»⁴.

4. Крымская война 1853-56 гг. и польское восстание 1863 г. Несмотря на Ольмюц, Пруссия по-прежнему выступала в качестве союзницы России. Фактически именно позиция Берлина не позволила Петербургу оказаться в обеих ситуациях в полной международной изоляции. При этом Пруссия подвергалась давлению со стороны остальных великих держав, и сохранение дружественного по отношению к России нейтралитета являлось делом весьма непростым. «Несмотря на серьезные опасности и угрозы, мы держались русского курса», – говорил по этому поводу Бисмарк⁵. «Россия должна была бы научиться ценить наличие сильной и дружественной немецкой державы по опыту 1828, 1831, 1854 и 1863 годов», – заявлял канцлер в другом документе⁶.

5. Немецкая война 1866 г. и Франко-германская война 1870-71 гг. Бисмарк признавал, что Россия в обоих случаях соблюдала дружественный нейтралитет по

¹ Gespräch mit Busch, 27.02.1879 // GW, Bd. 8. S. 306

² Ibid.

³ Rede im Deutschen Reichstag 06.02.1888 // WIA, Bd. 7. S. 601.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid.

⁶ Herbert von Bismarck an Bülow, 01.01.1879 // NFA, Bd. 4. S. 1-2.

отношению к Пруссии. Позиция Петербурга во многом способствовала успешному завершению обеих войн. Однако «железный канцлер» подчеркивал, что это не требовало от России каких-либо жертв, более того, целиком соответствовало ее собственным интересам. «Пруссия, – заявлял Бисмарк, – в 1866 г. была орудием русского гнева в адрес Австрии»¹. Что касается 1870 г., то «если мы им чем-то и обязаны, то погасили свой долг в Лондоне. Мы обеспечили им свободу Черного моря; без нас они не добились бы этого от англичан и французов»². Бисмарк никогда не отрицал, что занятая Россией позиция заслуживает благодарности³; однако эта благодарность должна была иметь свои границы. На данном вопросе канцлер останавливался особенно часто, поскольку российские притязания на «добрые услуги» со стороны Германии в период Восточного кризиса основывались именно на позиции Петербурга во время Франко-германской войны. «В любом случае, – писал Бисмарк своему монарху в 1879 г., – в собственных интересах императора Александра было не допустить, чтобы после поражения Германии австрийцы и французы, победоносные и объединившиеся, вышли к его польским границам»⁴.

6. «Военная тревога» 1875 г., в ходе которой дипломатическое вмешательство России перечеркнуло планы германского правительства по дальнейшему ослаблению Франции. Этот эпизод был для Бисмарка особенно болезненным, так как представлял собой одно из немногих безусловных поражений его внешней политики. Именно поэтому канцлер подчеркивал, что позиция российской дипломатии (и лично князя Горчакова) была враждебной и нанесла большой ущерб дружбе двух стран: «В результате между нами возникло первое отчуждение»⁵. В своих мемуарах Бисмарк давал следующую характеристику действиям Горчакова: «Это не слишком дружественное отношение, когда доверяющему и ничего не подозревающему другу внезапно

¹ Gespräch mit Busch, 27.02.1879 // GW, Bd. 8. S. 306

² Ibid. S. 307

³ Erlaß an Bernstorff, 24.11.1870 // WIA, Bd. 4. S. 580

⁴ Schreiben an Wilhelm I, 24.08.1879 // WIA, Bd. 6. S. 345.

⁵ Rede im Deutschen Reichstag 06.02.1888 // WIA, Bd. 7. S. 602.

вспрыгивают на плечи, чтобы устроить там цирковое представление за его счет»¹. Тем не менее, по словам «железного канцлера», он продолжал стремиться поддерживать с Петербургом дружественные отношения.

7. Восточный кризис 1875-78 гг. и Берлинский конгресс. Оценка Бисмарком собственных действий в ходе этих событий была прямо противоположна той, которую давало российское общественное мнение. Еще в самом начале кризиса Бисмарк писал о «долге благодарности», которые немцы исполняют по отношению к России². И в дальнейшем, по словам «железного канцлера», германская дипломатия действовала целиком и полностью в интересах России, стараясь обеспечить ей максимальную выгоду и в то же время не дать разразиться новой Крымской войне. В ходе конгресса «не было ни одного русского пожелания, которое бы я не поддержал и не провел в жизнь»³. Беседуя с российским журналистом уже после своей отставки, Бисмарк заявлял: «В одной из недавних своих речей я сказал, что ждал себе за Берлинский конгресс орден Андрея Первозванного с алмазами, так как все остальное у меня уже было. Это, принятое у вас за шутку заявление, имело все-таки свои веские и серьезные основания. Искренне вам говорю, у меня было тогда сильное желание близко сойтись с Россией – и на Берлинском конгрессе я стал русским, как только может быть русским немец. Не было такого желания России, на исполнении которого я бы не настоял. [...] На конгрессе я был не только русским, но и секретарем графа Шувалова и повторяю, что исполнял все угодное России»⁴.

Итоговый баланс «взаимных услуг» получался с точки зрения Бисмарка вполне однозначным: именно русские должны быть признательны немцам за постоянную помощь, но не наоборот. В любом случае, «наша благодарность не должна достигать такого размера, чтобы немецкая политика была навсегда подчинена русской»⁵. Поскольку подобные взгляды высказывались на

¹ Erinnerung und Gedanke // WIA, Bd. 8a. S. 426.

² Diktat, 09.11.1876 // WIA, Bd. 5. S. 756.

³ Rede im Deutschen Reichstag 06.02.1888 // WIA, Bd. 7. S. 603

⁴ Из Берлина. В замке у князя Бисмарка. III // Новое время. №5093. 5(17) мая 1890.

⁵ Schreiben an Wilhelm I, 24.08.1879 // WIA, Bd. 6. S. 345.

протяжении многих лет в совершенно разных ситуациях, у нас нет серьезных оснований сомневаться в том, что Бисмарк действительно видел происходящее таким образом.

Итог анализа взглядов Бисмарка на российско-германские отношения можно подвести фразой, сказанной им в беседе с Вильмовским в конце 1868 г.: антипатия к России – не повод отказываться от поддержания с ней мирных и добрососедских отношений, в которых Берлин естественным образом заинтересован¹. Этой максимой он руководствовался на протяжении всей политической карьеры. При этом важно вновь отметить, что политика Российской империи по отношению к своей западной соседке являлась в глазах Бисмарка во многом проекцией внутривнутриполитических процессов. Невозможно не заметить и влияния концепции национального характера на трактовку Бисмарком действий противоположной стороны.

Выступая за мир с Россией, «железный канцлер», вопреки распространенным легендам, достаточно спокойно относился к перспективе возможной войны с ней.

Война

Отношение Бисмарка к возможному вооруженному столкновению с Россией было ровно таким же, что и с любым другим государством. Война – последнее средство политики; ее следует по возможности избегать и вести только в том случае, если имеется достойная цель, которую невозможно достичь иным путем. Против вооруженного конфликта с Россией Бисмарк выступал именно потому, что не видел этой достойной цели и вообще какого-либо выигрыша для Пруссии-Германии даже в случае благоприятного исхода кампании, который он совершенно не исключал. Не мифическая «непобедимость» России, а вполне рациональные соображения заставляли его отстаивать именно такой курс. Еще в 1854 г., рассуждая об отношении Пруссии к Крымской войне, Бисмарк писал в Берлин: хотя война с Россией «может оказаться весьма серьезной, я никогда не

¹ Gespräch mit Wilmowski, November 1868 // WIA, Bd. 4. S. 264.

буду пытаться выступать против нее, если появится надежда на достойный приз»¹. «Даже Пруссия в одиночку имеет больше шансов отразить вторжение русских армий, чем воспрепятствовать английскому насилию на море», — утверждал он². Эта уверенность не могла не усилиться после впечатляющих успехов прусской армии в войнах против Австрии и Франции.

К проблеме войны против России Бисмарк особенно часто обращался после резкого ухудшения двусторонних отношений по итогам Берлинского конгресса. Из 85 его высказываний на данную тему лишь четыре относятся к периоду до 1879 г. Именно в 1879 г. он впервые за долгое время прямо говорит о военной угрозе со стороны восточной соседки³. По мнению «железного канцлера», к конфликту стремится российская «панславистская партия», поддержанная поляками и революционерами. Все они надеются извлечь выгоду из вооруженного столкновения (вне зависимости от его последствий) и поэтому прямо и косвенно толкают монарха на путь конфронтации. Панслависты действуют в данном направлении исходя из националистических мотивов, радикалы — в надежде на то, что война приведет к выгодным им потрясениям внутри страны⁴.

Угрозой для Германии считал Россию и германский генералитет. В рядах военной элиты были распространены представления о том, что раз столкновение неизбежно, его следует начать в наиболее подходящей ситуации. Канцлер придерживался иного мнения: пока мир можно сохранить, надо пытаться это сделать. Одним из главных аргументов Бисмарка в спорах со сторонниками превентивной войны была бессмысленность нападения на Россию. Какие плоды принесла бы Германии такая победа? Никаких территориальных претензий к России у нее не было: приобретение польских территорий только усилило бы чужеродный этнический элемент в Германской империи, а прибалтийские территории были бы крайне невыгодным приобретением со стратегической точки

¹ Privatschreiben an Manteuffel, 09.12.1854 // WIA, Bd. 2. S. 41.

² Privatschreiben an Manteuffel, 17.06.1854 // Ibid. S. 18.

³ Immediatbericht, 31.08.1879 // WIA, Bd. 6. S. 348.

⁴ Erlass an Schweinitz, 12.04.1888 // NFA, Bd. 8. S. 112.

зрения. «Что принесет нам эта длинная, выдающаяся далеко вперед полоса земли между морем и Польшей, без всякой глубины – ничто, которое мы получим только в обмен на вечную враждебность России?» – восклицал он в 1867 г.¹ Контрибуция любого размера не шла по своему значению ни в какое сравнение с дальнейшей враждебностью восточной соседки. «Что нам нужно у России или России у нас? – риторически вопрошал Бисмарк в интервью российскому корреспонденту в 1890 г. – Миллиардов ни мы от вас, ни вы от нас ни в коем случае не добудем, полагаю, что даже при блистательном успехе любой страны дай ей бог вернуть военные расходы, которые должны быть громадны, а между тем, по-моему, и я никогда не отступлюсь от своих слов, приобретение чего бы то ни было за Мемелем есть уже преступление, и не против вас, конечно, а против самой Германии [...] как если бы вы брали у нас Восточную Пруссию, владение которой вас бы наверное погубило»².

Таким образом, Бисмарк выступал против войны с Россией не потому, что считал победу невозможной – он полагал невозможной такую победу, которая могла бы принести хоть какие-то плоды. Эту мысль он повторял неоднократно в различных ситуациях, что позволяет считать данные убеждения вполне искренними. «Мы ничего не выиграем в войне с Россией, только потеряем», – утверждал канцлер в 1879 г.³ Под потерей в данном случае имелись в виду надолго испорченные отношения с Петербургом, что в условиях враждебности Франции создавало весьма невыгодную для немцев ситуацию. «Мы ничего не сможем выиграть от конфликта с Россией, поэтому имеет смысл его избегать», – писал канцлер в начале 1880 г.⁴ «Война против России, даже победоносная, будет [...] нежелательным событием, – писал Бисмарк в январе 1881 г. немецкому послу в Вене. – Это опасная война, к тому же война, у которой нет приемлемой для нас цели»⁵. В другом случае он писал о «большой и бессмысленной неприятности»¹.

¹ Poschinger H.v. Op. cit. S. 247.

² Из Берлина. В замке у князя Бисмарка. III // Новое время. №5093. 5 (17) мая 1890 г.

³ Diktat, 03.11.1879 // NFA, Bd. 4. S. 246.

⁴ Erlaß an Reuß, 29.01.1880 // WIA, Bd. 6. S. 405.

⁵ Erlaß an Reuß, 17.01.1881 // GP, Bd. 3. S. 159.

«Для Германии, – докладывал канцлер в апреле 1888 г. императору Фридриху III, – война с Россией, победоносная или нет, всегда будет большой неприятностью»².

Анализируя эти высказывания, необходимо иметь в виду, что точно такой же термин *Kalamität* Бисмарк использовал и для обозначения перспективы нежелательной войны и с другими странами. В качестве примера можно привести Францию: Бисмарк в служебной корреспонденции заявлял, что война с ней станет «большой неприятностью», в сентябре 1883 г.³ и в июне 1884 г.⁴

Приписывать Бисмарку убежденность в непобедимости России довольно странно хотя бы потому, что свою последнюю на тот момент войну с западноевропейскими державами – Крымскую – Российская империя проиграла. Тем не менее, имеет смысл обратиться к высказываниям Бисмарка на этот счет. «Железный канцлер» не просто допускал возможность германской победы, но и выражал уверенность в том, что в случае российского нападения немцы смогут дать достойный отпор⁵. «Война с Россией, как и с Францией, и даже с обеими одновременно сами по себе не являются для Германской империи чем-то обескураживающим», – заявлял Бисмарк в 1887 г.⁶ При этом он признавал, что война будет тяжела, а потери велики⁷. «Нам нечего желать от России, – докладывал канцлер Вильгельму II. – Германо-русская война не принесет нам никакого выигрыша; даже будучи победоносной, она потребует огромных усилий и жертв, а оказавшись победителями, мы не будем знать, чего нам требовать»⁸.

Должна ли война быть для Германии чисто оборонительной? Считал ли Бисмарк абсолютно недопустимым объявление войны России? Нет, при определенных обстоятельствах он допускал такое, пусть и крайне нежелательное, развитие ситуации. Речь шла о возможной австро-русской войне. Серьезное ослабление и даже распад Австро-Венгрии, сопровождающиеся столь же

¹ Erlaß an Reuß, 30.12.1882 // NFA, Bd. 5. S. 322.

² Immediatvortrag, 03.04.1888 // WIA, Bd. 7. S. 628.

³ Weisung, 03.09.1883 // NFA, Bd. 5. S. 515.

⁴ Erlaß an Keudell, 26.06.1884 // NFA, Bd. 6. S. 238.

⁵ См. напр. Erlaß an Schweinitz, 30.01.1877 // NFA, Bd. 3. S. 33.

⁶ Rottenburg an Berchem, 29.08.1887 // NFA, Bd. 7. S. 534.

⁷ См. напр. Gespräch mit Busch, 27.01.1887 // WIA, Bd. 7. S. 472.

⁸ Immediatbericht, 16.07.1889 // NFA, Bd. 8. S. 513.

серьезным усилением России, были совершенно не в интересах Германской империи, поскольку следствием подобных изменений стало бы попадание Берлина в одностороннюю зависимость от Петербурга.

Еще в 1876 г. в ответ на запрос из Петербурга о том, на чьей стороне будет Германия в случае австро-русской войны, Бисмарк недвусмысленно ответил: «Если же, к нашей скорби, это [мир – Н.В.] между Россией и Австрией невозможно, то хотя мы сможем перенести, если наши друзья будут проигрывать или выигрывать друг у друга сражения, однако не можем допустить, чтобы один из них был так тяжело ранен и понес столь тяжелый ущерб, что окажется под угрозой его положение как независимой и имеющей вес в Европе великой державы»¹. Тогда же Бисмарк заявил Лукиусу: «Россия станет для нас слишком опасной, если Австрия погибнет. Вместе с Австрией мы можем сдерживать Россию»².

В ноябре 1879 г. канцлер, находившийся в своем имении в Варцине, писал в ведомство иностранных дел: «Русская война сама по себе, и особенно с Францией на заднем плане, для обеих держав [Германии и Австро-Венгрии – Н.В.] всегда будет оставаться событием, которого они имеют все основания избегать, если Россия не нанесет ущерб интересам одной из двух держав. Интересы Германии мы будем считать задетыми, если Австрия будет атакована Россией, и в этой ситуации мы имеем полное право поставить на карту мирное существование Германии»³. В 1883 г. в разговоре с Гогенлоэ канцлер отметил, что военную угрозу империи Габсбургов со стороны России в Берлине должны воспринимать не иначе как угрозу самим себе: «Мы не можем позволить разгромить или ослабить Австрию»⁴. «Само собой разумеется, – писал Бисмарк в 1886 г., – что мы не можем позволить России уничтожить монархию Габсбургов и в случае русских

¹ Erinnerung und Gedanke // WIA, Bd. 8a. S. 457.

² Gespräch mit Lucius, 29.09.1876 // WIA, Bd. 5. S. 728.

³ Schreiben an Auswärtiges Amt, 10.11.1879 // WIA, Bd. 6. S. 390..

⁴ Gespräch mit Hohenlohe, 06.09.1883 // WIA, Bd. 7. S. 36.

побед над Австрией вынуждены будем исходя из собственных интересов вступить за последнюю»¹.

В 1888 г. в период угрозы войны между Австро-Венгрией и Россией Бисмарк написал на полях донесения из Вены: «Вопрос о том, кто является агрессором, будет при наступлении соответствующей ситуации решен нашим императором»². Несколько позднее, в своих мемуарах, отставной канцлер высказывался более четко: нельзя «приближать германский народ ради английский и австрийских интересов на Востоке к большим и бесплодным тяготам русской войны в большей степени, чем это вызывается собственными германскими интересами и заинтересованностью в целостности Австрии»³. Это была точка зрения, характерная для Бисмарка и в период нахождения у руля: усиление России как таковое не опасно для Германии, однако разгром русскими Австро-Венгрии недопустим. Последствия подобного разгрома (и распада монархии Габсбургов) были бы столь неблагоприятными для Берлина, что перед ними меркли все отрицательные стороны конфликта с Россией. «Железный канцлер» был готов воевать, если на то имелись веские причины.

При рассмотрении взглядов Бисмарка на российско-германские отношения и на возможный вооруженный конфликт с Россией встает вопрос о том, почему он, считая российскую угрозу вполне реальной и не считая Россию непобедимой, в то же время выступал категорически против превентивной войны. Ответ на него дал сам канцлер в своей инструкции принцу Рейссу в мае 1888 г.: «Выжидая, пока она нападет сама, мы имеем шанс увидеть ее внутренний распад и разложение раньше, чем случится нападение, причем тем ранее, чем менее мы будем своими угрозами мешать ей все глубже заходить в тупик Восточного вопроса»⁴.

¹ Notiz, 06.05.1886 // NFA, Bd. 7. S. 121.

² Marginalie, 08.01.1888 // GP, Bd. 6. S. 77.

³ Erinnerung und Gedanke // WIA, Bd. 8a. S. 668.

⁴ Erlaß an Reuß, 03.05.1888 // WIA, Bd. 7. S. 641.

3.5. Эволюция образа России

Прежде чем перейти к обобщениям, имеет смысл посмотреть на то, как Бисмарк сам характеризовал свое отношение к России. Делал он это нечасто: в категорию «Личное» попало всего тринадцать его высказываний. При этом он ни разу не говорил напрямую о своей симпатии или антипатии к России. Тема большинства высказываний в данной категории – личная убежденность Бисмарка в необходимости поддержания с империей Романовых добрососедских отношений. «Меня по праву считают сторонником близких отношений с Россией», – писал он в 1865 г.¹ «Я всегда был сторонником добрых, дружественных отношений к России, находя это прежде всего соответствующим выгодам и интересам Германии», – заявил Бисмарк четверть века спустя в интервью корреспонденту «Нового времени»². Лишь два раза его собеседники отмечали у него наличие симпатий к России: Криспи в октябре 1887 г. («Князь испытывает симпатии к России, это явственно следует из того, как он говорит об этой стране»)³ и Уитмен в 1892 г. («У него сильная симпатия к русскому национальному характеру»)⁴. В качестве своеобразного противовеса их свидетельствам можно привести фразу из мемуаров Вильмовского: «Бисмарк не был другом русских»⁵. «Я лучше стану прокатолическим, чем прорусским» – заявил канцлер в беседе со Швейницем в 1880 г.⁶ В свете этих высказываний наиболее логичным будет вывод о том, что Бисмарк не испытывал к России ни ярко выраженных осознанных симпатий, ни осознанной ненависти. Какие-либо обоснованные заключения относительно его отношения к России и русским можно сделать только на основании анализа общей тональности всей совокупности его высказываний. Как будет показано ниже, эта тональность на

¹ Erlaß an Redern, 15.03.1865 // GW, Bd. 5. S. 134.

² Два часа у князя Бисмарка. Часть II // Новое время. №5166. 18(30) июля 1890 г.

³ Gespräch mit Crispi, 02.10.1887 // GW, Bd. 8. S. 591.

⁴ Gespräch mit Whitman, 19.01.1892 // GW, Bd. 9. S. 185.

⁵ Wilmowski G.v. Op. cit. S. 139.

⁶ Schweinitz L.v. Op. cit. Bd. 2. S. 137.

протяжении всей биографии «железного канцлера» оставалась в общем и целом негативной.

С течением времени отдельные аспекты образа России в представлениях Бисмарка претерпевали значительные изменения. Многие из них были продиктованы объективными причинами, в первую очередь внутренним развитием самой Российской империи в 1850-80-е гг.

Ключевой движущей силой этих изменений в глазах Бисмарка являлось формирование новой национальной элиты и образованного среднего класса, которые в значительной степени являлись носителями националистических, панславистских, либеральных и революционных настроений. Иногда «железный канцлер» рассматривал все эти течения как единую группировку, иногда – как тактических союзников, объективно действующих в одном направлении: ограничение императорской власти, подрыв стабильности державы Романовых и внешняя экспансия.

В 1850-е гг. образ России у Бисмарка был уже вполне сформировавшимся: большая, холодная северная страна, во многом варварская, во главе с абсолютным монархом. Большую позитивную роль в жизни этой страны играют этнические немцы, русские же управленцы некомпетентны и коррумпированы.

Пребывание в Петербурге в 1859-62 гг. и тесное непосредственное знакомство с Россией привело не столько к пересмотру, сколько к уточнению этого образа. Из высказываний Бисмарка исчезает ряд наиболее расхожих штампов, касающихся природно-климатических условий. Он начал испытывать определенные симпатии к «простым русским». Высказывания же о бюрократическом аппарате, о российских чиновниках и их практиках стали намного более жестокими и резкими. Возможно, именно это побудило К. фон Шлёцера написать в конце 1860 г.: «Постепенно его взгляды на столь горячо любимую ранее Россию меняются»¹. Именно в петербургский период своей деятельности Бисмарк обнаружил существование значительной «польско-

¹ Schlözer K.v. Op. cit. S. 178.

либеральной» оппозиции внутри элиты, стремящейся к ослаблению власти императора.

Пока еще он не видел в ней большой угрозы для российской монархии. Ситуация, однако, менялась с течением времени. «Железный канцлер» все чаще высказывал сомнения в том, что император способен держать бразды правления в своих руках. Оппозиция казалась ему все более масштабной и опасной. Наряду с представителями элиты в нее входили и образованные средние слои – более недовольные жизнью и поэтому более радикальные, чем высшие сановники. Бисмарк сомневался и в надежности армии – военная верхушка во главе с Милютиним, по его мнению, заражена либерализмом и панславизмом. Консервативная «партия мира» стремительно теряла свои позиции.

В 1850-е гг. российское государство выглядело в глазах Бисмарка приблизительно следующим образом: император-самодержец, окруженный не всегда способными государственными деятелями и толпой некомпетентных, вороватых чиновников, правит патриархальной крестьянской массой. К 1880-м гг. этот образ значительно изменился: император формально остается абсолютным монархом, но в реальности вынужден во многом подчиняться могущественной национальной партии, которая включает в себя большую часть элиты и недовольные средние слои; крестьянская масса все еще верна монарху, но это не играет большой роли в судьбе России. На склоне лет «железный канцлер» считал вполне возможным, что в недалеком будущем в Российской империи произойдут кардинальные внутренние перемены, разразится серьезный кризис с непредсказуемыми последствиями.

Эта «национальная партия» и этот кризис создавали угрозу и для соседей России, в первую очередь для Германии. В 1880-е гг. Бисмарк все время обращался к проблеме российско-германского вооруженного конфликта. И пусть в большинстве случаев он называл эту войну бессмысленной и абсурдной, примечательно то постоянство, с которым он высказывался на эту тему. Говорил Бисмарк и о необходимости воевать с Россией в том случае, если положение Австро-Венгрии в системе великих держав окажется под вопросом.

Одним из пунктов программы российских либералов и панславистов Бисмарк считал агрессивную внешнюю политику, включавшую в себя противостояние и даже войну с Германией. Мотивы при этом могли быть разными – от банального шовинизма до стремления ослабить монархию в результате военных неудач. В 1880-е гг. Россия в глазах Бисмарка превратилась в главного смутьяна Европы, державу, от которой исходит угроза миру. Повторимся: «железный канцлер» связывал это не с какой-то извечной, природной агрессивностью России, а с теми социальными и политическими процессами, которые происходили внутри страны. Именно поэтому мы можем быть уверены, что опасения Бисмарка по поводу восточной соседки не были наигранными или фальшивыми; они логически вытекали из общей эволюции его представлений о России, которая началась задолго до Берлинского конгресса 1878 г. и последовавшего за ним кризиса в двусторонних отношениях.

Эта внутренняя нестабильность, однако, создавала угрозу, но в то же время давала и надежду; если мирные отношения удастся сохранить до начала большого кризиса в России, весьма вероятно, что последняя окажется надолго поглощена своими внутренними проблемами и лишится своего агрессивного потенциала. Именно этот аргумент «железный канцлер» приводил в спорах со сторонниками превентивной войны, именно поэтому он считал необходимым поддерживать мирные отношения и заключать даже кратковременные соглашения. Требовалось выиграть время до того момента, когда угроза останется позади.

О будущем России Бисмарк говорил достаточно редко. Однако из его высказываний следует, что перспективы империи Романовых он оценивал достаточно пессимистически. Крах абсолютной власти весьма вероятен, но в то же время Россия не готова к конституционным и парламентским экспериментам, поэтому итог их практически наверняка окажется плачевным – так полагал «железный канцлер» на склоне своих лет.

Вышеописанные выводы, полученные с помощью качественного анализа высказываний Бисмарка, имеет смысл проверить количественным методом. Для этого весь имеющийся массив данных был разделен на восемь хронологических

отрезков: 1848-58 гг. (до назначения Бисмарка посланником в Петербурге), 1859-62 гг. (пребывание Бисмарка на дипломатическом посту в России), 1863-70 гг. (период, когда Бисмарк возглавлял прусское правительство и вел борьбу за усиление Пруссии и объединение Германии), 1871-75 гг. (эпоха хороших отношений с Россией и создания Союза трех императоров), 1876-79 гг. (Восточный кризис и резкое ухудшение российско-германских отношений), 1880-85 гг. (разрядка в двусторонних отношениях и восстановление Союза трех императоров), 1886-89 гг. (новый кризис в отношениях с Россией) и, наконец, 1890-97 гг. (после отставки Бисмарка).

В рамках каждого отрезка все высказывания были разделены на три категории: позитивные, негативные и нейтральные. Подробности методики уже были описаны выше: каждому высказыванию присваивалось числовое значение (позитивное +1, негативное -1, нейтральное 0). Для каждого хронологического отрезка числовые значения суммировались, а получившийся результат делился на общее количество высказываний. Итогом стал показатель, который можно условно назвать индексом отношения Бисмарка к России.

Были получены следующие результаты:

Период	Число высказываний	Позитивные	Негативные	Нейтральные	Индекс
1848-58	31	3	10	18	-0,226
1859-62	97	22	52	23	-0,310
1863-70	115	28	41	46	-0,113
1871-75	39	9	15	15	-0,154
1876-79	169	16	92	61	-0,438
1880-85	153	9	84	60	-0,490
1886-89	146	12	66	68	-0,370
1890-97	112	24	39	49	-0,134
ИТОГ	862	123	399	340	-0,320

Общий итог выглядит следующим образом: из 862 высказываний 123 являлись позитивными, 399 негативными и 340 нейтральными, средний индекс составил $-0,340$.

Проанализировав эти показатели, мы обнаружим, что они в значительной степени подтверждают полученные ранее выводы. До прибытия в Петербург у Бисмарка сложился определенный, умеренно негативный образ России. Больше половины относящихся к данному периоду высказываний являются, однако, нейтральными, что может свидетельствовать о том, что этот образ был еще достаточно схематичным, не сформировавшимся до конца. Ситуация меняется в период пребывания Бисмарка на посту посланника в Петербурге: доля как позитивных, так и негативных высказываний резко растет, нейтральных – напротив, падает. Из этого можно сделать вывод о том, что образ России у Бисмарка дополнился множеством конкретных деталей и подробностей, стал существенно более сложным – вполне логичное следствие его личного знакомства со страной и ее жителями. В то же время индекс изменился незначительно – очевидно, общее отношение будущего канцлера к России и русским не стало принципиально иным.

Для двух последующих периодов – 1863-70 и 1871-75 гг. – мы наблюдаем достаточно любопытную тенденцию: доля нейтральных высказываний вновь растет, а негативных – резко падает (хотя в количественном плане они по-прежнему превосходят позитивные). Соответственно, заметно растет и индекс отношения Бисмарка к России. Говорит ли это о серьезных изменениях образа страны в сознании «железного канцлера»? На наш взгляд, данная тенденция отражает скорее изменения в источниковой базе, связанные с вступлением Бисмарка на пост главы правительства. Теперь ему было необходимо делать гораздо больше официальных, в том числе публичных заявлений. В условиях, когда хорошие отношения с Россией были очень важны для Пруссии, это вело к закономерному увеличению доли позитивных и нейтральных высказываний.

Поистине драматические изменения мы видим в середине 1870-х гг. В результате «военной тревоги» 1875 г. и Восточного кризиса российско-

германские отношения стали резко ухудшаться. У Бисмарка появляется гораздо больше поводов выражать негативные эмоции в адрес Российской империи. Кроме того, как уже было показано выше, оценка канцлером происходящего в России также становится все более мрачной. Доля негативных высказываний в итоге растет, существенно превышая 50%, позитивных – резко сокращается. Индекс в этих условиях падает до почти –0,5. Весьма любопытно, что в первой половине 1880-х гг., когда российско-германские отношения вновь стабилизировались, это развитие не только не повернуло вспять, но даже продолжилось, а индекс отношения Бисмарка к России достиг рекордно низких значений. Это прекрасно демонстрирует отсутствие жесткой корреляции между состоянием двусторонних отношений и тональностью высказываний Бисмарка – иначе говоря, мы видим, что его слова не были полностью обусловлены текущей политической ситуацией.

К такому же выводу мы приходим, наблюдая ситуацию конца 1880-х гг. – очередное ухудшение русско-германских отношений сопровождалось некоторым смягчением риторики Бисмарка и ростом числа нейтральных высказываний, что положительно сказалось и на индексе. Радикальное изменение последнего мы, однако, наблюдаем только после отставки «железного канцлера», когда соотношение трех категорий высказываний вернулась к значениям второй половины 1860-х – первой половины 1870-х гг. Объясняется это достаточно просто – фактически изгнанный со своего поста, Бисмарк в дальнейшем сознательно создавал легенду о себе самом как приверженце хороших отношений с Россией. Достаточно сказать, что из 24 позитивных высказываний этого периода 10 содержатся в интервью, которые он дал в 1890 г. корреспондентам российской газеты «Новое время». Бисмарк весьма преуспел в создании легенды о своей «русофилии» - даже сегодня, спустя почти полтора века, многие в России продолжают верить в нее.

ГЛАВА 4.

БИСМАРК И СОВРЕМЕННОСТИ: ОБРАЗ РОССИИ В ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ 1880-Х ГГ.

Многие современники – как в Германии, так и в России – считали Бисмарка своего рода «экспертом по русским». Действительно, почти трехгодичный опыт пребывания в Петербурге выглядел достаточно внушительно и формально давал его обладателю существенное преимущество перед соотечественниками в вопросах знания и понимания России. Сам Бисмарк был высокого мнения о собственной компетентности в данной сфере. В 1868 г. он писал прусскому послу в Петербурге: публика «видит Россию не такой, какова она есть, а так, как ее изображают в прессе. Известно, что эта картина производит на свет не всегда верные представления и суждения»¹. Такого рода оценки компетентности «железного канцлера» были широко распространены по обе стороны границы. В феврале 1888 г. немецкая «Национальная газета» (National-Zeitung) писала о «примечательном знании» канцлером «русской сущности и русских особенностей»². «Бисмарк слишком хорошо знает Россию», – писал в это же время Н.М. Баранов К.П. Победоносцеву³. Неудивительно, что представления о «железном канцлере» как «знатоке России», якобы обладавшем неким особым пониманием этой страны, прочно закрепились в общественном сознании и регулярно воспроизводятся в публицистике – а иногда и академических работах – по сегодняшний день. «Мало кто из западных политиков так хорошо знал Россию, как знаменитый пруссак», – типичное высказывание такого рода⁴.

Однако с научной точки зрения подобные представления могут считаться лишь гипотезой, которая подлежит проверке. Последнюю серьезно затрудняет то

¹ Erlaß an Reuß, 26.04.1868 // GW 6a, S. 375.

² Russen und Franzosen gegenüber der Rede des Reichskanzlers // National-Zeitung. 09.02.1888. № 87.

³ К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. Том 1. Novum Regnum. Полутом 2. М.-Пг., 1923. С. 927.

⁴ Романов П. Россия и Бисмарк. Дружба насмерть // РИА «Новости». 19.09.2006. URL: <https://ria.ru/20060919/54038079.html>. Дата обращения 08.01.2025.

обстоятельство, что образ России в Германии конца XIX в. остается слабо изученной темой. В уже упомянутом выше томе «Вуппертальского проекта», посвященному периоду от объединения Германии до Первой мировой войны, большинство статей посвящены образу России у отдельных фигур, в отдельных политических и социальных группах, на страницах отдельных органов печати; исключением является лишь вводная статья Л.З. Копелева¹, в которой предпринимается попытка осуществить синтез этой информации, однако в итоге получается скорее набор отдельных фрагментов. Более фундаментальной и методологически продуманной является монография М. Ламмих, однако автор ограничивается в ней исследованием трех журналов в период с 1867 по 1880 гг.² Заслуживает упоминания и статья Х.Х. Шрёдера, которая, как уже говорилось выше, носит обзорный характер³. В России только в последние годы была предпринята попытка реконструкции одной из ключевых черт образа России в Германской империи последней четверти XIX в. – представлений о российском панславизме. При этом впервые вводился в научный оборот широкий круг источников, отражающих представления различных акторов: военно-политической элиты⁴, партийных политиков⁵, публицистов⁶. Были сделаны и первые шаги в сторону сравнения существовавшего в Германии образа с российской реальностью⁷.

Тема образа России в Германской империи конца XIX в. настолько обширна, что требует большого самостоятельного исследования. В рамках данной работы мы вынуждены ограничиться несколькими сюжетами, которые, однако,

¹ Kopelew L. Am Vorabend des großen Krieges.

² Lammich M. Op. cit.

³ Schröder H.H. Op. cit.

⁴ Власов Н.А. Образ российского панславизма у германской военно-политической элиты 1870–1880-х гг. // Диалог со временем. 2023. Вып. 84. С. 297–307.

⁵ Власов Н.А. Образ России в германских парламентских дискуссиях 1880-х годов // Клио. 2025. № 2. С. 66–71; Власов Н.А. Образ российского панславизма в германских парламентских дебатах последней трети XIX века // Вестник Брянского государственного университета. 2024. № 3. С. 20–28.

⁶ Власов Н.А. Образ российского панславизма в публицистике Юлиуса фон Эккардта // Петербургский исторический журнал. 2023. № 4. С. 53–63.

⁷ Власов Н.А., Колосков Е.А. Образы российских панславистов в Германской империи 1880-х годов. // Научный диалог. 2024. Т. 13. Вып. 6. С. 322–343.

позволят с высокой степенью определенности определить, существовал ли в Германии 1880-х гг. единый дискурс¹ применительно к России и русским и совпадали ли основные элементы этого дискурса с представлениями Бисмарка; иначе говоря, отличались ли представления «железного канцлера» от представлений его современников². Хронологические рамки исследования ограничены 1880-ми гг., поскольку именно это десятилетие имело критическое значение для развития российско-германских отношений; из стратегических партнеров две соседние державы превратились в стратегических противников. Были выбраны три релевантных кейса. Первый касается взглядов прусской военной элиты, оказывавшей существенное влияние на внутри- и внешнеполитические процессы в Германской империи. Речь идет о графе А. фон Вальдерзее, в 1882-88 гг. занимавшего пост генерал-квартирмейстера, а в 1888-91 гг. шефа прусского Большого генерального штаба – ключевого органа стратегического планирования. В рамках второго кейса рассматриваются представления о России, существовавшие у депутатов рейхстага от различных политических партий и находившие отражение в их выступлениях. Наконец, объектом исследования стали три немецкие качественные ежедневные газеты, обладавшие в 1880-е гг. большим влиянием и авторитетом среди образованной публики. Ключевым методом исследования текстов во всех трех случаях являлся качественный контент-анализ.

4.1. Россия в дневниках генерала Вальдерзее

Альфред граф Вальдерзее (1832-1904) оказался незаслуженно обойден вниманием историков. По сегодняшний день не существует его полноценной

¹ Термин «дискурс» мы в данном случае определяем в рамках традиции Кембриджской школы интеллектуальной истории – как язык, отражающий определенную картину мира или идеологию (см. Власов Н.А. Австро-прусская война 1866 г. как гражданская: взгляд современников // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. Том 27. №4. С. 38-47).

² Власов Н.А. Образ Российской империи в восприятии Бисмарка и оценке германской прессы 1880-х годов: был ли «железный канцлер» знатоком России? // Диалог со временем. 2025. Вып. 92. С. 388-404.

научной биографии¹. Между тем, он не только возглавлял фактически на протяжении десятилетия ключевой орган стратегического планирования Германской империи, но и обладал большим неформальным политическим влиянием, являясь на рубеже 1880-90-х гг. одним из самых могущественных людей в стране и сыграв значительную роль в отставке Бисмарка. Такого положения Вальдерзее удалось достичь благодаря близким личным отношениям с принцем, а с 1888 г. императором Вильгельмом II. Это была не просто дружба; ведущий биограф последнего германского кайзера Дж. Рёль метко называл графа «эрзац-отцом» молодого монарха, находившегося в состоянии непрерывного конфликта со своими настоящими родителями². На рубеже 1880-90-х гг. Вальдерзее считался одним из наиболее вероятных кандидатов на пост канцлера Германской империи (хотя наличие у него соответствующим амбиций по сегодняшний день остается предметом дискуссий³).

Граф Альфред фон Вальдерзее родился 8 апреля 1832 г. в Потсдаме. Его дед был незаконнорожденным сыном правителя одного из небольших германских княжеств, Леопольда III Ангальт-Дессауского. Отец, Франц Генрих фон Вальдерзее (1791-1873), сделал военную карьеру в Пруссии и дослужился до звания генерала от кавалерии. В XIX в. кавалерия считалась в европейских странах элитным родом войск; поскольку Франц Генрих командовал гвардейскими частями, можно сказать о том, что в его подчинении находились вдвойне элитные подразделения. Завершающими стадиями его военной карьеры являлись командование 5-м армейским корпусом и пост военного губернатора

¹ Отдельным аспектам жизни и деятельности Вальдерзее посвящены две небольшие диссертации: Fornaschon W. Die politischen Anschauungen des Grafen Alfred von Waldersee und seine Stellungnahme zur deutschen Politik. Göttingen, 1935; Trosclair W.J. Alfred von Waldersee, monarchist: his private life, public image, and the limits of his ambition, 1882-1891 // Louisiana State University. 2012. URL: http://digitalcommons.lsu.edu/gradschool_theses/2782. Дата доступа: 10.12.2017. Также имеются отдельные биографические статьи, напр.: Canis K. Alfred von Waldersee. Außenpolitik und Präventivkriegsplanung in den achtziger Jahren / Gestalten der Bismarckzeit. Bd. 1. Berlin, 1987. S. 404-425; Власов Н.А. Альфред фон Вальдерзее // Вопросы истории. 2018. №8. С. 26-41.

² Röhl J.C.G. Wilhelm II. Der Aufbau der persönlichen Monarchie 1888-1900. München, 2001. S. 464.

³ См. Власов Н.А. Канцлерские амбиции Альфреда фон Вальдерзее.

Берлина в 1864-70 гг. Младший брат Франца Генриха (и дядя Альфреда), Фридрих Густав фон Вальдерзее (1795-1864), в 1851-54 гг. занимал пост сначала прусского уполномоченного при военной комиссии Германского союза во Франкфурте-на-Майне, а затем еще и командующего союзным гарнизоном города. В этот период он познакомился и близко общался с прусским уполномоченным при бундестаге Отто фон Бисмарком. Неудивительно, что впоследствии глава прусского правительства оказывал покровительство племяннику своего старого знакомого.

Альфред был пятым ребенком в семье. Семейство Вальдерзее не располагало большим состоянием, однако это отчасти компенсировалось близостью к придворным кругам. Судя по всему, вопрос о сфере деятельности Альфреда даже не стоял – как и все его братья, он готовился к военной карьере. После нескольких лет учебы в гимназии он в 1844 г. поступил в кадетский корпус в Берлине. В 1850 г. он сдал офицерский экзамен и получил звание секунд-лейтенанта. В течение некоторого времени он также служил лейб-пажом прусского короля, что укрепило его связи с придворным обществом. В дальнейшем Вальдерзее всегда стремился поддерживать тесный контакт с королевским двором, даже находясь на изрядном расстоянии от него.

Первым местом службы молодого офицера стал гвардейский артиллерийский полк. Артиллерия в Пруссии середины XIX в. считалась не особенно престижным родом войск, поэтому в дальнейшем он планировал перейти в кавалерийские части, а пока старался сделать карьеру и находиться на хорошем счету у начальства. Его усилия увенчались успехом, и в 1858 г. он был назначен адъютантом 1-й артиллерийской инспекции. На этой должности молодой офицер постарался установить как можно больше полезных контактов – к примеру, с принцем Фридрихом Карлом (племянником будущего прусского короля Вильгельма I), который в то время командовал дивизией, а впоследствии стал одним из крупнейших прусских военачальников 1860-70-х гг.

В последующие годы Вальдерзее продолжал двигаться в сторону карьеры «придворного офицера». В 1860 г. он был назначен гувернером молодого принца

Саксонии-Альтенбург, два года спустя вернулся в свой полк в звании гауптмана, однако уже в 1865 г. стал адъютантом принца Карла (младшего брата короля и отца упомянутого выше принца Фридриха Карла), занимавшего пост генерального инспектора артиллерии. В этом качестве Вальдерзее участвовал в Австро-прусской (Немецкой) войне 1866 г., находясь в составе главной квартиры. Здесь он смог укрепить свои связи с придворными кругами, в том числе с королем.

После окончания войны Вальдерзее был направлен в Ганновер, в штаб вновь созданного 10-го армейского корпуса. Далеко не все жители аннексированного Пруссией королевства приняли новый режим, в провинции сформировалась мощная оппозиция, верная прежней династии и получившая название «вельфов». В дальнейшем Ганновер оставался одним из очагов регионализма в Пруссии, а потом и в Германской империи. В силу этих обстоятельства командование 10-го корпуса играло в Ганновере не только военную, но и очень важную политическую роль. Вальдерзее использовал ситуацию, чтобы сохранить и расширить свои связи в Берлине – в том числе с Бисмарком, которому он отправлял личные отчеты о настроениях в провинции.

Во многом благодаря поддержке Бисмарка молодой офицер получил в начале 1870 г. пост военного атташе в Париже. Вскоре в прусско-французских отношениях начался острый кризис, завершившийся войной. В критические недели июля 1870 г. Вальдерзее, находясь на своем посту, докладывал в Берлин о настроениях во французской столице и действиях властей. В силу обстоятельств он вновь оказался объектом пристального внимания Бисмарка. Вернувшись в Берлин уже после начала войны, Вальдерзее немедленно был назначен адъютантом короля и отправился на театр военных действий в составе главной квартиры. Молодой офицер пользовался особым доверием Вильгельма I. Когда после первых блестящих побед война неожиданно перешла к затяжную стадию, прусский король стал утрачивать доверие к своим генералам и в ноябре 1870 г. направил Вальдерзее в качестве своего личного представителя во 2-ю армию принца Фридриха Карла, сражавшуюся на Луаре, поручив ему ежедневно

докладывать о происходящем. Миссия оказалась весьма щекотливой, однако Вальдерзее смог продемонстрировать недюжинное дипломатическое искусство и сохранить хорошие отношения со всеми заинтересованными сторонами. В январе 1871 г. он участвовал в роли начальника штаба 13-го корпуса в сражении при Ле Мане и сумел, таким образом, записать в своей послужной список пусть недолгий, но все же реальный фронтовой опыт.

Вальдерзее все больше входил в роль «политического офицера», одинаково пригодного и для военной службы, и для дипломатических миссий. Вскоре после окончания войны он был решением Бисмарка назначен на пост временного поверенного в делах в Париже. Дипломатическая миссия продлилась всего несколько месяцев, до назначения постоянного посла во Франции, однако в дальнейшем на повестку дня не раз вставал вопрос о назначении Вальдерзее на внешнеполитический пост. В 1871-73 гг. он являлся командиром уланского полка, затем был назначен начальником штаба 10-го корпуса. Он регулярно посещал Берлин, при этом старательно нанося визиты всем представителям военно-политического руководства молодой Германской империи начиная с монарха. В 1880 г. начался стремительный карьерный взлет Вальдерзее. К этому моменту глава Большого генерального штаба фельдмаршал Гельмут фон Мольтке достиг 80-летнего возраста и нуждался в более молодом помощнике, который мог бы взять на себя все текущие дела. Выбор Мольтке пал на Вальдерзее. Противники последнего считали, что ловкий интриган смог втереться в доверие к состарившемуся и потерявшему чутье полководцу, однако есть все основания предполагать, что Мольтке сделал вполне рациональный выбор, основанный на оценке военных способностей Вальдерзее, который хорошо зарекомендовал себя на посту начальника штаба корпуса и отличался качествами, необходимыми для штабной работы ¹.

1 января 1882 г. Вальдерзее был назначен генерал-квартирмейстером Большого генерального штаба. По согласованию с Мольтке он взял на себя руководство всеми текущими делами. При этом Вальдерзее стремился расширить

¹ Cecil L. Wilhelm II. Prince and emperor 1859-1900. Chapel Hill, 1989. P. 63.

полномочия подконтрольного ему органа и повысить его роль в системе военных институтов. В 1883 г. он смог добиться для шефа Большого генерального штаба (а фактически для себя самого) права делать доклад непосредственно монарху без присутствия военного министра. Амбиции Вальдерзее не ограничивались чисто военной сферой. По его мнению, именно Большой генеральный штаб несет основную ответственность за военную безопасность страны, а поэтому должен определять момент ее начала. Вальдерзее являлся сторонником превентивной войны. Как и Мольтке, он считал, что Германии предстоит схватка и с западной, и с восточной соседкой одновременно, и одержать победу в ней можно будет только за счет быстрых и энергичных действий. Такое вторжение в сферу принятия политических решений неизбежно приводило Вальдерзее к столкновению с Бисмарком.

В это же время началась тесная дружба между генерал-квартирмейстером и принцем Вильгельмом. Очевидно, начальной точкой их сближения стал визит принца в Петербург в мае 1884 г. По его итогам Вальдерзее записал в своем дневнике, что Вильгельм «дает повод для самых лучших надежд на будущее»¹. Ему удалось достаточно быстро стать ближайшим другом принца.

Влияние Вальдерзее на Вильгельма и политическая активность генерал-квартирмейстера начали в 1886 г. серьезно тревожить Бисмарка, который до этого покровительствовал амбициозному генералу. Но фоне начавшейся «военной тревоги» Вальдерзее развернул бурную активность, настаивая на превентивной войне против Франции и России и ведя прямые переговоры с австрийцами. Одновременно он стремился использовать военных атташе в европейских столицах для своей «параллельной дипломатии»². Конфликт военного и политического руководства достиг своего пика к концу 1887 г. и завершился победой Бисмарка; Вальдерзее был вынужден отступить.

¹ Waldersee A.v. Denkwürdigkeiten... Bd. 1. S. 239.

² Craig G.A. Military Diplomats in the Prussian and German Service: The Attachés, 1816-1914 / Political Science Quarterly. Vol. 64. 1949, No. 1. P. 80.

Время, однако, работало на генерал-квартирмейстера. В первой половине 1888 г. один за другим скончались два германских императора. 15 июня на престол вступил Вильгельм II. Меньше чем через два месяца Вальдерзее был назначен шефом Большого генерального штаба. Оставаясь одним из ближайших советников молодого императора не только в военных, но и во внутри- и внешнеполитических вопросах, он смог добиться назначения на пост военного министра своего личного друга Ю. Верди дю Вернуа, фактически обеспечив Большому генеральному штабу лидирующее положение в системе армейских структур. Однако Вальдерзее, судя по всему, мечтал о большем. Он продолжал интриговать против Бисмарка и в начале 1890 г. сыграл важную роль в отставке «железного канцлера».

Весной 1890 г. амбициозный генерал оказался на пике своего политического влияния, однако за этим последовал быстрый спад. Против Вальдерзее сформировалась целая коалиция влиятельных фигур; более того, отношения с молодым монархом начали портиться. Вильгельм II все сильнее тяготился поведением генерала, стремившегося вмешиваться во все дела; Вальдерзее, в свою очередь, был не готов закрывать глаза на дилетантизм императора в военных вопросах¹. В итоге в конце января 1891 г. он лишился должности шефа Большого генерального штаба и был назначен командиром 9-го армейского корпуса. Несмотря на все попытки Вильгельма II представить свое решение в благоприятном свете, Вальдерзее справедливо воспринял произошедшее как опалу. «Я считаю его падение необходимым с точки зрения общего интереса, — писал в своем дневнике флигель-адъютант императора граф Ведель, сохранявший определенную дистанцию по отношению к происходящему. — Вальдерзее при всем своем большом даровании был разлагающим элементом. Он вмешивался во все, его честолюбие не знало границ, и, как мне кажется, он не брезговал любой интригой для достижения своей цели»².

¹ Röhl J. Wilhelm II. Der Aufbau der persönlichen Monarchie 1888-1900. S. 465.

² Zwischen Kaiser und Kanzler. Aufzeichnungen des Generaladjutanten Grafen Carl von Wedel aus den Jahren 1890-1894. Leipzig, 1943. S. 140.

Тем не менее, амбициозный генерал не утратил надежд на триумфальное возвращение в столицу. И действительно, в 1890-е гг. его кандидатура на пост канцлера не раз обсуждалась в политических кругах Берлина¹. Однако эти обсуждения не привели к желанному результату, и Вальдерзее остался на периферии. В 1898 г. он был назначен главой 3-й армейской инспекции; фактически в мирное время это было высшей точкой и одновременно завершением карьеры. Весной 1900 г. Вальдерзее был произведен в ранг фельдмаршала. Летом того же года его назначили командующим войсками международной коалиции, подавлявшей Боксерское восстание в Китае. С сентября 1900 по июнь 1901 г. Вальдерзее находился в Восточной Азии; на его долю не выпало крупных военных операций, однако ему пришлось использовать весь свой дипломатический талант для того, чтобы не допустить конфликта между контингентами семи соперничавших друг с другом великих держав, формально находившихся под его руководством. Непривычный климат подорвал здоровье Вальдерзее, которое и без того не отличалось крепостью. После возвращения в Европу он вышел в отставку и скончался в феврале 1904 г.

Взгляды Вальдерзее не отличались оригинальностью и были характерны для значительной части прусского офицерского корпуса. Сам граф придавал большое значение тому, чтобы придерживаться распространенной в армейских кругах системы убеждений и ценностей. В первую очередь это касалось таких вопросов, как роль офицерского корпуса в государстве и обществе, отношения с монархом, политические симпатии и антипатии, взгляды на положение Германии в Европе. Именно поэтому мы можем говорить о Вальдерзее как о достаточно типичном представителе прусской военной элиты. В силу своей должности ему в 1880-е гг. приходилось часто обращаться к российской проблематике; в первую очередь речь шла об оценке военного потенциала России, перспектив ее внутренней и внешней политики, возможной угрозы с ее стороны.

¹ См. Röhl J.C.G. *Germany without Bismarck. The Crisis of Government in the Second Reich, 1890-1900.* Berkeley, 1967.

В качестве источников при анализе представлений Вальдерзее о России привлекались его опубликованные дневники¹ и переписка². За период 1882-89 гг. в этих источниках удалось обнаружить в общей сложности 90 высказываний, содержащих оценочные суждения (критерии оценочных суждений при этом аналогичны применявшимся при анализе текстов Бисмарка). Подавляющее большинство из них посвящены текущей внутренней и внешней политике Российской империи, а также потенциальному военному конфликту с ней.

Ключевым мотивом высказываний Вальдерзее о России являлась исходящая от этого государства угроза. Генерал искренне полагал, что российские власти намерены развязать войну против Германии. «Твердо убежден, что русские готовят войну, – отмечал он в своем дневнике в сентябре 1883 г. – Я докладывал об этом еще год назад; с тех пор я еще больше укрепился в своем мнении»³. «Россия неумоимо работает над тем, чтобы подготовить войну против Запада», – писал Вальдерзее Вильгельму II в июне 1889 г.⁴

Генерал не отрицал того факта, что Александр III не испытывает склонности к военным кампаниям и настроен скорее миролюбиво. Однако это совершенно не гарантирует сохранения мира. По мнению Вальдерзее, российский император не может полновластно распоряжаться внутренней и внешней политикой своего государства. Рядом с ним есть могущественные силы, которым он вынужден подчиняться. «Пусть царь даже хочет избежать войны, однако в России злы на нас», – писал генерал в своем дневнике в 1886 г.⁵ Александра III он называл слабым и боязливым правителем⁶. «Царь Александр не хозяин в собственном доме, и в этом главная опасность, – считал Вальдерзее. – Подстрекатели постепенно увлекают его все дальше»⁷.

¹ Waldersee A.v. Denkwürdigkeiten... Bd. 1-2; Mohs H. General-Feldmarschall Graf Waldersee in seinem militärischen Wirken. Bd. 2. 1882-1904. Berlin, 1929.

² Waldersee A.v. Aus dem Briefwechsel des Generalfeldmarschalls Alfred Grafen von Waldersee. Bd. 1. Die Berliner Jahre 1886-1891. Stuttgart-Berlin-Leipzig, 1928.

³ Waldersee A.v. Denkwürdigkeiten... Bd. 1. S. 227.

⁴ Waldersee A.v. Aus dem Briefwechsel... S. 295.

⁵ Waldersee A.v. Denkwürdigkeiten... Bd. 1. S. 277.

⁶ Ibid. S. 219.

⁷ Ibid. S. 227.

Внутреннее положение в Российской империи генерал оценивал как нестабильное, с возможностью непредсказуемого развития. Состояние правительственного аппарата он порой характеризовал как анархию¹. По его мнению, в рядах элиты и общества существует могущественная партия, жаждущая перемен. В России, писал он в 1883 г., «много высокопоставленных офицеров, которые подстрекают к войне против Германии, обладают демократическими наклонностями и лишились всякого представления о дисциплине»². Наиболее могущественной и активной группировкой Вальдерзее считал панславистов, за деятельностью которых он наблюдал с большой тревогой³. К числу панславистов он относил, в частности, М.Н. Каткова, М.Д. Скобелева, Н.П. Игнатьева, М.И. Драгомирова, Н.Н. Обручева.

Именно эту группировку генерал считал ответственной за ухудшение российско-германских отношений. По его мнению, панслависты воздействовали на общественное мнение через полностью подконтрольную им прессу⁴. «Ясно видно, что в России самые широкие круги относятся к нам очень плохо, – писал он в 1886 г. в своем дневнике. – Спрашивать о причинах не приходится, поскольку рациональных мотивов нет. Панслависты и их пресса на протяжении многих лет травили нас и создавали такое настроение»⁵. Отсутствие рациональных мотивов в действиях русских – еще один повторяющийся мотив в текстах Вальдерзее. «Если мы возражаем нашим восточным соседям хотя бы в мелочах, они жалуются на плохое отношение; если мы удовлетворяем их желания, они утверждают: осторожно, Германия хочет нас заманить в ловушку», – писал генерал в 1886 г.⁶ Хотя прямо это нигде не утверждается, иррациональность выглядит здесь (и в других подобного рода высказываниях) как черта национального характера.

¹ Ibid. S. 333.

² Ibid. S. 227.

³ Ibid. S. 268.

⁴ Ibid. S. 323.

⁵ Ibid. S. 301.

⁶ Ibid. S. 277.

Именно настроения общества делали с точки зрения Вальдерзее совершенно невозможным любое улучшение двусторонних отношений. При этом генерал наблюдал негативную динамику. В России, отмечал он в своем дневнике в марте 1887 г., «все сильнее становится склонность считать именно нас врагом, с которым необходимо расправиться в первую очередь»; даже противоречия с Австро-Венгрией отступили в общественном сознании на второй план¹. «Отношение к нам не становится лучше», – писал шеф Большого генерального штаба барону Рехенбергу в феврале 1889 г.²

Общественное мнение, в свою очередь, не может игнорироваться монархом. «В России общество выступает в поддержку христиан, и долго действовать против него император Александр не сможет», – писал Вальдерзее в разгар Болгарского кризиса 1885 г.³ «Думаю, против нас направлены настолько сильные страсти, что император не может открыто занять дружественную в отношении Германии позицию», – отмечал он два года спустя⁴.

Генерал считал панславистов достаточно могущественными для того, чтобы проводить самостоятельную политику в обход монарха. Весной 1887 г. он писал в своем дневнике о «параллельном правительстве» Каткова⁵. Вальдерзее был уверен, что панслависты – с согласия Александра III или без оно – ведут прямые переговоры с французским руководством о заключении союза⁶. К концу 1880-х гг. генерал считал такой альянс фактически состоявшимся. Все дипломатические искусство Бисмарка, писал Вальдерзее в своем дневнике в ноябре 1888 г., «не смогло воспрепятствовать франко-русскому союзу»⁷.

Соответственно, генерал призывал не доверять миролюбивым заявлениям русских. «Мы никогда больше не должны верить этим интриганам», – записал он

¹ Ibid. S. 320.

² Waldersee A.v. Aus dem Briefwechsel... S. 223.

³ Waldersee A.v. Denkwürdigkeiten... Bd. 1. S. 267.

⁴ Ibid. S. 321.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid. S. 297.

⁷ Waldersee A.v. Denkwürdigkeiten... Bd. 2. S. 13.

в своем дневнике в конце 1886 г.¹ «Как император Александр III, так и его люди в высшей степени ненадежны», – повторял генерал два года спустя².

На вопрос о том, каким образом можно парировать исходящую с востока угрозу, у Вальдерзее был простой ответ: только силой. Русские, полагал он, считают мягкость и уступчивость признаком слабости, поэтому нужно постоянно демонстрировать им готовность дать жесткий отпор. Только это может заставить их образумиться. «Демонстрировать им слабость – худшее, что только можно сделать», – комментировал Вальдерзее в своем дневнике переговоры двух монархов в конце 1887 г.³ «Выступать твердо – единственное, что производит впечатление на славян», – утверждал он по другому поводу⁴. «Ни при каких обстоятельствах нельзя бегать за русскими, пусть они просителями приходят к нам», – писал генерал в дневнике в октябре 1889 г.⁵ Необходимо особо подчеркнуть, что необходимость такого рода действий обосновывалась не какими-либо конкретными политическими обстоятельствами, а самой природой, национальным характером славян, уважающих только силу. Однако даже демонстрация силы не являлась в глазах Вальдерзее панацеей. «Мы можем на некоторое время отсрочить столкновение, но не предотвратить его в принципе», – писал он барону Рехенбергу летом 1888 г.⁶

Подводя итог, легко заметить совпадение основных аспектов образа России у Вальдерзее и у Бисмарка. Славяне нерациональны и уважают только силу; Российская империя находится в состоянии кризиса; царь миролюбив, но слаб и зависим от могущественной панславистской партии; пресса и общество полны ненависти к Германии, и изменить это невозможно; Россия – опасный и ненадежный сосед. Все эти мысли многократно повторяются как у канцлера, так и у генерала.

¹ Waldersee A.v. Denkwürdigkeiten... Bd. 1. S. 304.

² Ibid. S. 410.

³ Ibid. S. 345.

⁴ Mohs H. Op. cit. S. 14.

⁵ Waldersee A.v. Denkwürdigkeiten... Bd. 2. S. 72.

⁶ Waldersee A.v. Aus dem Briefwechsel... S. 189.

Учитывая тесное общение Бисмарка и Вальдерзее в первой половине 1880-х гг., возникает соблазн объяснить эти совпадения влиянием «железного канцлера» на своего более молодого собеседника. Однако против этой гипотезы, помимо всего прочего, говорит тот факт, что генерал на страницах своего дневника постоянно упрекает Бисмарка в нереалистичных представлениях о России¹. «Это настоящее несчастье, что отец и сын Бисмарки испытывают такую склонность к России и возвращаются к ней несмотря на все разочарования», – писал он в дневнике осенью 1888 г.² Кроме того, очевидно, что у Вальдерзее имелись и другие источники представлений о Российской империи, включая личные впечатления во время кратковременных визитов в Петербург.

4.2. Россия в речах германских партийных политиков

В Германской империи с самого начала существовала многопартийная система³. На правом крыле политического спектра находились две консервативные партии: Германская консервативная и Имперская. Либеральное движение было представлено Национал-либералами и различными леволиберальными объединениями («прогрессистами», «свободомыслящими»), которые в последней трети XIX в. прошли несколько циклов раскола и объединения. На левом крыле находились социал-демократы, в 1878-90 гг. действовавшие в условиях т.н. «Исключительного закона», накладывавшего серьезные ограничения на их активность за стенами парламента. Еще одной значимой силой являлась партия Центра, представлявшая интересы германских католиков. Помимо этих более или менее стабильных и структурированных организаций, в 1870-80-е гг. в рейхстаге было представлено множество групп различной направленности – от региональных объединений до малых партий. Все они в совокупности отражали спектр политических и экономических интересов,

¹ Waldersee A.v. Denkwürdigkeiten... Bd. 1. S. 333.

² Ibid. Bd. 2. S. 13.

³ Власов Н.А. Политические партии Германской империи в начале 70-х годов XIX века // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2004. Выпуск 1-2. С. 68-73.

взглядов и убеждений, характерных для германского общества в последней трети XIX в.

Сюжеты, связанные с зарубежными государствами, сравнительно нечасто становились предметом парламентских дискуссий. Рейхстаг не имел формальных полномочий в сфере внешней политики. Тем не менее, он обладал определенными рычагами воздействия на правительство, включая бюджетное право и участие в законодательном процессе. В результате, к примеру, при рассмотрении расходов на внешнеполитическое ведомство или военных законопроектов вопросы международных отношений и международной безопасности оказывались на повестке дня рейхстага. Обсуждение подобного рода сюжетов могло происходить и по инициативе самих депутатов при помощи интерпелляций. Правительство зависело от рейхстага в вопросах внутренней политики, и в случае возникновения конфликта одной из возможных опций для Бисмарка было использование вопросов внешней политики в качестве пространства для торга и давления на депутатов. Так, к примеру, в начале 1874 г. проблемы отношений с Францией активно обсуждались в контексте рассмотрения военного законопроекта, существенно ограничивавшего бюджетное право парламента и потому неприемлемого для либерального большинства¹.

Нужно также учитывать, что рейхстаг быстро смог приобрести большое влияние на немецкую общественность, интерес которой к политике неуклонно рос. Поскольку в последней трети XIX в. правительство уже не могло игнорировать общественное мнение, это увеличивало возможности парламента. Последний, по словам немецкого исследователя А. Бифанга, стал «важнейшим представителем или, если угодно, важнейшим символом политической нации», способным «привлечь к себе внимание регионально, политически, конфессионально и социально расколотого общества»². Связующим звеном

¹ Власов Н.А. У истоков германского парламентаризма. Проблема имперского военного закона 1871-1874. СПб., 2006.

² Biefang A. Der Reichstag als Symbol politischer Nation. Parlament und Öffentlichkeit 1867–1890 / Regierung, Parlament und Öffentlichkeit im Zeitalter Bismarcks. Politikstile im Wandel. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2003. S. 41.

между парламентом и обществом являлась пресса, публиковавшая подробные отчеты обо всех заседаниях рейхстага. В свою очередь, материалы политической периодики внимательно изучались и часто цитировались депутатами в своих речах. Выступления депутатов, таким образом, отражали существовавшие в различных сегментах германского общества взгляды на проблему и одновременно формировали политический дискурс.

Проведенное ранее исследование, целью которого являлось выявление образа российского панславизма в германских парламентских дебатах 1871-95 гг., позволило сделать ряд важных выводов. Во-первых, было обнаружено, что ключевые характеристики этого образа оставались неизменными вне зависимости от конкретной ситуации или той политической силы, которую представлял парламентарий, то есть можно говорить о существовании у германской партийно-политической элиты последней трети XIX в. единого образа российского панславизма. Во-вторых, указанный образ являлся резко негативным. Начиная со второй половины 1870-х гг. российский панславизм представлялся немецким политикам как могущественная враждебная сила, доминирующая в российском обществе и оказывающая сильное давление на государственное руководство. Именно панславизм, по словам парламентариев, делал Россию опасным соседом, который в любой момент мог напасть на Германию. Таким образом, в данном вопросе существовало практически полное совпадение взглядов между Бисмарком и представителями парламентских партий, в том числе оппозиционных. Вопрос заключался в том, можно ли распространить данные выводы на образ России в целом.

В процессе исследования были изучены протоколы пленарных заседаний рейхстага 5-го, 6-го и 7-го созывов (с ноября 1881 г. по январь 1890 г.). При этом было выявлено более 500 выступлений, в которых звучало прилагательное «русский», и более 800 с упоминанием России. Однако в подавляющем большинстве случаев такие упоминания не несли в себе оценочных суждений, а касались, к примеру, объемов импорта российской сельскохозяйственной продукции или курса российской валюты. В общей сложности за указанный

период удалось выявить 89 выступлений, содержащих оценочные суждения о России. Весьма примечательно распределение этих выступлений по тематике и партиям.

Распределение по тематике следует считать довольно условным: рассуждая, к примеру, о проекте государственного бюджета, депутаты могли затрагивать разные сюжеты – от налогов до проблем безопасности. В таблице ниже распределение зависит от тематики того вопроса, который находился на повестке дня и в рамках обсуждения которого было сделано соответствующее высказывание.

Вопрос	Число выступлений
Государственный бюджет	27
Законодательство против социал-демократии	24
Финансовые и торговые вопросы	17
Высылка иностранцев из Германии	7
Военное законодательство	4
Статус национальных меньшинств в Германии	3
Прочее	5

В целом чаще всего Россия упоминалась именно в контексте экономических сюжетов (однако, как уже говорилось выше, эти упоминания в большинстве своем не носят характера оценочных суждений). Два других крупных блока – это упоминания России в контексте борьбы с анархистскими/нигилистскими движениями и в контексте проблем военной безопасности Германии.

Что касается представителей партий, которые чаще всего выступали с оценочными суждениями, то статистика выглядит следующим образом.

Партия	Число	Число

	выступлений	ораторов
Социалистическая рабочая партия	32	13
Германская свободомыслеящая партия (левые либералы)	14	7
Германская имперская партия	12	3
Центр	6	3
Германская консервативная партия	6	5
Национал-либеральная партия	5	4
Поляки	5	4
Христианско-социальная партия	3	2
Народная партия	2	2
Эльзасцы	2	2
Датчане	1	1
Беспартийные	1	1

Легко видеть, что в основном к российской проблематике обращались оппозиционные силы. На партии, в целом поддерживавшие правительство Бисмарка, приходится лишь 26 выступлений, то есть менее трети от общего количества. Объяснить этот факт достаточно просто, если обратить внимание на общую тональность высказываний. Из 89 выступлений только в трех оценочные суждения касательно России носили позитивный характер, еще в четырех – нейтральный. В подавляющем большинстве выступлений депутаты – вне зависимости от своей партийной принадлежности – транслировали аудитории негативный образ Российской империи и русских. Поскольку официально Германская империя находилась с Россией в добрососедских и даже дружественных отношениях, то очевидно, что критика Российской империи звучала в первую очередь со стороны оппозиционных партий. Однако эта же ситуация красноречиво демонстрирует, что даже те политические силы, которые традиционно считались пророссийскими – в первую очередь прусские

консерваторы – в 1880-е гг. уже не находили у империи Романовых позитивных особенностей.

Традиционно главными противниками России на германской партийно-политической сцене считаются левые либералы и социал-демократы. К примеру, И.Ф. Максимычев, говоря о ситуации второй половины XIX в., объявлял носителями антироссийских настроений в первую очередь «либеральные и марксистские круги»¹. Действительно, проведенный анализ показывает, что именно социал-демократы и левые либералы наиболее активно использовали негативный образ России в своих выступлениях, а представители рабочего движения (в первую очередь В. Либкнехт и А. Бебель) давали и наиболее резкие характеристики российской государственной системе. Однако содержательный анализ высказываний представителей различных политических сил и их сопоставление с взглядами Бисмарка заставляют сделать вполне однозначный вывод: все перечисленные акторы опирались на общую систему представлений о восточной соседке Германии. Образ России у Бебеля и Либкнехта мало отличался от образа России у Бисмарка; просто первые озвучивали его публично, второй – преимущественно в частных беседах и деловой переписке.

Социал-демократические ораторы часто использовали словосочетание «русское положение дел» («russische Zustände»), обвиняя правительство Бисмарка в намерении создать в Германии аналогичную ситуацию². Это «положение дел», по мнению германских левых, включало в себя деспотизм, полицейский произвол, подавление любой свободной мысли и – как неизбежное следствие – тяжелые кризисные явления³. Отвечая социал-демократам, их оппоненты использовали этот же термин, не оспаривая его содержательной стороны; их возражения касались лишь возможности введения в Германии «русского положения дел». Так, депутат от национал-либеральной партии

¹ Максимычев И. Россия – Германия. Война и мир. От мировых войн к европейской безопасности. М., 2014. С. 41.

² Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Reichstages. V. Legislaturperiode. IV. Session 1884. Bd. 1. Berlin, 1884. S. 192.

³ Stenographische Berichte... V. Legislaturperiode. II. Session 1882/83. Bd. 2. Berlin, 1883. S. 838.

Г. фон Марквардсен заявлял: «российское положение дел» принципиально невозможно в Германии, которая стоит на более высокой ступени развития, поэтому любые аналогии здесь неуместны¹. В аналогичном смысле использовал словосочетание «российское положение дел» и эльзасский депутат Л. Винтерер, вслед за социал-демократами утверждая, что именно оно стало причиной всплеска политического террора в России².

Общим местом для всех политических сил являлась характеристика Российской империи как страны, которая в своем культурном развитии стоит ниже государств Западной и Центральной Европы, в первую очередь Германии. Как обычно, наиболее резкой риторикой здесь отличались социал-демократы. «Я считаю, что, в отличие от России, Германия имеет честь считаться цивилизованным государством», – заявил 24 ноября 1885 г. В. Либкнехт, одновременно заклеив империю Романовых как «варварскую державу»³. Однако представление о Российской империи как о «варварской стране» отнюдь не являлось монополией германского рабочего движения. Левый либерал Ю. Мёллер называл немцев более цивилизованным народом по сравнению с русскими⁴. Представитель партии Центра П. Шпан заявлял, что немцы в своем развитии стоят «выше, чем восточные славянские народы»⁵. Эльзасский депутат Й. Гюрбер называл Россию «полуварварской страной»⁶.

Общей была и оценка российского государственного строя; просто одни депутаты использовали более резкие эпитеты, а другие – более мягкие, но аналогичные по своему содержанию. Слово «деспотизм» звучало в основном из уст социал-демократов, однако и представители других партий были согласны в том, что российское самодержавие является сугубо негативным явлением и влечет за собой катастрофические последствия для страны. Так, один из лидеров партии Центра П. Рейхеншпергер называл его главной причиной революционного

¹ Stenographische Berichte... V. Legislaturperiode. IV. Session 1884. Bd. 1. S. 463.

² Stenographische Berichte... VI. Legislaturperiode. I. Session 1884/85. Bd. 2. Berlin, 1885. S. 974.

³ Stenographische Berichte... VI. Legislaturperiode. II. Session 1885/86. Bd. 1. Berlin, 1886. S. 49.

⁴ Ibid. S. 544.

⁵ Ibid. S. 568.

⁶ Stenographische Berichte... VII. Legislaturperiode. IV. Session 1888/89. Bd. 1. Berlin, 1889. S. 457.

движения в России¹. Неотъемлемой частью российского абсолютизма являлся с точки зрения немецких парламентариев полицейский произвол и подавление любой оппозиции. Левый либерал Ф. Шенк фон Штауфенберг, возражая против жестокого преследования социал-демократов в Германии, приводил Россию в качестве примера неограниченной власти полиции и отсутствия свободы прессы, результаты которых «не оставляют места для сомнений»². Нередко упоминалась некомпетентность и коррупция российского бюрократического аппарата; и снова в этом вопросе нет никакой разницы между различными политическими течениями. Так, левый либерал Ю. Мёллер говорил о распространенной в России административной волоките и полицейском взяточничестве³, а консерватор Э. фон Кёллер – о низком качестве чиновников на всех уровнях бюрократической иерархии⁴. Представитель Имперской партии В. фон Кардорф – один из депутатов рейхстага, чаще всего обращавшихся к российской проблематике – обвинял российские таможенные структуры в коррупции и покровительстве контрабанде⁵, а беспартийный консерватор Р. фон Людвиг называл Россию «школой коррупции»⁶.

По мнению германских парламентариев, результатом всех этих процессов в российском государстве становится тяжелый внутренний кризис, наиболее яркое проявление которого – подъем революционного движения («нигилизма»). «Россия сожрана изнутри нигилизмом», – образно выражался В. Либкнехт⁷. «Несмотря на, а вероятнее, благодаря величайшему полицейскому насилию едва возникшее социал-демократическое движение быстро и непосредственно превратилось в анархизм», – заявлял католический лидер П. Рейхеншпергер⁸. Неограниченное

¹ Stenographische Berichte... V. Legislaturperiode. I. Session 1881/82. Bd. 1. Berlin, 1882. S. 95.

² Stenographische Berichte... V. Legislaturperiode. IV. Session 1884. Bd. 1. Berlin, 1884. S. 447.

³ Stenographische Berichte... VI. Legislaturperiode. II. Session 1885/86. Bd. 1. Berlin, 1886. S. 542-543.

⁴ Ibid. S. 375.

⁵ Stenographische Berichte... V. Legislaturperiode. II. Session 1882/83. Bd. 1. Berlin, 1883. S. 732.

⁶ Stenographische Berichte... V. Legislaturperiode. III. Session 1883. Berlin, 1883. S. 71.

⁷ Stenographische Berichte... V. Legislaturperiode. I. Session 1881/82. Bd. 1. Berlin, 1882. S. 920.

⁸ Stenographische Berichte... VII. Legislaturperiode. II. Session 1887/88. Bd. 1. Berlin, 1888. S. 554.

насилие привело в России к величайшей внутренней нестабильности, – вторил ему предводитель левых либералов О. Рихтер¹.

Отношение к российскому народофильскому движению было негативным практически у всех политических сил Германской империи. Даже социал-демократы, заявляя об определенной симпатии к «нигилистам», в то же время открепщивались от всякого «родства» с ними и объявляли чисто российским явлением. 10 мая 1884 г. депутат Б. Гейзер в своем выступлении заявил, что русский нигилизм является отпрыском либерального, а не социалистического движения². Один из лидеров социал-демократии В. Газенклевер заверял слушателей, что ни в коем случае не хочет появления аналогичного движения в Германии³.

Социал-демократы неоднократно утверждали, что нигилизм фактически парализовал российские власти, неспособные с ним справиться, и считали это признаком окончательного банкротства самодержавного режима⁴. Представление о комплексном кризисе империи Романовых было, однако, характерно не только для германских левых. В марте 1887 г. В. фон Кардорф в своем выступлении предрекал России революцию или внешнюю войну как результат внутреннего развития⁵.

Еще одной дестабилизирующей внутренней силой представал в глазах германских парламентариев российский панславизм. Характерно частое упоминание имени российского публициста М.Н. Каткова. Так, левый либерал Ю. Мёллер охарактеризовал Каткова как «возможно, самого влиятельного человека во всей России», чья газета «уже много лет самыми резкими словами обрушивается на немцев»⁶. В. фон Кардорф утверждал, что для российского

¹ Stenographische Berichte... VI. Legislaturperiode. II. Session 1885/86. Bd. 3. Berlin, 1886. S. 2191.

² Stenographische Berichte... V. Legislaturperiode. IV. Session 1884. Bd. 1. Berlin, 1884. S. 512.

³ Stenographische Berichte... V. Legislaturperiode. I. Session 1881/82. Bd. 1. Berlin, 1882. S. 298.

⁴ Stenographische Berichte... VI. Legislaturperiode. II. Session 1885/86. Bd. 3. Berlin, 1886. S. 1842.

⁵ Stenographische Berichte... VII. Legislaturperiode. I. Session 1887. Bd. 1. Berlin, 1887. S. 108.

⁶ Stenographische Berichte... VI. Legislaturperiode. II. Session 1885/86. Bd. 1. Berlin, 1886. S. 545.

государства критически важно, удастся ли правительству справиться с нигилистами и панславистами¹.

Именно панслависты, по мнению различных политических сил, разжигали в России ненависть к Германии и немцам. Левый либерал Ю. Мёллер утверждал, что панславистская пресса давно ненавидит немцев и требует их высылки из страны². В. фон Кардорф также обвинял российскую прессу в разжигании антинемецких настроений³. Ему возражал левый либерал Л. Бамбергер, утверждавший, что «ненависть к Германии в России даже старше панславизма»⁴.

В глазах депутатов эти антинемецкие настроения имели двойную направленность: ненависть к «русским немцам» и ненависть к Германии. В стенах рейхстага не раз упоминалась политика русификации остзейских губерний, которую все политические силы оценивали одинаково негативно. О «трагедии остзейских немцев» говорили и социал-демократы⁵, и левые либералы⁶, и партия Центра⁷. Однако антинемецкие настроения несли в себе, с точки зрения парламентариев, и непосредственную угрозу для Германской империи. Россия изображалась как ключевой внешний враг, и наибольшую активность на данном направлении демонстрировали социал-демократы. В. Либкнехт заявлял, что «царская, панславистская Россия» «была и остается нашим врагом» и «пытается натравить на нас другие славянские нации»⁸. Его друг и соратник А. Бебель шел еще дальше, утверждая, что российское государство в силу своей природы стремится к завоеваниям и претендует на немецкие земли — устья Мемеля и Вислы⁹. Представители других партий не заходили так далеко, однако консерватор Г. фон Клейст-Ретцов называл в начале 1888 г. Российскую империю

¹ Stenographische Berichte... VII. Legislaturperiode. II. Session 1887/88. Bd. 1. Berlin, 1888. S. 100.

² Stenographische Berichte... VI. Legislaturperiode. II. Session 1885/86. Bd. 1. Berlin, 1886. S. 545.

³ Stenographische Berichte... VI. Legislaturperiode. IV. Session 1886/87. Bd. 1. Berlin, 1887. S. 418.

⁴ Ibid. S. 420.

⁵ Stenographische Berichte... VI. Legislaturperiode. II. Session 1885/86. Bd. 1. Berlin, 1886. S. 48.

⁶ Ibid. S. 138.

⁷ Ibid. S. 570.

⁸ Ibid. S. 48.

⁹ Stenographische Berichte... VII. Legislaturperiode. V. Session 1889/90. Bd. 1. Berlin, 1890. S. 45.

самым вероятным военным противником Германии¹. Конфликт касался не только политической, но и экономической сферы: национал-либерал Л. фон Фишер утверждал, что таможенными мерами Россия стремится нанести Германии максимально возможный ущерб².

Здесь следует отметить еще одно различие между партиями поддерживающими правительство и находившимися в оппозиции. Если оппозиционные депутаты давали негативные характеристики современной им России прямо и четко, то сторонники правительства часто делали подобного рода высказывания мимоходом, при обсуждении совершенно других вопросов. Хороший пример – стереотипный образ российского пьянства, к которому вскользь обратились в своих речах два депутата: национал-либерал Ф. Буль³ и представитель Имперской партии К. фон Гамп⁴. В обоих случаях основным предметом обсуждения являлись таможенные пошлины на сельскохозяйственную продукцию.

Таким образом, в высказываниях германских парламентариев, представлявших совершенно различные политические течения, можно встретить те же представления о России, что и у Бисмарка: полуварварская страна, находящаяся в состоянии тяжелого кризиса; самодержавие, неспособное удержать в своих руках контроль над ситуацией; некомпетентное и коррумпированное чиновничество; расцвет панславизма с его утопической программой; широко распространенная в обществе ненависть к Германии и немцам, разжигаемая националистической прессой; наконец, постоянная угроза со стороны беспокойного и агрессивного соседа. Этот образ мы встречаем как у «железного канцлера», так и у его политических антиподов – германских социал-демократов; различие между ними имелось в лучшем случае в отдельных деталях, общая же картина демонстрировала поразительное сходство. Это еще раз доказывает, что в

¹ Stenographische Berichte... VII. Legislaturperiode. II. Session 1887/88. Bd. 1. Berlin, 1888. S. 719.

² Stenographische Berichte... VII. Legislaturperiode. IV. Session 1888/89. Bd. 2. Berlin, 1889. S. 776.

³ Stenographische Berichte... VI. Legislaturperiode. I. Session 1884/85. Bd. 2. Berlin, 1885. S. 904.

⁴ Stenographische Berichte... VI. Legislaturperiode. I. Session 1884/85. Bd. 4. Berlin, 1885. S. 2728.

германском обществе – вне зависимости от политических убеждений – существовал единый образ России.

4.3. Россия на страницах книг Юлиуса фон Эккардта

Как представители военно-политической элиты вроде Бисмарка и Вальдерзее, так и партийные политики существовали в рамках масштабного информационного поля. Подобно многим своим современникам, они в значительной степени черпали информацию об окружающем мире из газет, журналов, памфлетов и книг, рассчитанных на массового читателя. В Германской империи 1870-80-х гг. публиковалось большое количество текстов, посвященных России и русским – от исторических сочинений до актуальной публицистики. Отдельные авторы, специализировавшиеся на данной тематике, оказывали большое влияние на формирование представлений о восточной соседке Германии. Среди них необходимо назвать в первую очередь Юлиуса фон Эккардта (1836-1908).

Биография Эккардта достаточно хорошо исследована; в первую очередь следует упомянуть работы немецкого исследователя М. Гарлеффа¹. Перу этого же автора принадлежит отдельная работа, посвященная образу России в произведениях Эккардта². Той же теме посвящена отдельная монография Й. Бройера, написанная на основе его диссертации³.

Родившийся в Лифляндии, Эккардт изучал право в университетах Петербурга, Дерпта и Берлина, после чего начал журналистскую карьеру в Риге. С 1865 г. он регулярно ездил в германские государства, налаживая связи с немецкой прессой, а в 1867 г. окончательно покинул Российскую империю в связи с

¹ Garleff M. Deutschbalten zwischen den Kulturen / Russen und Rußland aus deutscher Sicht. Bd. 4. 19./20. Jahrhundert: Von der Bismarckzeit bis zum Ersten Weltkrieg. München, 2000. S. 427-481; Garleff M. Julius Eckardt in Deutschland // Zeitschrift für Ostforschung. Bd. 33. 1984. Nr. 4. S. 534-550.

² Garleff M. Zum Rußlandbild Julius von Eckardts / Kieler Historische Studien. Bd. 22. Rußland und Deutschland. Stuttgart, 1974. S. 206-224.

³ Bräuer J. Das Russlandbild des Julius von Eckardt (1836-1908). München, 2005.

недовольством политикой, которая начала проводиться в отношении остзейских губерний, и отсутствием возможности публиковать свою точку зрения в российской периодике. В 1867-1870 гг. он жил в Лейпциге и писал статьи для журнала «Вестники границы» («Grenzboten»), в 1870 г. переехал в Гамбург и начал работать на газету «Гамбургская корреспонденция». В 1874 г. Эккардт стал секретарем сената Гамбурга, однако не прекратил публицистическую деятельность, из-за чего в 1882 г. был вынужден после довольно громкого скандала покинуть службу. К тому моменту, однако, плодовитый публицист привлек внимание Бисмарка, тем более что еще с конца 1860-х гг. составлял обзоры российской прессы для внешнеполитического ведомства. Бисмарк вызвал Эккардта в Берлин и обеспечил ему место в государственном аппарате и ранг тайного правительственного советника. В 1885-1907 гг. Эккардт последовательно занимал консульские должности в Тунисе, Марселе, Стокгольме, Базеле и Цюрихе.

Пик публицистической деятельности Эккардта пришелся на 1860-80-е гг.; свою цель автор видел в том, чтобы сформировать у германской общественности правильный, с его точки зрения, взгляд на процессы, происходящие в остзейских провинциях. Он считал себя своего рода представителем остзейских немцев в Германии¹. Точное количество написанных им газетных и журнальных статей установить невозможно, поскольку большинство из них в соответствии с тогдашними нормами печатались без подписи автора. Однако широкую известность ему принесли книги, посвященные остзейским провинциям и России в целом; они выходили через небольшие промежутки времени и пользовались значительным успехом у читателей, на что указывают многочисленные переиздания. По мнению немецкого исследователя М. Гарлеффа, именно Эккардт пробудил у немецкой читающей публики интерес к внутривосточным процессам в Российской империи². Немецкий историк Г. фон Пистолькорс

¹ Garleff M. Deutschbalten... S. 459.

² Garleff M. Julius Eckardt... S. 538.

называет его одним из основоположников «балтийской литературы» в Германии¹. Лишь часть книг выходила под именем автора; в анонимных работах Эккардт позиционировал себя как российского подданного, знающего ситуацию изнутри.

Первые работы были опубликованы еще в период пребывания Эккардта в России и в основном посвящены Остзейскому краю, его прошлому и настоящему. С конца 1860-х гг. число книг начало быстро расти; Эккардт не только много писал, но и переводил на немецкий язык российскую публицистику. В 1873 г. увидел свет анонимный сборник очерков «Из петербургского общества»², затем неоднократно переиздававшийся с дополнениями и переведенный на английский и французский языки. В следующем году появился второй том³. Сам автор в воспоминаниях утверждал, что эта его книга являлась «первой и во многих отношениях лучшей» по своей теме⁴. В 1879 г. был опубликован сборник «Россия до и после войны»⁵. Наконец, в 1881 г. увидела свет книга «От Николая I к Александру III: петербургские очерки новейшей российской истории»⁶. Ее продолжение «Русские перемены. Новые очерки российской истории от Николая I до Александра III»⁷, появившееся в 1882 г., вызвало протест российских дипломатов и привело к уходу автора со службы в Гамбурге. В 1880-е гг. публицистическая деятельность Эккардта пошла на спад, хотя и не прекратилась полностью.

Эти книги пользовались немалым успехом у читателя, если судить по неоднократным переизданиям и откликам в немецкой прессе. Так, выход книги «Берлин и Петербург» был в апреле 1880 г. отмечен обширными передовицами в крупных немецких газетах. В одной из них говорилось: «Книги «Из петербургского общества» и «Россия до и после войны» принадлежат к числу

¹ Pistohlkors G.v. Deutsche Geschichte im Osten Europas. Baltische Länder. Berlin, 1994. S. 383.

² [Eckardt J.] Aus der Petersburger Gesellschaft. Leipzig, 1873.

³ [Eckardt J.] Neue Bilder aus der Petersburger Gesellschaft. Leipzig, 1874.

⁴ Eckardt J.v. Lebenserinnerungen. Bd. 1. Leipzig, 1910. S. 300.

⁵ [Eckardt J.] Russland vor und nach dem Kriege. Leipzig, 1879.

⁶ [Eckardt J.] Von Nicolaus I. zu Alexander III. St. Petersburger Beiträge zur neuesten Russischen Geschichte. Leipzig, 1881.

⁷ [Eckardt J.] Russische Wandlungen. Neue Beiträge zur Russischen Geschichte von Nicolaus I. zu Alexander III. Leipzig, 1882.

лакомых кусков немецкой литературы. Они вводят нас непосредственно в мир российской политики, столь труднодоступный для иностранцев, поскольку его сцена – в большей степени личное общение и придворная жизнь, нежели широкая общественность. Благодаря этим трудам мы обрели массу фактов и мнений, которые считаем совершенно необходимыми и которые во многих случаях являются определяющими для понимания немцами происходящего в России»¹.

В своих книгах Эккардт последовательно рисовал образ Российской империи как страны, охваченной внутренним кризисом и потому опасной для своих соседей. Ключевую роль в рамках этого образа играл российский национализм, который автор называл разными словами – «панславизм», «славофильство» и т.п. – фактически используя их как синонимы. В его книгах то и дело встречаются выражения вроде «московские националисты из славофильской партии»². Вне зависимости от того, писал ли Эккардт о «национальной партии», «славофильстве» или «панславистах», он имел в виду одних и тех же деятелей и практически один и тот же круг идей.

По мнению Эккардта, панславизм был характерен не только для националистов-славянофилов, но и для их противников – революционных демократов. Объяснялось это просто: оба течения выросли из одного корня, оппозиции николаевскому самодержавию 1840-х гг., и лишь позднее разошлись в разные стороны. Впрочем, в первой половине 1870-х гг. Эккардт говорил о панславизме как об идеологии, в значительной степени ушедшей в прошлое и лишившейся прежнего влияния. С его точки зрения, это объяснялось неудачами панславистов в практической деятельности, «консервативным поворотом» в верхах после покушения Д.В. Каракозова, а также тем, что панславизм потерял для публики очарование новизны и попросту вышел из моды³.

Ситуацию вновь изменил Восточный кризис 1875-1878 гг. Активная деятельность славянских комитетов привлекла большое внимание в Германии. На

¹ Berlin und Petersburg // National-Zeitung. 1880. № 160. S. 1.

² [Eckardt J.] Neue Bilder... S. 95.

³ [Eckardt J.] Aus der Petersburger... S. 41.

страницах книг Эккардта на рубеже 1870-80-х гг. панславизм вновь предстал в качестве мощной динамичной силы, определяющей как внутреннюю политику России, так и ее курс на международной арене¹. Популярность этой идеологии в российском обществе он объяснял не в последнюю очередь тем, что она предоставила образованным слоям уникальный шанс оказывать прямое влияние на государственную политику, впервые в истории участвовать в управлении страной².

Каковы были ключевые характеристики этого течения? Очевидно, что образ панславизма у Эккардта был негативным; выходец из остзейских губерний видел в нем в первую очередь силу, грозившую уничтожить дорогой его сердцу балтийско-немецкий мир. С его точки зрения, панславизм являлся ложной доктриной, не имевшей никакого рационального основания. В своих книгах Эккардт неоднократно подчеркивал это, характеризуя сторонников «национальной партии» как фанатиков: к примеру, «национально-фанатичная клика»³ или «московские фанатики»⁴. Гораздо реже можно встретить в его книгах более мягкую характеристику «романтики»⁵. Коннотации, впрочем, оставались теми же: оторванность от реальности, химеричность взглядов панславистов.

Логично, что, по мнению Эккардта, панслависты терпели неудачу каждый раз, когда им представлялась возможность воплотить свои взгляды в жизнь. Их практическая деятельность неизменно заканчивалась провалом. Это, по его мнению, показывала как попытка русифицировать Польшу в середине 1860-х гг., так и деятельность «славофилов» в Болгарии в конце 1870-х гг. Действия «панславистских администраторов» в Царстве Польском Эккардт характеризовал как хаотичные, бессистемные, совершенно бездарные и в итоге контрпродуктивные. Польский вопрос так и остался для рассматриваемого движения квадратурой круга: без примирения с поляками достичь славянского

¹ [Eckardt J.] *Russland vor und nach...* S. 328.

² Ibid. S. 322.

³ [Eckardt J.] *Aus der Petersburger...* S. 134.

⁴ [Eckardt J.] *Russland vor und nach...* S. 375.

⁵ [Eckardt J.] *Aus der Petersburger...* S. 32.

единства было невозможно, но само это примирение российские панслависты считали допустимым только в виде безоговорочного подчинения поляков «старшему брату» – добровольного или под принуждением¹. Что касается балканских сюжетов, то в книге «Россия до и после войны» Эккардт подробно описывал жизнь и деятельность князя В.А. Черкасского, назначенного в 1877 г. главой гражданской администрации Болгарии. Немецкий публицист подчеркивал, что Черкасский презирал болгар, отказывал им в любой самостоятельности и пытался сделать их «правильными славянами», обращаясь с ними как с «безвольным стадом»². В итоге он нанес очень серьезный удар популярности России у болгарского населения, добившись цели, прямо противоположной декларируемой. «Даже самые предвзятые и близорукие московские патриоты, – писал Эккардт, – вынуждены были сказать себе, что проводимая именем славянского дела политика насилия прямо противоречит как русским, так и славянским интересам»³.

«Князь Черкасский не есть явление случайное, – завершал Эккардт свой рассказ. – Он типичный представитель того направления, которое несмотря на все допущенные ошибки надеется еще на некоторое время сохранить свое влияние на российское общество»⁴. Панслависты «закончили тем, что видят свою ближайшую практическую задачу в насилии над родственными славянскими племенами и именем российской государственности преграждают путь свободному развитию тех, кого мнили освободить»⁵. На «славофилов» Эккардт также возлагал ответственность за существовавшие в российском обществе завышенные ожидания относительно плодов русско-турецкой войны – и, соответственно, последовавшее восприятие Берлинского конгресса как тяжелого

¹ [Eckardt J.] Russland vor und nach... S. 178.

² Ibid. S. 204.

³ Ibid. S. 206.

⁴ Ibid. S. 208.

⁵ Ibid. S. 210.

поражения. В результате Россия оказалась поставлена на международной арене в крайне сложное и опасное положение¹.

Разрыв между декларируемыми идеалами и реальными результатами касался, с точки зрения Эккардта, и внутренней политики. Подчеркивая свою верность русской традиции и самодержавному монарху, панслависты на самом деле дестабилизировали ситуацию в стране. Хорошим примером являлась их деятельность в остзейских губерниях: пытаясь уничтожить самостоятельность и силу немецкой элиты, «славофилы» тем самым, по мнению Эккардта, лишали российскую монархию ее самой надежной несущей опоры². Более того: рассматривая простой народ в качестве носителя истинно русских ценностей и стремясь к повышению его роли в государстве, они фактически работали на слом всей сложившейся социальной структуры. С точки зрения немецкого публициста, именно панслависты во многом несли ответственность за внутрисполитический кризис, разразившийся в России рубежа 1870-1880-х гг. и завершившийся убийством Александра II³.

В 1881 г. Эккардт описывал положение дел в России как нестабильное: всеобщее недовольство, недоверие к правительству, требование перемен во всех слоях общества⁴. Этому способствовали действия правительства – хаотичные, противоречивые, непродуманные; власть оказалась совершенно неспособна выстроить диалог с обществом⁵. Именно они в конечном счете привели к подъему «нигилизма» – народовольческого движения; ошибочная политика в сфере образования, жесткие ограничения и репрессии лишь усиливали революционеров⁶. Крайне негативно Эккардт оценивал российских чиновников, называя их виновниками всех бед, в том числе коррупции и произвола; ситуация в

¹ [Eckardt J.] Von Nicolaus I... S. 388.

² [Eckardt J.] Russland vor und nach... S. 290.

³ [Eckardt J.] Von Nicolaus I... S. 397.

⁴ Ibid. S. 349.

⁵ Ibid. S. 357-358.

⁶ Ibid. S. 384.

этой сфере настолько плоха, что надежд на успешную административную реформу просто не остается¹.

Во многом поэтому, несмотря на свою «антисистемную составляющую», «славофилы» смогли занять сильные позиции в рядах правящей элиты Российской империи. Проникновение панславистских идей в правящие круги осуществлялось, согласно Эккардту, тремя возможными путями. Первым из них являлось поступление ведущих панславистов на государственную службу. В качестве характерных примеров можно назвать уже упомянутого выше князя В.А. Черкасского, а также Ю.Ф. Самарина. Именно Самарин, по словам Эккардта, являлся первым, кто постарался внедрить идеи оппозиционных «славофилов» в государственную идеологию и практику². Второй путь был прямо противоположным: по мере роста популярности панславизма в российском обществе государственные деятели, не испытывавшие изначально никаких симпатий к «славофильским» идеям, склонялись в их сторону исходя из чисто прагматических соображений. Классический пример такого рода деятеля у Эккардта – российский канцлер А.М. Горчаков³. Наконец, третью категорию составляли представители военно-политической элиты, поддерживавшие панславизм отчасти исходя из искренних личных убеждений, отчасти из карьерных соображений. В роли таковых на страницах книг Эккардта выступают великий князь Константин Николаевич, братья Н.А. и Д.А. Милютины, а также граф Н.П. Игнатьев – «крестный отец московского славофильства»⁴.

Влиянию панславизма на российскую политику в изображении Эккардта весьма способствовала популярность этой идеи в придворных кругах. Как было часто принято в ту эпоху, неофициальное воздействие приписывалось в первую очередь женщинам: в качестве ключевой фигуры Эккардт называл графиню

¹ Ibid. S. 411.

² [Eckardt J.] Russland vor und nach... S. 274.

³ [Eckardt J.] Aus der Petersburger... S. 86-87.

⁴ [Eckardt J.] Von Nicolaus I... S. 407.

А.Д. Блудову, оказывавшую большое влияние на императрицу Марию Александровну и через нее – на Александра II¹.

По мнению Эккардта, было бы ошибкой изображать «славофилов» как единое сообщество с четкой идеологией. Как он писал в одной из своих книг, «национальная партия никогда не обладала общей программой, заслуживающей подобного названия»². В начале 1880-х гг. он выделял в рядах «славофилов» три основных течения: консервативно-охранительское во главе с К.П. Победоносцевым, экспансионистско-панславистское во главе с М.Н. Катковым и «крестьянско-демократическое» во главе с И.С. Аксаковым³. Объединяет их, по мнению немецкого публициста, только одно: ненависть к разнообразным «западникам» и к немцам – как внутри страны, так и на международной арене.

Эту германофобскую составляющую российской «славофилии» Эккардт подчеркивал практически в каждом своем произведении. Он объяснял ее двумя фундаментальными факторами. Первым являлась присущая славянам зависть к более трудолюбивым, рациональным, а следовательно, успешным немцам⁴. Здесь Эккардт фактически повторял стереотип, широко распространенный в германском общественном сознании второй половины XIX в.: одной из ключевых черт национального характера славян, в том числе русских, является лень, неспособность к упорному конструктивному труду; русские по природе своей не могут добиваться таких же успехов, как немцы, и потому завидуют последним. Второй фактор – создание сильной Германской империи на западных границах России; панславистами оно было воспринято как появление мощного барьера на пути реализации их планов по формированию общеславянского государства. Кроме того, московские «славофилы» искренне полагали, что Германия не сможет остаться в стороне и равнодушно наблюдать за уничтожением немецкой

¹ [Eckardt J.] Aus der Petersburger... S. 36.

² [Eckardt J.] Russische Wandlungen... S. 330.

³ Ibid. S. 327.

⁴ [Eckardt J.] Berlin – Wien – Rom. Betrachtungen über den neuen Kurs und die neue europäische Lage. Leipzig, 1892. S. 32.

самобытности в остзейских провинциях России. Эта ненависть к Германии заставляла панславистов придерживаться в европейских делах профранцузской ориентации – еще в 1873 г. Эккардт писал о «панславистско-французской клике» в Петербурге¹.

Из этого со всей неизбежностью следовал вывод, который автор с конца 1870-х гг. неизменно представлял своим читателям: бывшая дружба между Россией и Германией окончательно и бесповоротно канула в прошлое. Немецкое общество, по его мнению, в недостаточной степени осознает это и позволяет убаюкивать себя воспоминаниями о былом. Однако ситуация радикально и необратимо изменилась; российский император уже не является настоящим самодержцем, пресса и общественность приобрели значительную власть. Россию немецкий публицист сравнивал с взрослым, но при этом незрелым человеком: абсолютизм еще не выполнил свою историческую функцию, но уже устарел и отвергается обществом². Это может привести к совершенно непредсказуемым последствиям и масштабным внутренним кризисам. Чем позднее начнутся перемены, тем более бурными они окажутся; ввиду незрелости народа любой представительный орган неизбежно окажется гнездом радикалов³. В 1881 г. автор формулировал мрачный прогноз: российские власти будут оттягивать принятие серьезных решений до момента, когда уже окажется слишком поздно, и тогда совершат действия, которые приведут прямоиком к революции⁴.

Усиление панславистов в России, писал Эккардт, делает невозможным нормальные и равноправные отношения; Германия с их точки зрения должна выступать в роли вассала Петербурга или являться врагом⁵. Если немцы не готовы согласиться на первый вариант, они должны смириться со вторым и действовать соответственно, не питая никаких иллюзий насчет восточной соседки. Угроза со стороны России, по мнению Эккардта, значительно увеличивалась благодаря

¹ [Eckardt J.] Aus der Petersburger... S. 26.

² [Eckardt J.] Von Nicolaus I... S. 410.

³ Ibid. S. 413.

⁴ Ibid. S. 425.

⁵ [Eckardt J.] Berlin – Wien – Rom. S. 33.

неспособности «славофилов» к конструктивной деятельности: потерпев неудачу внутри страны, они могут попытаться отвлечь внимание общества, провоцируя внешнеполитические кризисы¹. Кроме того, общая ненависть к немцам рассматривается панславистами как объединяющий элемент, позволяющий, в частности, достичь желанного русско-польского примирения. В одном из своих произведений немецкий публицист упоминал и якобы присущий русским «инстинкт, направленный на расширение находящегося под их властью пространства»². В другом он писал о том, что Россия на протяжении последних полутора веков стремится к обладанию Константинополем, который станет для нее ключом к мировому господству³.

Таким образом, и в публицистике Ю. фон Эккардта – одного из наиболее авторитетных «экспертов по России» в Германской империи 1870-80-х гг. – обнаруживаются те же черты образа Российской империи и русских, что и в представлениях «железного канцлера». Различия между ними касаются лишь тонкостей и нюансов, но не принципиальных, основополагающих элементов общей картины и следующего из нее вывода: Россия – нестабильный, враждебный и опасный сосед Германии.

4.4. Россия в материалах германской качественной прессы

Образ России в германской прессе 1880-х гг. – тема настолько масштабная, что ее с лихвой хватит на несколько самостоятельных диссертационных исследований. В связи с этим было принято решение ограничиться «двойной выборкой», рассмотрев только определенные издания и определенный круг описываемых сюжетов.

Среди всех органов печати наибольшее влияние на формирование представлений о России у германского образованного читателя оказывала

¹ [Eckardt J.] Russische Wandlungen... S. 405.

² [Eckardt J.] Russland vor und nach... S. 209.

³ [Eckardt J.] Von Nicolaus I... S. 245.

качественная ежедневная пресса. В последней трети XIX в. она переживала период бурного развития: быстро росли тиражи, более качественным и разнообразным становилось содержание¹. При проведении исследования были выбраны три газеты, относящиеся к данной категории: «Королевская привилегированная Берлинская газета о государственных и ученых вещах», обычно для краткости называемая «Фосской газетой» (*Vossische Zeitung*, главный редактор Фридрих Штефани), «Кёльнская газета» (*Kölnische Zeitung*, редакторы Аугуст Шмитс и Франц Фишер) и «Национальная газета» (*National-Zeitung*, главный редактор Фридрих Дербург). В процессе отбора учитывалось несколько важных критериев.

Во-первых, эти газеты обладали большим влиянием на читательскую аудиторию. Ключевое значение имело то, что это влияние выходило за рамки какого-либо конкретного локального, социального или политического сообщества (в отличие от большинства изданий, имевших свою более или менее четко очерченную «нишу»). По словам немецкого историка Н. Ульриха, их «внимательно читали и друзья, и враги»². Более того, публикуемые в этих газетах материалы постоянно перепечатывались другими, менее значимыми изданиями, не имевшими возможностей самостоятельно получить информацию и аналитику высокого уровня. В результате, хотя стоимость выбранных газет была сравнительно высока, а тираж невелик, их влияние распространялось на гораздо более широкий круг лиц, чем их непосредственные читатели. Последние, кроме того, часто принадлежали к числу т.н. «лидеров мнений», формировавших взгляды своего окружения. В результате возникал эффект, который можно назвать «двойным информационным каскадом».

Во-вторых, хотя все три издания считаются либеральными, их политическая ориентация была принципиально различной. «Кёльнская газета» отличалась умеренно либеральным политическим профилем, поддерживала политику

¹ Koszyk K. *Deutsche Presse im 19. Jahrhundert*. Berlin, 1966. S. 159.

² Ullrich N. *Gesetzgebungsverfahren und Reichstag in der Bismarck-Zeit unter besonderer Berücksichtigung der Rolle der Fraktionen*. Berlin, 1996. S. 81.

германского правительства и иногда рассматривалась конкурирующими изданиями в качестве официоза (которым в полном смысле слова не была, в отличие от, например, «Северогерманской всеобщей газеты»). «Национальная газета» являлась независимой газетой, близкой к Национал-либеральной партии. Наконец, «Фосская газета» симпатизировала левым либералам и критически относилась к правительственной политике; ее можно отнести к оппозиционным изданиям¹.

В-третьих, эти газеты уделяли большое внимание внешнеполитическим вопросам и событиям в соседних странах. Практически в каждом номере (периодичность выхода составляла от одного до трех номеров в день) присутствовали рубрики, посвященные новостям из других государств. Перечисленные издания имели достаточные возможности для того, чтобы поддерживать масштабную сеть корреспондентов за рубежом и привлекать к сотрудничеству экспертов по актуальным сюжетам. Хотя наибольшее внимание уделялось Австро-Венгрии, Франции и Великобритании, информация из России также нередко оказывалась на страницах этих газет. Естественно, ее количество зависело от наличия информационного повода. Когда в России происходило значимое событие, оно находило свое отражение, в том числе, и в больших по объему передовицах, которые являются наиболее ценным материалом для исследования.

Переходя к результатам, необходимо в первую очередь отметить, что в ходе исследования не было найдено существенных различий между отдельными органами печати в трактовке российской проблематики. Леволиберальная и оппозиционная «Фосская газета» высказывалась о Российской империи чуть более резко, чем два более умеренных издания, однако это касалось лишь тональности, но не содержательных аспектов публикаций. В общем и целом мы можем говорить о существовании в германской качественной прессе

¹ Bender K. Vossische Zeitung, Berlin (1617-1934) / Deutsche Zeitungen des 17. bis 20. Jahrhunderts. Pullach bei München, 1972. S. 37.

рассматриваемого периода единого образа России с характерными для него особенностями.

Наиболее фундаментальным из связанных с Российской империи сюжетов можно, пожалуй, назвать вопрос о ее положении в мировой системе. Является ли она частью Европы или находится за ее пределами? В германской прессе можно встретить различные точки зрения по данному вопросу. Иногда Россия причислялась к европейским державам, порой ее характеризовали как «азиатское», «варварское» государство. Однако наиболее распространенным являлось описание Российской империи как некоего пограничья между Европой и Азией, «цивилизацией» и «варварством».

В течение 1880-х гг. в этом вопросе наблюдалась некоторая эволюция: если в начале десятилетия Россия нередко изображалась как «запаздывающее» государство, идущее по европейскому пути с отставанием от передовых держав, то позднее, после крушения надежд на продолжение реформ, ее «полуазиатский» характер все чаще выступал в качестве неотъемлемой, базовой черты. «Кёльнская газета» писала в марте 1880 г. по случаю 25-летнего юбилея правления Александра II: «При императоре Николае Россия еще была по-настоящему азиатским государством, сегодня же к ней нельзя в полном смысле применить подобную характеристику»¹. «Фосская газета» называла «полуазиатскими» российские государственные структуры², а для характеристики режима использовала словосочетание «полуварварский деспотизм»³. В ней же в 1883 г. утверждалось: реформ в России требует та часть общества, которой удалось подняться над уровнем варварства⁴. «Национальная газета» писала в июне 1888 г., что в России европеизированное образованное общество существует параллельно с совершенно «азиатскими» народными массами⁵.

¹ Das Regierungsjubiläum Kaiser Alexanders // Kölnische Zeitung. 1880. № 61, Zweites Blatt. S. 1.

² Die Reise des Kaisers nach Rußland // Vossische Zeitung. 1888. № 312, Morgen-Ausgabe. S. 1.

³ Die Bulgaren und die russische Herrschaft // Vossische Zeitung. 1886. № 431, Morgen-Ausgabe. S. 1.

⁴ Der Brief des Zaren... // Vossische Zeitung. 1883. № 246, Abend-Ausgabe. S. 1.

⁵ Rußlands innere Entwicklung // National-Zeitung. 1888. № 318. S. 1.

Термин «азиатский» нередко употреблялся во второй половине 1880-х гг. для обозначения тех тенденций в развитии Российской империи, которые негативно оценивались немецкими наблюдателями: «азиатская» нелюбовь к Западу, «азиатская» внешняя политика и т.д. «Азиатская сторона русских торжествует победу», – писала «Национальная газета» летом 1887 г., комментируя новые меры по русификации остзейских губерний¹.

Однако «полуазиатский» характер Российской империи, по мнению германских публицистов, имел и свои положительные стороны – там, где речь шла о взаимодействии с азиатскими народами. Уступая по своему культурному уровню народам Западной Европы, Россия выполняла важную культурную миссию в Азии и могла в силу своей специфики приобщать азиатов к цивилизации успешнее, чем это делали «полноценные» европейцы. В опубликованной летом 1887 г. статье «У ворот Герата» «Фосская газета» писала: «Можно только радоваться успехам, расширяющим сферу русского влияния в Азии. Ведь русские, которые в случае их вторжения в культурные страны Европы принесут с собой варварство и одичание, по отношению к диким племенам Азии становятся носителями культуры и нравственности. [...] Вступая в контакт с иновещескими дикими народностями, какими к примеру были туркмены, русский солдат – с его выдержкой, скромностью, простым образом жизни и безусловным послушанием – оказывает на них удивительно благоприятное влияние»².

Описывая Российскую империю в целом, германские газеты рисовали образ государства, раздираемого противоречиями: сильная самодержавная власть на поверку оказывалась зависимой от неформальных, но влиятельных группировок, реакционная внутренняя политика была не в состоянии разрешить стоявшие перед страной проблемы, эффективность государственного аппарата была низкой из-за некомпетентности и коррупции должностных лиц. Самодержавие, с одной стороны, отжило свое, с другой – так и не выполнило своей исторической

¹ Der Ukas gegen die Deutschen // National-Zeitung. 1887. № 312. S. 1.

² Vor den Toren von Herat // Vossische Zeitung. 1887. № 355, Morgen-Ausgabe. S. 1.

функции, не создало в России стабильного правового государства и просвещенного среднего класса. Именно поэтому любой конституционный или парламентский эксперимент будет якобы иметь непредсказуемые последствия: российское общество попросту не созрело для перехода на этот уровень¹.

Особенно активно перспективы серьезных перемен в России обсуждались в начале 1880-х гг., когда многим казалось, что страна стоит на пороге новых больших реформ. Германская пресса описывала кризис самодержавия, разразившийся в этот период. «Во всех кругах присутствует ощущение, что дальше так продолжаться просто не может», – публиковала «Национальная газета» в апреле 1881 г. письмо своего корреспондента из Петербурга². «Повсеместно ожидания грядущего одержали верх над нравственным возмущением, – писала «Кёльнская газета» вскоре после убийства Александра II. – Что-то новое, великое должно случиться, но что и когда?»³. Германские публицисты сходились в том, что дальнейшие либеральные преобразования желательны и возможны, более того, являются единственным способом избежать больших потрясений; в то же время провести их будет непросто. К числу основных препятствий на пути успешных реформ газеты относили отсутствие уважения к закону, некомпетентность и коррупцию российских чиновников, легкомысленность и безответственность образованной части общества⁴.

Большое разочарование вызвали в связи с этим первые шаги Александра III на пути к укреплению самодержавного режима. Реакционная политика не решит ключевых проблем страны; она отсрочит взрыв, но сделает его более мощным и разрушительным, – писала «Кёльнская газета» после публикации Высочайшего манифеста от 29 апреля⁵. Внутренняя необходимость рано или поздно приведет Россию к переменам вне зависимости от желаний самодержца, – вторила ей «Национальная газета», подводя итоги первого года правления нового

¹ Die Reform in Rußland // Vossische Zeitung. 1880. №78, Morgen-Ausgabe. S. 1.

² Rußland und Polen // National-Zeitung. 1881. № 159. S. 3.

³ Rußland // Kölnische Zeitung. 1881. № 97, Erstes Blatt. S. 2.

⁴ Die Lage in Rußland // National-Zeitung. 1881. № 194. S. 1.

⁵ Deutschland // Kölnische Zeitung. 1881. № 132, Zweites Blatt. S. 1.

императора¹. «Одна реформа за другой признается необходимой и откладывается в сторону как невозможная, правительственный механизм работает с каждым днем все медленнее и хуже, законодательство и администрация буксуют, беззаконие, произвол, взятки, насилие, насмешки над правом, обеднение и одичание народа, распад всякого порядка», – такими широкими мазками рисовал в феврале 1882 г. внутрироссийскую ситуацию корреспондент «Кёльнской газеты»².

Коронация Александра III в 1883 г. похоронила надежды на скорые перемены и одновременно знаменовала конец своеобразного «переходного периода». Германская пресса в целом негативно оценивала реакционный курс, однако в то же время приветствовала сам факт стабилизации обстановки в России; казалось, острый кризис начала 1880-х гг. остался позади³. В то же время достигнутая стабильность выглядела с точки зрения немецких публицистов весьма относительной: ключевые проблемы не были решены и постепенно усугублялись, в российских верхах и обществе продолжались брожение и внутренняя борьба.

Для характеристики российской государственной системы в германской прессе часто применялось понятие «деспотизм». В то же время власть самодержца считалась далеко не абсолютной. «Российское самодержавие само по себе является ложью», – писала «Национальная газета»: царь находится в плену бюрократических интриг, вынужден считаться с влиятельными общественными течениями; его распоряжения игнорируются, его воля не выполняется⁴. Мысль об ослаблении императорской власти особенно часто фигурировала в немецких газетах в первый год после убийства Александра II – в период «гатчинского затворничества» его преемника⁵. «Благодаря принципу самодержавия, – писала в 1889 г. «Фосская газета», – сегодня самый могущественный человек мира

¹ Der Zar in Petersburg // National-Zeitung. 1882. № 123. S. 1.

² Graf Ignatiew, die Zustände in Rußland und der europäische Friede // Kölnische Zeitung. 1882. № 38, Drittes Blatt. S. 1.

³ Der Inhalt des russischen Krönungsmanifestes... // National-Zeitung. 1883. № 245. S. 1-2.

⁴ Rußland in der Beleuchtung des Panitza-Prozesses // National-Zeitung. 1890. № 308. S. 1.

⁵ Der Zar in Petersburg...

является одновременно самым немощным, ведь тот самый монарх, который может одним словом заставить заговорить тысячи стволов и потрясти весь земной шар, дрожит, заслышав шорох бумаги или скрип половицы»¹.

В качестве ключевой проблемы Российской империи, источника многих ее бедствий в германских газетах регулярно изображался бюрократический аппарат. На страницах немецкой прессы он представал самостоятельной, не подвластной никому разрушительной силой. Российское чиновничество изображалось в германских газетах в самых черных красках; сложно отыскать хотя бы одно доброе слово в его адрес. Практически каждое упоминание деятельности российской бюрократии сопровождалось словами «произвол» и «коррупция»². «Все едины в том, что главная беда России – коррупция и ненадежность чиновников сверху донизу, от командующего великого князя до последнего привратника», – писала летом 1882 г. «Национальная газета»³. Именно чиновники считались повинными в срыве реформ, в бедности значительной части населения, в отсутствии культурного и экономического развития⁴. Российская бюрократия, заявляла «Фосская газета» в 1886 г., «пополняется элементами, далекими от всякого интеллектуального развития, выдрессированными для определенных прикладных задач, в то время как все, кто в молодости демонстрировал самостоятельность духа, выброшены в объятия нигилизма»⁵.

Перспективы российского государства, соответственно, расценивались германской печатью очень мрачно. Нынешнее состояние описывалось как тяжелый кризис; в изображении немецких публицистов он имел не только общественно-политическую, но и экономическую составляющую: плачевное состояние государственных финансов, застой в развитии торговли и промышленности, нищета широких слоев населения⁶. Порой звучали весьма пессимистические предположения о принципиальной невозможности успешных

¹ Deutschland und Rußland // Vossische Zeitung. 1889. № 401, Morgen-Ausgabe. S. 1.

² Rußlands innere Lage // Kölnische Zeitung. 1882. № 54, Erstes Blatt. S. 1.

³ Der Abgang des Grafen Ignatiew // National-Zeitung. 1882. № 274. S. 1.

⁴ Der russische Diktator // Vossische Zeitung. 1880. №84, Morgen-Ausgabe. S. 1.

⁵ Der russische Despotismus // Vossische Zeitung. 1886. № 527, Morgen-Ausgabe. S. 1.

⁶ Rußland // Kölnische Zeitung. 1881. № 137, Erstes Blatt. S. 2.

реформ в России: почва для их проведения отсутствует, монарх будет сохранять самодержавие до последнего, общественное недовольство будет расти, и все это закончится социальным взрывом, хаосом и погружением в варварство¹. Далеко не все разделяли этот пессимизм, однако масштабные революционные потрясения с непредсказуемым исходом считались вполне вероятными. Если они произойдут, то «большая французская революция с ее ужасами покажется детской игрой. Необузданные страсти русского народа приведут к внутренней борьбе с жуткими последствиями»².

Общественные настроения в России 1880-х гг. германская пресса описывала как всеобщее глухое недовольство и рост национализма. Последний выступал в первую очередь в образе панславизма³. Могущественная панславистская партия оказывалась в изображении германской прессы ключевым актором, способным бросить вызов даже самодержцу, навязывать ему свою волю или проводить собственную внутреннюю и внешнюю политику. Слово «панславизм» (или «славофилия» – четкой границы между этими двумя понятиями не существовало) использовалось германскими публицистами в качестве ярлыка, которым они обозначали широкий спектр разнородных явлений: антизападные настроения в прессе и обществе, реакционную внутреннюю политику, русификацию национальных окраин, внешнюю политику на Балканах...

К числу «вожаков панславистов» германская пресса относилась самых разных деятелей: Н.П. Игнатьева и М.Д. Скобелева, К.П. Победоносцева и И.С. Аксакова. Однако ключевой фигурой являлся, безусловно, М.Н. Катков. Редактору «Московских ведомостей» приписывали огромное влияние и даже власть над императором⁴. Статьи Каткова важнее официальных правительственных

¹ Der Nihilismus // Vossische Zeitung. 1880. № 63, Morgen-Ausgabe. S. 1.

² Der Panslawismus, der Nihilismus und die Selbstherrschaft des Zaren // Kölnische Zeitung. 1887. № 286, Erstes Blatt. S. 1.

³ Власов Н.А. «Панслависты сейчас задают тон в России»: образ Российской империи в германской либеральной прессе начала 1880-х годов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2025. Т. 30, № 5. СанС. 89–101.

⁴ Die Enthüllungen über Gortschakow's Orientpolitik // National-Zeitung. 1887. № 241. S. 1.

заявлений, – утверждала «Национальная газета»¹. Катков якобы один способен мобилизовать общественное мнение, разжигает в народе антигерманские настроения, добивается желаемых ему решений во внутренней и внешней политике... Могущество Каткова основано не в последнюю очередь на том, что за ним стоит могущественная партия, объединяющая многих представителей элиты и образованного общества – панслависты².

Российский панславизм являлся в изображении германской прессы плодом стремления российского общества и элиты к переменам в сочетании с подъемом национализма и шовинизма. Несмотря на свой внешне консервативный характер, писали газеты, панславизм представляет угрозу для правящей династии, поскольку готов пожертвовать ею ради осуществления своих планов. Эти планы рисовались как утопические: панслависты, писала в 1882 г. «Национальная газета», имеют абсурдные представления об окружающем мире, не в состоянии внятно сформулировать собственную концепцию, а любая попытка практической реализации их идей заканчивается громким провалом³. Идея о каком-то особом пути России, писали германские публицисты, так и не получила сколько-нибудь внятного обоснования: «Абсолютно бесплодными по сей день остаются все попытки изобрести специфически русскую культуру», более всего напоминающие попытки страуса взлететь⁴. Панславистов объединяет ненависть к Германии на международной арене и к немцам внутри страны; первую они считают главной преградой на пути своих завоевательных планов, вторых – чуждым элементом в русском народном организме⁵.

Влияние панславистов в государстве оценивалось очень высоко. Общеизвестным фактом в германской прессе считалось, что Александр II начал в 1877 году войну против Османской империи под давлением панславистов⁶. Ситуация якобы не изменилась и при следующем императоре. Панславизм в

¹ Die Beziehungen zwischen Deutschland und Rußland... // National-Zeitung. 1887. № 346. S. 1.

² Rußland // Vossische Zeitung. 1887. № 155, Morgen-Ausgabe. S. 3.

³ Der Zustand in Rußland // National-Zeitung. 1882. № 85. S. 1.

⁴ Politische Vorgänge in Moskau // National-Zeitung. 1883. № 263. S. 1.

⁵ Russische Verhältnisse // Kölnische Zeitung. 1887. № 98. S. 1.

⁶ Die Bürgschaften für den Frieden // National-Zeitung. 1882. № 173. S. 1.

России настолько силен, что даже самодержец вынужден с ним считаться и не может проводить политику, идущую вразрез с ним, – писала «Национальная газета» в сентябре 1886 г.¹ Панславистам, кроме того, приписывалось практически монопольное влияние на прессу и общественное мнение, якобы «зараженное» антизападными и шовинистическими идеями².

Парадокс с точки зрения германской печати заключался в том, что панслависты, будучи на словах единственными истинными патриотами России, в действительности являются злейшими ее врагами, ведя страну по гибельному для нее пути³. «Те, кто непрерывно вещает о величии и славе России, являются на деле самыми ожесточенными и опасными противниками ее развития и прогресса», – писали германские публицисты⁴. Кипящее внутри страны недовольство панслависты хотят выплеснуть за ее границы, ввязавшись во внешнеполитические авантюры. Стремясь к осуществлению своих целей, они пытаются подчинить себе монарха или вовсе отодвинуть его в сторону – в частности, на страницах «Кёльнской газеты» высказывались предположения, что генерал Скобелев хочет стать диктатором в панславистской России⁵. Все это дестабилизирует империю и косвенно способствует деятельности революционеров.

В начале 1880-х гг. германская пресса по понятным причинам уделяла большое внимание деятельности народовольцев, которых называла «нигилистами». Либеральные издания относились к «террористам» негативно и осуждали покушения на представителей российской правящей элиты. В то же время газеты подчеркивали, что у нигилизма есть объективная причина: широко распространенное в обществе недовольство существующим положением дел и невозможность добиться изменений легальным путем. Проводилась четкая грань между западными социалистами и российскими нигилистами: социальная база нигилистов – не рабочий люд, а образованные средние и высшие слои.

¹ Zur Entwicklung der bulgarischen Frage // National-Zeitung. 1886. № 545. S. 1.

² Der Ukas... S. 1.

³ Der russische Diktator // Vossische Zeitung. 1880. № 84, Morgen-Ausgabe. S. 1.

⁴ Russische Verstimmungen // National-Zeitung. 1886. № 477. S. 1.

⁵ Skobelew // Kölnsche Zeitung. 1882. № 54, Zweites Blatt. S. 1.

Иногда в прессе прямо заявлялось, что «террористы» пользуются покровительством влиятельных особ из рядов правящей элиты: «У нигилистов есть приверженцы вплоть до самых высших сфер»¹. Другим важным фактором, способствующим успехам народников, считалась пассивность основной массы населения: она не готова подниматься ни на борьбу с монархией, ни на ее защиту². Эта пассивность и нежелание брать на себя ответственность – во многом следствие того обстоятельства, что «на протяжении пятидесяти лет [...] преследовались человеческое достоинство и свобода, самостоятельность характеров пытались искоренить»³. При этом ужесточение репрессий, по мнению немецких публицистов, приведет лишь к дальнейшей радикализации «нигилистов». Чтобы справиться с угрозой, писала в 1880 г. «Национальная газета», нужно провести реформу образования и дать обществу возможность участвовать в управлении страной⁴.

Во второй половине 1880-х гг. активность народовольцев несколько снизилась, но тема не исчезла со страниц немецких газет. В октябре 1887 г. «Кёльнская газета» писала: нигилизм возник из-за внутренних болезней государства и не может быть побежден, пока не решены ключевые проблемы. К числу последних относились экономический спад, обнищание населения, бесправие людей перед лицом бюрократии⁵. «Фосская газета» считала главной причиной нигилизма правительственную политику: в частности, драконовские меры в отношении гимназий и университетов способны лишь толкнуть молодежь в объятия революционных организаций⁶. Неустаревающей темой являлась связь панславистов и нигилистов: являясь формальными противниками, они якобы фактически действовали как союзники, в равной степени подрывая устои российского государства. В большой статье «Нигилисты и панслависты» в конце февраля 1880 г. «Национальная газета» писала: «Панслависты сами по себе не

¹ Aus Rußland // Kölnische Zeitung. 1880. № 49, Zweites Blatt. S. 1.

² Rußland // Kölnische Zeitung. 1880. № 72, Zweites Blatt. S. 2.

³ Russische Aussichten // National-Zeitung. 1881. № 179. S. 1.

⁴ Die Nihilisten in Rußland // National-Zeitung. 1880. № 91. S. 1.

⁵ Der Panslawismus... S. 1.

⁶ Tolstoi gestorben // Vossische Zeitung. 1889. № 214, Abend-Ausgabe. S. 1.

являются нигилистами, а принадлежат к числу их самых решительных противников; но их беспокойная и крикливая деятельность открыла перед нигилизмом широкие возможности»¹. «Славофилия уже сама стала нигилизмом», – писала «Кёльнская газета» в 1888 г.²

Намного меньше внимания, чем образованному обществу, уделялось в прессе основной массе российского населения – «простому люду». В рамках данного понятия смешивались друг с другом различные социальные группы – от крестьянства до городских средних слоев – в связи с чем его порой наделяли достаточно противоречивыми характеристиками. Крестьянство нередко представало на страницах немецкой прессы в идеализированном патриархальном облике: простые, богобоязненные, преданные своему императору люди, которые, однако, находятся на низшей ступени культурного развития. Весьма характерно описание корреспондентом «Кёльнской газеты» народных гуляний в Москве по случаю коронации Александра III: «чувствуешь себя погружившимся в средневековые времена», «врожденная у русских верность и преданность правящему дому», «основная черта характера – примитивная, наивная детскость и добродушие», «русский крестьянин, верный своей религии, своим традициям, своей лени и духовной темноте, проводит полжизни на печи». При этом автор категорически отвергал характеристику русского крестьянина как «грубого»: то, что принимается за грубость, есть лишь природная простота и непосредственность³.

Большое внимание германские газеты уделяли ситуации в остзейских губерниях, где как раз в 1880-е гг. царское правительство проводило последовательную политику русификации и ликвидации региональной автономии. Количество публикаций, посвященных этой проблеме, неуклонно нарастало на протяжении рассматриваемого десятилетия. Можно отметить полное единодушие германских газет в оценке проводившейся Петербургом политики:

¹ Nihilisten und Panslawisten // National-Zeitung. 1880. № 95. S. 1.

² Rußland seit dem Jahre 1881 // Kölnische Zeitung. 1888. № 139, Zweites Blatt. S. 1.

³ Das russische Volksfest auf dem Chodinskifelde // Kölnische Zeitung. 1883. № 156, Zweites Blatt. S. 1.

она изображалась как бессмысленное насилие, продиктованное национальной ненавистью и направленное против более высокой культуры, слепое разрушение, приводящее к многочисленным человеческим трагедиям и имеющее в конечном счете негативные последствия для самой России. При этом полностью отсутствовала мысль о необходимости или желательности какого-либо вмешательства в процесс с германской стороны; подразумевалось, что Германия может в данном случае играть лишь роль молчаливого наблюдателя.

В 1882 г. «Кёльнская газета» писала в передовой статье: остзейские губернии «стоят империи меньше, чем любая другая провинция, и в то же время являются самыми упорядоченными, зажиточными, верными, нравственно и экономически здоровыми из всех»; однако их немецкий характер «не дает панславистам и чиновникам в России спать спокойно»¹. В итоге на протяжении последних лет российская бюрократия якобы планомерно разрушает остзейские губернии. Политика русификации, в первую очередь назначение российских чиновников, покончит «не только с правом и справедливостью, немецким духом и порядком, но и с культурой; жизненный нерв этих земель будет убит; для остзейских провинций речь идет о жизни и смерти»².

Именно в таком ключе рассматривались все меры, принимавшиеся российским правительством в 1880-е гг. в сфере администрации, судебной системы, образования и церковной жизни остзейских губерний. При этом подчеркивалось, что политика русификации будет иметь губительные последствия для самой России, поскольку лишит императора самых верных и компетентных его подданных, уничтожит одну из главных опор династии. «Такие близорукые действия нисколько не соответствуют истинным интересам Российской империи, – писала «Национальная газета» в марте 1886 г. – Лифляндия, Эстляндия и Курляндия до сих пор поставляли ей множество прекрасных офицеров, чиновников, врачей, аптекарей, представителей практических профессий и т.д., которые благодаря своему организационному

¹ Die Zustände in russischen Ostseeprovinzen // Kölnische Zeitung. 1882. № 34, Erstes Blatt. S. 1.

² Rußlands Ostseeprovinzen // Kölnische Zeitung. 1882. № 164, Zweites Blatt. S. 1.

таланту, неустанному прилежанию, упорству и неподкупности исключительно удачным образом дополняли русскую нацию»¹.

Иногда ситуация в остзейских губерниях становилась для германской прессы поводом поразмышлять о положении всех этнических немцев в России. Хорошим примером подобного рода размышлений является большая статья, опубликованная в «Кёльнской газете» в ноябре 1887 г. В ней говорилось, что русские по своему характеру неспособны к размеренному упорному труду, поэтому для решения всех важных задач вынуждены привлекать этнических немцев; даже сейчас, несмотря на политику русификации, они не в состоянии без них обойтись. Русские стараются покупать колбасу только у немецких мясников, а лекарства – только у немецких аптекарей; выражение «немецкая работа» считается высшей похвалой. И, несмотря на все это, немцы в России оказываются окружены не уважением, а завистью и ненавистью². Этот образ был стереотипным и находил свое отражение во множестве других публикаций германской прессы. В немецкой прессе даже высказывались опасения, что в случае народных мятежей в России первыми пострадают именно «инородцы»³. Самодержавие, писала «Фосская газета», намеренно поддерживает рост шовинизма, чтобы отвлечь общество от внутривнутриполитических проблем⁴.

Наконец, необходимо остановиться на такой актуальной для германской прессы проблеме, как внешняя политика Российской империи. Здесь на первый план выходили два мотива: исконное стремление русских к территориальному расширению и возрастающее влияние панславизма на российскую дипломатию. Особо оговаривая, что «Завещание Петра Великого» как таковое является фальшивкой, германские газеты заявляли о его содержательном соответствии истинной российской политике⁵. Россия «на протяжении жизни многих поколений занималась неумеренным расширением и насильственной

¹ Der Krieg gegen das deutsche Schulwesen in den deutschen Ostseeprovinzen Rußlands // National-Zeitung. 1886. № 183. S. 1.

² Die Russen und die Deutschen // Kölnische Zeitung. 1887. № 318, Erstes Blatt. S. 1.

³ Rußland // Kölnische Zeitung. 1880. № 57, Erstes Blatt. S. 2.

⁴ Das Petersburger Verbrechen // Vossische Zeitung. 1881. № 122, Abend-Ausgabe. S. 1.

⁵ Der Toast des Großfürsten // Vossische Zeitung. 1887. № 470, Abend-Ausgabe. S. 1.

экспансией», – писала в 1880 г. «Фосская газета»¹. В результате под властью царя оказалось множество народов, в том числе стоящих на более высоком культурном уровне, чем сами русские (речь шла об остзейских немцах, финнах и поляках). Это сильно затрудняло управление империей и проведение в ней успешных реформ². Временами германская пресса даже подозревала российскую элиту и общество в стремлении к мировому господству, важным шагом на пути к которому станет захват Проливов³.

Интересы России настоятельно требуют проведения сдержанной внешней политики, чтобы иметь возможность проделать огромную работу внутри страны – такая мысль рефреном звучала на страницах немецкой прессы. Монархи (и Александр II, и его преемник) это прекрасно понимают и стремятся действовать соответственно, опираясь на часть правящей элиты. Подчеркивалось благожелательное отношение Александра II к Германии, его смерть оценивалась как большая потеря не только для русских, но и для немцев⁴.

Большое внимание уделялось российской политике на Балканах, в особенности в контексте Болгарского кризиса второй половины 1880-х гг. Германская пресса писала о том, что русские сами стали виновниками ухудшения отношений с Болгарией, обращаясь со своими друзьями как с вассалами и требуя от них полного подчинения⁵. Конечной целью российской политики в регионе называлось господство на Балканах с целью проложить себе путь к Константинополю⁶. Действия России в болгарском вопросе порой обозначались как главная угроза миру в Европе⁷.

Ключевым вопросом, однако, являлось для прессы будущее российско-германских отношений. Здесь оценки и прогнозы были в основном весьма

¹ Allgemeiner Friede // Vossische Zeitung. 1880. № 92, Morgen-Ausgabe. S. 2.

² Der Bankerott des despotischen Regiments in Rußland // Vossische Zeitung. 1881. № 126, Abend-Ausgabe. S. 1.

³ Russische Preßstimmen // National-Zeitung. 1887. № 123. S. 1.

⁴ Der Zustand in Rußland // National-Zeitung. 1881. № 125. S. 1.

⁵ Die Bulgaren und die russische Herrschaft // Vossische Zeitung. 1886. № 431, Morgen-Ausgabe. S. 1.

⁶ Die Entwicklung der bulgarischen Frage // Vossische Zeitung. 1887. № 371, Morgen-Ausgabe. S. 1.

⁷ Berlin, 16. Januar // Vossische Zeitung. 1888. № 26, Abend-Ausgabe. S. 5.

мрачными. Считалось, что война с Германией является неотъемлемой частью программы панславистов, оказывавших все большее влияние на внешнюю политику. «Нет никаких оснований сомневаться в миролюбивых помыслах царя, — писала «Национальная газета», — однако панславистская агитация действует помимо и даже против воли царя»¹. Здесь мы также встречаем весьма распространенную конструкцию: лично Александр III миролюбив и заслуживает полного доверия, но сможет ли он противостоять могущественной панславистской группировке, включающей в себя высокопоставленных дипломатов и военных? Война, по мнению немецких публицистов, представлялась «славофилам» лекарством от внутренних проблем². Речи Скобелева в начале 1882 г. трактовались не только как отражение настроений значительной части российской правящей элиты³, но и как прямой вызов панславистов, брошенный императору и официальной российской внешней политике⁴. «Панслависты сейчас задают тон в России» — писала в конце февраля 1882 г. «Кёльнская газета»⁵. Это, с точки зрения немецкой прессы, делало Россию опасным и ненадежным соседом.

В период «военной тревоги» 1886-1888 гг. на страницах германской прессы стали регулярно появляться публикации о переброске российских войск к западной границе империи и связанной с этим угрозой вооруженного конфликта. Лейтмотив большинства статей заключался в том, что непосредственной опасности российского нападения не существует, однако в Петербурге неустанно готовятся к войне и развяжут ее при благоприятных обстоятельствах⁶. Российская внешняя политика постоянно рисовалась как совершенно непредсказуемая и опасная⁷.

¹ Vor einigen Tagen... // National-Zeitung. 1890. № 95. S. 1.

² Graf Ignatiew, die Zustände in Rußland und der europäische Friede // Kölnische Zeitung. 1882. № 38, Drittes Blatt. S. 1.

³ Deutschland // Kölnische Zeitung. 1882. № 36. S. 2.

⁴ Rußland // Kölnische Zeitung. 1882. № 51, Erstes Blatt. S. 2.

⁵ Rußland // Kölnische Zeitung. 1882. № 58, Zweites Blatt. S. 2.

⁶ Friedensliebe und Geldbedürfnis // Vossische Zeitung. 1888. № 531, Morgen-Ausgabe. S. 1.

⁷ Die Militär-Vorlage in der Kommission // National-Zeitung. 1886. № 690. S. 1.

Общая оценка развития российско-германских отношений также оставалась на протяжении рассматриваемого десятилетия сугубо негативной. Прежняя дружба объявлялась навеки утраченной, причем вина за это возлагалась на Петербург, где якобы не готовы общаться с Берлином на равных. «Между Германией и Россией стоит массив ненависти и злости, который, похоже, не устранить никаким государственным искусством, никакой мастерской речью, никакими остроумными доводами», – писала «Кёльнская газета» в феврале 1888 г.¹ Германская пресса указывала на якобы широко распространившуюся в российском обществе ненависть к немцам и Германии, которая не позволяет надеяться на восстановление хороших отношений даже при наличии доброй воли политического руководства². В общем и целом германская пресса рисовала перед своими читателями образ опасного, непредсказуемого и агрессивного соседа, пылающего ненавистью к немцам.

Особенности освещения российских реалий германской качественной прессой можно проиллюстрировать, взяв в качестве примера конкретный кейс: железнодорожную катастрофу возле станции Борки 17 (29) октября 1888 г.³

По понятным причинам с самого начала внимание прессы было сосредоточено в значительной степени на фигуре российского монарха. Эта тенденция сохранилась и в дальнейшем: поведение Александра III во время катастрофы, его реакция, последствия его спасения для России и Европы активно обсуждались на страницах газет. В образе Александра III преобладали в целом положительные черты. Императора характеризовали как человека благородного и честного, миролюбивого и надежного, спокойного и волевого. Так, в апреле 1887 г. «Кельнская газета» называла его «честным человеком с благородными помыслами»⁴. При этом нередко отмечались замкнутость, недоверчивость и

¹ Die letzten Zusammenhänge... // Kölnische Zeitung. 1888. № 38, Zweites Blatt. S. 1.

² Friedensaussichten // National-Zeitung. 1890. № 285. S. 1.

³ Власов Н.А. Крушение российского императорского поезда 17 октября 1888 года в германской прессе конца XIX века // Научный диалог. – 2025. – Том 14. – Вып. 4. – С. 406-421.

⁴ Katkow, der Zar und der Panslawismus // Kölnische Zeitung. 1887. № 101. Drittes Blatt. S. 1.

упрямство императора, а также его нелюбовь к немцам, однако позитивные характеристики обычно все же превалировали.

Черты этого устоявшегося к концу 1880-х гг. образа нашли свое отражение и в описании железнодорожной катастрофы. В германских газетах особо отмечалось весьма достойное поведение императора и его домочадцев. «Фосская газета» писала: «Все свидетели катастрофы не перестают восхвалять человечность членов императорской семьи, их самопожертвование при оказании помощи раненым»¹. Несколько дней спустя в той же газете можно было прочесть: «Сегодня поступили первые подробные описания действий царя и царицы на месте крушения, которые подтверждают общее мнение о том, что оба оказались на высоте своего положения. Царь оказался первым, кто взял себя в руки и подумал о помощи пострадавшим; по его приказу солдаты Пензенского полка, охранявшего насыпь, дали залп, чтобы привлечь внимание окрестных жителей. [...] Когда царь увидел, что отдаются противоречивые распоряжения, он лично взял на себя руководство спасательными работами. С редким спокойствием и уверенностью отдавал он приказы, не повышая голоса». Несмотря на полученную травму, Александр III приказал своему личному медику заботиться о тяжелораненых². Подобного рода заметки появились в те дни и в других газетах.

Целый ряд новостных публикаций был посвящен торжественному приему, устроенному императорской семье жителями Москвы и Петербурга. Немецкая пресса писала о невиданном доселе ликовании, с которым Александра III встречал простой народ. «Фосская газета» опубликовала сообщение своего петербургского корреспондента, гласившее: «Столь единодушную и искреннюю радость русского народа, как в честь нынешнего спасения императорской семьи от смертельной опасности, можно было видеть разве что в день отмены крепостного права»³. В результате, отмечали германские газеты, катастрофа существенно сблизила монарха и его подданных, сделала Александра III более популярным и

¹ Die kaiserliche Familie... // Vossische Zeitung. 1888. № 525. S. 3.

² Die Errettung des Zaren... // Vossische Zeitung. 1888. № 535. S. 3.

³ So einmüthig und aufrichtig... // Vossische Zeitung. 1888. № 523. S. 3.

«народным»; чудесное спасение простой люд воспринял как знак свыше¹. В свою очередь, предполагала «Кельнская газета», император имел прекрасную возможность увидеть лояльность народных масс и избавиться от прежнего недоверия к ним, игравшего большую роль в его внутривполитических решениях². «Царь Александр наверняка глубоко прочувствовал, сколь ценно для правителя находиться в полном согласии со своим народом и пользоваться его любовью», — писала в июне 1889 г. «Национальная газета»³. В германской прессе в конце 1888 г. высказывалась надежда на то, что император, обретя доверие к своим подданным, смягчит режим реакции и пойдет на некоторые реформы. Впрочем, довольно быстро такого рода ожидания исчезли со страниц прессы, сменившись скептическим отношением к возможным переменам⁴.

Относительно причин крушения императорского поезда с самого начала существовало несколько версий. Германская пресса достаточно точно и подробно описывала их. Можно утверждать, что именно эта сторона вопроса удостоилась наибольшего внимания немецких журналистов — соответствующие публикации в значительном количестве заполняли страницы газет в ноябре-декабре 1888 г. и продолжали время от времени появляться в первой половине 1889 г.

Уже в первых сообщениях о случившейся катастрофе исключалась версия террористического акта, и в дальнейшем к ней практически не возвращались. Обсуждение с самого начала строилось вокруг двух основных версий: плохое состояние железнодорожного полотна и неверно выбранный состав и режим движения императорского поезда. Однако если в России за каждой из этих версий стояли имена конкретных потенциальных виновников, то германская пресса акцентировала свое внимание в первую очередь на системных проблемах, характерных для империи Романовых.

Как уже неоднократно говорилось выше, в глазах немцев одной из ключевых проблем Российской империи традиционно являлся некомпетентный и

¹ Rußland im Jahre 1888 // Kölnische Zeitung. 1889. № 4, Erstes Blatt. S. 1.

² Aus Petersburg... // Kölnische Zeitung. 1888. № 363, Zweites Blatt. S. 1.

³ Der Toast des Zaren und die innere Lage in Rußland // National-Zeitung. 1889. № 352. S. 1.

⁴ Die Petersburger Korrespondenzen... // Vossische Zeitung. 1889. № 2. S. 1.

коррупцированный бюрократический аппарат. Вполне логично, что после крушения императорского поезда германская пресса уделяла особое внимание воровству при строительстве железных дорог, некомпетентности административного аппарата путей сообщения, плохой организации движения и общей безответственности, которые и стали в ее глазах истинными причинами катастрофы. Уже 4 ноября «Фосская газета» утверждала, что при строительстве железных дорог в России «воруют целые станции» и массово укладывают гнилые шпалы¹. Четыре дня спустя она же писала: «Причина катастрофы еще неизвестна, но сомневаться в ней могут лишь те, кто получает выгоду от нынешнего состояния железных дорог и по очевидной причине объясняют любую железнодорожную аварию форс-мажором. Известно, что профиль пути в месте крушения способствовал катастрофе, что вагон министра железных дорог из-за своей старости и неудачной конструкции не может безопасно двигаться по крутому изгибу, что скорость в 65 верст в час на этом участке была совершенным безумием, что в июле текущего года на том же самом месте поезд сошел с рельс — разумеется, это полностью замолчали — и что среди шпал производства 1886 года обнаружена гнилая. Компетентные лица утверждают, что регламент движения императорских поездов является насмешкой над всеми требованиями безопасности и что иностранные железнодорожники изумились бы, узнав, в каких условиях в России ездят императорские составы». К этому добавляется введенный правлением железной дороги режим жесткой экономии, из-за которого массово увольняется технический персонал и не хватает средств на содержание путей; министерство должно было давно положить этому конец, но даже не подумало этой сделать. Таким образом, главными причинами катастрофы стали «русское взяточничество, русская халатность, русское легкомыслие, граничащее с преступлением»².

В этом русле обсуждение развивалось и в дальнейшем. Сообщая своим читателям достаточно точную фактическую информацию о возможных причинах

¹ So einmüthig und aufrichtig... S. 3.

² Ein seltenes Schauspiel... // Vossische Zeitung. 1888. № 529. S. 3.

крушения императорского поезда, немецкие журналисты давали ей более широкую интерпретацию в соответствии с собственными представлениями о российских реалиях. Обсуждая неверно выбранный режим движения состава, «Фосская газета» писала 15 сентября: император приказал ехать быстро, и ни у одного из технических специалистов – вплоть до министра путей сообщения – не хватило мужества отказать ему, объяснив, что это слишком опасно. Страх перед гневом самодержца оказался сильнее, чем чувство долга¹. О распространенной практике систематического замалчивания проблем и сокрытия неприятных фактов много писалось и в дальнейшем². При этом частный случай подавался как типичное проявление общей картины. Так, «Национальная газета» писала: «Железнодорожная катастрофа у станции Борки наглядно продемонстрировала всему миру, чего следует ждать от российских железных дорог»³.

Еще одним мотивом, характерным именно для германской прессы, являлось стремление вписать причины катастрофы в контекст отношений русских и немцев. Еще не имея точной информации о случившемся, «Национальная газета» писала 9 ноября 1888 г.: «Железнодорожная катастрофа у станции Борки являет собой примечательную иллюстрацию последствий проводимой на протяжении многих лет политики по систематическому искоренению немецкого элемента в российском железнодорожном управлении. Панславистская пресса ищет виновных везде, только не там, где они находятся в реальности – в тех инстанциях, которые по национальному мотиву изгоняли с железнодорожной службы самых надежных и ответственных работников». Если соответствующая политика будет продолжена, можно с уверенностью предсказывать рост числа подобных катастроф⁴. Публикуя новость о назначении новым министром путей сообщения Г.Е. Паукера, «Кёльнская газета» добавила комментарий своего корреспондента из Риги, утверждавшего: русские преследуют остзейских немцев, но в серьезной ситуации не могут без них обойтись и вынуждены назначать на

¹ Vorgestern wurde Minister... // Vossische Zeitung. 1888. № 541. S. 4.

² Als Hauptangeklagte... // Vossische Zeitung. 1889. № 151. S. 3.

³ Der russische Ukas // National-Zeitung. 1888. № 608. S. 1.

⁴ Die Eisenbahnkatastrophe von Borki... // National-Zeitung. 1888. № 591. S. 2.

ответственные должности¹. В дальнейшем деятельность Паукера регулярно удостоивалась лестных характеристик: пресса рассказывала о том, что он отличается от своего предшественника скромностью, честностью и деловыми качествами².

В первой половине 1889 г. немецкие газеты продолжали писать о расследовании причин крушения императорского поезда, хотя по очевидной причине число таких публикаций неуклонно сокращалось: информационный повод уходил все дальше в прошлое. В июле появилась новость о завершении официального расследования; в качестве главной действительной причины катастрофы немецкая пресса, опять же, называла некомпетентность российских чиновников: крушение императорского поезда стало следствием упущений целого ряда должностных лиц³. В итоге непосредственные причины катастрофы оказались не так важны: вне зависимости от того, чьи конкретно ошибки и упущения сыграли решающую роль, делался вывод о наличии глубоких системных недостатков, характерных для российской железнодорожной отрасли и, если брать шире, государственного управления в целом. К перспективе улучшения ситуации на российских железных дорогах германская пресса относилась скорее скептически. Катастрофы и расследование ее причин вряд ли приведут к существенным переменам; недостатки и упущения, приведшие к крушению императорского поезда, слишком глубоко укоренены в российской системе управления. «Ни наказание виновных, ни отставка Посьета не исправит нынешних проблем, растущих из прогнившей системы», – писала 15 ноября «Фосская газета»⁴.

Рассказывая читателям о крушении императорского поезда, немецкие газеты, естественно, не могли обойти стороной вопрос возможных последствий катастрофы. Спасение царя расценивалось как событие безусловно положительное как для его страны, так и для всей Европы. «В лице Александра III

¹ Etwas überraschend ist die Nachricht... // Kölnische Zeitung. 1888. № 329, Zweites Blatt. S. 2.

² Der neue Kommunikations-Minister... // Vossische Zeitung. 1888. № 577. S. 2.

³ Die Untersuchungsacten... // Kölnische Zeitung. 1889. № 193, Erstes Blatt. S. 1.

⁴ Vorgestern wurde Minister... // Vossische Zeitung. – 1888. – № 541. – S. 4.

ущелела одна из главных опор европейского мира», – писала 3 ноября «Национальная газета»¹. Мы вновь видим, что, по мнению немцев, в России действовала могущественная панславистская партия, желавшая войны с Россией и Австро-Венгрией, и только миролюбие императора позволяло сдерживать ее и сохранить европейский мир.

Остается лишь констатировать очевидный вывод: система представлений о России у Бисмарка в главных своих чертах ничем не отличалась от той, которая находила свое отражение на страницах германской – в том числе оппозиционной – прессы. Образ Российской империи у «железного канцлера» был по существу таким же, как и у среднестатистического образованного немца, читавшего качественную прессу.

¹ Wie der heutige russische... // National-Zeitung. 1888. № 582. S. 1.

ГЛАВА 5.

ВЛИЯНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОТТО ФОН БИСМАРКА О РОССИИ НА ПРИНЯТИЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

В последней главе нашего исследования имеет смысл вернуться к одному из ключевых сюжетов, с помощью которых была обоснована его актуальность в самом начале работы. Это – вопрос о влиянии представлений Бисмарка на политику, которую он проводил в отношении Российской империи в период пребывания на посту главы прусского правительства.

По словам Р. Херрманна, «имеющиеся у людей образы других стран становятся главными строительными материалами, когда речь идет об определении возможностей и угроз для собственной страны. Эти образы других ложатся в основу посылок, которые принимаются как само собой разумеющиеся и из которых вытекают рутинные привычки, касающиеся базовых параметров: что считать соответствующим, а что противоположным интересам страны»¹. В данном случае нам важно проверить этот тезис на конкретных примерах, связанном с политикой Бисмарка в отношении России².

«Восточная политика» Бисмарка относится к числу хорошо изученных в историографии сюжетов – достаточно назвать уже упомянутые исследования С. Бюрго³, А.С. Ерусалимского⁴, С.Д. Сказкина⁵, Л.М. Шнеерсона⁶, С. Кумпф-Корфеса⁷, Г. Мюллер-Линка⁸, В.С. Дударева⁹ и т.д. Во всех этих работах, как уже говорилось выше, образу России у Бисмарка не уделяется большого внимания. Возможно, причина заключается в том, что «железный канцлер» считается

¹ Herrmann R. Op. cit. P. 337.

² Власов Н.А. Личностный фактор во внешней политике Германской империи 1871-1890 гг. // Исторический бюллетень. 2022. Том 5. №3. С. 108-113.

³ Burgaud S. Op. cit.

⁴ Ерусалимский А.С. Указ. соч.

⁵ Сказкин С.Д. Указ. соч.

⁶ Шнеерсон Л.М. Франко-прусская война и Россия; Шнеерсон Л.М. На перепутье европейской политики.

⁷ Kumpf-Korfes S. Op. cit.

⁸ Müller-Link H. Op. cit.

⁹ Дударев В.С. Бисмарк и Россия.

классическим представителем «реальной политики», основанной исключительно на конкретных интересах и требованиях момента. Это вполне справедливо, однако необходимо принять во внимание, что любой политик (как и любой человек) при принятии решений в определенной ситуации исходит из той картины происходящего, которая складывается в его голове. Взгляды накладывают серьезный отпечаток на восприятие информации из окружающего мира, во многом определяют выбор и оценку имеющихся вариантов реагирования на эту информацию.

На протяжении всего периода правления Бисмарка (1862-1890 гг.) интересы «восточной политики» Пруссии, а затем Германской империи оставались в целом неизменными. Они включали в себя поддержание хороших, по возможности дружественных отношений с Россией. Уязвимое стратегическое положение страны в центре Европы, наличие потенциальных и реальных противников в лице Австрии (до 1871 г.) и Франции (с 1867 г.) делали сближение с Петербургом объективной необходимостью для Берлина. Россия не должна была оказаться в числе врагов Германии – и Бисмарк неоднократно на протяжении всей своей жизни говорил о том, что война с восточной соседкой опасна и, главное, совершенно бессмысленна.

В то же время российско-германские отношения в 1870-80-е гг. неуклонно ухудшались. В рамках расхожего мифа о «мудром Бисмарке», созданного во многом усилиями его главного героя, ответственность за отчуждение между Берлином и Петербургом целиком и полностью возлагалась на Вильгельма II и его сподвижников, оборвавших после 1890 г. «провод в Петербург» и спровоцировавших тем самым заключение российско-французского союза. В действительности этот союз стал финальной точкой достаточно долгого процесса, который начался задолго до отставки «железного канцлера».

Ухудшение российско-германских отношений мы можем отчетливо наблюдать как минимум с середины 1870-х гг. Вопреки еще одному распространенному мифу, российская сторона несет свою долю ответственности за это развитие. Однако и Бисмарк, в свою очередь, раз за разом принимал

решения, способствовавшие росту отчуждения и даже напряженности между двумя державами. Достаточно упомянуть заключение в 1879 г. австро-германского союза, введение высоких пошлин на русский хлеб или мощный удар, нанесенный в 1887 г. по российским ценным бумагам. Встает вопрос о том, почему «железный канцлер», сознавая необходимость поддержания с Россией добрососедских отношений, в то же время не шел на союз с Петербургом, пытался периодически добиться уступок жестким давлением и демонстрировал явное недоверие к восточной соседке.

Сравнивая между собой динамику российско-германских отношений и динамику изменения образа России в текстах Бисмарка в период его пребывания у власти, мы можем видеть синхронность этих двух процессов. Однако существующая между ними корреляция еще не является доказательством причинно-следственной связи, а тем более ее направленности. Можно было бы предположить, что как раз ухудшение двусторонних отношений находило свое выражение в том, что говорил и писал Бисмарк.

Такое предположение выглядело бы убедительным, если бы высказывания Бисмарка имели не системный, а ситуативный характер. Однако мы уже убедились в том, что представления «железного канцлера» о России и русских носили характер логичной системы взаимосвязанных и взаимно обуславливающих элементов, в которой суждения по частным вопросам вытекали из более общих представлений. Эта система сложилась задолго до кризиса в российско-германских отношениях. Все суждения «железного канцлера», относящиеся ко второй половине 1870-х и 1880-х гг., остаются в рамках данной системы и логически вытекают из более ранних и общих тезисов, касающихся России.

Можем ли мы объяснить ключевые решения Бисмарка, обойдясь без привлечения его системы представлений? Поскольку в данном случае вопрос касается принципиальной необходимости рассматривать взгляды политика (в данном случае «железного канцлера») при анализе его решений, нет нужды давать полный обзор российской политики Бисмарка. Достаточно провести

исследование наиболее значимых кейсов¹. На роль таковых в данном случае наиболее подходящими представляются два решения Бисмарка, имевшие большие последствия для развития российско-германских отношений конца XIX – начала XX вв.: заключение австро-германского оборонительного союза, направленного против России, в 1879 г. и «залоговый запрет» в отношении российских ценных бумаг, спровоцировавший российско-французское сближение, в 1887 г. Эти два решения интересны среди прочего тем, что их мотивы по сегодняшний день остаются дискуссионными.

5.1. «Внешнеполитический поворот» 1879 года

Заключение австро-германского союзного договора в 1879 г. имело большое значение для развития международных отношений в Европе. Этот договор часто называют точкой отсчета формирования системы двух противостоящих друг друга альянсов великих держав. По словам А.Дж.П. Тэйлора, он «вовлек Германию и всю Европу в первую мировую войну»². На наш взгляд, такая характеристика излишне драматизирует ситуацию, однако большое значение данного события не подлежит сомнению. Хотя никто (включая Бисмарка) не мог знать, насколько масштабные и далеко идущие последствия будет иметь принятое решение, тем не менее, значимость последнего вполне осознавалась и современниками. Далеко не случайно Вильгельм I оказывал столь упорное сопротивление подписанию австро-германского союзного договора.

Мотивам «железного канцлера», поставленного перед необходимостью выбирать между Австрией и Россией, давались различные объяснения³. В первую очередь имеет смысл обратить внимание на то, как трактовал данный вопрос сам Бисмарк в своих мемуарах:

¹ Методологические принципы подобного рода исследований см. Власова М.Г. Кейс-стади в исследованиях международных отношений: методология и исследовательская практика // Теория и практика общественного развития. 2012. № 11. С. 255-258.

² Тэйлор А.Дж.П. Борьба за господство в Европе 1848-1918. М., 1958. С. 287.

³ Власов Н.А. Отто фон Бисмарк и австро-германский союз 1879 года: личные взгляды и политическое решение // Клио. 2022. №7. С. 37-43.

«Более сильной в материальном отношении я считал связь с Россией. Раньше я считал ее и более надежной, поскольку традиционная дружба династий, общность интересов монархического самосохранения и отсутствие всяких врожденных политических противоречий казались мне более прочной основой, чем переменчивая позиция общественного мнения венгерского, славянского и католического населения монархии Габсбургов. Абсолютную и долгосрочную уверенность не внушала ни одна из этих комбинаций – ни династическая связь с Россией, ни венгерско-немецкие народные симпатии. Если бы в Венгрии всегда брали верх разумные политические соображения, эта храбрая и независимая нация ясно понимала бы, что она представляет собой относительно немногочисленный остров в славянском море и может обеспечить свою безопасность только за счет союза с немецким элементом в Австрии и Германии. Однако история с Кошутом, подавление верных империи немецких элементов в самой Венгрии и другие симптомы показывают, что в критические моменты самоуверенность венгерских гусар и адвокатов оказывается сильнее политического расчета и самообладания [...].

К сомнениям в будущем австро-германских отношений добавлялось отсутствие понимания политических возможностей, из-за которого немецкий элемент в Австрии утратил контакт с династией и ту руководящую роль, которая выпала ему в результате исторического развития. Повод для беспокойства за будущее австро-германского союза давал и конфессиональный вопрос, воспоминания о влиянии духовников на императорское семейство, возможность восстановления связи с Францией на католической основе [...].

К этому, наконец, добавлялось польское направление австрийской политики. Мы не можем требовать от Австрии, чтобы она отказалась от оружия, которое имеет против России благодаря покровительству полякам в Галиции. [...] Вопрос о будущем Польши является особенно трудным в рамках австро-германского военного союза.

На фоне этих размышлений угрожающее письмо императора Александра вынудило меня принять твердое решение в целях обороны и защиты нашей

независимости от России. Союз с Австрией был довольно популярен у всех партий [...]. Если не считать Прогрессивную партию, которая не одобряла вообще никакую правительственную политику, в наших парламентских кругах не было никаких возражений и очень много симпатий к союзу с Австрией.

Традиции международного права со времен Римской империи германской нации и Германского союза были теоретически ориентированы на то, что между всей Германией и монархией Габсбургов существовала государственно-правовая связь, в силу которой эти центральноевропейские территории теоретически обязывались помогать друг другу. На практике их общность весьма редко находила свое выражение в предшествовавшей истории, однако мы могли справедливо заявить Европе и особенно России, что постоянный союз Австрии и нынешней Германской империи не представляет собой с международно-правовой точки зрения ничего нового. Вопросы популярности в Германии и международного права имели, однако, для меня второстепенное значение и рассматривались в качестве вспомогательных средств для возможной реализации решения. На первом плане находился вопрос о том, следует ли незамедлительно приступить к исполнению этого замысла [...]. Причины, заставлявшие нас в той политической ситуации идти на союз с Австрией, казались мне настолько повелительными, что я стремился бы к нему даже вопреки сопротивлению нашего общественного мнения»¹.

Таким образом, перечисляя множество доводов против союза с Австро-Венгрией, Бисмарк приводит одну главную причину, по которой он выбрал именно данный вариант: экзистенциальная угроза со стороны России, бесспорным свидетельством которой являлось, с его точки зрения, знаменитое «письмо-пощечина». Фактически «железный канцлер» прямо пишет о том, что именно его восприятие действий российской стороны подтолкнуло его к столь значимому политическому решению. Естественно, в своих мемуарах Бисмарк представляет угрозу как объективно существовавшую, свою реакцию — как единственно возможную в данной ситуации. В приведенном отрывке он постоянно

¹ WIA, Bd. 8a. S. 471-474.

употребляет глаголы и прилагательные, подразумевающие вынужденный характер решения, отсутствие альтернатив (nötigen, zwingend и т.д.).

Приведенный Бисмарком мотив всегда вызывал сомнения у исследователей, которые искали более весомые и объективные причины заключения австро-германского союза 1879 г. В советской историографии господствовала точка зрения, согласно которой ключевую роль играли нараставшие экономические противоречия. Повышение сельскохозяйственных пошлин под давлением аграрного лобби неизбежно влекло за собой ухудшение российско-германских отношений. «Переход к протекционистской системе еще больше обострил экономическую борьбу господствующих классов России и Германии, – писал А.С. Ерусалимский. – Династические связи, существовавшие между Россией и Германией, не могли выдержать напора этих новых антагонизмов»¹. Союз с Австро-Венгрией, по мнению исследователя, соответствовал интересам германской крупной буржуазии, стремившейся привязать к себе монархию Габсбургов в экономическом отношении². Такой же точки зрения придерживался и В.В. Чубинский: «Поворот в экономической политике сказался не только на развитии политической жизни Германии, но и на ее внешнеполитическом положении [...]. Как это бывало всегда и во всех странах, столкновение экономических интересов влияло [...] и на внешнюю политику затронутых государств. Для дальнейшего ухудшения русско-германских отношений были, следовательно, материальные основания»³. При этом исследователь не отрицает наличия и других факторов – в частности, ухудшения российско-германских политических отношений по итогам Берлинского конгресса – однако отводит им скорее второстепенную роль. К.Б. Виноградов также писал о том, что «имелись серьезные основания экономического характера, во многом обусловившие рост политических противоречий между двумя державами»⁴. Бисмарку при этом

¹ Ерусалимский А.С. Указ. соч. С. 149.

² Там же. С. 153.

³ Чубинский В.В. Указ. соч. С. 330.

⁴ Виноградов К.Б. Мировая политика 60-80-х годов XIX века. События и люди. Л., 1991. С. 140.

отводилась роль едва ли не простого исполнителя повелений германских аграриев и промышленников.

Исследователи из ГДР также уделяли значительное внимание экономическим факторам. «Растущие экономические противоречия между господствующими классами обоих государств, подкрепленные введением протекционизма и обострением борьбы за зарубежные рынки, с 1878 году способствовали тому, что германо-российские отношения оказались под влиянием объективных социально-экономических факторов в невиданном ранее масштабе», – писал в своей монографии по истории германской внешней политики 1870-х гг. Х. Вольтер¹. Однако автор не сводит ухудшение российско-германских отношений к экономическим противоречиям, подробно рассматривая самостоятельную динамику политических процессов, действовавших в указанном направлении. Э. Энгельберг в своей фундаментальной биографии Бисмарка также упоминает об экономическом аспекте, но акцентирует внимание в первую очередь на политическом противоборстве Германии и России – «борьбе за власть», развернувшейся между двумя державами². Создание Германской империи нарушило баланс сил в Европе; в то время как Петербург боролся против немецкой гегемонии, Бисмарк старался превратить Россию в послушного партнера. Восточный кризис обнажил существовавшие политические противоречия двух держав. «Письмо-пощечина» Александра II и известия о возможной отставке прогермански настроенного Андраши подтолкнули «железного канцлера» к немедленным действиям по укреплению австро-германских отношений, которые позволили бы избежать внешнеполитической изоляции³.

Большинство современных исследователей обращают внимание в первую очередь именно на политические факторы, подтолкнувшие Бисмарка к принятию решения в пользу союза с Австрией. Они подчеркивают, что политические и

¹ Wolter H. Bismarcks Außenpolitik 1871-1881. Außenpolitische Grundlinien von der Reichsgründung bis zum Dreikaiserbündnis. Berlin, 1983. S. 282.

² Engelberg E. Bismarck. Das Reich in der Mitte Europas. S. 285.

³ Ibid. S. 290.

экономические мотивы Бисмарк рассматривал отдельно, причем первые имели ярко выраженный приоритет перед вторыми¹. Так, Х. Дайнингер говорит о «латентной экономической войне»², ухудшавшей российско-германские отношения после 1877 г., однако не считает ее главной причиной отчуждения. М. Штюрмер считает, что экономические противоречия находились «ниже порога раздражения большой политики», и только кризис в политических отношениях повысил их значимость³. К тому же, помимо соперничества, в российско-германских отношениях большую роль играло тесное взаимодействие, торговые и финансовые связи двух стран имели огромное значение.

К. Канис в своем исследовании внешней политики Германской империи в эпоху Бисмарка возлагает основную ответственность за ухудшение отношений на российскую сторону. Он считает опасения канцлера и его недоверие к Российской империи во многом искренними. В качестве ответного шага Бисмарк постарался «дисциплинировать Россию»⁴, оказав на нее давление и ослабив. «Россия, – пишет Канис, – должна была попасть в изоляцию, почувствовать германское превосходство, и единственным выходом для нее должно было стать подчинение германо-австрийскому блоку»⁵. Одним из шагов в данном направлении и был союз с Австрией, которую Бисмарк считал более слабым и потому покладистым партнером. Аналогичные аргументы приводит другой крупный специалист по эпохе Бисмарка М. Штюрмер⁶. Как пишет в своем обзоре прусской и германской внешней политики эпохи Бисмарка исследователь А. Розе, после откровенно недружественных шагов российской стороны Бисмарк решил «нанести гигантской империи несколько ударов, чтобы тем самым вновь привлечь ее к себе»⁷. Австро-германский союз был инструментом, который позволял Бисмарку говорить с Петербургом с позиции силы.

¹ Pflanze O. Bismarck. Der Reichskanzler. S. 221.

² Deininger H. Op. cit. S. 43.

³ Stürmer M. Das ruhelose Reich. München, 2004. S. 200.

⁴ Canis K. Bismarcks Außenpolitik 1870-1890. S. 142.

⁵ Ibid. S. 149.

⁶ Stürmer M. Op. cit. S. 200.

⁷ Rose A. Deutsche Außenpolitik in der Ära Bismarck (1862-1890). Darmstadt, 2013. S. 82.

Исследователи Венской системы Ф.Р. Бридж и Р. Баллен и вовсе считают договор 1879 г. не имевшим реальной антироссийской направленности. Они рассматривают его как промежуточный шаг к восстановлению Союза трех императоров: Бисмарк хотел снять опасения австрийцев по поводу собственной безопасности и тем самым настроить их на возобновление сотрудничества с Россией¹. На наш взгляд, с данной трактовкой сложно согласиться – сам Бисмарк, отстаивая свое решение, всегда говорил в первую очередь об угрозе для Германии со стороны России.

Ряд исследователей считают принятое Бисмарком решение во многом вынужденным. Так, по мнению К. Хильдебранда, ответственность за ухудшение российско-германских отношений лежит в первую очередь на российской стороне. Хотя Бисмарк на Берлинском конгрессе сделал все возможное для того, чтобы удовлетворить Петербург, не рискуя европейской войной, в России отказывались принять реальность и обрушились на «честного маклера» с незаслуженными обвинениями². Петербург тем самым проявил себя в глазах «железного канцлера» как ненадежный партнер. Союз с Веной стал для Бисмарка вынужденным решением, вызванным нежеланием России продолжать сотрудничать в рамках Союза трех императоров. Аналогичную точку зрения представляет в своих работах Ф. Ульрих³. Наиболее радикально по данному поводу высказывается И. Гайсс, который считает, что у Бисмарка после Берлинского конгресса вообще не было иного реального выбора, кроме союза с Австрией: «Недовольство России тем, что Германия блокировала ее экспансию на Балканах, свело вместе Германию и Австро-Венгрию и спровоцировало создание Двойственного союза 1879 года»⁴.

¹ Bridge F.R., Bullen R. The Great Powers and the European States System 1814-1914. Harlow, 2005. P. 213.

² Hildebrand K. Das vergangene Reich. Deutsche Außenpolitik von Bismarck bis Hitler 1871-1945. Stuttgart, 1995. S. 54.

³ Ullrich V. Die nervöse Großmacht 1871-1918. Aufstieg und Untergang des deutschen Kaiserreichs. Frankfurt-am-Main, 2007. S. 88.

⁴ Geiss I. German Foreign Policy 1871-1914. L., Boston, 1976. P. 35.

О. Пфланце относит начало австро-германского союза к периоду Восточного кризиса 1876-78 гг.; по его мнению, идея появилась у Бисмарка задолго до Берлинского конгресса, и он начал постепенно работать в данном направлении. Основным мотивом биограф «железного канцлера» считает стремление избежать худшего из возможных вариантов – ссоры с обоими партнерами – вынуждавшее Бисмарка идти на тесное сотрудничество с тем из них, кто представлялся более управляемым¹. Он был не против продления Союза трех императоров, однако, убедившись после Берлинского конгресса в отсутствии подобной опции, сделал выбор в пользу сближения с Веной, поскольку Россия представлялась ему слишком непредсказуемым партнером².

Несколько противоречивую позицию занимает по данному вопросу отечественный исследователь Н.В. Павлов. Рассуждая о мотивах «железного канцлера», он одновременно говорит и о том, что Бисмарк заключил союз против России «как наиболее опасного члена возможных антигерманских коалиций»³. В то же время, по мнению исследователя, «Бисмарк был убежден, что Россия не рискнет пойти на разрыв с Германией, в которой она видела стратегического партнера»⁴, и будет стремиться к новому сближению с Берлином.

Ряд исследователей в поисках мотивов Бисмарка обращается к внутриполитическим проблемам и их влиянию на внешнюю политику. В частности, на наличие такой связи указывает в своей фундаментальной работе Л. Галл⁵. Речь идет о создании консервативного большинства в рейхстаге с участием католической партии Центра, приветствовавшей сближение с Австрией. При этом, разумеется, германский исследователь не отрицает и чисто внешнеполитических соображений: по его мнению, Бисмарк опасался излишней зависимости от России и стремился сохранить свободу рук, опершись на блок

¹ Pflanze O. Bismarck. Der Reichskanzler. S. 218.

² Ibid. S. 233.

³ Павлов Н.В. Указ. соч. С. 184.

⁴ Там же. С. 186.

⁵ Gall L. Bismarck. S. 683.

двух центральноевропейских держав¹. Наиболее авторитетным представителем тезиса о «примате внутренней политики» в империи Бисмарка являлся Г.У. Велер². В своих поздних работах он отказался от концепции «примата» в пользу более сбалансированного представления о взаимной зависимости внутри- и внешнеполитических факторов, особенности сочетания которых необходимо рассматривать в каждом конкретном случае³. Однако, по его мнению, именно внутривнутриполитическая расстановка сил во многом определила как введение аграрных пошлин, так и выбор в пользу сотрудничества с Австрией⁴. Значение антироссийского курса для решения внутривнутриполитических задач, стоявших перед Бисмарком, подчеркивал и Х. Мюллер-Линк⁵.

Таким образом, большинство исследователей объясняют сделанный Бисмарком выбор процессами, происходившими в российско-германских отношениях второй половины 1870-х гг. Мы в данном случае можем полностью согласиться с этой оценкой. Экономические и внутривнутриполитические факторы, безусловно, играли значимую роль при принятии внешнеполитических решений, однако в данном случае являлись сугубо второстепенными. Сами по себе ни интересы влиятельных групп предпринимателей, ни соображения партийной борьбы не были способны побудить Бисмарка пойти на столь серьезный шаг на международной арене. Насколько далеко «железный канцлер» был готов зайти ради подобных мотивов, прекрасно демонстрирует «колониальный эпизод» в его политике середины 1880-х гг.⁶ Считая дипломатию в значительной степени самостоятельной и во многом более важной сферой (поскольку от нее зависела национальная безопасность), он не ставил на карту отношения с одной из великих держав только ради удовлетворения интересов аграриев или привлечения к себе одной из парламентских партий.

¹ Ibid. S. 686.

² Wehler H.U. Das Deutsche Kaiserreich 1871-1918. Göttingen, 1994. S. 185.

³ Wehler H.U. Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Bd. 3. Von der „Deutschen Doppelrevolution“ bis zum Beginn des Ersten Weltkrieges, 1849-1914. München, 2008. S. 965.

⁴ Ibid. S. 975.

⁵ Müller-Link H. Op. cit. S. 174.

⁶ Об этих событиях см. Власов Н.А. Германия Бисмарка. Империя в центре Европы. СПб., 2018. С. 180-183.

Во внешней политике, как уже говорилось выше, обеспечение безопасности Германской империи являлось главным приоритетом Бисмарка; для этого следовало в первую очередь избежать складывания против Берлина большого альянса великих держав. В ситуации выбора между Россией и Австрией в пользу каждой из сторон имелся свой набор аргументов. И Петербург, и Вена были открыты для сотрудничества с Германией, но в то же время в обеих столицах существовали влиятельные профранцузские группировки. С обеими державами у Германии имелись определенные противоречия, не являвшиеся ни фундаментальными, ни принципиально неразрешимыми. В данной ситуации решение не было однозначно запрограммированным. Не случайно по сегодняшний день продолжаются споры о возможных ему альтернативах.

Здесь необходимо вновь вспомнить о том, что хотя объективные факторы, разумеется, всегда играют значительную роль, человек принимает решение исходя из своих представлений, своего видения этих факторов. И уж тем более субъективный характер носят гипотезы и прогнозы, лежащие в основе принимаемых решений. Рассуждая о мотивах принятого Бисмарком решения, все исследователи рано или поздно приходят к необходимости рассматривать его восприятие, видение и понимание ситуации. Это решение ни в коем случае не было объективно вынужденным в том смысле, в котором, например, являлась вынужденной капитуляция Наполеона III при Седане; в противном случае оно не вызывало бы никаких споров в рядах германской элиты. Бисмарк имел возможность выбрать любой другой вариант решения без каких-либо немедленных негативных последствий для него самого или Германской империи.

Качество умозаключений и расчетов Бисмарка в данной ситуации ставится под сомнение многими исследователями. К примеру, А. Розе называет план «железного канцлера» принудить Россию к повиновению за счет жесткого давления «слишком сложным, если вообще не странным»¹. Однако странным этот расчет может показаться только в том случае, если мы не разделяем лежащие в его основе допущения, которые, в свою очередь, произрастают из субъективных

¹ Rose A. Op. cit. S. 82.

взглядов и представлений о реальности. Эти взгляды и представления могут быть истинными (полностью или частично) или ложными, однако именно через их призму «железный канцлер» смотрел на развитие двусторонних отношений и оценивал варианты дальнейших действий германской дипломатии. Он заключил союз с Австрией, поскольку воспринимал Россию как более сложного и ненадежного партнера, оценивал действия Петербурга как враждебные, рассматривал силу и жесткость как единственный возможный инструмент достижения своих целей в диалоге с восточным соседом.

Именно через призму таких представлений союз с Австрией выглядел как оптимальный вариант. С одной стороны, Вена виделась более выгодным партнером, чем Петербург; соглашение с ней позволяло опереться на более адекватного, надежного и предсказуемого игрока, снять угрозу существованию Австро-Венгрии как великой державы со стороны агрессивной России, не допустить перехода монархии Габсбургов во французский лагерь, что неизбежно усилило бы зависимость Германии от восточного партнера. С другой стороны, союз с австрийцами действительно воспринимался Бисмарком как средство давления на Россию: высокомерные и агрессивные русские должны воочию убедиться в том, что продолжение прежней политики ведет для них только к ухудшению ситуации.

Еще более наглядным примером влияния представлений Бисмарка на его внешнеполитические решения может служить т.н. «залоговый запрет» (Lombardverbot) в отношении российских ценных бумаг – шаг, который даже поклонники «железного канцлера» считают одним из главных его промахов.

5.2. «Залоговый запрет» 1887 года

Во второй половине 1880-х гг. российско-германские отношения неуклонно ухудшались. Начавшийся в 1885 г. Болгарский кризис обострил противоречия между Петербургом и Веной и окончательно похоронил Союз трех императоров. В 1886 г. в Европе заговорили о новой «военной тревоге»: как в прессе, так и в

политических кругах одной из главных тем стало возможное столкновение между Германией и Францией. Тучи нависли и над восточной границей Германской империи. Многие в Берлине считали войну с Россией неизбежной, в кругах военной элиты нашлось достаточно сторонников превентивного удара¹. Бисмарк в этой ситуации сдерживал военных и стремился сохранить «провод в Россию», подписав 18 июня 1887 г. так называемый «договор перестраховки», обязывавший стороны к взаимному доброжелательному нейтралитету. При этом Германия брала на себя обязательство поддерживать российскую политику в Болгарии и в зоне Проливов.

На этом фоне представляется несколько парадоксальным, что одновременно «железный канцлер» начал наступление на российские ценные бумаги. В конце июня 1887 г. Бисмарк открыл против них кампанию в прессе, а 10 ноября отдал Имперскому банку указание не принимать их в залог как недостаточно надежные. В историю этот шаг вошел как «залоговый запрет» (Lombardverbot). Он привел к падению курсов ценных бумаг и российской валюты – Берлин в тот момент являлся для России главным финансовым рынком, в руках немецких банкиров сосредотачивалось около 80% всех русских займов².

Однако негативный эффект оказался краткосрочным: российское правительство выкупило значительную часть своих подешевевших долговых обязательств, а остальные ценные бумаги переместились в Париж, который с этого момента занял место Берлина в качестве основного рынка для российских облигаций и займов. Резко укрепившиеся финансовые связи с Францией в значительной степени способствовали заключению в скором времени – уже после отставки Бисмарка – российско-французского союза³. Позднее министр иностранных дел Гирс напрямую заявлял германскому послу, что экономические

¹ См. Власов Н.А. Гельмут фон Мольтке. Полководец индустриальной эпохи. СПб., 2011. С. 333-334.

² Субботин Ю.Ф. Россия и Германия: партнеры и противники (торговые отношения в конце XIX в. – 1914 г.). М., 1996. С. 25.

³ Подробнее см. Wegner-Korfes S. Zur Geschichte des Bismarckschen Lombardverbots für russische Wertpapiere (1887 bis 1894) // Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte. 1982. Bd. 32. No. 3. S. 55-78.

меры Бисмарка «загнали» Россию «в объятия Франции»¹. Исследователи однозначно считают «залоговый запрет» грубой ошибкой «железного канцлера»; судя по всему, и сам он придерживался того же мнения, обойдя это решение полным молчанием в своих мемуарах.

Какими мотивами руководствовался Бисмарк, нанося серьезный удар по российским финансам? Сын канцлера, Герберт фон Бисмарк, образно характеризовал принятое решение как один из «ударов дубиной», при помощи которых следовало сделать русских более покладистыми². Среди исследователей внешней политики «железного канцлера» большинство придерживается аналогичной точки зрения по данному вопросу.

Несколько особняком стоит мнение Г.У. Велера, который указывает на внутривнутриполитическую функцию внешнеэкономических мер Бисмарка в отношении России. По его мнению, «залоговый запрет» был призван в значительной степени сдержать военных, выступавших за превентивную войну, сплотить правоцентристский «картель» в рейхстаге и облегчить принятие парламентом очередного военного закона³. Уступку канцлера адептам превентивной «горячей войны» в германском военно-политическом руководстве видят в развязанной Бисмарком экономической войне против России Т. Ниппердей и К. Хильдебранд, который, однако, считает это лишь одной из ее причин⁴. Не переоценивая возможностей Бисмарка, следует, однако, усомниться в том, что ему в данной ситуации – еще при жизни Вильгельма I – пришлось идти на столь далеко идущие уступки. Кроме того, ухудшение отношений двух стран могло в конечном счете лить воду на мельницу Мольтке и Вальдерзее⁵.

Г.У. Велер указывает также на экономическую составляющую мотивов Бисмарка: «залоговый запрет» отражал интересы крупных аграриев, недовольных оттоком капитала в Россию, который они считали одной из главных причин

¹ Цит. по: Wehler H.-U. Bismarcks Imperialismus und späte Rußlandpolitik... S. 254.

² Kastl J. Op. cit. S. 152.

³ См. Wehler H.-U. Bismarcks Imperialismus und späte Rußlandpolitik... S. 249-251.

⁴ Nipperdey T. Op. cit. S. 464; Hildebrand K. Bismarck und Rußland. S. 464.

⁵ Власов Н.А. Альфред фон Вальдерзее // Вопросы истории. 2018. № 8. С. 34.

дороговизны сельскохозяйственного кредита¹. Аналогичной позиции традиционно придерживаются и марксистские историки. Так, З. Кумпф-Корфес называла именно давление со стороны различных групп капитала одной из главных причин принятия Бисмарком жестких экономических мер против России².

Впрочем, эта же исследовательница справедливо указывает на то, что значительная часть германского бизнеса не была заинтересована в наступлении на российские ценные бумаги, операции с которыми приносили большую прибыль³. Ф. Штерн в своей классической работе также подчеркивает, что ухудшение российско-германских отношений происходило вопреки интересам «личного банкира» Бисмарка Г. Блейхредера, который придавал торговле российскими ценными бумагами большое значение⁴. Как и в большинстве подобных случаев, основные мотивы «железного канцлера» следовало искать непосредственно в сфере европейской дипломатии. Экономические соображения не только не играли здесь лидирующую роль, но и во многом подчинялись политической логике.

Именно такой точки зрения придерживается большинство исследователей. По словам К. Каниса, «все эти меры должны были дать России почувствовать свою зависимость от соперника»⁵. «Залоговый запрет должен был ясно продемонстрировать, чего следует ожидать России со стороны рейха в том случае, если она окончательно изменит свой внешнеполитический курс», – писал Л. Галл⁶. Согласно Ф. Ульриху, Бисмарк рассчитывал «закрутив экономические гайки, сделать потенциального противника более уступчивым»⁷. Такую же позицию занимает и А.С. Ерусалимский, который, однако, делает акцент на экономических интересах Германской империи. По его словам, Бисмарк «надеялся, что подобного рода давление сделает царское правительство более

¹ Wehler H.-U. Bismarcks Imperialismus und späte Rußlandpolitik... S. 251.

² Kumpf-Korfes S. Op. cit. S. 124-125.

³ Ibid. S. 124.

⁴ Stern F. Op. cit. S. 488.

⁵ Canis K. Bismarcks Außenpolitik 1870-1890. S. 315.

⁶ Gall L. Bismarck. S. 736.

⁷ Ullrich V. Op. cit. S. 106.

податливым в отношении экономических требований Германии»¹. О. Пфланце настаивает на примате политических соображений и говорит о том, что канцлер «хотел продемонстрировать русским, что они действительно нуждаются в немецкой дружбе»². Т. Ниппердей характеризует «залоговый запрет» как «маленький рычаг давления, чтобы продемонстрировать России значение хороших отношений с Германией, то есть своего рода экономический шантаж»³. Он объясняет его тем, что Бисмарк не учитывал до конца тесной связи экономики и политики и считал ущерб для отношений ограниченным.

Как бы то ни было, среди исследователей существует практически полный консенсус по трем пунктам. Во-первых, принятое Бисмарком решение не являлось вынужденным, он был вполне свободен в его принятии. Во-вторых, главной целью «железного канцлера» являлось при помощи давления на Россию сделать ее более уступчивой. В-третьих, в реальности был достигнут прямо противоположный результат, то есть «залоговый запрет» оказался грубой ошибкой и не имел каких-либо позитивных последствий для Германии.

Чем же объясняется ошибочный расчет Бисмарка? Основной составляющей ответа вновь будет тот образ России, который существовал в мировоззрении «железного канцлера». Как уже говорилось выше, он считал русских уважающими только силу и грубость, воспринимающими уступки и услуги как признак слабости, как нечто само собой разумеющееся. Фигуры русских возниц, обругавших кучера прусского посланника за то, что тот недостаточно далеко подвинулся в сторону, уступая им дорогу, незримо стоят за решениями Бисмарка 1880-х гг. Именно поэтому естественным способом сделать русских более склонными к компромиссу казалось давление и нанесение партнеру определенного ущерба.

Подводя итог, имеет смысл еще раз обратиться к российской политике «железного канцлера» в целом. Как уже говорилось выше, эволюция взглядов

¹ Ерусалимский А.С. Указ. соч. С. 271.

² Pflanze O. Bismarck. Der Reichskanzler. S. 516.

³ Nipperdey T. Op. cit. S. 464

Бисмарка в целом совпадает с эволюцией германской политики и, что немаловажно, в определенной степени опережает ее. Проще говоря, решения, которые «железный канцлер» принимал в конце 1870-х гг., выглядели вполне логично в свете тех представлений, которые сформировались у него еще в 1860-е гг. и нашли отражение в многочисленных документах.

В контексте этих представлений долговременный, надежный союз с Россией был попросту невозможен. Причина заключалась не в конфликте интересов, а в особенностях российского государства, общества и, в конечном счете, в национальном характере русских. Уже в начале 1860-х гг. Бисмарк был весьма невысокого мнения о деловых качествах российской правящей элиты, и в дальнейшем это представление только укреплялось, в особенности по мере вытеснения этнических немцев с руководящих постов. То, что с приходом «национальных кадров» российская политика станет еще менее искусной и более непредсказуемой, являлось для «железного канцлера» аксиомой, полностью соответствовавшей его представлениям о европейских народах и расах. Растущая внутренняя нестабильность, подъем националистических и шовинистических настроений были в глазах Бисмарка ключевыми чертами развития современной ему Российской империи. Считая, что русские еще не достигли уровня развития цивилизованных европейских народов, он весьма скептически относился к перспективам политических преобразований. Масштабный внутренний кризис в России Бисмарк считал с течением времени все более вероятным. Естественным, что полагаться на такого ненадежного, нестабильного, враждебно настроенного партнера было бы серьезной ошибкой.

Во многом именно поэтому кризис российско-германских отношений второй половины 1870-х гг. так и не был преодолен. С точки зрения Бисмарка, этот кризис, а также произошедшее вскоре убийство Александра II наглядно продемонстрировали, что его пессимистические прогнозы относительно будущего России верны. Исходя из оценки интересов Германии, «железный канцлер» продолжал поддерживать «провод в Петербург»; однако он сам, в конечном счете, не верил в долговременный успех своей политики, считая ее в лучшем случае

тактической комбинацией. Далеко не случайно сын и ближайший сподвижник главы правительства, Герберт фон Бисмарк, писал в частном письме о знаменитом «договоре перестраховки» 1887 г.: «В серьезной ситуации он будет удерживать русских на шесть-восемь недель дольше по сравнению с тем, что было бы без него»¹. Не приходится сомневаться, что и сам канцлер придерживался такой же точки зрения. Тесное сотрудничество между Россией и Францией он (как и многие представители германской военной и политической элиты) считал в 1880-е гг. практически неизбежным; речь могла идти только о том, чтобы притормозить этот процесс.

Именно эта оценка ситуации, возникшая во многом на основе уже сложившегося у Бисмарка образа России, заставляла его после кризиса второй половины 1870-х гг. проводить весьма сдержанную политику, ничем не жертвуя ради возможного улучшения отношений с Петербургом и не пытаясь построить действительно долговременное, стратегическое партнерство с восточной соседкой. Единственной реальной целью в глазах Бисмарка было поддержание «провода в Петербург», попытка избежать наихудшего возможного сценария развития ситуации, каким с его точки зрения являлся вооруженный конфликт. При этом сформировавшиеся еще в начале 1860-х гг. представления «железного канцлера» о том, что русские понимают только силу и жесткость, заставляли его совершать такие действия, как давление на российские ценные бумаги, – шаги, наносившие в конечном счете лишь ущерб двусторонним отношениям. Впоследствии они оценивались исследователями как ошибки Бисмарка; однако эти ошибки вполне объяснимы с точки зрения того образа России, который существовал в голове «железного канцлера».

Таким образом, мы можем обозначить 1875-90 гг. как период, когда взгляды Бисмарка на Россию оказывали наибольшее воздействие на его политику. Это вполне соответствует сформировавшемуся в науке о международных отношениях представлению о том, что влияние личных особенностей и взглядов политика играет наибольшую роль в периоды кризиса – в данном случае кризиса

¹ Цит. по: Canis K. Bismarcks Außenpolitik 1870-1890. S. 309.

российско-германских отношений, который так и не удалось полностью преодолеть вплоть до Первой мировой войны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итогом проведенного исследования стала реконструкция системы представлений Отто фон Бисмарка о России и русских. Данная система является целостной и внутренне непротиворечивой, отдельные категории (представления о различных сторонах российской действительности) логически связаны между собой, взгляды по конкретным вопросам обусловлены более общими представлениями.

Формирование представлений Отто фон Бисмарка о России и русских началось еще в студенческие годы. Влияние на данный аспект мировоззрения будущего политика оказывали как распространенные в германском обществе взгляды, так и общение с выходцами из России, в первую очередь А. фон Кейзерлингом. В 1840-е гг. Бисмарк читал в больших объемах историко-политическую и страноведческую литературу. Наконец, в 1850-е гг., начав дипломатическую карьеру, он непосредственно познакомился с работой российских дипломатов и деятельностью Российской империи на международной арене. Вся эта информация воспринималась через призму базовых политических, исторических и социальных взглядов Бисмарка – его «расовой теории», реалистичного консерватизма и симпатий к патриархальному аграрному обществу.

Есть все основания утверждать, что уже во второй половине 1850-х гг. у Бисмарка существовало как минимум общее, схематичное представление о России, ее истории, месте в Европе, особенностях поведения на международной арене, а также внутренних процессах, протекающих в империи Романовых. Разумеется, во многих аспектах этим представлениям не хватало детализации, по целому ряду конкретных сюжетов у Бисмарка еще не сложилось собственного мнения. Тем не менее, был заложен фундамент, на котором в дальнейшем формировались более детальные и конкретные представления о России и русских. Хотя образ России у Бисмарка с течением времени развивался и претерпевал определенную эволюцию, однако эти процессы оставались в рамках,

сформированных еще до назначения будущего канцлера прусским посланником в Петербурге в 1859 г.

«Петербургская миссия» Отто фон Бисмарка стала важным этапом развития образа России в его мировоззрении. Тем не менее, было бы неверно придавать ей ключевой, основополагающий характер, как это нередко делается в исследовательской литературе. Непосредственное пребывание в стране предоставило Бисмарку возможность обзавестись богатым личным опытом, получить большой объем уникальной информации о стране и ее населении. Однако эта информация не наносилась на «чистый лист», а встраивалась в уже существовавшую систему представлений. В соответствии с данными современной когнитивной психологии, уже сформировавшиеся убеждения оказывают большое влияние на отбор человеком информации, ее дальнейшее осмысление и запоминание. Взгляды, особенно связанные с идентичностью и эмоционально окрашенные, плохо поддаются изменениям и имеют тенденцию к укреплению с течением времени. Нет никаких оснований полагать, что Бисмарк в данном случае представлял собой исключение. Наоборот, имеющиеся данные позволяют говорить о том, что по истечении срока пребывания в Петербурге его образ России стал более подробным, детальным, однако его основополагающие элементы не претерпели серьезного изменения. Более того, убеждения Бисмарка значительно укрепились, поскольку теперь он рассматривал себя как знатока России, не понаслышке знакомого со страной и ее внутренним положением. Это делало его еще менее восприимчивым к информации, которая противоречила сложившимся у него взглядам.

В период пребывания у власти (1862-1890 гг.) основным источником сведений о России стали для Бисмарка служебные каналы, в первую очередь информация от официальных и неофициальных агентов в Российской империи. Представления Бисмарка о державе Романовых в этот период продолжают эволюционировать, однако данная эволюция отражает изменение положения в России, а не какие-либо перемены в основополагающих взглядах «железного канцлера» на восточную соседку Германии.

Методология «обоснованной теории» в своем «классическом» варианте предписывает идентификацию среди категорий данных центрального концепта, с которым связаны все остальные. В случае с системой представлений Бисмарка таким концептом, безусловно, является русский национальный характер. Представления об особом национальном характере русских напрямую вытекали из «расовой теории», касавшейся движущих сил европейской истории в целом и поэтому являвшейся мировоззренческим обобщением более высокого уровня. С точки зрения Бисмарка, русский национальный характер объяснял практически все стороны российского прошлого и настоящего: политическую и общественную систему, распространенные практики, поведение элиты, настроения общественности, действия России на международной арене. О какой бы из этих тем ни шла речь, Бисмарк неизменно упоминает русский национальный характер в качестве ключевого фактора. Идея национального характера красной нитью проходит через его представления о России и связывает их воедино.

Национальный характер русских Бисмарк выводил из их принадлежности к славянской расе. Славян он относил к числу так называемых «женских» рас (в отличие от «мужской» расы германцев). Бисмарку было чуждо представление о «плохих» и «хороших» расах в том виде, в котором его сформулирует социал-дарвинистский расизм конца XIX в., и выше всего он ценил народы, которые являлись плодами смешения рас (к их числу он относил пруссаков – смесь германского и славянского элементов). Однако в рамках гендерных стереотипов эпохи мужское начало стояло выше женского, и в представлениях Бисмарка это касалось в том числе и рас. К примеру, он считал только «мужские» расы способными к масштабным историческим свершениям, строительству великих империй и т.д.

Из этого неизбежно следовал вывод о том, что Россия обрела свое величие и даже государственность именно благодаря германским элементам в ее правящей элите – начиная от Рюрика и заканчивая многочисленными немецкими государственными деятелями, офицерами и учеными в XIX в. Этот германский элемент он считал становым хребтом российской государственности.

Говоря о свойствах российского национального характера, Бисмарк отмечал такие его положительные качества, как любезность и обходительность, элегантность, природный ум, неприхотливость и лояльность правителям, природный коллективизм и готовность отказаться от личных интересов ради высшей цели. Однако недостатки были в глазах «железного канцлера» не менее весомыми. На протяжении десятилетий он не уставал повторять мысль о том, что русские от природы ленивы и неспособны к упорному созидательному труду; для Бисмарка это являлось центральной характеристикой русского национального характера. К негативным чертам он относил также легкомыслие, которое не позволяет заниматься действительно серьезными делами, обидчивость, самовлюбленность, завистливость, лживость и лицемерие. Все эти качества русских Бисмарк на протяжении своей карьеры постоянно привлекал для объяснения конкретных действий российского правительства, событий и процессов в российском государстве.

Необходимо подчеркнуть, что национальный характер русских Бисмарк объяснял в первую очередь их принадлежностью к «славянской расе», а не особенностями исторического развития или географией территории. Представление о России как о стране у «железного канцлера» было довольно стереотипным и схематичным – огромные пространства, север, холод, редкость больших городов. Россия в его картине мира имела двойственную природу, являясь одновременно и частью Европы, и чем-то внешним по отношению к ней. Она не вполне соответствовала в его глазах европейским меркам цивилизации, но находилась на гораздо более высокой ступени развития, чем азиатские народы. Бисмарк считал Россию «полуварварской страной», как и многие его современники.

Отношение Бисмарка к простому народу, составлявшему подавляющее большинство населения Российской империи, определялось как его представления о русском национальном характере, так и социально-политическими взглядами более общего характера. Будучи сторонником традиционного патриархального общества, считая именно сельских жителей

здоровым элементом социума, он с симпатией относился к русским крестьянам. Им Бисмарк приписывал лояльность властям, миролюбие, неприхотливость; русский крестьянин в его мировоззрении примерно соответствовал популярному в Европе стереотипному образу «благородного дикаря». К традиционной крестьянской общине он не питал никаких симпатий, называя ее «коммунистической» и считая необходимым раздел общинной земли. При этом Бисмарк видел у русского крестьянина и негативные качества: склонность к воровству и обману, а также лень. Опять же, эти черты он объяснял в рамках своей «расовой теории», считая их типично славянскими качествами. Куда более жестким являлось мнение «железного канцлера» о городских низах, которые он обвинял во всех мыслимых пороках – лживости, воровстве, грубости, лени. Значительную роль в данном случае играли, опять же, более общие его представления о городе как источнике всех социальных недугов.

К политической и социальной элите, а также среднему классу Бисмарк относился без всяких симпатий; исключение составляли лишь «русские немцы». Образованные слои, по его мнению, были наделены все теми же отрицательными чертами славянского национального характера. Они требуют перемен, наивно полагая, что улучшение произойдут сами собой. Они находятся в плену фантастических, наивных представлений и ведут антигосударственную деятельность, не понимая, к каким разрушительным результатам она приведет. Они, наконец, испытывают к немцам ненависть, основанную на комплексе неполноценности и зависти к сильным чертам германского национального характера.

Отношение Бисмарка к российской государственности отчасти определялось его политическими взглядами. Во второй половине XIX в. прусская консервативная элита была едва ли не единственной частью германского общества, симпатизировавшей Российской империи. Неограниченная власть монарха, сильные позиции Церкви в государстве и обществе, жесткая борьба с революционной угрозой, патриархальное общественное устройство – все это было близко идеологам остэльбского юнкерства. Отчасти это было справедливо и для

Бисмарка. Ему также импонировали многие характерные черты «старой России». Несмотря на это, он в то же время совершенно не считал империю Романовых ни идеалом, ни образцом для подражания.

Будучи сторонником сильной монархической власти в принципе, Бисмарк был отнюдь не в восторге от российского абсолютизма. По его мнению, ахиллесовой пятой российского государства была армия чиновников на всех уровнях – ленивых, некомпетентных, коррумпированных. Только этнические немцы или те, в чьих жилах текла немецкая кровь, отличались в лучшую сторону, но исправить ситуацию в целом они не могли. Коррупция, произвол, беззаконие – эти черты, по мнению Бисмарка, отличали российский абсолютизм от западноевропейского (в частности германского). Помимо национальных стереотипов, большую роль здесь играло пренебрежительное отношение «железного канцлера» к бюрократии как таковой.

В то же время он считал, что Россия пока не созрела для какого бы то ни было конституционного или парламентского устройства, подобный эксперимент приведет лишь к негативным последствиям. Необходимые для развития страны реформы могут быть проведены только сверху, твердой рукой. Однако в их успехе «железный канцлер» откровенно сомневался; законы могут быть сколь угодно хорошими, но кадры решают все, а с ними в России большая проблема в силу, опять же, особенностей национального характера.

Перечисленные выше характеристики представлений Бисмарка о России носили более или менее статичный характер, однако мы можем наблюдать также постепенную эволюцию взглядов «железного канцлера» на российское государство и общество. По его мнению, с течением временем все больший вес приобретали российская пресса и образованный средний класс. Для них, с точки зрения Бисмарка, были характерны одни и те же черты: крайний национализм («московитство», «панславизм»), склонность к революционным настроениям («нигилизм»), глубинный комплекс неполноценности. Рост нигилистских настроений в России Бисмарк связывал с «перепроизводством» образованной молодежи, которая не в состоянии найти себе достойное место в жизни и потому

обращается к революционным доктринам. Интеллектуальные способности российской общественности «железный канцлер» оценивал невысоко: он считал ее игрушкой в руках ловких интриганов, в том числе поляков и евреев, стремившихся расшатать устои российского государства.

И действительно, рост влияния общественного мнения являлся, по мнению Бисмарка, все более значимым дестабилизирующим фактором в Российской империи. Этот эффект значительно усиливался благодаря тому, что соответствующие настроения постепенно становились господствующими в кругах российской элиты. Еще на рубеже 1850-60-х гг. будущий канцлер наблюдал столкновение двух партий в высших слоях российского общества: консервативной (лояльной императору) и конституционной. С течением времени он считал вторую все более могущественной и радикальной. С точки зрения Бисмарка, в основе данного процесса лежали два фактора: смена поколений и вытеснение из рядов правящей элиты этнических немцев, которых «железный канцлер» рассматривал не только как наиболее компетентную, но и как наиболее верную императору часть правящих кругов. В итоге ко второй половине 1870-х гг. самодержец, по мнению Бисмарка, оказался практически в изоляции перед лицом «партии перемен», опирающейся на соответствующие настроения в российском обществе.

В представлениях Бисмарка эти процессы внутри политической и социальной элиты самым непосредственным образом влияли на круг властных полномочий императора. Если в 1850-60-е гг. прусский государственный деятель считал его полновластным самодержцем, которого приближенные лишь пытаются обмануть, то с течением времени на первый план вышел образ слабого властителя, зависимого от общественного мнения и неспособного предпринять шаги, которые идут вразрез с желанием могущественной «московитской» группировки. С точки зрения «железного канцлера», националистическая элита могла теперь не только оказывать прямое давление на монарха, но и самостоятельно действовать помимо и вопреки его воле. Лишь в середине 1880-х

гг., после преодоления острой фазы кризиса самодержавия в России, взгляды Бисмарка по данному вопросу стали более взвешенными.

Тем не менее, «железный канцлера» в 1880-е гг. был твердо убежден, что Россия движется навстречу масштабной внутривластической катастрофе, которая, возможно, состоится уже в самом ближайшем будущем. И здесь играла свою роль не только информация о происходящем в стране, но и те убеждения, которые влияли на восприятие данных сведений – в первую очередь уже упомянутые выше представления о российском национальном характере. Меры, направленные на вытеснение этнических немцев с ключевых государственных постов, из административной, военной, экономической элиты империи, должны были с точки зрения Бисмарка неизбежно привести к дестабилизации ситуации. Кризисные явления он рассматривал как подтверждение своего тезиса о неспособности славян к продуктивной государственной деятельности. Этим фактором объяснялся и неутолимый кадровый голод, и рост недовольства в обществе, и снижение управляемости в государственной системе. В данном случае можно наглядно наблюдать, как поступающая информация встраивалась в уже существующие схемы, соответствующим образом интерпретировалась или отвергалась. Итогом становились некорректные прогнозы.

Представление Бисмарка о международном положении России, ее внешней политике и российско-германских отношениях во многом определялось его взглядами на сущность российского государства и происходящие внутри него процессы. Важную роль и здесь играет сложившееся у «железного канцлера» мнение о российском национальном характере. Последний, с его точки зрения, оказывал сильное влияние на действия России на международной арене. Внешняя политика Российской империи являлась, с точки зрения Бисмарка, отражением внутренней. Не столько самостоятельная динамика в рамках системы международных отношений, сколько внутривластические процессы являлись для него ключом к пониманию и прогнозированию российской дипломатии.

Бисмарк считал Россию важным, значимым и неустранимым фактором в европейской политике, своего рода стихией, с которой необходимо считаться. С

течением времени этот фактор становился в его глазах все более опасным, дестабилизирующим, агрессивным. Данное развитие «железный канцлер» объяснял ростом влияния внутри России сил, заинтересованных в более активной экспансионистской внешней политике. Среди этих сил он видел как националистов, искренне ненавидевших немцев и стремившихся распространить влияние Российской империи на территории со славянским населением, так и тех, кто считал европейскую войну (разумеется, проигранную) средством добиться масштабных перемен в самой России. Все это дополнялось низким качеством дипломатических кадров, на которые распространялись те же закономерности, что и на бюрократический аппарат империи в целом – вытеснение этнических немцев привело к быстрому росту некомпетентности и непрофессионализма.

Беспокойная, легкомысленная, самоуверенная внешняя политика полностью соответствовала, с точки зрения Бисмарка, национальному характеру русских и объяснялась в первую очередь этим фактором. По той же причине «железный канцлер» считал необходимым вести диалог с Россией в 1870-80-е гг. с позиции силы. В ходе пребывания в Петербурге он убедился в том, что русские уважают только силу, грубость и жесткость, а вежливость и готовность к компромиссу рассматривают как признак слабости; позднее он перенес этот вывод на сферу международных отношений.

В 1870-80-е гг. «железный канцлер» искренне считал Россию непредсказуемым и опасным соседом, на которого ни в коем случае нельзя полагаться. Тем не менее, стабильным оставалось стремление Бисмарка к сохранению хороших отношений между Берлином и Петербургом. В этом вопросе стереотипный образ «Бисмарка – адвоката российско-германской дружбы» отчасти соответствует действительности. Однако лишь отчасти; стремление «железного канцлера» к поддержанию добрососедских отношений не содержало в себе ни грамма симпатии и было, к тому же, отнюдь не безусловным. Бисмарк выступал за дружбу, поскольку не видел серьезных причин для вражды; он считал, что Пруссии и Германии ничего не нужно от России, если последняя будет вести себя спокойно на международной арене. В то же время при наличии

весомых причин он отнюдь не исключал войны против Российской империи – об этом Бисмарк заявлял и в начале, и в конце своей политической карьеры. Вопреки распространенному стереотипу, нашедшему свое отражение в апокрифических цитатах «железного канцлера», последний не считал войну с Россией (ни оборонительную, ни наступательную) безнадежным предприятием. Он полагал, что ее невозможно уничтожить, но вполне можно нанести поражение. Против войны Бисмарк выступал не ввиду ее бесперспективности, а ввиду бессмысленности, то есть отсутствия достойной цели, которая оправдала бы потери.

Может показаться, что в данном случае мы имеем дело с определенной противоречивостью представлений Бисмарка. С одной стороны, он считал Россию источником серьезной угрозы, державой, способной начать конфликт невзирая ни на какие рациональные соображения. С другой стороны, он выступал за сохранение мира с ней и поддержание хороших отношений, пока это возможно. Именно за это противоречие его критиковала военная элита, выступавшая за начало превентивной войны против России в удобный момент, коль скоро столкновение рано или поздно все равно является неизбежным.

Это противоречие, однако, было кажущимся. Чтобы понять логику Бисмарка, необходимо вновь вернуться к его представлениям о происходивших в России процессах. Масштабный кризис, маячивший на горизонте, был с точки зрения «железного канцлера» вполне способен сделать Россию безопасной на неопределенный срок, поскольку поглотил бы все ее силы и энергию. Бисмарк считал, что и удаление немцев с ключевых постов, и кризисные явления в Российской империи в конечном счете выгодны Германии, которой придется иметь дело со значительно ослабленной соседкой.

Таким образом, в результате проведенного исследования удалось установить, что центральной осью представлений Бисмарка о России являлась его трактовка русского национального характера, которая оказывала влияние на восприятие им всех сторон российской действительности – от общественного мнения до внешней политики, от придворных интриг до обычаев простого народа.

Эти представления в общем и целом соответствовали распространенному в Германии и Западной Европе того времени стереотипному образу русских. Соответственно, мы можем сделать вывод о том, что именно эти стереотипы, отраженные в немецком дискурсе той эпохи, оказали решающее влияние на представления Бисмарка о России. Ни личный опыт пребывания в Петербурге, ни обилие поступавшей по служебным каналам информации не привели к изменению основных характеристик этих представлений.

Вторым важным фактором, влиявшим на восприятие Бисмарком информации о России и формирование на ее основе образов страны и народа, являлся общий контекст его убеждений. Мы можем четко проследить влияние политических, социальных, исторических взглядов «железного канцлера» на представления о России. Это также позволяет опровергнуть распространенное заблуждение, согласно которому именно опыт пребывания в Петербурге сформировал взгляды Бисмарка на Россию.

Бисмарк не был «другом России», каким его часто изображали и продолжают изображать в российском информационном пространстве. Он не испытывал никаких глубоких симпатий ни к стране, ни к ее жителям. Следует сразу оговориться, что и ненавистником России «железный канцлер» не являлся. Его представления были куда более сложными и многогранными. Однако в их основе лежали все же негативные стереотипы, тесно связанные с чувством национального превосходства. С течением времени представления Бисмарка о России становились все более негативными, его оценка будущего страны – все более пессимистичной.

Эти стереотипы и в целом представления Бисмарка о России стали важным фактором его «восточной политики». Уделяя большое внимание поддержанию хороших отношений с восточной соседкой, «железный канцлер» не считал ее предсказуемым и надежным партнером. Это оказывало большое влияние на оценку Бисмарком перспектив сотрудничества с Россией и продиктованный этой оценкой выбор политических решений. Еще более значимое влияние убеждений прослеживается в тех методах, которыми канцлер пытался принудить Петербург к

сотрудничеству – методах жесткого давления, которое Бисмарк считал единственно эффективным в общении с русскими. Наиболее значимым и роковым по своим последствиям шагом стал удар по позициям российских ценных бумаг на германском финансовом рынке в 1887 г. Как и другие подобные шаги, эта мера оказалась ошибочной и привела в конечном счете к последствиям, которые были прямо противоположны желаемым.

При этом необходимо подчеркнуть, что представления Бисмарка о России в основных своих чертах совпадали с тем образом империи Романовых, который существовал в германском обществе его времени. Мы можем говорить именно о едином образе – его основные составляющие были одинаковыми и у консервативных генералов, и у вождей рабочего движения, и в либеральной прессе. Нюансы различались, однако ключевые элементы оставались неизменными. Взгляды Бисмарка на Российскую империю практически ничем не отличались от взглядов его образованных соотечественников. «Железный канцлер» не обладал каким-либо особым знанием и пониманием России, которое ему часто приписывают в отечественной публицистике.

В результате исследования была также продемонстрирована эффективность предложенной в работе методики изучения системы убеждений на основе массива текстов. Данная методика позволяет обнаруживать в текстах паттерны, плохо различимые при использовании простых аналитических процедур, и делать выводы об устойчивых взглядах и представлениях. Она также позволяет обнаруживать взаимосвязи между частными убеждениями, связывать их в единую систему, определять взаимообусловленность и иерархию концептов и категорий. Внутренняя цельность и логичность реконструированного образа России в мировоззрении Бисмарка позволяет говорить о том, что полученный результат соответствует цели и задачам проведенного исследования. Данная методика может, на наш взгляд, успешно применяться и для реконструкции взглядов других исторических фигур.

Разумеется, в числе этих фигур остается и сам Бисмарк. Одним из возможных дальнейших направлений исследования мог бы стать амбициозный

проект по реконструкции его мировоззрения в целом. Возможен также промежуточный этап в форме изучения представлений Бисмарка о других европейских странах и народах – англичанах, французах, поляках и, наконец, самих немцев. Помимо всего прочего, такое комплексное исследование помогло бы ответить на вопрос о том, как и под влиянием каких факторов формировались и эволюционировали представления «железного канцлера» о той «шахматной доске», на которой ему предстояло вести свою политическую игру.

Вторым, не менее интересным направлением стало бы изучение образа России в германском дискурсе второй половины XIX в. Выше говорилось о том, что взгляды Бисмарка во многом совпадали с существовавшими в немецком обществе национальными стереотипами. Однако образ России в германском общественном сознании второй половины XIX века не до конца изучен по сегодняшний день. Несмотря на обилие работ, посвященных тому, что писали о России отдельные авторы или отдельные издания того времени, целостная картина все еще не сформирована. Возможно, достичь соответствующего результата удалось бы при помощи использования метода дискурс-анализа с привлечением широкого круга разнообразных источников.

Наконец, третье направление предусматривает своего рода возвращение в ту исходную точку, с которой началось данное исследование. Речь идет о распространенных в современной России апокрифах Бисмарка и – если говорить шире – о фигуре «железного канцлера» в современной исторической памяти. Почему именно Бисмарку приписывают огромное количество высказываний, актуальных с точки зрения сегодняшнего дня? Почему в глазах российской общественности он стал одним из самых авторитетных зарубежных политиков прошлого? Ответы на эти вопросы были бы весьма интересны с точки зрения понимания современного российского общества, его взглядов и потребностей.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

GP - Die Große Politik der Europäischen Kabinette 1871-1914. Bd. 1-6. Berlin, 1922.

GW - Bismarck O.v. Die gesammelten Werke. Bd. 1-15. Berlin, 1924-35.

NFA - Bismarck O.v. Gesammelte Werke. Abteilung III: 1871-1898. Schriften. Bd. 1-8. Paderborn, 2004-18.

PR - Kohl H. Die politischen Reden des Fürsten Bismarck. Bd. 1-14. Stuttgart, 1892-1894.

WIA - Bismarck O.v. Werke in Auswahl. Darmstadt, 2001. Bd. 1-8.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

Произведения Отто фон Бисмарка

1. В.С.Р. Два часа у князя Бисмарка // Новое время. – 15.07.1890. – №5163.
2. В.С.Р. Два часа у князя Бисмарка // Новое время. – 18.07.1890. - №5166.
3. Львов Е. Из Берлина. В замке у князя Бисмарка. Часть II// Новое время. – 03.05.1890. – № 5091.
4. Львов Е. Из Берлина. В замке у князя Бисмарка. Часть III// Новое время. – 05.05.1890. – № 5093.
5. Львов Е. Из Берлина. В замке у князя Бисмарка. Часть IV// Новое время. – 06.05.1890. – № 5094.
6. Bismarck O.v. Die gesammelten Werke. Bd. 1-15. – Berlin: Verlag für Politik und Wirtschaft, 1924-1935.
7. Bismarck O.v. Fürst Bismarcks Briefe an seine Braut und Gattin. – Stuttgart-Berlin: J.G. Cotta'schen Buchhandlung Nachfolger, 1914. – 596 S.
8. Bismarck O.v. Gesammelte Werke. Neue Friedrichlsruher Ausgabe. Abteilung III. Schriften. Bd. 1-8. – Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2004-2018.
9. Bismarck O.v. Werke in Auswahl. Bd. 1-8. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2001.
10. Die Große Politik der Europäischen Kabinette 1871-1914. Bd. 1-6. – Berlin: Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte, 1922.
11. Klemm M. Was sagt Bismarck dazu? Bd. 1-2. – Berlin: August Scherl GmbH, 1924.
12. Kohl H. Die politischen Reden des Fürsten Bismarck. Bd. 1-14. – Stuttgart: Verlag der J.G. Cotta'schen Buchhandlung, 1892-1894.

13. Poschinger H.v. Fürst Bismarck. Neue Tischgespräche und Interviews. Bd. 1-2. – Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1895-1896.

Мемуары, дневники, письма, публицистика, парламентские дебаты

14. Алексеев В. Воспоминания бывшего учителя русского языка князя Бисмарка // Исторический вестник. – 1894. – Том LVIII. – С. 448-458.

15. Гакстгаузен А. фон. Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России. Т. 1. – М.: Типография А.В. Мамонтов и Ко, 1870. – 490 с.

16. К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. Том 1. Novum Regnum. Полутом 2. – М.-Пг.: Государственное издательство, 1923. – 707 с.

17. Кюстин А. Россия в 1839 году. – СПб.: Крига, 2008. – 701 с.

18. Bernhardi T.v. Aus dem Leben Theodor von Bernhardis. Bd. 5-9. – Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1897-1906.

19. Beust F.F.v. Aus drei Viertel-Jahrhunderten. Erinnerungen und Aufzeichnungen von Friedrich Ferdinand Graf von Beust. Bd. 1-2. – Stuttgart: Verlag der J.G. Cotta'schen Buchhandlung, 1887.

20. Blumenthal L.v. Tagebücher des Generalfeldmarschalls Graf von Blumenthal aus den Jahren 1866 und 1870/71. – Stuttgart-Berlin: J.G. Cotta'schen Buchhandlung Nachfolger, 1902. – 286 S.

21. Bluntschli J.C. Denkwürdiges aus meinem Leben. Bd. 3. Heidelberg (1861-1881). – Nördlingen: Verlag der C.H. Beck'schen Buchhandlung, 1884. – 524 S.

22. Braun K. Unterhaltungen mit dem Fürsten Bismarck // Deutsche Revue. – 1885. – Bd. 1. – S. 1-9.

23. Braune R. Aus Bismarcks Hause. Erinnerungen des Hauslehrers aus den Jahren 1860 bis 1866. – Bielefeld-Leipzig: Velhagen&Klasing, 1919. – 116 S.

24. Busch M. Tagebuchblätter. Bd. 1-3. – Leipzig: Wilhelm Grunow, 1899.

25. DeWolfe Howe M.A. The life and letters of George Bancroft. Vol. 2. – New York: Charles Scribner's Sons, 1908. – 364 p.

26. [Eckardt J.] Aus der Petersburger Gesellschaft. – Leipzig: Verlag von Duncker&Humblot, 1873. – 254 S.
27. [Eckardt J.] Berlin – Wien – Rom. Betrachtungen über den neuen Kurs und die neue europäische Lage. – Leipzig: Verlag von Duncker&Humblot, 1892. – 273 S.
28. Eckardt J.v. Lebenserinnerungen. Bd. 1. – Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1910. – 302 S.
29. [Eckardt J.] Neue Bilder aus der Petersburger Gesellschaft. – Leipzig: Verlag von Duncker&Humblot, 1874. – 318 S.
30. [Eckardt J.] Russische Wandlungen. Neue Beiträge zur Russischen Geschichte von Nicolaus I. zu Alexander III. – Leipzig: Verlag von Duncker&Humblot, 1882. – 413 S.
31. [Eckardt J.] Russland vor und nach dem Kriege. – Leipzig: F.A. Brockhaus, 1879. – 467 S.
32. [Eckardt J.] Von Nicolaus I. zu Alexander III. St. Petersburger Beiträge zur neuesten Russischen Geschichte. – Leipzig: Verlag von Duncker&Humblot, 1881. – 426 S.
33. Eckbrecht von Dürckheim F. Erinnerungen alter und neuer Zeit. Bd. 2. – Stuttgart: Metzler, 1888. – 294 S.
34. Erinnerungen an Bismarck. Aufzeichnungen von Mitarbeitern und Freunden des Fürsten, mit einem Anhang von Dokumenten und Briefen. – Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1924. – 421 S.
35. Friesen R.v. Erinnerungen aus meinem Leben. Bd. 3. – Dresden: Wilhelm Baensch Verlagshandlung, 1910. – 438 S.
36. Graf Alexander Keyserling. Ein Lebensbild aus seinen Briefen und Tagebüchern. Bd. 1-2. – Berlin: Verlag von Georg Reimer, 1902.
37. Hohenlohe-Schillingsfürst C.z. Denkwürdigkeiten des Fürsten Chlodwig zu Hohenlohe-Schillingsfürst. Bd. 1-2. – Stuttgart-Leipzig: Deutsche Verlags-Anstalt, 1907.
38. Keudell R.v. Fürst und Fürstin Bismarck. Erinnerungen aus den Jahren 1846 bis 1872. – Berlin-Stuttgart: Verlag von W. Spemann, 1901. – 497 S.

39. Keyserling A.v. Aus den Tagebuchblättern des Grafen Alexander Keyserling. Philosophisch-religiöse Gedanken mit einzelnen Zusätzen aus Briefen. – Stuttgart: Verlag der J.G. Cotta'schen Buchhandlung Nachfolger, 1894. – 290 S.
40. Loftus A. The diplomatic reminiscences of Lord Augustus Loftus. Second series. 1862-1879. Vol. 1. – London-Paris-Melbourne: Cassell and Company Ltd., 1894. – 410 p.
41. Lucius von Ballhausen R. Bismarck-Erinnerungen. – Stuttgart-Berlin: Verlag der J.G. Cotta'schen Buchhandlung Nachfolger, 1920. – 590 S.
42. Mohs H. General-Feldmarschall Graf Waldersee in seinem militärischen Wirken. Bd. 2. 1882-1904. – Berlin: Verlag R. Eisenschmidt, 1929. – 452 S.
43. Moltke H.K.B.v. Briefe aus Russland. – Berlin: Verlag von Gebrüder Paetel, 1877. – 190 S.
44. Moltke H.K.B. v. Gespräche. – Hamburg: Hanseatische Verlagsanstalt, 1940. – 242 S.
45. Schlözer K.v. Petersburger Briefe 1857-1862. – Stuttgart-Berlin: Deutsche Verlags-Anstalt, 1921. – 303 S.
46. Scholz A. Erlebnisse und Gespräche mit Bismarck. Stuttgart-Berlin: J.G. Cotta'sche Buchhandlung Nachfolger, 1922. – 150 S.
47. Schweinitz H.L.v. Denkwürdigkeiten des Botschafters General v. Schweinitz. Bd. 1-2. – Berlin: Verlag von Reimar Hobbing, 1927.
48. Spitzemberg H.v. Das Tagebuch der Baronin Spitzemberg. Aufzeichnungen aus der Hofgesellschaft des Hohenzollernreiches. – Göttingen: Vandenhoeck&Ruprecht, 1989. – 612 S.
49. Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Reichstages. V.-VII. Legislaturperioden. – Berlin: Verlag der Buchdruckerei der „Norddeutschen Allgemeinen Zeitung“, 1882-1890.
50. Tiedemann C.v. Aus sieben Jahrzehnten. Bd. 2. Sechs Jahre Chef der Reichskanzlei unter dem Fürsten Bismarck. – Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1909. – 487 S.

51. Unruh H.V.v. Erinnerungen aus dem Leben von Hans Victor von Unruh. – Stuttgart-Leipzig-Berlin-Wien: Deutsche Verlags-Anstalt, 1895. – 379 S.
52. Waldersee A.v. Aus dem Briefwechsel des Generalfeldmarschalls Alfred Grafen von Waldersee. Bd. 1. Die Berliner Jahre 1886-1891. – Stuttgart-Berlin-Leipzig: Deutsche Verlags-Anstalt, 1928. – 446 S.
53. Waldersee A.v. Denkwürdigkeiten des General-Feldmarschalls Alfred Grafen von Waldersee. Bd. 1-2. – Stuttgart-Berlin: Deutsche Verlags-Anstalt, 1922.
54. Whitman S. Personal reminiscences of Prince Bismarck. – London: John Murray, 1902. – 346 p.
55. Wilmowski G.v. Meine Erinnerungen an Bismarck. – Breslau: Verlag von Eduard Trewendt, 1900. – 203 S.
56. Zwischen Kaiser und Kanzler. Aufzeichnungen des Generaladjutanten Grafen Carl von Wedel aus den Jahren 1890-1894. – Leipzig: Koehler&Amelang, 1943. – 226 S.

Периодические издания

57. Kölnische Zeitung, 1880-1889
58. Königlich privilegierte Berliner Zeitung von Staats- und gelehrten Sachen (Vossische Zeitung), 1880-1889
59. National-Zeitung, 1880-1889

Литература

Теоретические и методологические труды

1. Боришполец К.П. Методы политических исследований. – М.: Аспект Пресс, 2010. – 230 с.
2. Власов Н.А. Методология «обоснованной теории» как инструмент исследования интеллектуальной истории // Диалог со временем. – 2024. – Вып. 86. – С. 5-17.

3. Власова М.Г. Кейс-стади в исследованиях международных отношений: методология и исследовательская практика // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 11. – С. 255-258.
4. Емельянова Т.П. Социальные представления. История, теория и эмпирические исследования. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. – 476 с.
5. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. – М.: Наука, 2003. – 486 с.
6. Ланко Д.А. Влияние регионального подхода на внешнюю политику (на примере России и США в 2000-2008 годах). – СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2014. – 376 с.
7. Светлов В.А. Методологическая концепция научного знания Ч. Пирса: единство абдукции, дедукции и индукции // Логико-философские штудии. – 2008. – №5. – С. 165-187.
8. Харчук Е.Н. Методология когнитивного картирования в исследованиях международных отношений: возможности и ограничения // Актуальные проблемы международных отношений и международного права. Материалы международной научно-практической конференции. – М.: Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации, 2018. – С. 573-580.
9. Цительманн Р. Гитлер: мировоззрение революционера. – М., Челябинск: Социум, 2024. – 633 с.
10. Шалак В.И. Контент-анализ. Приложения в области: политологии, психологии, социологии, культурологии, экономики, рекламы. – М.: Омега-Л, 2004. – 270 с.
11. Ятманова М.Г. Системный анализ в исследованиях международных отношений. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2010. – 155 с.
12. Ankel D. Angela Merkels Überzeugungen in der Eurokrise. Eine Operational Code Analyse. – Wiesbaden: Springer Fachmedien, 2020. – 168 S.

13. Axelrod R. Structure of decision. Cognitive maps of political elites. – Princeton: Princeton University Press, 1976. – 422 p.
14. Barber J.D. The Presidential Character. Predicting Performance in the White House. – New York: Pearson Ltd., 2017. – 544 p.
15. Bonham G.M., Shapiro M.J., Trumble T.L. The October War: Changes in Cognitive Orientation Toward the Middle East Conflict // International studies quarterly. – 1979. – Vol. 23. – No. 1. – P. 3-44.
16. Bowers B., Schatzman L. Dimensional Analysis // Developing Grounded Theory. The Second Generation Revisited. Ed. by Janice M. Morse et al. – London: SAGE, 2022. – P. 111-129.
17. Breuning M. Foreign Policy Analysis: A Comparative Introduction. – New York: Palgrave Macmillan, 2007. – 207 p.
18. Brewer P.R., Steenbergen M.R. All Against All: How Beliefs about Human Nature Shape Foreign Policy Opinions // Political Psychology. – 2002. – Vol. 23. – No. 1. – P. 39-58.
19. Bryant A. Senior editor's introduction / The SAGE Handbook of current developments in Grounded Theory. Ed. by A. Bryant. – London: SAGE, 2019. – P. xxv-xxvii.
20. Bryant A. The Varieties of Grounded Theory. – London: SAGE, 2019. – 152 p.
21. Byman D.L., Pollack K.M. Let Us Now Praise Great Men: Bringing the Statesman Back In // International Security. – 2001. – Vol. 25. – No. 4. – P. 107-146.
22. Charmaz K. Constructing Grounded Theory. A Practical Guide Through Qualitative Analysis. – London: SAGE, 2006. – 416 p.
23. Charmaz K. The Genesis, Grounds and Growth of Constructivist Grounded Theory // Developing Grounded Theory. The Second Generation Revisited. Ed. by Janice M. Morse et al. – London: SAGE, 2022. – P. 153-187.
24. Clarke A. From Grounded Theory to Sitauational Analysis: What's New? Why? How? // Developing Grounded Theory. The Second Generation Revisited. Ed. by Janice M. Morse et al. – London: SAGE, 2022. – P. 223-266.

25. Clarke A. Situating Grounded Theory and Situational Analysis in interpretive qualitative inquiry // *The SAGE Handbook of current developments in Grounded Theory*. Ed. by A. Bryant. – London: SAGE, 2019. – P. 3-47.
26. Clarke A. Situational Analysis. Grounded Theory After the Postmodern Turn. – Thousand Oaks: SAGE, 2005. – 365 p.
27. Corbin J. Strauss's Grounded Theory // *Developing Grounded Theory. The Second Generation Revisited*. Ed. by Janice M. Morse et al. – London: SAGE, 2022. – P. 25-44.
28. Corbin J., Strauss A. Basics of qualitative research. Techniques and procedures for developing Grounded Theory. – London: SAGE, 2008. – 400 p.
29. Damasio A.R. Descartes' Error. Emotion, Reason and the Human Brain. – New York: Avon Books, 1994. – 312 p.
30. De Waal C. Introducing Pragmatism. A Tool for Rethinking Philosophy. – New York: Routledge, 2022. – 322 p.
31. Drisko J.W., Maschi T. Content Analysis. – Oxford: Oxford University Press, 2016. – 208 p.
32. Dyson S.B. Personality and Foreign Policy: Tony Blair's Iraq Decisions // *Foreign Policy Analysis*. – 2006. – Vol. 2. – No. 3. – P. 289-306.
33. Dyson S.B., Raleigh A. Public and private beliefs of political leaders: Saddam Hussein in front of a crowd and behind closed doors // *Research and Politics*. – 2014. – April-June. – P. 1-7.
34. Epley N., Gilovich T. The Mechanics of Motivated Reasoning // *The Journal of Economic Perspectives*. – 2016. – Vol. 30. – No. 3. – P. 133-140.
35. Equit C., Hohage C. Ausgewählte Entwicklungen und Konfliktlinien der Grounded Theory Methodologie // *Handbuch Grounded Theory. Von der Methodologie zur Forschungspraxis*. Ed. by C. Equit, C. Hohage. – Weinheim: Beltz Juventa, 2016. – S. 9-46.
36. Franke U. Die NATO nach 1989. Das Rätsel ihres Fortbestandes. – Wiesbaden: VS Verlag, 2010. – 340 S.

37. Franke U., Roos U. Rekonstruktive Ansätze in den Internationalen Beziehungen und der Weltpolitikforschung: Objektive Hermeneutik und Grounded Theory // Handbuch Internationale Beziehungen. Ed. by Frank Sauer, Carlo Masala. – Wiesbaden: Springer Fachmedien, 2017. – S. 619-640.
38. Früh M. Inhaltsanalyse. Theorie und Praxis. – Konstanz: UVK Verlagsgesellschaft mbH, 2004. – 283 S.
39. George A. The Operational Code: A Neglected Approach to the Study of Political Leaders and Decision Making // International Studies Quarterly. – 1969. – Vol. 23. – P. 190–222.
40. Glaser B., Strauss A. The discovery of Grounded Theory. Strategies for qualitative research. – New Brunswick: Aldine Transaction, 1967. – 272 p.
41. Hafner-Burton E.M., Hughes A., Victor D.G. The Cognitive Revolution and the Political Psychology of Elite Decision Making // Perspectives on Politics. – 2013. – Vol. 11. – No. 2. – P. 368-386.
42. Hastorf A., Cantril H. They Saw a Game: A Case Study // Journal of Abnormal Psychology. – 1954. – Vol. 49 (1). – P. 129-134.
43. Hellmann G. Pragmatismus in den Internationalen Beziehungen // Handbuch Internationale Beziehungen. Ed. by Frank Sauer, Carlo Masala. – Wiesbaden: Springer Fachmedien, 2017. – S. 359-398.
44. Hermann M.G. Content Analysis // Qualitative Methods in International Relations. A Pluralist Guide. Ed. by A. Klotz, D. Prakash. – Basingstoke: Palgrave, 2009. – P. 151-167.
45. Hermann M.G. Explaining Foreign Policy Behavior Using the Personal Characteristics of Political Leaders // International Studies Quarterly. – 1980. – Vol. 24. – No. 1. – P. 7-46.
46. Hermann M.G., Hermann C.F. Who Makes Foreign Policy Decisions and How: An Empirical Inquiry // International Studies Quarterly. – 1989. – Vol. 33. – No. 4. – P. 361-387.

47. Hermann M.G., Preston T., Korany B., Shaw T.M. Who Leads Matters: The Effects of Powerful Individuals // *International Studies Review*. – 2001. – Vol. 3. – No. 2. – P. 83-131.
48. Herrmann R.K. Perceptions and Image Theory in International Relations // *The Oxford Handbook of Political Psychology*. Ed. by L. Huddy, D. Sears, J. Levy. – Oxford: Oxford University Press, 2013. – P. 334-363.
49. Heuer R.J. *Psychology of intelligence analysis*. – Washington: Pherson Associates, 1999. – 210 p.
50. Holsti O. *Making American foreign policy*. – New York: Routledge, 2006. – 400 p.
51. Jervis R. Do Leaders Matter and How Would We Know? // *Security Studies*. – 2013. – Vol. 22. – P. 153-179.
52. Jervis R. *How Statesmen Think. The Psychology of International Politics*. – Princeton: Princeton University Press, 2017. – 285 p.
53. Jervis R. *Perception and Misperception in International Politics*. – Princeton: Princeton University Press, 2017. – 445 p.
54. Jervis R. Understanding Beliefs // *Political Psychology*. – 2006. – Vol. 27. – No. 5. – Pp. 641-663.
55. Kahneman D. *Thinking, Fast and Slow*. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2011. 499 p.
56. Kelle U. The Status of Theories and Models in Grounded Theory / *The SAGE Handbook of current developments in Grounded Theory*. Ed. by A. Bryant. – London: SAGE, 2019. – P. 68-88.
57. Krippendorff K. *Content Analysis. An Introduction to its Methodology*. – London: SAGE, 2004. – 411 p.
58. Kunda Z. The Case for Motivated Reasoning // *Psychological Bulletin*. – 1990. – Vol. 108. – No. 3. – P. 480-498.
59. Landwehr A. *Historische Diskursanalyse*. – Frankfurt-am-Main: Campus Verlag, 2009. – 187 S.

60. Levy J.S. Psychology and Foreign-Policy Decision Making // The Oxford Handbook of Political Psychology. Ed. by L. Huddy, D. Sears, J. Levy. – Oxford: Oxford University Press, 2013. – P. 301-333.
61. McBride D.M., Cooper Cutting J. Cognitive Psychology. Theory, Process and Methodology. – London: SAGE, 2019. – 408 p.
62. McDermott R. Political Psychology in International Relations. – Ann Arbor: The University of Michigan Press, 2004. – 310 p.
63. Mercier H. Confirmation bias – myside bias // Cognitive Illusions. Intriguing phenomena in thinking, judgment and memory. Ed. by R.F. Pohl. – London-New York: Routledge, 2017. – P. 99-114.
64. Mintz A., DeRouen K. Understanding foreign policy decision-making. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010. – 224 p.
65. Munro G.D., Ditto P.H. Biased Assimilation, Attitude Polarization, and Affect in Reactions to Stereotype-Relevant Scientific Information // Personality and Social Psychology Bulletin. – 1997. – Vol. 23. – No. 6. – P. 636-653.
66. Panetta G. EU-Sicherheitspolitik als Stabilisierungsarbeit. Eine Grounded-Theory-Studie. – Wiesbaden: Springer VS, 2013. – 232 p.
67. Pocock J.G.A. Concepts and Discourses: A Difference in Culture? Comment on a Paper by Melvin Richter. // The meaning of historical terms and concepts. New studies of Begriffsgeschichte. Ed. by H. Lehmann and M. Richter. – Washington: German Historical Institute, 1996. – P. 47-58.
68. Ralston S. Pragmatism in International Relations: Theory and Research // Eidos. – 2011. – No. 14. – P. 72-105.
69. Reichertz J. Wilz S. Welche Erkennungstheorie liegt der GT zugrunde? // Handbuch Grounded Theory. Von der Methodologie zur Forschungspraxis. Ed. by C. Equit, C. Hohage. – Weinheim: Beltz Juventa, 2016. – S. 48-66.
70. Richards C., Farrokhnia F. Optimizing Grounded Theory for Policy Research: A Knowledge-Building Approach to Analyzing WTO E-Commerce Policies // International Journal of Qualitative Methods. – 2016. – Vol. 1. – P. 1–14.

71. Roos U. Deutsche Außenpolitik. Eine Rekonstruktion der grundlegenden Handlungsregeln. – Wiesbaden: VS Verlag, 2010. – 372 S.
72. Roos U. Einleitung: Arenen, Diskurse und grundlegende Handlungsregeln deutscher Außenpolitik. // Deutsche Außenpolitik. Arenen, Diskurse und grundlegende Handlungsregeln. – Wiesbaden: Springer VS, 2017. – S. 1-12.
73. Roos U. Grounded Theory als Instrument der Weltpolitikforschung. Die Rekonstruktion außenpolitischer Kultur als Beispiel // Rekonstruktive Methoden der Weltpolitikforschung. Anwendungsbeispiele und Entwicklungstendenzen. – Baden-Baden: Nomos, 2013. – S. 309-348.
74. Rosenberg P. The Belief System of Harry S. Truman and Its Effect on Foreign Policy Decision-Making during His Administration // Presidential Studies Quarterly. – 1982. – Vol. 12. – No. 2. – P. 226-238.
75. Schafer M., Walker S.G. Operational Code Analysis at a Distance: the Verbs in Context System of Content Analysis // Beliefs and Leadership in World Politics. Methods and Applications of Operational Code Analysis. Ed. by Mark Schafer and Stephan G. Walker. – New York: Palgrave Macmillan, 2006. – P. 25-52.
76. Schreier M. Qualitative Content Analysis in Practice. – London: SAGE, 2012. – 272 p.
77. Spencer A.R. American Pragmatism. An Introduction. – Cambridge: Polity, 2020. – 224 p.
78. Stein J.G. Threat Perception in International Relations // The Oxford Handbook of Political Psychology. Ed. by L. Huddy, D. Sears, J. Levy. – Oxford: Oxford University Press, 2013. – P. 364-394.
79. Strübing J. Zwei Varianten von Grounded Theory!? Zu den methodologischen und methodischen Differenzen zwischen Barney Glaser und Anselm Strauss. // Grounded Theory Reader. Hrsg. von G. Mey, K. Mruck. – Wiesbaden: VS Verlag, 2011. – S. 261-278.
80. Tetlock P. Expert Political Judgment. How Good It Is? How Can We Know? – Princeton: Princeton University Press, 2017. – 344 p.

81. The Challenges to and Future(s) of Grounded Theory // Developing Grounded Theory. The Second Generation Revisited. L., 2022. Pp. 289-320.
82. The Maturation of Grounded Theory // Developing Grounded Theory. The Second Generation Revisited. Ed. by Janice M. Morse et al. – London: SAGE, 2022. – P. 3-22.
83. Titscher S., Wodak R., Meyer M., Vetter E. Methoden der Textanalyse: Leitfaden und Überblick. – Wiesbaden: Westdeutscher Verlag, 1998. – 376 S.
84. Urquhart C. Grounded Theory's Best Kept Secret: The Ability to Build Theory // The SAGE Handbook of current developments in Grounded Theory. Ed. by A. Bryant. – London: SAGE, 2019. – P. 89-106.
85. Van Esch, F.A.W.J. Why Germany wanted EMU. The Role of Helmut Kohl's Belief-System and the Fall of the Berlin Wall // German Politics. – 2012. – Vol. 21(1). – P. 34-52.
86. Walton D. Abductive Reasoning. Tuscaloosa: University of Alabama Press, 2005. – 320 p.

Исторические исследования

84. Бодров А.В., Власов Н.А. Накануне юбилея: современная немецкая и французская историография Франко-германской войны 1870-71 гг. // Французский ежегодник. – 2020. – Т. 53. – С. 314-333.
85. Виноградов К.Б. Мировая политика 60-80-х годов XIX века. События и люди. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1991. – 168 с.
86. Власов Н.А. Альфред фон Вальдерзее // Вопросы истории. – 2018. – №8. – С. 26-42.
87. Власов Н.А. Бисмарк. – М.: Молодая гвардия, 2023. – 441 с.
88. Власов Н.А. Бисмарк. «Железный канцлер». – М.: Яуза-каталог, Якорь, 2018. – 431 с.
89. Власов Н.А. «Взаимные услуги»: баланс российско-германских отношений XIX века глазами Отто фон Бисмарка // Клио. – 2021. – №3. – С. 71-76.

90. Власов Н.А. «Война против России, даже победоносная, будет... нежелательным событием». Оценка Российской империи высшим военно-политическим руководством Германии в 1871-1890 гг. как потенциального противника // Военно-исторический журнал. – 2022. – №4. – С. 56-67.
91. Власов Н.А. Ганс Лотар фон Швейниц и представления Отто фон Бисмарка о России // Клио. – 2022. – №1. – С. 167-171.
92. Власов Н.А. Гельмут фон Мольтке. Полководец индустриальной эпохи. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2011. – 355 с.
93. Власов Н.А. Германия Бисмарка. Империя в центре Европы. – СПб.: Наука, 2018. – 207 с.
94. Власов Н.А. Друг Бисмарка: граф Александр Кейзерлинг // Клио. – 2020. – №8. – С. 182-188.
95. Власов Н.А. Канцлерские амбиции Альфреда фон Вальдерзее (личный дневник как исторический источник) // Диалог со временем. – 2021. – Вып. 77. – С. 351-361.
96. Власов Н.А. Крушение российского императорского поезда 17 октября 1888 года в германской прессе конца XIX века // Научный диалог. – 2025. – Том 14. – Вып. 4. – С. 406-421.
97. Власов Н.А. Личностный фактор во внешней политике Германской империи 1871-1890 гг. // Исторический бюллетень. – 2022. – Том 5. – №3. – С. 108-113.
98. Власов Н.А. Михаил Никифорович Катков глазами Отто фон Бисмарка // Клио. – 2023. – №6. – С. 83-87.
99. Власов Н.А. «Никогда не воюйте с Россией»? Отто фон Бисмарк и перспектива российско-германской войны: апокрифы и реальность. // Клио. – 2017. – №2. – С. 127-133.
100. Власов Н.А. Образ России в германских парламентских дискуссиях 1880-х годов // Клио. – 2025. – № 2. – С. 66-71.
101. Власов Н.А. Образ России в мировоззрении Отто фон Бисмарка // Былые годы. – 2020. – Том 58. – № 4. – С. 2720-2728.

102. Власов Н.А. Образ российского панславизма в германских парламентских дебатах последней трети XIX века // Вестник Брянского государственного университета. – 2024. – № 3. – С. 20-28.
103. Власов Н.А. Образ российского панславизма в германской официозной прессе конца XIX века // Научный диалог. – 2023. – Т. 12. – № 10. – С. 326-343.
104. Власов Н.А. Образ российского панславизма в публицистике Юлиуса фон Эккардта // Петербургский исторический журнал. – 2023. – № 4. – С. 53–63.
105. Власов Н.А. Образ российского панславизма у германской военно-политической элиты 1870–1880-х гг. // Диалог со временем. – 2023. – Вып. 84. – С. 297-307.
106. Власов Н.А. Образ Российской империи в восприятии Бисмарка и оценке германской прессы 1880-х годов: был ли «железный канцлер» знатоком России? // Диалог со временем. – 2025. – Вып. 92. – С. 388-404.
107. Власов Н.А. Отто фон Бисмарк и австро-германский союз 1879 года: личные взгляды и политическое решение // Клио. – 2022. – №7. – С. 37-43.
108. Власов Н.А. Отто фон Бисмарк и его восприятие России в годы дипломатической миссии в Петербурге в 1850-х гг. // Вестник Брянского государственного университета. – 2023. – № 2(56). – С. 53-58.
109. Власов Н.А. «Панслависты сейчас задают тон в России»: образ Российской империи в германской либеральной прессе начала 1880-х годов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 5. – С. 89–101.
110. Власов Н.А. Политические партии Германской империи в начале 70-х годов XIX века // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. – 2004. – Выпуск 1-2. – С. 68-73.
111. Власов Н.А. Поляки и «польский вопрос» в представлениях Отто фон Бисмарка // Манускрипт. – 2021. – Т. 14. – № 6. – С. 1093-1096.
112. Власов Н.А. «Расовая теория» Отто фон Бисмарка // Вопросы истории. – 2020. – №12-1. – С. 246-254.

113. Власов Н.А. «Россия – единственная держава, от которой можно ждать нарушения мира»: «русская угроза» в представлениях Отто фон Бисмарка в 1880-е гг. // Петербургский исторический журнал. – 2022. – №2 (34). – С. 101-109.
114. Власов Н.А. Россия глазами Бисмарка. – СПб.: Евразия, 2021. – 286 с.
115. Власов Н.А. «Славяне непобедимы»: вымышленные цитаты Отто фон Бисмарка в современной России // Новая и новейшая история. – 2022. – №3. – С. 117-124.
116. Власов Н.А. У истоков германского парламентаризма: Проблема имперского военного закона 1871-1874. – СПб.: Издательство СПбГУ, 2006. – 303 с.
117. Власов Н.А., Бодров А.В., Адамова Н.Э., Смирнова О.В. Образ российского панславизма в Германии, Великобритании и Франции в конце XIX века. // Былые годы. – 2024. – Том 19. Вып. 3. – С. 1345-1355.
118. Власов Н.А., Колосков Е.А. Образы российских панславистов в Германской империи 1880-х годов. // Научный диалог. – 2024. – Т. 13. Вып. 6. – С. 322-343.
119. Дударев В.С. Бисмарк и Россия. 1851-1871 гг. – СПб.: Алетейя, 2021. – 677 с.
120. Дударев В.С. На пути построения нового общества. Крестьянская реформа в России в восприятии Отто фон Бисмарка // Преподаватель XXI век. – 2015. – №4-2. – С. 281-288.
121. Дударев В.С. Образ России в корреспонденции прусского посланника в Санкт-Петербурге Отто фон Бисмарка // Россия в мире. Образы и грани взаимодействия. – М.: Весь мир, 2019. – С. 53-72.
122. Дударев В.С. Отто фон Бисмарк и российское направление внешней политики Прусского королевства. 1851-1871 гг. Дисс. на соискание ученой степени доктора исторических наук. – М., 2023. – 854 с.
123. Дударев В.С. Петербургская миссия Отто фон Бисмарка. 1859-1962. Дипломатическая ссылка или политический успех? – СПб.: Алетейя, 2013. – 304 с.

124. Ерусалимский А.С. Бисмарк: дипломатия и милитаризм. – М.: Наука, 1968. – 283 с.
125. Заиченко О.В. «Варвар у ворот» или «гарант европейской безопасности». Россия в немецком внешнеполитическом дискурсе накануне Крымской войны // Россия XXI. – 2017. – № 3. – С. 18-47.
126. Заиченко О.В. «Нас считают гуннами...»: рост антирусских настроений в Германии в 30–40 годы XIX века и ответная реакция правящих кругов России // Россия XXI. – 2021. – № 4. – С. 54-79.
127. Заиченко О.В. Немецкая публицистика и формирование образа России в общественном мнении Германии в первой половине XIX века. – Дисс. на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – М., 2004. – 317 с.
128. Заиченко О.В. Немецкий внешнеполитический дискурс второй четверти XIX в. Возрождение комплекса «русской угрозы» // Вопросы истории. – 2021. – №11-3. – С. 4-21.
129. Заиченко О.В. Образ России в Германии в первой половине XIX века (на материале либеральной публицистики) // Россия и Германия. Вып. 2. – М.: Институт всеобщей истории РАН, 2001. – С. 92-109.
130. Заиченко О.В. Убежище от страхов и проекция надежд. Русский миф как элемент консервативного «стиля мышления» в Германии во второй четверти XIX века // Россия XXI. – 2018. – № 5. – С. 100-123.
131. Заиченко О.В. Формирование образа России как части консервативного мировоззрения (на примере Германии первой половины XIX века) // Россия и Германия. Вып. 4. – М.: Институт всеобщей истории РАН, 2007. – С. 22-52
132. Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. М.: Просвещение, 1968. – 368 с.
133. Иваняков Р.И. Бисмарк в Петербурге: политическая деятельность О. Бисмарка в период пребывания на посту посланника в Санкт-Петербурге (1859-1862 гг.). – Псков: Редакционно-издательский отдел Псковского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний, 2008. – 220 с.

134. Калинин Л.А. К истории развития взглядов Канта на расы и процесс расообразования // Кантовский сборник. – 1997. – Вып. 1(20). – С. 144-147.
135. Ключевский В.О. Сочинения в 9-ти томах. Том V. Курс русской истории. – М.: Мысль, 1989. – 476 с.
136. Луков В.Б., Сергеев В.М. Опыт моделирования мышления исторических деятелей: Отто фон Бисмарк, 1866—1876 гг. // Вопросы кибернетики. – 1983. – Вып. 95. Логика рассуждений и её моделирование. – С. 148-161.
137. Максимычев И. Россия – Германия. Война и мир. От мировых войн к европейской безопасности. – М.: Книжный мир, 2014. – 509 с.
138. Медяков А.С. «Наш Бисмарк»? Россия в политике и взглядах «железного канцлера» Германии // Российская история. – 2015. – №6. – С. 63-84.
139. Нарочницкая Л.И. Россия и войны Пруссии в 60-х годах XIX в. за объединение Германии «сверху». – М.: Госполитиздат, 1960. – 287 с.
140. Нольде Б.Э. Петербургская миссия Бисмарка 1859-1862. Россия и Европа в начале царствования Александра II. – Прага: Пламя, 1925. – 302 с.
141. Павлов Н.В. Россия и Германия: несостоявшийся альянс. – М.: Аспект Пресс, 2017. – 558 с.
142. Райков Б.Е. Русские биологи-эволюционисты до Дарвина. Материалы к истории эволюционной идеи в России. Том IV. – М.-Л.: Издательство АН СССР, 1959. – 678 с.
143. Ренненкампф В. Конституционные начала и политические воззрения князя Бисмарка. – Киев: Товарищество печатного дела и торговли И.Н. Кушнерев и Ко в Москве, Киевское отделение, 1890. – 414 с.
144. Сказкин С.Д. Конец австро-русско-германского союза. Исследование по истории русско-германских и русско-австрийских отношений в связи с восточным вопросом в 80-е годы XIX столетия. – М.: Наука, 1974. – 272 с.
145. Субботин Ю.Ф. Россия и Германия: партнеры и противники (торговые отношения в конце XIX в. – 1914 г.). – М.: ИРИ, 1996. – 271 с.

146. Тэйлор А.Дж.П. Борьба за господство в Европе 1848-1918. – М.: Издательство иностранной литературы, 1958. – 634 с.
147. Чубинский В.В. Бисмарк. Политическая биография. – М.: Мысль, 1988. – 415 с.
148. Шнеерсон Л.М. Австро-прусская война 1866 года и дипломатия великих европейских держав. – Минск: Издательство Министерства высш., сред. спец. и проф. образования БССР, 1962. – 351 с.
149. Шнеерсон Л.М. На перепутье европейской политики. Австро-русско-германские отношения 1871-1875. – Минск: Университетское, 1984. – 207 с.
150. Шнеерсон Л.М. Франко-прусская война и Россия. Из истории русско-прусских и русско-французских отношений в 1867-1871 гг. – Минск: Издательство БГУ, 1976. – 304 с.
151. Bartlett R. Graf Alexander Keyserlings Beziehungen zum russischen Kaiserhof // Baltisches Welterlebnis. Die kulturgeschichtliche Bedeutung von Alexander, Eduard und Hermann Graf Keyserling. – Heidelberg: Universitätsverlag Winter GmbH Heidelberg, 2007. – S. 25-40.
152. Baumgart W. Europäisches Konzert und nationale Bewegung. Internationale Beziehungen 1830–1878. – Paderborn: Ferdinand Schöningh, 1999. – 600 S.
153. Baumgarten O. Bismarcks Religion. – Göttingen: Vandenhoeck&Ruprecht, 1922. – 154 S.
154. Bender K. Vossische Zeitung, Berlin (1617-1934) / Deutsche Zeitungen des 17. bis 20. Jahrhunderts. – Pullach bei München: Verlag Dokumentation, 1972. – S. 25-40.
155. Beyrau D. Russische Orientpolitik und die Entstehung des deutschen Kaiserreiches 1866-1870 /71. – Wiesbaden: Harrassowitz in Komm., 1974. – 308 S.
156. Biefang A. Der Reichstag als Symbol politischer Nation. Parlament und Öffentlichkeit 1867–1890 / Regierung, Parlament und Öffentlichkeit im Zeitalter Bismarcks. Politikstile im Wandel. – Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2003. – S. 23–42.

157. Binger M. Das Polenbild Otto von Bismarcks. – München: GRIN Verlag, 2011. – 56 S.
158. Bräuer J. Das Russlandbild des Julius von Eckardt (1836-1908). – München: LIT-Verlag, 2005. – 296 S.
159. Bridge F.R., Bullen R. The Great Powers and the European States System 1814-1914. – Harlow: Pearson Education Ltd., 2005. – 365 p.
160. Burgaud S. La politique russe de Bismarck et l'unification allemande. Mythe fondateur et réalités politiques. – Strasbourg: Presses Universitaires de Strasbourg, 2010. – 504 p.
161. Busch M. Unser Reichskanzler. Studien zu einem Charakterbilde. Bd. 2. – Leipzig: Verlag von Fr. Wilh. Grunow, 1884. – 439 S.
162. Canis K. Alfred von Waldersee. Außenpolitik und Präventivkriegsplanung in den achtziger Jahren / Gestalten der Bismarckzeit. – Bd. 1. – Berlin: Akademie-Verlag, 1987. – S. 404-425.
163. Canis K. Bismarck und der Wandel der deutsch-russischen Beziehungen // Otto von Bismarck und das „lange 19. Jahrhundert“. Lebendige Vergangenheit im Spiegel der „Friedrichsruher Beiträge“ 1996-2016. Hrsg. U. Lappenküper. – Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2017. – S. 261-279.
164. Canis K. Bismarcks Außenpolitik 1870-1890. Aufstieg und Gefährdung. – Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2008. – 449 S.
165. Cecil L. Wilhelm II. Prince and emperor 1859-1900. – Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1989. – 463 p.
166. Craig G.A. Military Diplomats in the Prussian and German Service: The Attachés, 1816-1914 // Political Science Quarterly. Vol. 64. 1949, No. 1. P. 65-94.
167. Deininger H. Frankreich – Rußland – Deutschland 1871-1891. Die Interdependenz von Außenpolitik, Wirtschaftsinteressen und Kulturbeziehungen im Vorfeld des russisch-französischen Bündnisses. – München: R. Oldenbourg Verlag, 1983. – 340 S.
168. Ebel W. Bismarck und Rußland vom Prager Frieden bis zum Ausbruch des Krieges von 1870. – Gelnhausen: F.W. Kalbfleisch, 1936. – 73 S.

169. Engelberg E. Bismarck. Das Reich in der Mitte Europas. – Berlin: Siedler Verlag, 1990. – 731 S.
170. Engelberg E. Bismarck. Sturm über Europa. – München: Siedler Verlag, 2014. – 864 S.
171. Engelberg E. Bismarck. Urpreuße und Reichsgründer. – Berlin: Siedler Verlag, 1985. – 839 S.
172. Fehling M. Bismarcks Geschichtskennntnis. – Stuttgart: Cotta, 1922. – 126 S.
173. Feldman J. Bismarck und Polen. – Berlin: Publikationsstelle des Preussischen Geheimen Staatsarchivs, 1938. – 412 S.
174. Fornaschon W. Die politischen Anschauungen des Grafen Alfred von Waldersee und seine Stellungnahme zur deutschen Politik. – Göttingen: Dr. Emil Elbering, 1935. – 182 S.
175. Frie E. Das gesellschaftliche Gefüge im Denken Bismarcks // Überzeugungen, Wandlungen und Zuschreibungen. Das Staatsverständnis Otto von Bismarcks. Hrsg. Dr. Ulrich Lappenküper, Dr. Ulf Morgenstern. – Baden-Baden: Nomos, 2019. – S. 143-158.
176. Fritscher B. Naturforschung im Geiste Alexander von Humboldts. Alexander Keyserling und die Entwicklung der Erdwissenschaften in Rußland // Baltisches Welterlebnis. Die kulturgeschichtliche Bedeutung von Alexander, Eduard und Hermann Graf Keyserling. – Heidelberg: Universitätsverlag Winter GmbH Heidelberg, 2007. – S. 71-84.
177. Gall L. Bismarck. Der weisse Revolutionär. – München: Ullstein Verlag, 2002. – 927 S.
178. Gall L. Bismarcks Preußen, das Reich und Europa // Gall L. Bürgertum, Liberale Bewegung und Nation. Ausgewählte Aufsätze. – München: De Gruyter Oldenbourg, 1996. – S. 217-233.
179. Garleff M. Deutschbalten zwischen den Kulturen // Russen und Rußland aus deutscher Sicht. 19./20. Jahrhundert: Von der Bismarckzeit bis zum Ersten Weltkrieg. Hrsg. v. M. Keller. – München: Wilhelm Fink Verlag, 2000. – S. 427-481.

180. Garleff M. Julius Eckardt in Deutschland // Zeitschrift für Ostforschung. – Bd. 33. – 1984. – Nr. 4. – S. 534-550.
181. Garleff M. Zum Rußlandbild Julius von Eckardts // Kieler Historische Studien. – Bd. 22. Rußland und Deutschland. – Stuttgart, 1974. – S. 206-224.
182. Gehler M. Otto von Bismarck und die Europa-Ideen im Zeichen des nationalstaatlichen Prinzips // Realpolitik für Europa – Bismarcks Weg. Hrsg. v. U. Lappenküper, K. Urbach. – Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2016. – S. 87-116.
183. Geiss I. German Foreign Policy 1871-1914. – London-Boston: Routledge&Kegan Paul, 1976. – 259 p.
184. Haffer D. Europa in den Augen Bismarcks. Bismarcks Vorstellungen von der Politik der europäischen Mächte und vom europäischen Staatensystem. – Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2010. – 723 S.
185. Heinze G. Bismarck und Rußland bis zur Reichsgründung. – Würzburg-Aumühle: Verlag Konrad Triltsch, 1939. – 109 S.
186. Helms A. Bismarck und Rußland. – Bonn: Verein Studentenwohl, 1927. – 203 S.
187. Hildebrand K. Bismarck und Russland. Aspekte der deutsch-russischen Beziehungen 1871-1890 // Otto von Bismarck und das „lange 19. Jahrhundert“. Lebendige Vergangenheit im Spiegel der „Friedrichsruher Beiträge“ 1996-2016. Hrsg. U. Lappenküper. – Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2017. – S. 454-466.
188. Hildebrand K. Das vergangene Reich. Deutsche Außenpolitik von Bismarck bis Hitler 1871-1945. – Stuttgart: Verlag W. Kohlhammer, 1995. – 231 S.
189. Hintze O. Die Hohenzollern und ihr Werk. – Berlin: Verlag von Paul Parey, 1916. – 704 S.
190. Hoquet T. Biologization of the race and racialization of the human // The invention of race. Scientific and popular representations. – New York: Routledge, 2014. – P. 17-32.
191. Kastl J. Am straffen Zügel. Bismarcks Botschafter in Rußland, 1871-1892. – München: Olzog Verlag, 1994. – 240 S.

192. Koch F. Bismarck über die Polen. – Berlin: Deutscher Ostmarken-Verein, 1913. – 150 S.

193. Kolb E. Moritz Busch – Porträtist Bismarcks // Otto von Bismarck und das „lange 19. Jahrhundert“. Lebendige Vergangenheit im Spiegel der „Friedrichsruher Beiträge“ 1996-2016. Hrsg. U. Lappenküper. – Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2017. – S. 704-745.

194. Kopelew L. Am Vorabend des großen Krieges // Russen und Rußland aus deutscher Sicht. 19./20. Jahrhundert: Von der Bismarckzeit bis zum Ersten Weltkrieg. Hrsg. v. M. Keller. – München: Wilhelm Fink Verlag, 2000. – S. 11-109.

195. Kopelew L. Zunächst war Waffenbrüderschaft // Russen und Rußland aus deutscher Sicht. 19. Jahrhundert: von der Jahrhundertwende bis zur Reichsgründung (1800-1871). Hrsg. v. M. Keller. – München: Wilhelm Fink Verlag, 1992. – S. 11-82.

196. Koszyk K. Deutsche Presse im 19. Jahrhundert. – Berlin: Colloquium Verlag, 1966. – 372 S.

197. Kraus H.-C. Leopold von Gerlach – ein Rußlandanwalt // Russen und Rußland aus deutscher Sicht. 19. Jahrhundert: von der Jahrhundertwende bis zur Reichsgründung (1800-1871). Hrsg. v. M. Keller. – München: Wilhelm Fink Verlag, 1992. – S. 636-661.

198. Kraus H.-C. Bismarck und die preußischen Konservativen // Otto von Bismarck und das „lange 19. Jahrhundert“. Lebendige Vergangenheit im Spiegel der „Friedrichsruher Beiträge“ 1996-2016. Hrsg. U. Lappenküper. – Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2017. – S. 226-250.

199. Kumpf-Korfes S. Bismarcks „Draht nach Rußland“. Zum Problem der sozial-ökonomischen Hintergründe der russisch-deutschen Entfremdung in Zeitraum von 1878 bis 1891. – Berlin: Akademie-Verlag, 1968. – 219 S.

200. Lammich M. Das deutsche Osteuropabild in der Zeit der Reichsgründung. – Boppard am Rhein: Harald Boldt, 1978. – 298 S.

201. Lappenküper U. Bismarck und Asien // Realpolitik für Europa – Bismarcks Weg. Hrsg. v. U. Lappenküper, K. Urbach. – Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2016. – S. 209-236.

202. Lappenküper U. Bismarck und Frankreich. Chancen und Grenzen // Otto von Bismarck und das „lange 19. Jahrhundert“. Lebendige Vergangenheit im Spiegel der „Friedrichsruher Beiträge“ 1996-2016. Hrsg. U. Lappenküper. – Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2017. – S. 626-647.

203. Lappenküper U. Die deutsch-russischen Beziehungen nach der Reichsgründung // Otto von Bismarck und das „lange 19. Jahrhundert“. Lebendige Vergangenheit im Spiegel der „Friedrichsruher Beiträge“ 1996-2016. Hrsg. U. Lappenküper. – Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2017. – S. 251-260.

204. Lappenküper U. Die Mission Radowitz. Untersuchungen zur Russlandpolitik Otto von Bismarcks (1871-1875). – Göttingen: Vandenhoeck&Ruprecht, 1990. – 597 S.

205. Lappenküper U. Eine (Groß-)Macht in der Mitte anderer. Bismarcks Staatsdenken in europäischen und globalen Bezügen // Überzeugungen, Wandlungen und Zuschreibungen. Das Staatsverständnis Otto von Bismarcks. Hrsg. Dr. Ulrich Lappenküper, Dr. Ulf Morgenstern. – Baden-Baden: Nomos, 2019. – S. 37-60.

206. Lehfelddt W. Bismarck und die russische Sprache. – Göttingen, 2002. – 29 S.

207. Liszkowski U. Von dynastischen Brücken zu Schutzdeichen gegen die russische Gefahr – Bismarcks Rußlandbild // Rußland und Russen aus deutscher Sicht. 19./20. Jahrhundert: Von der Bismarckzeit bis zum Ersten Weltkrieg. Hrsg. v. M. Keller. – München: Wilhelm Fink Verlag, 2000. – S. 111-145.

208. Marcks E. Bismarck. Eine Biographie. Bd. 1. Bismarcks Jugend 1815-1848. – Stuttgart: J.G. Cotta'sche Buchhandlung Nachfolger, 1909. – 476 S.

209. Müller-Link H. Industrialisierung und Außenpolitik. Preußen-Deutschland und das Zarenreich von 1860 bis 1890. – Göttingen: Vandenhoeck&Ruprecht, 1977. – 506 S.

210. Muskat H. Bismarck und die Balten. Ein geschichtlicher Beitrag zu den deutsch-baltischen Beziehungen. – Berlin: Verlag Dr. Emil Ebering, 1934. – 152 S.

211. Neumann I.B. Uses of the Other. "The East" in European Identity Formation. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1998. – 300 p.

212. Nipperdey T. Deutsche Geschichte 1866-1918. Bd. 2. Machtstaat vor der Demokratie. – München: Verlag C.H. Beck, 1998. – 948 S.
213. Nübel C. Der Staat gestützt auf Blut und Eisen. Das Militär im Staatsdenken Bismarcks. // Überzeugungen, Wandlungen und Zuschreibungen. Das Staatsverständnis Otto von Bismarcks. Hrsg. Dr. Ulrich Lappenküper, Dr. Ulf Morgenstern. – Baden-Baden: Nomos, 2019. – S. 103-128.
214. Odenwald-Varga S. „Volk“ bei Otto von Bismarck. Eine historisch-semanticische Analyse anhand von Bedeutungen, Konzepten und Topoi. – Berlin-New York: Walter de Gruyter, 2009. – 637 S.
215. Oncken H. Ein Freund Bismarcks: Graf Alexander Keyserling // Oncken H. Historisch-politische Aufsätze und Reden. Bd. 2. – München-Berlin: R. Oldenbourg, 1914. – S. 93-116.
216. Pflanze O. Bismarck. Der Reichsgründer. – München: Verlag C.H. Beck, 2008. – 906 S.
217. Pflanze O. Bismarck. Der Reichskanzler. – München: Verlag C.H. Beck, 2008. – 808 S.
218. Pistohlkors G.v. Deutsche Geschichte im Osten Europas. Baltische Länder. – Berlin: Siedler, 1994. – 607 S.
219. Rachfahl F. Bismarck und das Slawentum // Das Bismarck-Jahr. Eine Würdigung Bismarcks und seiner Politik in Einzelschilderungen. Hrsg. M. Lenz, E. Marcks. – Hamburg: Verlagsbuchhandlung Broschek&Co, 1915. – S. 99-118.
220. Reuther F. Das Rußlandbild der „Historisch-politischen Blätter für das katholische Deutschland“ im Vormärz: Ein Beitrag zur historischen Stereotypenforschung // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. – 1991. – Bd. 39. – Heft 2. – S. 177-198.
221. Reynaud-Paligot C. Construction and circulation of the notion of “race” in the nineteenth century // The invention of race. Scientific and popular representations. – New York: Routledge, 2014. – Pp. 87-99.

222. Robolsky H. Bismarck und Rußland. Enthüllungen über die Beziehungen Deutschlands und Rußlands von 1859 bis heute. – Berlin: Richard Eckstein Nachfolger, 1887. – 268 S.
223. Röhl J.C.G. Germany without Bismarck. The Crisis of Government in the Second Reich, 1890-1900. – Berkeley: University of California Press, 1967. – 304 p.
224. Röhl J.C.G. Wilhelm II. Die Jugend des Kaisers 1859-1888. – München: C.H. Beck, 1993. – 980 S.
225. Röhl J.C.G. Wilhelm II. Der Aufbau der persönlichen Monarchie 1888-1900. – München: C.H. Beck, 2001. – 1437 S.
226. Rose A. Deutsche Außenpolitik in der Ära Bismarck (1862-1890). – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2013. – 139 S.
227. Scheller A. Bismarck und Rußland. – Marburg: R.G. Elwert'sche Verlagsbuchhandlung, 1926. – 113 S.
228. Schröder H.-H. „Tiefste Barbarei“, „höchste Civilisation“: Stereotypen im deutschen Russlandbild // Osteuropa. – 2010. – Bd. 60. – No. 10. – S. 83-100.
229. Schwidtal M., Undusk J. Baltische Herkunft, weltbürgerliche Gesinnung: die Familie Keyserling // Baltisches Welterlebnis. Die kulturgeschichtliche Bedeutung von Alexander, Eduard und Hermann Graf Keyserling. – Heidelberg: Universitätsverlag Winter GmbH Heidelberg, 2007. – S. 9-22.
230. Seggern A.v. Bismarck als Gutsherr // Otto von Bismarck und das „lange 19. Jahrhundert“. Lebendige Vergangenheit im Spiegel der „Friedrichsruher Beiträge“ 1996-2016. Hrsg. U. Lappenküper. – Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2017. – S. 806-821.
231. Stern F. Gold und Eisen. Bismarck und sein Bankier Bleichröder. – München: C.H. Beck, 2008. – 860 S.
232. Stürmer M. Das ruhelose Reich. – München: Siedler Verlag, 2004. – 445 S.
233. Trosclair W.J. Alfred von Waldersee, monarchist: his private life, public image, and the limits of his ambition, 1882-1891 // Louisiana State University. 2012. URL: http://digitalcommons.lsu.edu/gradschool_theses/2782. Дата доступа: 10.12.2017. – 214 p.

234. Ullrich N. Gesetzgebungsverfahren und Reichstag in der Bismarck-Zeit unter besonderer Berücksichtigung der Rolle der Fraktionen. – Berlin: Duncker&Humblot, 1996. – 174 S.

235. Ullrich V. Die nervöse Großmacht 1871-1918. Aufstieg und Untergang des deutschen Kaiserreichs. – Frankfurt-am-Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 2007. – 752 S.

236. Wegner-Korfes S. Zur Geschichte des Bismarckschen Lombardverbots für russische Wertpapiere (1887 bis 1894) // Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte. – 1982. – Bd. 32. – No. 3. – S. 55-78.

237. Wehler H.U. Bismarcks Imperialismus und späte Rußlandpolitik unter dem Primat der Innenpolitik // Das kaiserliche Deutschland. Politik und Gesellschaft 1870-1918. Hrsg. v. M. Stürmer. – Düsseldorf: Droste Verlag, 1970. – S. 235-264.

238. Wehler H.U. Das Deutsche Kaiserreich 1871-1918. – Göttingen: Vandenhoeck&Ruprecht, 1994. – 292 S.

239. Wehler H.U. Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Bd. 3. Von der „Deutschen Doppelrevolution“ bis zum Beginn des Ersten Weltkrieges, 1849-1914. – München: C.H. Beck, 2008. – 1515 S.

240. Wendt H. Bismarck und die polnische Frage. – Halle (Saale): Niemeyer Verlag, 1922. – 98 S.

241. Wolter H. Bismarcks Außenpolitik 1871-1881. Außenpolitische Grundlinien von der Reichsgründung bis zum Dreikaiserbündnis. – Berlin: Akademie-Verlag, 1983. – 379 S.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Общий вид базы данных

Визмаж и Россия								
Код	Цитат	Текст	Источник	Выходные д.	Год	Тема	Контекст	Примечания
1	3	Die guten brauchbaren Russen haben alle Ausguss von fremdem, in specie deutschem Blut. Er habe Gortschakow einmal gesagt: 'Könnten Sie sechzehn Stunden	Tischgespräch	WIA 3, 639	18.01.1876	Нация, Элита, Русские немцы		
2	1	Der russische Kaiser, der froh ist, wenn er seinen jetzigen Koloß zusammenhalten kann	Schreiben an die Redaktion der	WIA 1, 176	20.04.1848	Государство	О восставших поляках	
3	2	Schutz gegen Rußland brauchen wir aber von Polen nicht; wir sind uns selbst Schutz genug	Schreiben an die Redaktion der	WIA 1, 176	20.04.1848	РГО, Полки	О восставших поляках	
4	1	Vorher war ich bei einer Frau von Stallupin, junge Frau ohne Kinder, gutmütig wie alle Russinnen	Brief an die Gattin	WIA 1, 382	14.05.1851	Нация		
5	1	Die Verteidigung jener Politik von Frantz zu hören, habe ich besonders auch um deshalb bedauert, weil ich in seinen Äußerungen ein Echo von Mayendorffschen Ansichten zu	Privatschreiben an Manteuffel	WIA 1, 426	12.07.1851	Практики	Об австрийской надровой	Точный смысл выражения
6	1	Ohnehin ist die Politik des Kaisers Nikolaus vielmehr conservative Tendenz- als Eroberungspolitik; er hat Länder genug, um froh zu sein, wenn er sie gegen Zeitlauf geschützt	Privatschreiben an von Manteuffel	WIA 1, 496	23.10.1852	Россия в МО		
7	1	[Thun] nicht ganz frei von der übertölpelnden Bonhomie und slawischen Bauernklugheit seiner meisten Kollegen ist	Schreiben an von Manteuffel	WIA 1, 493	16.10.1852	Нация		
8	1	[Thun] ist ein Gemisch von ungehobelter Derbheit, die leicht für ehrliche Offenheit passirt, von aristokratischer Nonchalance und slavisch-bäuerlicher Schläuheit	Brief an Leopold von Gerlach	WIA 1, 405	22.06.1851	Нация		
9	2	[Rußland] ist für uns der wohlfeilste unter den Continentalen, da es nur im Orient zu wachsen verlangt, die beiden anderen aber direkt auf unsere Kosten	Brief an Leopold von Gerlach	WIA 1, 555	20.12.1853	РГО, Россия в МО	Начало Крымской войны	
10	2	Eine Schwächung Rußlands, durch die es unfähig würde, sich zu rächen, ließe sich nur durch die volle Herstellung Polens, und auch dadurch nicht sicher herbeiführen	Privatschreiben an Manteuffel	WIA 2, 18	17.06.1854	Россия в МО, Полки	Политика Пруссии в Крымской	
11	2	Rußlands europäisches Übergewicht im letzten Menschenalter beruhte ohne Zweifel mehr auf der Furcht der Fürsten vor der Revolution als auf der materiellen Gewalt, die	Privatschreiben an Manteuffel	WIA 2, 18	17.06.1854	Россия в МО, Государство		
12	2	ich gehöre nicht zu denen, welche die russischen Interessen mit unseren identificiren; im Gegenteil, Rußland hat viel an uns verschuldet; auch mit der Revolution, wenigstens mit der	Privatschreiben an Manteuffel	WIA 2, 41	09.12.1854	РГО, Война	Крымская война	

Приложение 2. Структура данных

График 2.1. Распределение высказываний по категориям

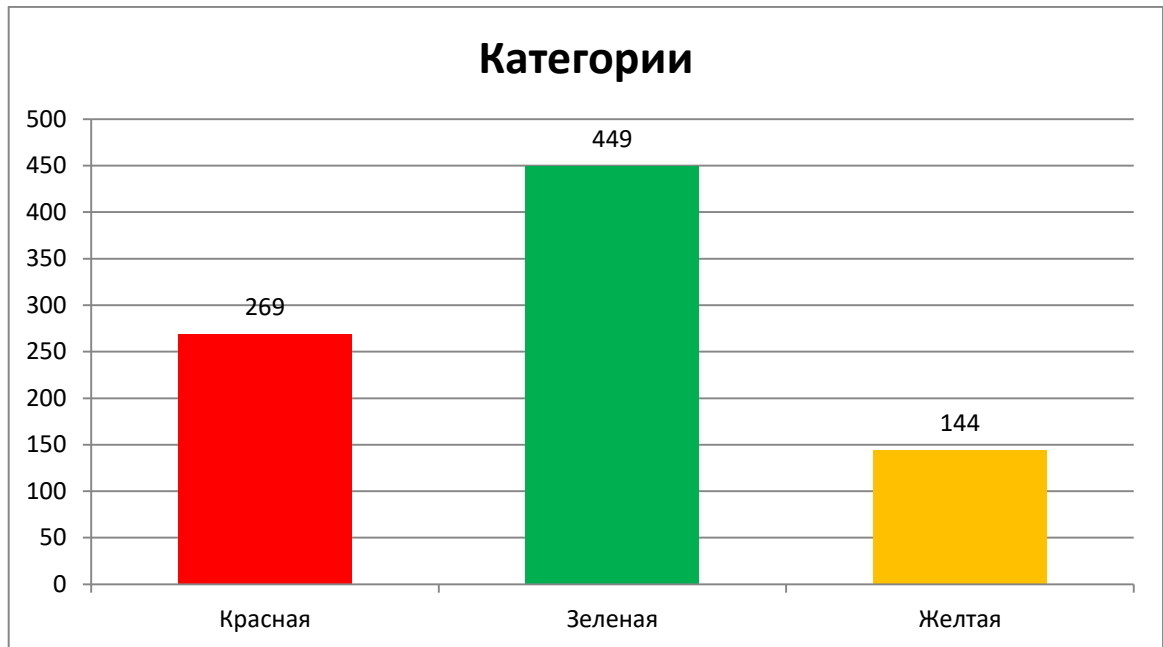

График 2.2. Распределение высказываний по периодам

График 2.3. Источники высказываний

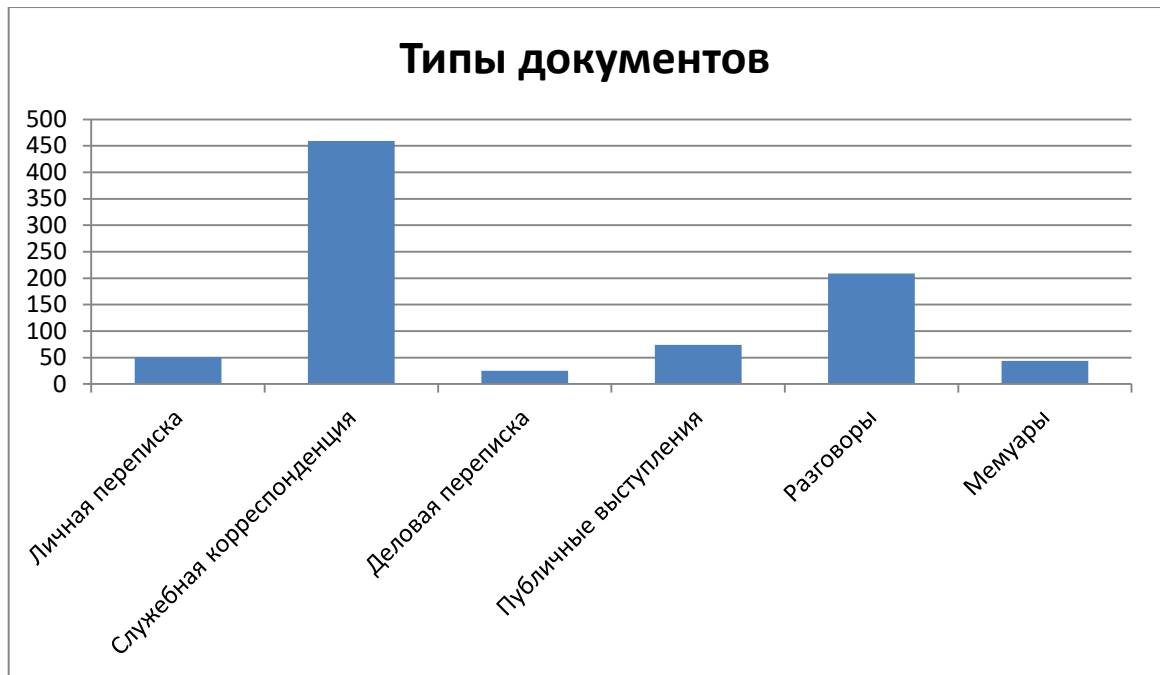

График 2.4. Тематика высказываний

